

■ Александр Кравчук ■

ГАЛЕРЕЯ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

Принципат

*250 лет римской истории в лицах:
от Октавиана Августа
до Александра Севера.*

■ Александр Кравчук ■

ГАЛЕРЕЯ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

Принципат

У-ФАКТОРИЯ
АСТРЕЛЬ

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32
К 78

Перевод с польского
В. С. Селивановой

Серийное оформление
А. А. Кудрявцева

Кравчук, А.

К78 Галерея римских императоров. Принципат / Александр Кравчук; пер. с польск. В. С. Селивановой. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. — 508,[4] с. — (Историческая библиотека).

Книга Александра Кравчука, крупнейшего польского ученого-историка, знатока Античности и известного писателя-популяризатора, представляет собой собрание очерков-портретов римских цезарей-принцевсов, как хорошо нам известных, так и тех, о которых мы можем найти лишь краткое упоминание в других исторических источниках. Как происходило становление величайшей римской империи? Что способствовало расцвету Рима? Что стало причиной его упадка?

Очерки Александра Кравчука — тот редкий случай, когда глубочайшее знание исторического материала счастливо сочетается с увлекательной формой интереснейшего чтения, рассчитанного на самый широкий круг читателей.

ISBN 978-5-9757-0496-2 (ООО «Агентство прав У-Фактория»)

ISBN 978-5-271-26532-7 (ООО «Издательство Астрель»)

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

© Aleksander Krawczuk, Poczet cesarzy rzymskich, 1986
© Селиванова В. С., пер. на рус. яз., 2009
© ООО «Агентство прав У-Фактория», 2009
© ООО «Издательство Астрель», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Римская империя — важнейшая эпоха в истории Древнего Рима, когда он достиг наибольшего расцвета во всех сферах. Формально Римская империя насчитывает почти пятнадцать столетий: с 27 года до н. э. до 1453 года н. э. Столь длительное время существования одного государственного строя — хотя его единство с некоторых пор стало почти символическим — можно разделить на три отдельных периода. Первый из них, называемый *принципатом*, насчитывает 250 лет: его начало связано с императором Августом, основателем империи, и заканчивается временем правления Александра Севера.

Второй период означен несколькими десятилетиями глубокого кризиса — политического, экономического и военного, — сменившимися затем двумя веками новой формы государственного и политического строя, получившего название *доминат*. Этот период закончился со свержением в 476 году последнего из западных императоров Ромула Августа.

Ну и, наконец, третий период, самый длительный, но наименее римский. Это история Восточной Римской империи, — вскоре превратившейся в самостоятельное государство, Византию, — и заканчивается она захватом в 1453 году Константинополя турками.

Известны попытки воссоздания империи в Западной Европе в период Средневековья, но этих правителей трудно принять за законных наследников Августа и его преемников; это были, скорее, политические фикции, однако нельзя не упомянуть о них, ибо они обращались к великой традиции в истории человечества.

За упомянутые пятнадцать столетий империей правили более двухсот цезарей. Точное их число трудно

установить по причинам и формальным, и фактическим. Появлялись и узурпаторы, и самозванцы, и порой бывало нелегко определить, кто же является законным государем. Сравнительно немного таких сомнений вызывает период принципата, насчитывающий двадцать восемь императоров. Принципат — это исторически самый важный период в жизни Римской империи, так сказать, классическая эпоха империи. В этот период Римская империя была самой большой территориально и самой сильной державой мира в милитаристском отношении. Кроме того, превосходя остальной мир развитием цивилизации, Римская империя распространяла эти материальные и духовные завоевания цивилизации по всем странам вокруг Средиземного моря. Наследием этих веков являются великолепные произведения науки и литературы, шедевры изобразительного искусства и архитектуры, оказавшие ни с чем не сравнимое влияние на все последующие поколения европейцев. Римская империя, *Imperium Romanum*, в определенном смысле стала их общей родиной. Правящие в период принципата цезари (они же императоры) достаточно хорошо известны культурному человечеству благодаря многим ценным источникам той поры.

В римском государстве правили четыре великие династии: Юлиев-Клавдиев, Флавиев, Антонинов и, наконец, Северов (сирийская). Почти все представители этих династий — выдающиеся личности, не обязательно положительные, но оставившие в истории Рима важный след. Некоторые из них запомнились прямо-таки зловещим обликом, прославились жестокостью и даже каким-то изуверским безумием. Речь идет о таких персонажах римской истории, как Тиберий и Калигула, Нерон и Домициан, Каракалла и Гелиогабал. В благодарной памяти потомков остались выдающиеся правители, умные, справедливые, много сделавшие для блага страны и в хозяйственном,

и в культурном отношении, а также укрепившие военную мощь империи. К самым выдающимся, по мнению историков древности и последующих времен, относятся императоры Август, Веспасиан, Тит, Траян, Адриан, Антонин Пий, Марк Аврелий.

Античность всегда вызывала неподдельный интерес, о Древнем Риме написано немало книг — и ученых трудов, и художественных произведений. Мне представляется целесообразным издать в популярной форме краткие очерки о каждом властителе всех трех периодов Римской империи. Таким образом, читатель получит возможность представить непрерывное, длительное существование одной из интереснейших формаций в истории человечества на примере их правителей. В моем повествовании самым естественным образом исторические факты, вопросы большой политики будут переплетаться с подробностями быта и интересными событиями, имевшими место в годы правления того или иного цезаря в жизни его семьи, города. Такие подробности способны приблизить к нам те далекие времена и сделать их понятными нам. Разумеется, читатель не сможет не заметить, насколько актуальны и сегодня многие проблемы, волновавшие человечество в ушедшие века; насколько все повторяется — и в мире большой политики, и в жизни обычных граждан. Так, ознакомившись с историей Римской империи, может быть, кто-то проведет следующую аналогию: вот теперь, в наши дни, создан Евросоюз — не возвращение ли это в каком-то виде Империиум Романум?

ЦЕЗАРЬ

Gajus Julius Caesar

12 или 13 июля 100 или 102 г. до н. э. —

15 марта 44 г. до н. э.

Пятикратный консул в 59, 48, 46, 45

и 44 гг. до н. э.

Четырехкратный диктатор

в 49—44 гг. до н. э.

С 44 г. до н. э. пожизненный диктатор.

В 42 г. до н. э. постановлением сената

и волей народа причислен к сонму богов

под именем *Divus Julius*

Гай Юлий Цезарь не был цезарем, то есть не носил титула императора. Однако мы начинаем нашу галерею именно с его имени — по какому праву? Разумеется, не потому только, что он был выдающимся военачальником: покорил Галлию, разгромил германцев, победил своих противников на трех континентах в гражданской войне. История Рима знает и других славных полководцев, не уступающих Цезарю ни воинскими доблестями, ни славными победами, ни талантом военачальника. И не потому включили мы его в нашу галерею, что он был умным политиком и отличным писателем. Нет, существует другое основание, по которому именно с Гая Юлия Цезаря мы начинаем нашу галерею римских цезарей, и причина эта весьма проста. Наименование титула римских императоров — «цезарь» — происходит от фамилии Гая Юлия Цезаря; или, иначе, фамилия Цезарь постепенно стала обозначать высшее лицо в государстве. Как это произошло, станет ясно по мере знакомства с биографиями цезарей.

Однако есть и другая, не менее важная причина, по которой галерею портретов римских императоров следует начать с Цезаря. Именно Цезарь низверг Республику, именно Цезарь в течение нескольких лет был фактическим и единственным хозяином Рима, хотя и демонстрировал всячески свое уважение к прежним, республиканским, формам правления. Впрочем, не так ли поступали многие другие правители в последующие века?

Ну и, наконец, Цезарь первым удостоился чести посмертной консекрации¹ — обожествления, был причислен к сонму богов, ему стали воздавать божеские почести.

Возможно, какой-нибудь дотошный историк, не смотря на приведенные выше доводы, поставит под сомнение право Цезаря открывать галерею римских цезарей, — в этом случае сошлемся на могущественный и неопровержимый авторитет: знаменитый историк древности Светоний свою книгу «Жизнь двенадцати цезарей» начинает биографией Гая Юлия Цезаря. Вот так!

Поскольку очерк о Цезаре — первый в нашей галерее, здесь придется остановиться на некоторых общих вопросах и понятиях изучаемой эпохи, которые невозможно обойти, говоря о римских правителях. Прежде всего, следует сказать о римских именах и фамилиях.

Итак, Гай Юлий Цезарь. Не стоит поддаваться традиции и первому впечатлению и полагать, что

Консекрация (от *лат.* consecratio — букв. «посвящение») — в совр. понимании обряд, посвященный метафизическому олицетворению плоти и крови Христа в хлебе и вине соответственно, основанный на католической доктрине о пресуществлении на Тайной вечере. — *Здесь и далее примеч. ред., за исключением особо отмеченных случаев.*

Юлий — имя, а Цезарь — фамилия. Это теперь Юлий мыслится нами в качестве имени, во времена самого Цезаря это было родовое имя, то есть фамилия в нашем понимании. Цезарь — родовое прозвище. В Древнем Риме имя человека состояло из трех частей: собственное (личное) имя, родовое имя, или фамилия, в нашем понимании, и семейное прозвище или фамильное имя, присоединявшееся к родовому имени.

Что касается личных имен, у римлян выбор был небольшим. Самые популярные из них: Децим (*De-cimus*), Гай (*Gajus*), Гней (*Gnaeus*), Маний (*Manius*), Марк Публий (*Marcus Publius*), Квинт (*Quintus*), Секст (*Sextus*), Луций (*Lucius*), Тит (*Titus*), Авл (*Aulus*).

В некоторых родах из поколения в поколение использовались одни и те же имена. Так, например, и отец, и дед, и прадед Цезаря носили имя Гай, в других родах отдавали предпочтение Сексту или Луцию. Насколько свободней обстоит дело с именами в наши дни — какой громадный выбор, какой простор для фантазии родителей! И какое поле деятельности для лингвистов, с интересом наблюдающих за сменой моды на имена. Но в античном Риме дело обстояло совсем по-другому — скромно, даже скупое, традиционно. Никаких модных веяний. Впрочем, не стоит так категорично отрицать влияние моды. Играла она свою роль и в те стародавние времена, хотя не так сильно, как в наши дни.

Вторая часть — родовое имя, или, как мы бы сказали, фамилия. Для Цезаря это Юлий (*Julius*). Известные римские династии носили имена, оканчивающиеся на *-ius* или *-cius*: *Aemilius*, *Antonius*, *Aurelius*, *Claudius*, *Cornelius*, *Fabius*, *Flavius*, *Horatius*, *Livius*, *Marius*, *Octavius*, *Pompeius*, *Tullius*, *Valerius*.

Многие из этих фамилий дожили до наших дней, но стали именами: Антон (Антонина), Эмиль (Эмилия), Корнелий (Корнелия), Юлий (Юлия), Клавдий (Клавдия), Валерий (Валерия), Марий (Мария).

Обратим, кроме прочего, внимание на тот факт, что римлянки вообще не имели имен, девочки носили родовое имя отца. Если в семье было две дочери, к имени старшей добавлялось *Major* — старшая, к имени младшей — *Minor*, младшая.

Так, дочь Гая Юлия Цезаря звалась Юлией, Марка Туллия Цицерона — Туллией, Марка Антония — Антонией. Зато, как бы в возмещение такой несправедливости, выходя замуж, девушки не меняли фамилии. Клавдия навсегда оставалась Клавдией, Корнелия — Корнелией, Ливия — Ливией, Агриппина — Агриппиной, хотя иногда, во избежание ошибок, обозначали, чьей супругой она является, «кому принадлежит». Говорили, например, *Livia Augusti* — Ливия, жена Августа. В эту классическую древнеримскую систему, однако, уже в I веке н. э. стали вноситься некоторые изменения, и буквально с каждым поколением они стали все сильнее ощущаться.

Третья часть имени римлянина — фамильное имя, или прозвище, — была необязательна, хотя встречалась часто. Антонию, например, никогда его не имели. Поначалу это были прозвища, сходные с теми, которыми мы наделяем друг друга сейчас, подмечая характерные черты, слабости или недостатки. Римские прозвища тоже зачастую высмеивали какую-либо черту характера или внешности конкретного лица. Впоследствии прозвища стали наследовать. Они переходили от отца к сыну — явление, широко распространенное среди сельского населения, и не только в древности. Так, оказывается, Марк Туллий Цицерон — просто Грохотун (*cicer* — горох), Овидий Назон — Носач, Катон — Ловкач и т. д.

Что же в таком случае означало прозвище Цезарь? Этого точно не знали сами римляне, и уже в то время выдвигались разные версии. Не вызывает сомнения лишь одно — у людей, говорящих на латыни, слово

«цезарь» ассоциировалось со словом *caesaries*, обозначающим пышную шевелюру, длинные волосы. Правда, самому Цезарю прозвище не очень подходило, ибо своей «цезарии» он лишился довольно рано. Известно, что волосы этого великого человека не отличались густотой, напротив, он безуспешно пытался прикрыть лысину довольно жалкими прядями. Позже, став диктатором, Цезарь чаще всего появлялся публично в лавровом венке на голове. Эту привилегию ему даровал сенат специальным указом.

Однако, Цезари — это лишь одна из ветвей древнейшего рода Юлиев. Начало ему, по мифам, положил сам Эней. Этот сын богини Афродиты, называемой римлянами Венерой, прославился как один из самых отважных, наряду с Гектором, защитником Трои. После падения Трои Эней бежал за море вместе с сыном Юлом и горсткой соратников. Много невзгод пришлось вынести скитальцам, пока не высадились они наконец в Италии, в устье Тибра. Потомки Энея основали Рим, а Юл стал родоначальником рода Юлиев. Чрезвычайно гордясь своим божественно-троянским происхождением, представители рода Юлиев всячески поддерживали эту легенду. В торжественной речи на погребении своей тетки Юлии сам Цезарь небрежно бросил: «...мы, состоящие в родстве с богами». Боевым лозунгом своих легионов Цезарь сделал имя своей божественной прародительницы Венеры — с этим именем солдаты под началом Цезаря сражались во всех битвах. Он же поклялся, что построит в Риме ее храм. Став правителем, Цезарь всегда проявлял заботу о Трое, считая ее своей прародиной. Вот так миф, рожденный честолюбием и случайным совпадением имен, принес вполне реальные плоды.

Из всего рода Юлиев лишь семейству Цезарей суждены были великие деяния и слава в веках. Дол-

гое время это семейство ничем особенным не отличалось — обычное состоятельное семейство патрициев, по значению, например, далеко уступавшее Сципионам, Клавдиям или Порциям, хотя представители рода Цезарей из поколения в поколение занимали высокие должности. Так, отец Цезаря был даже претором (второй после консула сановник, осуществлявший высшую судебную власть). Он рано умер, детей — шестнадцатилетнего сына Гая Юлия и двух дочерей Юлий — воспитывала мать, Аврелия, пережившая мужа на тридцать лет. Аврелия очень заботилась о воспитании детей, и особенно о воспитании сына.

Гаю Юлию было всего 17 лет, когда он женился на дочери Корнелия Цинны, тогдашнего главы партии популяров¹. От этого брака родилась девочка, разумеется, названная Юлией, — единственный законно-рожденный ребенок Гая Юлия Цезаря.

Упомянутая партия популяров ставила своей целью проведение ряда реформ. Их противники, оптиматы², наоборот, стояли на страже существующего порядка вещей. Семейство Цезарей с давних пор было связано с популярами. В гражданской войне, однако, победили оптиматы. Их глава, диктатор Сулла, в 82 году до н. э. потребовал, чтобы Цезарь развелся с Корнелией, а когда тот отказался, конфисковал его имущество и лишил

Популяры (от *лат.* *popularis* — «народный») — идейно-политическое течение в поздней Римской республике конца II—I вв. до н. э., отражавшее интересы плебса, прежде всего сельского. Популяры имели прочную поддержку в народном собрании, что и дало название течению в целом.

² Оптиматы (от *лат.* *optimus* — «наилучший») — идейно-политическое течение в Древнем Риме во II—I вв. до н. э. Оптиматы выражали интересы сенатской аристократии, так называемого нобилета. Особенно острая борьба между популярами и оптиматами развернулась вокруг аграрного вопроса и вокруг принципов демократизации римского государства.

всех прав. Молодому человеку пришлось скрываться как беглому преступнику. Только настойчивые просьбы влиятельных лиц заставили Суллу прекратить преследование Цезаря. Корнелия, которую Цезарь действительно любил, умерла в 68 году до н. э. Овдовевший Цезарь женился на Помпее, внучке умершего к тому времени Суллы, но быстро развелся и в 59 году до н. э. взял в жены Кальпурнию. Оба брака были бездетными.

Славное происхождение и собственное честолюбие побуждали Цезаря стремиться сделать политическую карьеру. Формально все римские граждане обладали равными правами, но на деле занимать высшие должности в Римской республике могли лишь люди, принадлежащие к известным старинным родам и обладающие большим состоянием, ведь избирательная кампания требовала больших денежных трат: нужно было устраивать для народа игры и зрелища, а зачастую приходилось просто покупать голоса избирателей. Но зато и государственные должности, особенно высшие — формально неоплачиваемые, но почетные, — предоставляли возможности быстрого обогащения путем участия в доходных предприятиях или попросту через злоупотребления и вымогательства в провинциях. Таким образом, подкуп и мошенничество расцветали пышным цветом, ибо в борьбе за власть и материальные выгоды все средства были хороши.

В этом циничном и жестоком мире интриг и обмана Цезарь, по всей видимости, нашел свое место, хотя и испытывал постоянно материальные трудности. В этом нет ничего удивительного: денег требовала и политическая карьера, и жизнь на широкую ногу, и женщины (впрочем, не только женщины). То и дело Цезарь впутывался в какие-то аферы, но, тем не менее, в 63 году до н. э. он был избран верховным жрецом. В этом же году он принял тайное участие в знаменитом заговоре Катилины. Катилина ставил своей целью

осуществить государственный переворот, убить обоих консулов и захватить власть, а все для того, чтобы избавиться от долгов, — которых и Цезарь имел предостаточно. Заговор раскрыл консул Марк Туллий Цицерон, и с тех пор над Цезарем тяготело подозрение в соучастии в преступном замысле.

Когда в 61 году до н. э. Цезарь, назначенный наместником так называемой дальней Испании, то есть западных ее областей (ему даровали эту должность как бывшему претору), собирался направиться к месту службы, он с трудом смог выехать из Рима, ибо кредиторы не хотели его выпускать. Через год он вернулся богачом, захватив трофеи в победных кампаниях против племен Лузитании и Галлеции. Теперь Цезарь был намерен претендовать на высшую должность в Риме — должность консула. Этому решительно воспротивились сенаторы. Они делали все возможное, чтобы тот не мог предпринять никаких шагов по началу избирательной кампании.

И тогда Цезарю пришла в голову гениальная идея, которую он тут же осуществил: по его инициативе был создан тайный союз трех политических деятелей, знаменитый первый триумвират, заключенный в 60 году до н. э. Он объединял прославленного полководца Гнея Помпея, самого богатого человека в Риме Марка Красса и Цезаря. «Отныне в Республике, — говорилось в соглашении, — не произойдет ничего, что было бы неудобно одному из трех». Чтобы еще больше укрепить союз, Цезарь отдал в жены Помпею свою единственную дочь Юлию.

Благодаря объединенным усилиям триумвиров Цезарь без труда получил консульство в 59 году до н. э. Используя служебное положение, Цезарь провел ряд указов в интересах своих коллег. Затем он стал наместником двух провинций: Галлии Цизальпийской, теперь это Северная Италия, и Галлии Нарбонской,

на территории сегодняшней южной Франции. Отсюда он в 58 году до н. э. начал войну за завоевание всей Галлии, расположенной между Рейном и Атлантическим океаном, заселенной десятками враждующих друг с другом галльских племен, которых с востока уже начали теснить воинственные германские племена. Сейчас, глядя на события той поры с исторической перспективы, можно сказать, что тогда решался вопрос, быть ли Галлии римской или германской. Разумеется, для Цезаря такой проблемы не существовало, он руководствовался совсем другими соображениями. Галльские войны давали ему возможность сравнительно легко приобрести богатство и славу, а также — что очень важно — расположить к себе солдат. Все это Цезарь получил, проведя несколько удачных кампаний. Германцев Цезарь вытеснил за пределы Галлии, а затем переправился за Рейн, чтобы предпринять поход на Германию, дважды высаживался в Британии. Легионы Цезаря, теперь военачальника, встретили ожесточенное сопротивление аборигенов, пришлось вернуться ни с чем. Однако волнения галльских племен были усмирены. Галльские завоевания Цезаря положили начало романизации Галлии, а самому Цезарю снискали большую популярность и признание его блестящих полководческих заслуг даже таких противников Цезаря, как Цицерон и Катулл.

А тем временем триумvirат фактически прекратил свое существование, хотя формально он был подтвержден на съезде в Луке, городе в северной Этрурии. Юлия, бывшая связующим звеном между Цезарем и Помпеем, умерла в 54 году до н. э., вскоре после родов. В следующем году в битве с парфянами в Сирии погиб Красс. Остались в живых лишь два участника триумvirата, а для двоих мир всегда тесен. Помпей сблизился с сенатом, изначально враждебным Цезарю. Покорителю Галлии грозил суд за самовольное

начало военных действий в этой провинции. Да и во всех других начинаниях перед Цезарем возникали всяческие препятствия — делалось все, чтобы не допустить его второй раз к должности консула.

Доведенный до крайности, Цезарь принял решение. В январе 49 года до н. э. он со своими войсками перешел Рубикон, речку, впадающую в Адриатическое море вблизи Аримина (современный Римини), по которой проходила административная граница Италии. Это было равносильно началу гражданской войны с Римом. Оправдывая свои действия защитой прав народных трибунов, которые якобы грубо нарушались властями, на деле Цезарь преследовал лишь собственные интересы. Жребий был брошен, началась рискованная игра.

Италию и Рим Цезарь покорил почти без боев. Помпей, запечатав казну, вместе с сенатом отправился за Адриатическое море. В Фарсальской битве на полях северной Греции летом 48 года до н. э. Помпей, несмотря на превосходство сил, был разбит, его войско почти целиком сдалось, а он сам бежал в Египет. Там его предательски убили советники молодого египетского царя Птолемея.

Птолемей в это время вел междоусобную войну за власть со своей сестрой и соправительницей Клеопатрой. Убийством Помпея его советники надеялись завоевать благосклонность Цезаря, но просчитались. Прибыв в Александрию вскоре после гибели Помпея, Цезарь горячо оплакал своего великого противника, бывшего соратника и зятя, буквально омыв слезами доставленную ему голову Помпея, а в междоусобной египетской войне сразу и бесповоротно принял сторону Клеопатры — как только увидел ее. Рискуя жизнью, Клеопатра, обманув стражу брата, ночью проникла в покои Цезаря, пребывающего в царском дворце (якобы в ковре, свернутом в трубку), и без труда склонила его на свою сторону.

Цезарь пережил вместе с Клеопатрой много тревожных дней, оказавшись в осаде. Несколько месяцев царский дворец осаждали армии Птолемея и жители Александрии, пока их не освободили войска, прибывшие на выручку Цезарю весной 47 года до н. э. Одним из тех, кто поспешил Цезарю на помощь, был иудейский вельможа Антипатр, отец Ирода, впоследствии царя Иудеи.

Необычайно трудную войну пришлось вести Цезарю в Египте: зимой, без припасов, без всякой предварительной подготовки, в столице врага. Победив, он не решился сделать Египет римской провинцией, а оставил его Клеопатре и ее брату. Поздней весной 47 года до н. э. Цезарь покинул Египет, а в июне Клеопатра родила сына, которого все называли Цезарионом (Цезарьком).

Военные победы Цезаря не закончились в Египте. Оттуда он отправился в Малую Азию, сначала в Сирию, а потом в Понт, где вблизи города Зела разбил войско понтийского царя Фарнака, сына Митридата Великого. Рассчитывая на ослабление Рима в войнах, Фарнак решил воспользоваться случаем и сумел одержать несколько побед над римскими войсками. Цезарь с ходу разгромил его в одном-единственном непродолжительном бою, а о победе коротко известил сенат: *veni, vidi, vici* — пришел, увидел, победил. В 46 году до н. э. в Северной Африке, на землях нынешнего Туниса, он разгромил армии Сципиона и Юбы, у которых искали прибежища остатки неприятелей, а в марте 45 года до н. э. — сыновей Помпея в Испании, в битве под Мундой. Ни одного поражения не потерпел Цезарь в гражданской войне.

В перерывах между войнами Цезарь удостаивал своим посещением столицу, фактическим хозяином которой стал с 49 года до н. э. Здесь один за другим с неслыханной доселе пышностью он отпраздновал

пять триумфов: первый, и самый блистательный, — галльский, затем александрийский, понтийский, африканский и напоследок испанский. Цезарь щедро вознаградил своих верных солдат, выдав им из трофейной добычи по двадцать четыре тысячи сестерциев и выделив землю для поселения. Не были забыты и римляне, вдоволь получавшие от щедрого победителя и хлеб (зерно, масло, яства во время роскошных пиров) и зрелища (битвы гладиаторов, состязания атлетов, скачки, бои зверей, театральные представления).

Кончились войны, и теперь Цезарю предстояло решить важную и чрезвычайно сложную проблему: найти законные основания для своей власти, объяснить народу, по какому праву он осуществляет верховное правление. Четыре раза, не считая 59 года до н. э., Цезарь вынуждал избирать себя консулом, трижды — назначать диктатором. Хотя в соответствии с римскими законами власть диктатора была почти неограниченной, она автоматически упразднялась по истечении шести месяцев. Цезарь подумывал о том, чтобы объявить себя царем, однако уже само слово *rex* (царь) вызывало ненависть римлян, гордившихся своими республиканскими свободами. Со всей очевидностью это подтвердилось еще раз, когда во время игр Цезарь сделал попытку короновать себя: Марк Антоний приблизился к Цезарю с царской диадемой, намереваясь возложить ее на голову правителя, народ же отреагировал глухим настороженным молчанием и разразился бурными аплодисментами в ответ на отказ Цезаря принять этот символ власти. Больше Цезарь к монархической идее не возвращался. Тем не менее выход был найден: в феврале 44 года до н. э. Цезарь вновь провозглашен диктатором, в четвертый раз, но теперь уже пожизненно. Правда, жить диктатору оставалось совсем недолго. Пятнадцатого марта того же года Цезарь был задушен

кинжалом в зале заседаний сената. Заговорщиками оказались и его самые близкие друзья, в том числе легендарный Брут, возглавлявший их¹

Природная мягкость Цезаря, его доброта и милосердие были удивительны. Долго пришлось бы говорить о его добром отношении к врагам и заботе о друзьях. Лишь мятежников он никогда не прощал и всегда жестоко карал, не шел ни на какие уступки, даже если ему это было выгодно. Одержав победу в гражданской войне, Цезарь проявил милосердие по отношению к своим противникам, но все равно не привлек их на свою сторону, друзья же обиделись на него, ибо он не разрешил им ни воспользоваться имуществом побежденных, ни расправиться с ними.

Хотя Цезарь демонстрировал уважение к республиканским институтам, никто не верил в его искренность, благородные же идеалисты видели в нем просто тирана. Оставалось опасение, что он все же объявит себя царем, а столицей империи сделает какой-нибудь город на Востоке — Трою или Александрию — и будет оттуда править своей империей вместе с Клеопатрой, которая прибыла в Рим. Цезарь и в самом деле готовился к новым великим походам — сначала против даков, живших в низовьях Дуная, а потом за Евфрат, против парфян, по следам Александра Великого.

Как же оценить Цезаря? Он вел победоносные войны в разных странах и с разными народами, сражался с иберийцами, галлами, германцами, египтя-

По легенде, Цезарь сначала защищался, держа в руке стил, и даже ранил им кого-то, но, увидев среди заговорщиков Марка Юния Брута, своего близкого друга, воскликнул (по разным современным Цезарю источникам): «Даже ты, дитя мое, Брут?» или «И ты, Брут, сын мой!» — и перестал защищаться, только лишь закрывшись тогой.

нами, нумидами. Но сражался и с регулярными римскими армиями, и тоже всегда одерживал победы, хотя, как правило, располагал меньшими силами, чем неприятель. В военных кампаниях Цезарь проявлял мудрость, смелость и осторожность. Его личная храбрость вызывала уважение даже противников, его же солдаты верили ему безгранично и отлично знали, что их вождь храбр и гениален, вынослив и неприхотлив в воинских походах, скромн в своих привычках и благороден, отлично управляетя с конем и блестяще владеет оружием.

Наряду со способностями полководца, став во главе государства, Цезарь проявил и великолепные организаторские способности, и таланты политика. Им проведено много умных, дальновидных реформ, способствующих процветанию Рима. И даже тот факт, что он ввел так называемый юлианский календарь по египетскому образцу (с 1 января 45 года до н. э.), достаточен, чтобы признать за Цезарем почетное место в истории европейской культуры. Как известно, с юлианским календарем установлен год в 365 дней, а вместо дополнительного месяца, как было раньше, был введен один дополнительный день через каждые четыре года.

Если говорить о заслугах Цезаря в области культуры, следует вспомнить его замечательные литературные произведения, и в первую очередь «Записки о галльской войне» в семи книгах и «Записки о гражданской войне», написанные великолепной латынью — четким, ясным, образным стилем. И если эти произведения можно упрекнуть в предвзятости в выражении оценок, то литературная форма их безупречна. На протяжении двадцати веков многие поколения европейцев изучали латынь по этим книгам, учились у Цезаря кратким и четким формулировкам — должны учиться и впредь.

Делать свою великую карьеру Цезарь начал довольно поздно, когда ему было уже за сорок. Умри он раньше, вряд ли кто-нибудь впоследствии знал это имя, разве что историки упомянули бы о Цезаре как об одном из типичных политических деятелей Рима I века до н. э., и то не слишком достойном подражания: огромные долги, сомнительные махинации, бесчисленные любовные похождения вряд ли способствуют изображению благородного мужа. Темпераментность, неиссякаемая энергия, невероятная трудоспособность, предприимчивость — эти черты Цезарь сохранял всю жизнь. Его хватало на все. Он вел войны и напропалую флиртовал; писал книги и реформировал календарь; собирал произведения искусства и основывал города и колонии; осушал болота и возводил грандиозные постройки; занимался экономическими проблемами и вопросами грамматики. Активностью, талантами, многосторонностью интересов Цезарь намного превосходил Наполеона, который пытался ему подражать и как император в некотором отношении был его преемником. Гай Юлий Цезарь был выше французского императора во всех отношениях. Не только буквально — Цезарь был высок ростом, не только происхождением — римский диктатор происходил из древнего аристократического рода, — но, что гораздо важнее, своими достоинствами незаурядной личности, способной привлекать к себе сердца людей. Цезаря отличали величие и простота, эрудиция и просто хорошее воспитание.

Великий римский император не оставил потомков. Его единственная дочь Юлия умерла рано и бездетной; Цезарион не был законным сыном¹ Вот поче-

Признав ребенка Клеопатры своим сыном, Цезарь решил дать ему свое имя, но не предоставил ему прав законнорожденного.

му в завещании, публично оглашенном на погребальных торжествах, главным наследником всего имущества Цезарь объявлял внука своей младшей сестры, именно его он сделал приемным сыном и законным носителем своего родового имени. Таким образом, девятнадцатилетний Гай Октавиан стал Гаем Юлием Цезарем, а фамилия Цезарь вскоре стала и титулом.

АВГУСТ

Gaius Octavius

29 сентября 63 г. до н. э. —

19 августа 14 г. н. э.

С 44 г. до н. э. носил имя Gaius Iulius Caesar (Octavianus).

Правил с 16 января 27 г. до н. э. до смерти под именем Imperator Caesar Augustus.

После смерти был причислен к сонму богов под именем Divus Augustus

Гай Октавий вступил в права наследства в 44 году до н. э., после убийства заговорщиками его дяди, диктатора Цезаря. И вот во главе Римской империи встал новый Гай Юлий Цезарь, ибо вместе с правами наследства Цезарь передал приемному сыну и свое полное имя. Чтобы отличить от первого цезаря, нового императора впоследствии стали звать просто Октавианом.

Гай Октавиан, худощавый светловолосый юноша невысокого роста, оказался в самом центре циклона — ожесточенной борьбы за политическое наследие Цезаря. И заговорщики, убившие диктатора, и сенат желали возврата к прежним республиканским формам правления. Их противники, цезариане, сторонники погибшего диктатора, стремились сохранить установленный им порядок вещей, некоторые из них, такие как Марк Антоний и Марк Эмилий Лепид, втайне мечтали занять место погибшего Цезаря.

В этих политических играх юношу-наследника не принимали всерьез, он же начал действовать умно и расчетливо. Октавиан выплатил народу все легаты, завещанные Цезарем, хотя для этого ему и пришлось

залезть в долги. Из ветеранов-легионеров Цезаря Октавиан образовал свою личную армию.

Демонстрируя лояльность по отношению к сенату, он сначала выступил с этой армией против Антония и разбил его в битве на реке Пад, после чего заставил тот же сенат назначить себя, Гая Октавиана, консулом.

Осенью 43 года до н. э. Октавиан вдруг круто изменил свои политические взгляды и заключил союз с прежними врагами, Антонием и Лепидом. Оказавшись меж двух огней, сенат был вынужден официально утвердить их триумvirат как новый особый орган для управления всеми делами Республики, наделив его практически неограниченными полномочиями.

Первым делом триумвиры расправились со своими политическими противниками, приговорив к смертной казни убийц Цезаря и других участников заговора, среди которых было много влиятельных государственных и политических деятелей, в том числе и Цицерон. Имущество осужденных было, разумеется, конфисковано.

Тем временем двое из убийц Цезаря, Марк Брут и Гай Кассий, завладели восточными провинциями. Антоний и Октавиан разбили их войска осенью 42 года до н. э. в битве при Филиппах, в Македонии. Победители разделили между собой сферы влияния. Антоний взялся наводить порядок в восточных провинциях Римской республики, Лепиду досталась Африка (за исключением Египта), Октавиану — Испания и Галлия. В Италии Октавиану пришлось согнать с земель тысячи крестьян, чтобы их наделы передать своим ветеранам-легионерам. Это вызвало вооруженное восстание бывших владельцев земель, которое было им жестоко подавлено в войне, названной перузийской — от наименования области Перузии, современной Перуджии.

Антоний, правитель восточных провинций, на долгие годы связал свою судьбу с царицей Египта

Клеопатрой, хотя и был женат на красивой и благородной Октавиане, сестре Октавиана. Детям, рожденным ему Клеопатрой, он щедро раздавал страны на Востоке, как какой-нибудь восточный владыка. Повезло Антонию в любви, но не везло в делах — его войны с армянами и парфянами были неудачны.

Укрепив свои позиции в Италии, Октавиан двинулся за ее пределы. В 36 году до н. э. он занял Сицилию, где Секст Помпей, сын разгромленного некогда Цезарем Помпея Великого, создал нечто вроде своего пиратского государства. Одновременно с этим Октавиан отобрал у Лепида африканские провинции. Так перестал существовать триумvirат, ибо остались практически лишь двое из его членов — Октавиан на Западе, Антоний на Востоке. Для двух же мир всегда тесен. Конфликт между ними разрастался, все попытки разрешить его мирным путем — переговоры и посреднические миссии — ни к чему не привели.

Антоний был нелегким противником для Октавиана. Он пользовался поддержкой многих сенаторов, а главное, широкой популярностью в народе. В то же время его поведение, а особенно роман с Клеопатрой, дали замечательный пропагандистский материал команде Октавиана, которая представляла Антония рабом Клеопатры, пожелавшей стать владычицей Рима. Пропагандистская кампания — взаимные претензии, обвинения, угрозы — переросла в открытую гражданскую войну. Разгромив Антония в морской битве у мыса Акций в сентябре 31 года до н. э., Октавиан в августе следующего года вступил в Александрию. Антоний с конным отрядом отразил первую атаку. Однако после поражения пехоты и измены конницы и египетского флота он отказался от борьбы и заперся в городе. Получив ложное известие о том, что Клеопатра покончила жизнь самоубийством, Антоний бросился на свой меч. Спустя несколько дней и Клео-

патра покончила жизнь самоубийством (скорее всего от укуса ядовитой змеи, положив ее себе на грудь). Египет стал римской провинцией.

Неопытным юношей вступил Октавиан в политическую жизнь Рима несколько лет назад. Чем он мог тогда импонировать римлянам? Не было у него еще никаких личных заслуг, не было славы удачливого военачальника, не было огромных богатств. И даже внешность его не вызывала уважения, а внешности политика в Древнем Риме придавалось очень большое значение. Однако этот юноша в короткий срок блистательно справился со всеми трудностями, преодолел все опасности, выдержал все испытания, ловко расправился с врагами и соперниками и стал единовластным хозяином всего Средиземноморья. Чем же объяснить такие невероятные свершения?

Видимо, этот молодой человек обладал особым характером и недюжинными способностями политика и военачальника. Бросаются в глаза прежде всего последовательность и упорство в достижении цели, умение трезво взвесить все обстоятельства и отважно идти на риск. Кроме того, Октавиан сумел понять и оценить огромное значение политической пропаганды — и умело пользовался ею в своих целях. И наконец, он умел выжидать, не бросался сломя голову в авантюры. Его жизненным кредо было *festina lente*, «торопись медленно». Октавиана не назовешь ни блистательным полководцем, ни смелым новатором — он был гением последовательной, упорной политики, стремясь к достижению своих целей.

В 29 году до н. э. Октавиан вернулся в Италию. Одержанные им победы и великолепие триумфального въезда в Рим не снимали серьезной проблемы, вставшей перед новым владыкой Рима. Причем проблема в значительной степени была обусловлена именно

этими победами. До сих пор свои действия и полномочия Октавиан оправдывал правами триумвира и необходимостью защищать Рим от внешней угрозы. Но вот наступил мир, Риму уже не угрожали ни внешние, ни внутренние враги, так что не существовало никаких оправданий для чрезвычайных полномочий Октавиана, он встал перед необходимостью: либо вернуть прежние республиканские свободы, либо найти новую форму и обоснование для единоличного правления.

Был еще один выход: бросить все, устранившись с политической арены, предоставив противоборствующим силам свободу уничтожать друг друга. Однако это означало бы новый всплеск гражданской войны. Сколько новых Цезарей, Антониев, Октавианов принесла бы с собой кровавая волна! Объявить себя царем? Но даже мысль о монархии и слово «царь» ненавистны свободолюбивым римлянам. Принять титул диктатора? Именно это сделал Цезарь — и погиб.

Октавиан медлил. Да и не было необходимости особенно торопиться, ведь в его распоряжении находились 28 легионов. Надежным подспорьем были и ветераны, которых он расселил в Италии и по провинциям. Землю они получили только благодаря ему, и в случае падения Октавиана лишились бы ее.

Итак, пока все оставалось по-старому. Заседал сенат, на нем избирались высшие чиновники — разумеется, всегда в соответствии с волей Октавиана, который с 31 года до н. э. занимал должность одного из консулов, а в 28 году до н. э. получил звание *princeps senatus* — глава сената.

ПРИНЦЕПС

Наконец Октавиан принял решение — гениальное. Возможно, еще в конце 28 года до н. э. и уж наверняка в январе 27 года до н. э. Октавиан отказался от всех

своих должностей и привилегий. Тем самым республика была восстановлена формально и официально, Октавий устранился от политической деятельности, укрывшись в четырех стенах и предоставив действовать на политической арене кому угодно. Когда весть об этом распространилась в народе, последний присоединил свои мольбы к просьбам сенаторов, чтобы Октавиан в своем милосердии и несказанной доброте не оставлял государства осиротелым, ибо Рим не может обойтись без его мудрого руководства, богатого опыта и глубочайшего знания всех проблем огромного государства. С большой неохотой Октавиан наконец уступил настойчивым просьбам, согласился взять под свою опеку те провинции, которым угрожала опасность извне и где было размещено большинство римских легионов. Сенат же через своих заместителей должен был управлять внутренними провинциями.

Сенат, обрадовавшись, в знак благодарности указом от 16 января присвоил Октавиану титул Августа (*Augustus*). В представлении римлян это непереводаемое слово сочетало в себе понятия величия, всемогущества, святости. С этих пор полный титул главы Римского государства звучал так: *Imperator Caesar Augustus* — Император Цезарь Август, а день 16 января 27 года до н. э. считается началом новой формы римской государственности — империи.

Вряд ли есть необходимость отмечать, что отказ Октавиана от власти, просьбы сената и народа к нему стать опять во главе государства, неохотная уступка и возвращение к власти с большим нежеланием и против воли, спонтанное выражение всенародной радости после принятия им такого решения — все это было хорошо продумано, тщательно подготовлено и старательно исполнено.

На склоне лет Август — ибо так теперь следует называть Октавиана — с гордостью говорил о том, что,

превосходя других авторитетом, он не пользовался большей властью, чем его коллеги по правлению. Это так и не так. Что такое император в нашем представлении? Торжественно коронованный и возведенный на престол помазанник Божий, в короне и горностаевой мантии со скипетром в одной руке и державой в другой. Но ни Август, ни его преемники на протяжении трех веков не имели никаких внешних символов власти (разве что порфиру — длинную пурпурную мантию, надеваемую монархом), ни короны, ни державы и скипетра. Не было и коронации как таковой, а государство, которым управлял император, как и прежде, называлось *res publica*. Сохранялись и все прежние республиканские учреждения: сенат, иерархия ежегодно сменяющихся чиновников, а в первое время и институты избирателей.

Однако все это было фикцией. Или почти фикцией. Август осознал — открытие поистине гениальное! — и использовал в своей политике очень важную вещь: мысли и представления большинства людей определяет не сама реальность, а лишь ее воплощение в словах; люди находятся под воздействием лозунгов, названий, внешней стороны явлений. И тот, кто пользуется ими умело и последовательно, может внушить людям все, что хочет. Фикция становится реальной политической силой, такой же, как армия и деньги. Август понял еще одну вещь: истинная власть — это не громкий титул и внешний блеск, а возможность держать в руках все рычаги правления. Очень важно также, учитывая настроения и чаяния людей, время от времени проводить угодные им мероприятия, принимать пользующиеся популярностью законы.

Власть римских императоров зиждилась на двух основах: 1) *imperium* (слово означает и верховную власть, и высшее командование), то есть руководство всеми вооруженными силами страны, ну и само государство;

2) звание народного трибуна, которое давало большие права и привилегии, а также личную неприкосновенность. Лицо, соединявшее в себе и то и другое, становилось воплощением воли, интересов и величия народа.

Кроме того, начиная с 12 года до н. э. Август стал и верховным жрецом, впоследствии его преемники последовали этому примеру. Вдобавок ко всем должностям и власти, которой они наделяли, Август время от времени возлагал на себя — на короткие сроки — некоторые дополнительные обязанности, например, становился консулом. Во 2 году до н. э. ему было присвоено звание *pater patriae*, «Отец отечества». Август и его преемники использовали его в официальном титуловании.

Данный государственный строй принято называть принципатом — от латинского слова *princeps*, что означает глава, руководитель, властелин, первый человек в государстве. Так стали называть цезаря, но в обращении использовали всегда фамилию Цезарь и всегда во втором лице: «Ты, Цезарь...» Август категорически запретил использовать слово *dominus* (господин) по отношению к своей особе.

Август умел выбирать способных и верных помощников — характерный признак действительно выдающегося руководителя. Он не боялся приблизить к себе талантливых людей. Первым из соратников Августа следует назвать Марка Агриппу, его ровесника, друга детства, впоследствии зятя. Многие годы Агриппа был фактически соправителем Августа. Вторым назовем Гая Мecenата. Этот был прекрасным дипломатом и чем-то вроде неофициального министра культуры. Его имя со временем стало нарицательным для обозначения покровителя талантов.

Главный лозунг царствования Августа — *paх*, мир. Его зримым символом стал прекрасный Альтарь

мира, воздвигнутый на Марсовом поле (сохранился до наших дней). Алтарь украшали великолепные барельефы, некоторые из них представляли членов августейшего семейства.

Соблюдался ли на деле провозглашенный лозунг? Если говорить о внутренней политике, то да, соблюдался. После государственных переворотов и гражданских войн в империи воцарилось спокойствие. Стабилизировалась социальная обстановка, укрепилась экономика. К своим бывшим врагам Август относился снисходительно, не допуская их преследования. Казни, расправы, репрессии — этого при Августе не было. Он проявлял уважение к народным традициям и обычаям, что не могло не импонировать средним слоям народных масс Италии. Да и население провинций с радостью и облегчением восприняло наведение порядка на их землях, а особенно установление жесткого контроля над администрацией, ведь во времена республики римские наместники и предприниматели позволяли себе чудовищные злоупотребления в провинциях.

Если же говорить о внешней политике цезаря Августа, то здесь прекрасный светлый лозунг «мир» звучит просто насмешкой, ведь его автор завоевал для Рима больше земель, чем кто-либо до него и после него! Август захватил Египет, закончил покорение Испании, аннексировал Галацию (в центре современной Турции). В ходе бесконечных военных кампаний его военачальники покорили многочисленные придунайские и альпийские народы. На территории современных Болгарии, Румынии, Венгрии, других балканских стран, Швейцарии, южной части Германии были образованы римские провинции: Мёзия, Паннония, Норик, Реция. Целью всех этих тщательно продуманных и организованных походов было желание Августа опереть границы империи в Европе на барьер великой реки.

Кроме того, Август считал необходимым передвинуть границу с Рейна на Эльбу; это удалось сделать после нескольких лет ожесточенных боев с германскими племенами, но затем в 9 году н. э. из-за неумелых действий командующего Квинтилия Вара римская армия потерпела жесточайшее поражение в Тевтобургском лесу. Можно было пережить потерю трех легионов, можно было вновь начать покорение германских земель, но Август, которому к тому времени было уже больше семидесяти, не хотел рисковать. Пришлось вернуть границу обратно к Рейну. Широкую полосу земли на левом, римском берегу реки, называли Германией, пытаясь сделать вид, что ничего особенного не произошло.

Отступление от Эльбы было одним из самых переломных моментов в истории Европы. Насколько по-другому развивались бы дальнейшие события на европейском континенте, да и во всем мире, если бы германские племена были романизированы.

На Востоке Август не одерживал особенно внушительных побед, но и там позиции Рима укрепились. Август гордился тем, что парфяне беспрекословно по его требованию вернули Риму Армению и орлов (знамена), отбитые у римских легионов Марка Красса и Марка Антония еще во времена республики.

Выдающийся военачальник, Август, тем не менее, никогда не вел войну ради нее самой, никогда не захватывал земель только ради захвата, никогда не стремился к воинской славе ради самой славы, как это делали Александры и Наполеоны разных эпох и разных стран. «Никакому народу он не объявлял войны без причин законных и важных», — писал Светоний. Октавиан Август отказался от планов покорения Британии, считая, что овчинка не стоит выделки. Он удовлетворился компромиссом на Востоке. В своем политическом завещании он призывал и в будущем сохранять империю в

пределах существующих границ. Вот почему, оценивая правление Августа, потомки отмечают в первую очередь не его территориальные приобретения, а плоды мира: стабилизацию положения в стране, благосостояние народа, расцвет культуры.

Действительно, можно говорить о поистине выдающихся достижениях в области культуры во времена правления Октавиана Августа. Прославляя личность и деяния последнего, создавали замечательные произведения знаменитые римские поэты: Вергилий, автор идиллии «Георгики» и прославленной национальной эпопеи «Энеида»; Гораций, с его неповторимыми «Песнями», «Сатирами», «Искусством поэзии»; Овидий, воспеваящий любовь, героев римской мифологии и создатель «Скорбных элегий», в которых оплакивает свою горькую жизнь на чужбине после его изгнания на берега Черного моря. Вспомним также элегических поэтов Тибулла и Проперция, а также баснописца Федра. Трудно переоценить их роль в создании общеевропейской культуры. На протяжении многих веков представители различных народов обращались к их творениям и обращаются до сих пор. То же следует сказать и об историке Тите Ливии, горячем поклоннике республики и одновременно человеку, близком к цезарю, авторе фундаментального труда по истории Рима, начиная «со дня основания города». В это же время был создан посвященный Августу трактат Витрувия об архитектуре, единственное такого рода дошедшее до нас произведение Античности, поистине бесценная сокровищница сведений об античной архитектуре, который на протяжении многих веков служил учебником во всех европейских странах. Просто поразительно, насколько сильное влияние оказали искусство и наука этих нескольких «августовских» десятилетий на историю, формирование и саму суть европейской культуры всех последующих веков.

Велики заслуги Октавиана Августа и в деле строительства и благоустройства империи, особенно это касается собственно Рима, который был разделен на 14 округов. Октавиан создал пожарную службу и ввел ночную стражу *vigiles*. Провел новые акведуки. Построил два театра и один амфитеатр. Воздвиг новые и реставрировал старые храмы — всего числом более восьмидесяти. Создал новый Форум (главную площадь столицы), названный в его честь Августовым. В его правление построены первые большие общественные бани и первая публичная библиотека. На Марсовом поле у Тибра был воздвигнут огромный мавзолей в форме ротонды — фамильная гробница цезаря и его семейства. Среди возведенных при нем монументальных построек одна сохранилась до наших дней, причем почти в своем первоначальном виде, хотя и часто реставрировалась. Это Пантеон, храм всех богов, увенчанный великолепным куполом. Фронтон храма до сих пор гордо украшает имя Агриппы, на средства которого он был построен. Правду говорят, что Октавиан Август «принял Рим кирпичным, а оставил мраморным».

Сам же цезарь жил очень скромно. На Палатинском холме¹ был у него дом — не дворец! — без мраморной отделки и мозаичных украшений. Все сорок лет правления и зимой и летом, когда пребывал в столице, Август занимал одну и ту же небольшую комнату. Август был противником роскоши — великолепных дворцов, роскошных вилл, богатых сельских поместий. Современники и потомки не переставали удивляться скромности его домашнего обихода. Ав-

¹ Палатинский холм — меньший из семи главных холмов Рима после Капитолия. По преданию, здесь были вскормлены волчицей и воспитаны Фаустилом Ромул и Рем, и именно здесь Ромул заложил город.

густ обходился очень простой, чтобы не сказать убогой, мебелью. Одежду носил лишь из тканей, собственноручно сотканных женщинами его семьи. Ел немного, очень простую пищу: хлеб, мелкую рыбу, творог, свежий инжир, салат. Вина пил совсем немного. И вместе с тем любил принимать гостей, что делал охотно и часто, а для гостей приказывал подавать более разнообразные, хотя тоже не роскошные блюда.

Август был образованным человеком с явно выраженными гуманитарными наклонностями. Он живо интересовался литературой и сам писал. Известны его «Поощрение к философии» и мемуары «О своей жизни» в трех книгах. Писал Август и стихи, и даже создал трагедию. Любопытно, что в своих литературных трудах Август позволял себе не соблюдать правил орфографии. Но, в конце концов, может же себе такое позволить цезарь? До наших дней его произведения сохранились лишь в небольших отрывках. Зато прекрасно сохранился большой официальный перечень его деяний, копия которого высечена на мраморных стенах храма в Турции, в Анкаре. Это так называемый *Monumentum Ancyrarum* — отчет, составленный Октавианом Августом о своей деятельности с начала политической карьеры. Начинается он так: «Когда мне было 19 лет, я по собственной инициативе и за собственный счет создал армию. Благодаря этому я освободил Республику из-под гнета правящей клики».

Работал Октавиан Август много, без усталости — и в столице, и во время походов и путешествий. Особым здоровьем он никогда не отличался, часто прихварывал, но сильная воля и выносливость помогали ему преодолевать недуги. Способствовал этому весьма скромный образ жизни, благодаря которому цезарь до последних минут своей жизни сохранил ясность ума и физическую работоспособность.

Цезарь Октавиан умер так, как всегда мечтал — «доброй смертью», то есть быстро и без телесных страданий. Произошло это в местечке Нола, в Кампании, где он остановился в старом доме своего отца. До самого конца Август находился в сознании. Сначала он долго беседовал один на один со своим преемником Тиберием, которого срочно вызвали к умирающему цезарю. Потом простился с друзьями и спросил, хорошо ли, по их мнению, он сыграл комедию жизни. Эту беседу он закончил греческим стихом, которым обычно актер завершал свое выступление на сцене: «А коль мы прекрасно сыграли, овацией нас наградите и проводите с весельем». Затем спросил о здоровье своей внучки, дочери Друза, которая была больна. И вот при нем осталась только жена. Собрав последние силы, он сказал со слезами целовавшей его жене: «Ливия, живи и помни, как жили мы вместе. Здоровья тебе... прощай». Он жил с ней в браке долго — более пятидесяти лет. Почти столько же, сколько правил Римом — сначала как триумвир, потом как цезарь.

ЛИВИЯ

Первый раз будущий император женился в возрасте 23 лет в 40 году до н. э., когда был триумвиром, на Скрибонии, успевшей к тому времени уже дважды развестись. Брак заключен был главным образом из политических соображений. Через год родилась их дочь Юлия, и Октавиан развелся со Скрибонией, заявив, что более не в силах терпеть коварство своей жены. Вскоре, однако, он и сам проявил коварство, женившись при весьма необычных обстоятельствах в январе 39 года до н. э. на красавице Ливии, которую любил всей душой.

Отец Ливии, Марк Ливий Друз, смертельный враг триумвиров, сражался против Антония и Октавиана в битве при Филиппах (42 год до н. э.), и когда армия противников Цезаря потерпела поражение, покончил с собой. К тому времени Ливия уже год была замужем (ее выдали в 16 лет, по тогдашним понятиям обычное дело). Муж Ливии, сенатор Тиберий Клавдий Нерон, несколько лет назад командовал флотом Цезаря, когда тот вместе с Клеопатрой оказался в Александрии в осаде. Когда же в 44 году до н. э. диктатор был убит, тот же самый Тиберий обратился к сенату с предложением вознаградить убийц Цезаря как спасителей и освободителей Республики. Шестнадцатого ноября 42 года до н. э., сразу же после Филиппинской битвы, Ливия родила сына, унаследовавшего полное имя отца.

Муж Ливии стал заклятым врагом Октавиана. В 41—42 годах до н. э. Тиберий Клавдий Нерон активно участвовал в восстании, вспыхнувшем в Италии, когда Октавиан стал сгонять крестьян с их наделов, чтобы передать землю своим ветеранам. Пала Перузия, последний оплот повстанцев, и Тиберий Клавдий Нерон с семьей бежал в Неаполь; он пытался и там поднять народ на борьбу с Октавианом, призывая даже рабов взяться за оружие. Солдаты Октавиана выследили Нерона и чуть было не схватили, но тому удалось незаметно, под покровом ночной темноты, добраться до ожидавшего у берега корабля и скрыться. Дважды их едва не выдал плач маленького Тиберия. Ливия была буквально на волосок от смерти — еще немного, и она погибла бы от руки солдат ее будущего мужа!

Через Сицилию беглецы добрались до Греции, с трудом избежали новой опасности, едва не погибнув в лесном пожаре под Спартой — от огня уже вспыхнуло платье на Ливии. Но вот Октавиан и Антоний в 39 году до н. э. заключили союз, и Тиберий Клавдий Нерон с женой и детьми смог вернуться в Рим. Именно

тогда Октавиан увидел Ливию, полюбил ее, добился развода и женился на ней, хотя Ливия в то время была на шестом месяце беременности. На свадебных торжествах отца невесты, которого уже не было в живых, заменял ее бывший муж и отец ребенка, которого она носила в чреве. Через три месяца родился мальчик, получивший имя Друз. И Друза, и его старшего брата Тиберия в течение шести лет воспитывал родной отец, до своей смерти в 31 году до н. э. Девятилетний Тиберий произнес надгробную речь, восхваляя дела и добродетели умершего отца. Если бы можно было предвидеть, что скрывается в будущем!

Октавиан — с 27 года до н. э. Август — счастливо жил с Ливией до конца дней своих, сохраняя любовь и уважение к ней всю жизнь. Это не мешало ему иметь многочисленные любовные увлечения, что признавали даже его друзья. Ливия же считалась идеальной женой, воплощением всех женских добродетелей. Она была верной, послушной, снисходительной, скромной, ласковой, кроткой, хорошей хозяйкой. Ее отличало доброжелательное, спокойное отношение к людям, благородство характера, культура. Впрочем, о Ливии сохранились и другие мнения — оно и понятно, у императрицы не могло не быть недоброжелателей. Одни называли ее прехитрым Одиссеем в женских одеждах, другие утверждали, что жена цезаря была суровой матерью государства, дурной мачехой для семьи цезаря.

До наших дней сохранилось много изображений Ливии — скульптуры, барельефы, монеты. Судя по ним, Ливия была красавицей с правильными тонкими чертами лица. Вот неизвестно только, блондинка или брюнетка.

Столь идеальная супружеская пара оказалась, увы, бездетной. Августу пришлось с этим примириться, и поэтому все его надежды были связаны с единственной дочерью от первого брака и ее потомством.

ЮЛИЯ И ТИБЕРИЙ

Юлия была красивой, умной, образованной девушкой, но излишне темпераментной. Возможно, последнее явилось своего рода реакцией на чрезмерно суровое воспитание. В полную силу темперамент Юлии проявился не сразу. Многие годы Август, не зная или не желая знать всего, ограничивался лишь жалобами: «Две у меня дочери, и обе доставляют множество забот — Республика и Юлия».

В том, что касается замужества, Юлия целиком подчинилась воле отца, впрочем, такова была тогда судьба дочерей: ни одной бы и в голову не пришло подвергать сомнению существующий порядок вещей. Август же в этом деле руководствовался исключительно интересами государства. Когда Юлия еще лежала в колыбели, он уже обручил ее с Антиллом, сыном Марка Антония. В 25 году до н. э., когда Юлии было 15 лет, Октавиан велел ей выйти замуж за своего племянника Марка Марцелла, с которым связывал большие надежды. Но Марцелл через два года умер, и вскоре Юлии пришлось стать женой Марка Агриппы, самого близкого друга Августа, почти соправителя. В этом браке родилось пятеро детей: Гай и Луций Цезари, две дочери — Юлия и Агриппина и третий сын, Агриппа, родившийся через несколько месяцев после смерти отца и получивший прозвище *Postumus*, Посмертный.

После смерти Агриппы Юлии снова было велено выходить замуж, в третий раз, теперь за Тиберия, сына Ливии от первого брака. При этом не посчитались и с желанием самого Тиберия, который уже несколько лет пребывал в счастливом браке с Випсанией, дочерью Агриппы от первого брака, и у них уже был сын Друз. Однако воля Августа и Ливии превыше всего — и Тиберий с болью в сердце вынужден был развестись.

Говорят, когда, спустя довольно много времени после развода, Тиберий случайно увидел Випсанию на улице, он, как очарованный, не мог отвести от нее взгляда, полного слез, что, разумеется, не могло остаться незамеченным. Были приняты меры, чтобы впредь исключить такие случайные встречи¹

Поначалу семейная жизнь Тиберия и Юлии складывалась неплохо, хотя Тиберию наверняка были известны кружившие по всему Риму сплетни о любовных похождениях Юлии. Более того, Тиберий не мог не знать, что в этих сплетнях много правды, так как в свое время Юлия пыталась обольстить и его самого — Тиберий был видным мужчиной. Вскоре отношения между супругами начали портиться. Способствовали этому и младенческая смерть их единственного сына, и тот факт, что Тиберию несколько лет подряд приходилось оставлять жену одну, так как он вел войны за пределами Италии.

Солдатом Тиберий был хорошим. И к военной и к политической карьере его готовили смолоду. В возрасте 16 лет он уже принимал участие в испанской кампании под присмотром самого Цезаря. Спустя некоторое время командовал корпусом в Армении. В 16 году до н. э. вместе с Августом воевал в Галлии, а через год — вместе со своим братом Друзом в верховьях Дуная. В 13 году до н. э. Тиберий впервые исполнял обязанности консула, а после этого три года подряд занимался усмирением непокорных народов Далмации и Паннонии (на землях современных Югославии и частично Венгрии).

Тем временем Друз, младший брат Тиберия, покорял германские племена между Рейном и Эльбой. Возвращаясь с армией из последнего похода в августе

¹ Випсании было предписано покинуть Рим.

9 года до н. э., он упал с лошади и сломал ногу, но не разрешил прервать марш, что роковым образом сказалось на его здоровье. Находившийся в Северной Италии Тиберий, узнав о тяжелом состоянии брата, поспешил к нему. Проскакав безостановочно на коне по землям еще непокоренных германцев, он успел застать Друза в живых в лагере на реке Зале. Друз умер 14 сентября 9 года до н. э., оставив вдовой жену Антонию Младшую, дочь триумвира Марка Антония и Октавии Младшей, и сиротами трех малолетних детей: шестилетнего Нерона Клавдия Друза Германика, трехлетнюю Ливиллу, или Ливию Юлию, и годовалого Тиберия Клавдия Друза Германика, будущего императора.

Тело военачальника поначалу было доставлено в Могунтиак на Рейне (современный Майнц), город, только что им заложенный, а потом, по приказу императора, в Рим. Август и Ливия встретили похоронную процессию в Павии, городе в Северной Италии. В Риме траурную речь на Форуме сначала произнес Тиберий, а потом, в цирке Фламиния, сам Август, закончив ее мольбой к всемогущим богам: «Даруйте моим внукам, Гаю и Луцию, такую же жизнь, какую прожил Друз! А мне пошлите такую же, как ему, смерть солдата!» Ни первой, ни второй мольбе не суждено было сбыться.

Скорбь, вызванная смертью Друза, была всеобщей и искренней. Этот еще нестарый человек пользовался заслуженной славой талантливого полководца, покорителя многих европейских народов, и вместе с тем он покорял сердца соотечественников скромностью и добротой, а также восхвалением — неизвестно, искренним ли? — прежних форм государственности и всесильного сената.

Тиберий, угрюмый и молчаливый по своей природе, никогда не пользовался такой популярностью

и любовью всех слоев народа. Но именно ему, поскольку не стало в живых Друза и Марцелла, а Гай и Луций Цезари были еще малолетними, пришлось взять на себя трудную задачу, и в 8 и 7 годах до н. э. возглавить рейнские армии. В ходе победоносных кампаний Тиберий вывел их к берегам Эльбы.

В признание выдающихся заслуг Тиберия перед Римом в июне 6 года до н. э. ему была дана власть народного трибуна сроком на пять лет, что почти уравнивало его с императором. Сверх того, Август собирался передать в ведение Тиберия восточные провинции и официально заявил об этом. Но через несколько дней после этого заявления произошла совершенно неожиданная вещь: Тиберий попросил освободить его от всех государственных должностей. Он, по его словам, намерен уйти с политической арены и отныне будет жить как частное лицо, посвятит свои дни изучению риторики.

Чем объясняется столь неожиданное решение? Скорее всего, двумя причинами. Во-первых, как это ни парадоксально звучит, выиграло честолюбие, и Тиберий предпочел уйти с политической арены теперь, когда он находился на вершине успеха и славы, и избежать таким образом унижения, грозящего ему в недалеком будущем, когда цезарь все равно устранил бы его, с тем чтобы передать дела подрастающим внукам, Гаю и Луцию. Второй причиной наверняка было бесстыдное поведение жены, — ни обвинить ее, ни отвергнуть, ни даже пожаловаться Августу Тиберий не мог; терпеть же дальше поведение Юлии означало подвергать себя насмешкам. Тиберий решил покинуть столицу.

Мать умоляла его остаться, отчим долго не давал согласия и жаловался на Тиберия сенату. Тиберий оставался непоколебимым в своем решении, а видя, что его не хотят отпустить, прибегнул к последнему

средству — голодовке. Это заставило императора сдаться, и под конец 6 года до н. э. Тиберий смог наконец отплыть на остров Родос, где намеревался жить как простой гражданин. Этот остров привлекал Тиберия еще с тех времен, когда он останавливался здесь, возвращаясь после успешного похода в Армению.

На Родосе Тиберий и в самом деле вел жизнь простого патриция, часто приглашал гостей и сам бывал в гостях, принимал участие в спортивных играх, присутствовал на выступлениях поэтов и риториков. Проявляя интерес к латинской и греческой литературе, Тиберий и сам не чужд был писательских амбиций, пробуя силы в создании произведений на обоих языках. Писал и стихи. Родным языком Тиберий владел превосходно, особенно удачными были его неподготовленные выступления. Тиберий выступал за чистоту языка: пользуясь латынью как на письме, так и устно, он избегал греческих слов и выражений.

Тем временем, как он и предвидел, из Рима одна за другой приходили вести о все новых привилегиях, дарованных цезарем его малолетним внукам. Однако во 2 году до н. э. на Родос пришло известие другого характера — мать Гая и Луция, Юлия, жена Тиберия, была осуждена Августом, своим отцом, и сослана на безлюдный остров Пандатерию, у берегов Кампании, где ей отныне предстояло жить под стражей. За что Август столь жестоко обошелся со своей единственной дочерью? По всей вероятности, после отъезда Тиберия Юлия пустилась во все тяжкие и уже не знала удержу в разврате. По выражению Светония, «запятнанная всеми пороками», она участвовала в самых изощренных оргиях. По всей вероятности, участники этих оргий были замешаны и в политическом заговоре, ставящем целью государственный переворот.

Гнев цезаря усугубляло то обстоятельство, что дочь выставила на посмешище именно нравственные

и гражданские идеалы, которые он провозглашал и которым всегда призывал следовать. Когда одна из рабынь Юлии в страхе перед допросами покончила с собой, Август публично высказал пожелание, чтобы его дочь поступила так же. Никакие просьбы, в том числе и Тиберия, не могли заставить Августа изменить решение. Юлия была вынуждена оставить Рим. В изгнание ее сопровождала мать, Скрибония. Лишь через пять лет изгнанница получила позволение переехать в небольшое местечко Регий (современный Реджо, у Мессинского пролива) на юге Италии, но в своем завещании император особым пунктом запретил ей когда-либо возвращаться в Рим даже и после смерти, ибо ее прах запрещалось хоронить в фамильной гробнице¹.

Прошло пять лет «родосского отдыха», и Тиберий решил вернуться в Рим «для устройства домашних дел», но не тут-то было. В ответ на его просьбу Август написал, что не стоит беспокоиться о тех, кого он так легко оставил. Получалось, Тиберий теперь оказался узником на своем благословенном острове. Что же явилось причиной такой немилости императора? Наверняка их было несколько, но самыми очевидными представляются следующие: Тиберий больше не был нужен императору, ведь его внуки уже подросли. Для Тиберия настали тяжелые времена. Ему оказывалось

¹ Светоний пишет: «Сосланной Юлии он запретил давать вино и предоставлять какие бы то ни было удобства; он не допускал к ней ни раба, ни свободного без своего ведома и всегда в точности узнавал, какого тот возраста, роста, вида и даже какие у него телесные приметы или шрамы. Только пять лет спустя он перевел ее с острова на материк и немного смягчил условия ссылки; но о том, чтобы совсем ее простить, бесполезно было его умолять. В ответ на частые и настойчивые просьбы римского народа он только желал всему собранию иметь таких же жен и таких же дочерей» (Свет., Авг. 65).

явное недоверие, даже пренебрежение, его стали подозревать в заговорах. Отныне он жил в постоянном страхе за свою жизнь, боясь сказать лишнее слово, свел к минимуму общение с людьми. Единственной его надеждой было заступничество Ливии. Эти годы одиночества и неуверенности в завтрашнем дне роковым образом отразились на характере Тиберия, сделали его болезненно подозрительным, угрюмым и замкнутым, не доверявшим никому, даже самым близким.

Лишь одного человека Тиберий приблизил к себе в эти тяжкие для него дни — астролога Фрасилла. Невзирая ни на что, тот предсказывал Тиберию счастливое будущее и постоянно заверял, что вот-вот придет из Рима разрешение вернуться. И оно пришло — во время совместной прогулки Тиберия с астрологом, буквально за секунду до того, как Тиберий, разувшись в предсказаниях Фрасилла, собирался столкнуться астролога со скалы. Увидев корабль в море, тот вскричал, что судно везет хорошие вести. Так оно и случилось.

Во 2 году н. э. Тиберий смог наконец вернуться в Рим после семилетнего изгнания, сначала добровольного, а потом вынужденного. Своим возвращением он был обязан старшему внуку Августа — Гаю Цезарю, который был так уверен в прочности своего положения, что снизошел к просьбам Ливии. Вернуться Тиберию цезарь разрешил с условием — не принимать никакого участия в политической жизни страны. Не прошло, однако, и двух лет, как сам Август обратился к Тиберию с просьбой разделить с ним бремя правления в качестве военачальника и соправителя.

Причиной этого стала двойная трагедия в императорской семье: во 2 году во время морского путешествия в Марсель умер Луций Цезарь, а в 4-м скончался Гай Цезарь — от неопасной на вид раны, предательски

нанесенной ему в Армении. Так, из всех наследников императора в живых остался лишь один Тиберий.

Двадцать шестого июня 4 года цезарь официально усыновил Тиберия, приняв его в свой род. Отныне он звался Тиберий Юлий Цезарь и считался законным наследником императора. Император усыновил и единственного оставшегося в живых внука, Агриппу Постума, а Тиберий — своего племянника Германика, сына Друза. Тем самым император позаботился о судьбе династии, преемственности императорского рода.

Не только Гай и Луций Цезари, но все потомки Августа умирали один за другим в молодом возрасте. Вот уже почти две тысячи лет исследователи римской истории так и не могут найти ответ на вопрос, была ли в этом какая-то роковая предопределенность судьбы, поразительное стечение трагических обстоятельств, или этим мрачным хором смертей дирижировала чья-то преступная, целенаправленная воля. Уже в древности высказывалось предположение, что этот «мор» был делом рук Ливии, которая пролагала таким образом путь к власти своему сыну. Обвинение непроверенное, ибо ни в одном случае из этих нескольких скоропостижных смертей не велось даже расследование. Наибольшее подозрение вызывают описанные выше кончины Гая и Луция Цезарей, но именно в этих случаях известные историкам обстоятельства смерти делают очень сомнительной возможность преступления.

Впрочем, не вызывает сомнения другое: когда стало ясно, что Тиберий может стать наследником Цезаря, Ливия принялась всячески способствовать этому. Какая мать вела бы себя иначе? Известно, что именно она содействовала отстранению в 7 году последнего из внуков Августа, ибо, по словам Тацита, «так подчинила себе престарелого Августа, что тот выслал на

остров Планазия единственного своего внука, Агриппу Постума, молодого человека, сильного физически, буйного и неотесанного, однако не уличенного ни в каком преступлении». Возможно, Ливия приложила руку и к изгнанию Юлии Младшей, внучки Августа. Как и ее мать, девушка оказалась замешанной в эротических и политических скандалах и в 8 году была сослана на один из островков у Адриатического побережья Италии.

Та же Юлия стала причиной жизненной катастрофы поэта Овидия, вызвавшего неудовольствие цезаря и изгнанного из Рима. Вынужденный жить в жуткой дыре — местечке Томи на побережье современной Румынии, — он слезно жаловался на морозы и окружающую дикость.

Тиберий тем временем одерживал победу за победой. Сначала он подавил грозное восстание в Паннонии, затем, после поражения Вара в Тевтобургском лесу в 9 году, весьма умно и расчетливо сражался с германцами, совершил три тяжелых похода вглубь их земель и укрепил границу на Рейне. В походах Тиберий вел тот же образ жизни, что и его солдаты: обходился без шатра, ел и спал на голой земле. В одном из писем к нему, по свидетельству Светония, Август писал:

Я очень хвалю твои действия в летнем походе, мой Тиберий. Я считаю, что среди стольких трудностей и при таком падении духа солдат никто другой не смог бы в летней кампании действовать разумнее тебя... Пусть накажут меня боги, если я не содрогаюсь от тревоги, когда слышу или читаю о том, как ты ослабел от бесконечных трудов. Береги себя, умоляю! Если мы с твоей матерью узнаем, что ты болен, это нас убьет. И тогда окажется под угрозой все могущество римского народа.

Три года Тиберий вел тяжелые изнурительные бои в Далмации, и, хотя его призывали в Рим, упорно продолжал войну, желая довести ее до конца, пока не привел к покорности «весь Иллирик, что простирается от Италии и Норика до Фракии и Македонии и от реки Данубий до Адриатического моря» (Светоний).

В августе 14 года Тиберий с войском спешно направлялся в Далмацию, когда его нагнало письмо матери, призывающей немедленно вернуться в Нолу, к ложу умирающего императора. О чем говорил с ним Август перед смертью? И говорил ли вообще? Светоний утверждает: «Августа он застал уже без сил, но еще живого, и целый день говорил с ним наедине». Тацит же придерживается другого мнения: «Неизвестно, застал ли он еще Августа живым, или тот уже испустил дух. Ибо Ливия, выставив вокруг дома и на дорогах к нему сильную стражу, время от времени, пока принимались меры в соответствии с обстоятельствами, распространяла добрые вести о состоянии принцепса, как вдруг молва сообщила одновременно и о кончине Августа, и о том, что Тиберий принял на себя управление государством».

В этом же месяце на заседании сената было публично оглашено завещание Августа, доставленное весталками. Завещание начиналось словами: «Так как жестокая судьба отняла у меня моих сыновей, Гая и Луция, пусть наследником моим в размере двух третей будет Тиберий Юлий Цезарь».

Ливии досталась третья часть наследства, она была adoptирована родом Юлиев и получила звание Августы.

ТИБЕРИЙ

Tiberius Claudius Nero

16 ноября 42 г. до н. э. — 16 марта 37 г. н. э.

Правил с 14 г. н. э. до смерти под именем

Tiberius Caesar Augustus.

После смерти не был причислен к сонму богов

Ему было 55 лет, когда он стал императором. Это был высокий мужчина крепкого телосложения, с правильными, резкими, типично римскими чертами лица; лицо это, впрочем, иногда портили прыщи. Густые длинные волосы спадали до плеч, закрывая шею. Тиберий отличался большой физической силой и превосходным здоровьем; за время правления он ни разу не обращался к врачам, — может быть, еще и потому, что презирал их. Сдержанный, высокомерный и замкнутый, он неохотно вступал в общение даже с близкими людьми. В то же время его выступления в сенате были блистательны, ибо образование он получил хорошее и живо интересовался литературой. Скрытность характера и недоверие к людям, заложенные природой, еще более усугубились за время пребывания Тиберия в императорском окружении — жизнь преподносила жестокие уроки один за другим.

Большой опыт политика и военачальника приобрел Тиберий благодаря Августу и его советникам, а к своим обязанностям всегда относился серьезно.

Таким был человек, признанный Августом сыном и объявленный наследником и преемником власти. Еще при жизни Августа Тиберию было отдано руководство армией и присвоено звание народного трибуна. К тому же именно Тиберию оставил цезарь большую часть своего личного состояния.

Однако формальная сторона дела представлялась не столь очевидной. Римское государство вроде бы оставалось республикой. Не существовало, да и не могло существовать никаких правовых обоснований выдвижения главы государства, еще не успели появиться традиции передачи власти. Да и обязательно ли ее передавать? Почему бы не вернуться к прежней форме государственного строя, когда правил сенат и избираемые им на каждый год два консула, а власть на местах осуществляли коллективные органы свободных граждан?

Август скончался 19 августа, Тиберий же до 17 сентября медлил с формальным принятием титула императора. В ответ на просьбы сенаторов и друзей он отделивался уклончивыми восклицаниями: «Да представляете ли вы себе, что за бестия эта власть?» А когда, наконец, счел нужным уступить уговорам и мольбам, заявил: «Злое и тяжкое ярмо возлагаете вы на меня. Оставляю за собой надежду, что смогу его сбросить, когда вы сочтете нужным дать покой старости».

Историки древности с их недоброжелательным отношением к Тиберию называют подобные высказывания чистой воды лицедейством. Однако, заявляя это, они уже знают о трагедии на закате мрачного Тибериевого правления. А в тот момент слова Тиберия вполне могли быть искренними, идущими от сердца. Человек неглупый и наблюдательный, Тиберий не мог не понимать, какие опасности таит в себе неограниченная власть, как легко поддаться ее сладкой отраве.

Справедливости ради следует признать, что начало правления Тиберия было спокойным и даже в чем-то образцовым. Правда, сразу же после смерти Августа был убит Агриппа Постум, единственный оставшийся в живых внук покойного императора, многие годы пребывавший в заточении на небольшом

отдаленном острове. По чьему приказу лишили жизни молодого человека? Точно не знали, но соглашались: сделано это в интересах государства... Через несколько месяцев умерла Юлия, мать Агриппы. Говорили — с голоду. Ее держали в заточении в местечке Регий. Ходили слухи, что Тиберий лишил ее всяких средств к существованию — ее, единственную дочь Августа, свою бывшую жену! Он ненавидел эту женщину, возможно, не без причины. Впрочем, все это — дела семейные.

Для государства значительно более важные последствия мог иметь бунт легионов на Рейне и в Паннонии. Солдаты требовали выплаты жалованья, однако главная цель восставших — сделать императором своего обожаемого вождя Германика, талантливого военачальника, у которого были все права претендовать на императорскую власть, так как Тиберий официально признал его своим приемным сыном. К счастью, благоразумие самого Германика и умелые действия Друза, родного сына Тиберия, помогли довольно быстро этот бунт погасить. Германик остался во главе армии и три года подряд выводил свои легионы за Рейн, чтобы нагнать страху на германские племена. В 17 году по приказу Тиберия Германик покинул северные пределы империи. В Риме ему был устроен триумф, а затем его отправили на Восток. Талантливый вождь, Германик и здесь действовал успешно: укрепил позиции Рима в Армении и присоединил к империи две области Малой Азии — Каппадокию и Коммагену на берегах Евфрата.

Этим, собственно, и ограничилось завоевание новых земель в правление Тиберия. Он твердо придерживался советов Августа не увеличивать более империю и ограничился тем, что укрепил границы по Рейну и Евфрату, подавил восстания в Галлии и Африке, расширил римское влияние во Фракии (современной Болгарии).

Сам Тиберий поначалу ни на шаг не удалялся из Рима, и вообще, после того как стал императором, не выезжал за пределы Италии. Во многом он был верным продолжателем дела Августа и даже, пожалуй, превзошел его в скромности, точнее, в соблюдении ее видимости. Он никогда не именовал себя «императором», не принял звания *pater patriae*, что значит «Отец отечества», не согласился на переименование месяца сентября в *Tiberius*. Не жаловал подхалимов, снисходительно относился к шуточкам в свой адрес, не уставая повторять, что в свободной стране должны быть свободны и языки, и мысли.

По отношению к сенату Тиберий проявлял удивительную лояльность, позволяя на заседаниях высказывать мнения, противоречащие императорским, и даже голосовать против его собственных предложений. Объявив, что хороший государь — слуга всех граждан, Тиберий и впрямь столь же терпимо, как к патрициям, относился и к простым гражданам империи, и даже к жителям провинций. Цезарь не согласился на повышение налога в провинциях. «Хороший пастух стрижет овец, но он никогда не станет сдирать с них шкуры», — так рассуждал Тиберий. При нем проведен был целый ряд реформ, направленных на укрепление экономики страны. Он даже решился уменьшить расходы на игры и народные забавы, что, безусловно, сильно подорвало его популярность среди жителей города. Народ не оценил и того, что одновременно Тиберием были установлены твердые максимальные цены на продовольствие.

Тиберий демонстративно выступал против роскоши, провозглашая себя сторонником простой, скромной жизни, и подавал личный пример, отказавшись от обычая дарить и получать подарки на Новый год, — а они были не малым источником дохода «администрации».

Следуя традициям, Тиберий продолжал гонения на чуждые Риму религиозные культы. Четыре тысячи юношей-иудеев, призванные в армию в Риме, были направлены на Сардинию якобы для борьбы с разбойниками. Большинство юношей погибло, не вынеся суровых условий жизни на диком острове.

К астрологам цезарь относился терпимо, хотя поначалу и их пытался изгнать из Рима. Заботясь о безопасности граждан, император навел строгий порядок в столице, Италии и провинциях. Памятником этому поныне служат гигантские казармы *Castra Praetoria*, громадный каменный четырехугольник, в которых цезарь разместил до тех пор рассеянные по городу отряды преторианцев, императорской гвардии, созданной еще Августом. Главным инициатором постройки упомянутых казарм был Сеян, бессменный префект преторианской гвардии, назначенный на эту должность Тиберием с приходом к власти. В целом же при Тиберии строительные работы не отличались особым размахом — главным образом из соображений экономии, хотя много сооружений реставрировалось.

В 19 году в сирийском городе Антиохии умер Германик, по-прежнему чрезвычайно популярный в народе, но впавший в немилость императора из-за самовольного посещения Египта. Поскольку же наместник Сирии Пизон очень не любил Германика, возникло подозрение, что это он (возможно, по тайному повелению Тиберия) отравил молодого удачливого военачальника. Вдова Германика, Агриппина Старшая, осталась одна с шестью детьми (три сына и три дочери), среди которых были Гай, будущий император Калигула, и дочь Агриппина Младшая, в будущем жена императора Клавдия и мать императора Нерона.

Друз, родной сын Тиберия, тоже талантливый вождь, пользующийся большой популярностью средь

столичного люда (несмотря на склонность к распутству и некоторое проявление жестокости), скоропостижно скончался в 23 году. Говорили, что его отравила жена Ливилла (сестра Германика) по наущению своего любовника Сеяна.

Эти две смерти и поднятая ими волна мрачных подозрений больно ударили по Тиберию, хотя он и старался не показать этого. Пизону сенат предъявил формальное обвинение, и тот вынужден был покончить жизнь самоубийством, Сеян же продолжал пользоваться полным доверием цезаря.

Все хуже складывались отношения Тиберия с матерью Ливией. С первых же дней воцарения он дал ей почувствовать свою неприязнь, отказав в звании «Мать отечества» и отстранив от участия в публичных торжествах. Она не осталась в долгу и всем желающим давала читать письма покойного мужа, цезаря Августа, содержащие критику плохого характера Тиберия. Может быть, это окончательно побудило императора, и без того исполненного мрачной подозрительности, покинуть опостылевший свет. В 26 году он навсегда оставил Рим и поселился на острове Капри (теперешний Капри) в Неаполитанском заливе. Там он и прожил почти безвыездно до самой смерти, свыше десяти лет. В его дворец на высоком скалистом обрыве свозились со всего света самые изысканные произведения искусства, преимущественно эротического характера. Сюда же по приказу цезаря привозили самых красивых юношей и девушек для развлечения императора. Специальные агенты выискивали их по всей Италии и похищали. Если верить древним, на Капри, в этом райском уголке, процветали адский садизм и жестокость, устраивались самые разнузданные оргии, какие только видел мир, в угоду больному воображению распутного старика, не знавшего преград своим прихотям.

Император жил в убеждении, что на высокой скале, где над пустынным островом возвышался его дворец, он отрезан от всего мира и что мир ни о чем не узнает. Тиберий ошибался, как многие до него и после него. Нет такого уединения, нет такой стражи, нет таких стен, которые сохранили бы в тайне личные забавы высокопоставленных лиц.

Возможно, слухи о распутстве Тиберия приукрашивали и преувеличивали его враги. Теперь это трудно установить. Бесспорным, однако, является факт, что императора мало интересовали государственные дела. Их он полностью передал в ведение Сеяна. Власть префекта была практически неограниченной, его амбиции непомерно разрастались. Запуганный сенат раболепствовал перед ним, бессильная оппозиция жалась к Агриппине Старшей, вдове Германика.

Сеян беззастенчиво устранял неугодных ему сенаторов, лишая их состояния и жизни с помощью надуманных обвинений, устраивая с этой целью показательные процессы для придания видимости законности репрессиям. Именно так в 29 году он расправился со своим главным врагом — Агриппиной. Ее саму и ее старшего сына Нерона лишили прав и имущества и сослали на два разных отдаленных островка. Сначала, в 30 году, умер Нерон, а через три года — Агриппина. По отношению к ней выказывали особую жестокость: секли розгами, лишали пищи. В том же 33 году в Риме в тюрьме на Палатине¹ умер и второй сын Агриппины — Друз. И тоже голодной смертью.

Однако самому Сеяну не суждено было дожидаться смерти своих жертв. Он был убит в 31 году по приказу Тиберия. До слуха отшельника все-таки дошли вести о злоупотреблениях Сеяна, видимо, главным образом благодаря усилиям чрезвычайно уважаемой всеми

Палатин, т. е. Палатинский холм.

Антонии, вдовы брата Тиберия, умершего сорок лет назад. Цезарь понял всю опасность действий префекта, направленную в конечном итоге против него самого. И хотя даже в этот критический момент он не покинул свой остров, умело организовал свержение опасного всемогущего сановника. Не такое это простое было дело, ведь в распоряжении Сеяна находились отряды преторианской гвардии, с помощью которых он мог овладеть городом и провозгласить себя императором. Приходилось поэтому действовать осторожно, используя момент внезапности. Все произошло как в пьесе, поставленной хорошим режиссером.

Восемнадцатого октября могущественный префект в приподнятом настроении отправился на заседание сената. Он не сомневался, что прибывший этой ночью Макрон, специальный посланец императора, представит почтенным сенаторам указ о признании его, Сеяна, народным трибуном, то есть фактически соправителем. Макрон успел намекнуть об этом, а не верить ему нет оснований, ведь Тиберий уже выразил согласие на обручение Сеяна со своей внучкой Юлией.

И вот уже в храме Аполлона на Палатине, где должна была состояться церемония, толпа сенаторов-льстецов окружает префекта, стоящего с миной триумфатора. В торжественной обстановке Макрон приступил к чтению послания. Начиналось оно с обязательных общих фраз. За ними последовали какие-то многозначительные угрозы, неизвестно кому адресованные. И наконец, пали резкие, четко сформулированные обвинения, направленные без обиняков в адрес префекта. Наверное, интересно было наблюдать, как менялось поведение присутствующих по мере того, как прояснялся замысел цезаря: услужливая, готováя

на все покорность — неверие собственным ушам — ужас и полная растерянность — и бешеный взрыв ненависти по отношению к человеку, стопы которого они готовы были лизать всего минуту назад. Разумеется, яростней всего в обвинениях, исполненных благородного негодования, были самые близкие друзья Сеяна, без усталости поддерживавшие все репрессии временщика.

Сеян стоял онемев и остолбенев. Не давая ему опомниться, его тут же взяли под стражу, в тот же день судили, вынесли приговор и казнили. Преторианцы восприняли это спокойно — новый префект Макрон обещал повысить им жалованье. Три дня римская чернь таскала по улицам труп Сеяна и, надругавшись над ним, бросила в Тибр. Смерть постигла также детей Сеяна. Дочь, уже обрученную с Клавдием, палач перед казнью изнасиловал, ибо негоже предавать смерти девицу.

Народ надеялся, что с падением Сеяна придет лучшая жизнь. Этого не произошло. Произвол господствовал по-прежнему, изменилось лишь направление преследований. Сначала жертвами стали все, так или иначе связанные с бывшим префектом. Было доказано, что Сеян замышлял переворот — достаточное основание для оправдания террора и репрессий. Тиберий отдался власти своего от природы свирепого нрава. «Дня не проходило без казни, — пишет Светоний, — будь то праздник или заповедный день». Смерть казалась Тиберию слишком легким наказанием, ей предшествовали обычно самые жестокие пытки. Тиберий не посчитал нужным освободить Агрипину и Друза, несмотря на то, что их заточил Сеян.

Справедливости ради следует отметить, что, по крайней мере, равную с Тиберием ответственность за бесчисленные политические процессы несли сенаторы, которые с помощью самых подлых интриг, доно-

сов и оговоров воспользовались возможностью расправиться со своими противниками, в основном тоже сенаторами.

Юридическим основанием для многочисленных процессов являлся закон о преступлении *crimen laesae maiestatis*, оскорблении величества. Закон, принятый еще во времена Республики, призван был защищать достоинство и интересы римского народа. Теперь воплощением этого величества стал цезарь, ведь он исполнял должность народного трибуна. Сами понятия величества и его оскорбления, никогда четко не формулировавшиеся, были столь широки и расплывчаты, что любой жест, любое непродуманное слово или шутка могли послужить поводом для обвинения. Так и происходило. Во времена Тиберия в сенате рассматривалось около сотни таких дел, и почти все они заканчивались конфискацией имущества и смертным приговором или принудительным самоубийством обвиняемых.

Террор свирепствовал, процессов велось множество. Ужас обуял столицу. Потрясает мрачная картина той поры, дошедшая до нас, мастерски изображенная Тацитом. Так-то оно так, но следует помнить и о том, что драматические события коснулись лишь горстки самых обеспеченных жителей Рима. Реальная опасность угрожала только нескольким сотням патрицианских семей. Миллионы же граждан империи жили и трудились спокойно, в условиях, как бы мы сейчас сказали, законности и правопорядка. Администрация действовала исправно, указы Тиберия — и это признавали даже его враги — были разумны и полезны. Упрекали, правда, императора в том, что он слишком долго держит в провинциях наместников, но у Тиберия был свой резон. Он говорил: «Каждый чиновник подобен слепню. Напившийся крови сосет жертв уже меньше, а вот новый — опаснее. Надо же и

пожалеть подданных!» В таком случае нас не удивляет, что отличавшийся особой жестокостью, насадивший лес крестов, на которых распяли преступников, прокуратор Иудеи Понтий Пилат оставался на своей должности целых десять лет (26—36 гг.).

В начале 37 года император неожиданно покинул свой прекрасный остров и направился в Рим. В столицу он, правда, не вошел, лишь издали посмотрел на нее. По какой-то неизвестной нам причине (не исключено, что испуганный каким-нибудь вестим знамением) он повернул обратно, добрался до берегов Неаполитанского залива и остановился в небольшом городке Мизене, в старом дворце, некогда принадлежавшем Лукуллу. Здесь Тиберий и умер 16 марта 37 года. Ему было 78 лет. У власти он находился 23 года.

Обстоятельства смерти Тиберия неясны. Дело, видимо, было так: больному Тиберию стало плохо, он потерял сознание. Все принялись поздравлять наследника императора, Калигулу, как вдруг явился кто-то из слуг с известием: «Цезарь проснулся и пожелал откусать». Все замерли от ужаса, не растерялся лишь один Макрон. Бросившись в императорскую спальню, он заявил, что цезарь мерзнет, и задушил его, забросав ворохом одежды. Может быть, ему помогал и Калигула.

КАЛИГУЛА

Gaius Julius Caesar

31 сентября 12 г. — 24 января 41 г.

Правил с 18 марта 37 г. под именем

Gaius Julius Caesar Augustus Germanicus.

После смерти не был причислен

к сонму богов

Его отец Германик был внуком Ливии, а мать, Агриппина Старшая, — дочерью Юлии, так что в его жилах текла кровь Августа. Родился он в Анции под Римом, но вскоре вместе с родителями оказался на Рейне, где его отец стоял во главе армий. Солдаты часто видели сына своего обожаемого вождя. Мальчик рос среди воинов, его и одевали, как воина, и даже на ногах его были маленькие сапожки наподобие армейских калиг, прикрывавшие стопу и пальцы, с подошвой, подбитой гвоздями. К ноге сапоги привязывались с помощью ремней. От названия этих сапожек (*caligula* — уменьшительное от *caliga*) и произошло шутовское прозвище мальчика. Оно осталось навсегда, хотя, разумеется, не было официальным.

В 17 году военная судьба забросила семью Германика на Восток. Через два года Германик умер в сирийском городе Антиохии, не дожив до 35 лет. Знаменитый полководец, двукратный консул был отравлен ненавидящим его наместником Сирии Пизоном, как полагали, по тайному приказу Тиберия. Вдова с шестью детьми вернулась в Рим, где малолетний Гай стал бессильным, хотя наверняка неравнодушным свидетелем всех последующих бед, свалившихся на семью. В 29 году могущественный временщик Сеян добился высылки Агриппины на отдаленный островок

Пандатерию, где она, не вынеся лишений, по всей вероятности, умерла от голода в 33 году. Нерона, старшего брата Гая, сослали на остров Понтию, там он и умер в 31 году. Среднего брата, Друза, с 30 года держали узником в подземельях Палатинского дворца в самом Риме. Друз умер голодной смертью три года спустя. В последние месяцы он пытался есть солому из своей подстилки.

Гай, будучи самым младшим из братьев, спасся лишь благодаря своему малолетству. Кроме него из всей семьи в живых остались лишь три его сестры, к которым он всегда относился с горячей — однако утверждали, что отнюдь не с братской, — любовью. Старшая из сестер, Агриппина Младшая, вскоре вышла замуж за Гнея Домиция. Их сын впоследствии стал императором, правящим под именем Нерона. Средняя сестра, Друзилла, любимица Гая, дважды выходила замуж и умерла молодой — о ней речь еще впереди. Наконец, младшая, Юлия Ливилла, стала женой Марка Виниция, чье имя Сенкевич дал одному из героев своего романа «Камо грядеши» (ориг. «*Quo vadis*»)¹

Когда Гай остался без матери, его сначала взяла к себе прабабка Ливия, но она умерла в том же 29 году, и юношу приютила в своем доме бабка Антония. Она была вдовой Друза, брата Тиберия, и дочерью триумвира Антония и Октавии, сестры Августа. Почтенная матрона повсеместно пользовалась уважением, даже со стороны подозрительного, мрачного императора Тиберия, к тому времени уже постоянно поселившегося на острове Капри в Неаполитанском заливе.

Одного из вымышленных (неисторических) персонажей романа Г. Сенкевича зовут Марк Виниций — по книге, он молодой римский трибун, племянник Гая Петрония, придворного писателя императора Нерона.

Там, в императорском дворце, оказался в 31 году и Гай. Император спохватился, что в живых остались только два возможных наследника престола: его внук, 12-летний мальчик Тиберий Гемелл, и Гай, которому к тому времени исполнилось 19 лет. Обоих император пожелал иметь при себе — на всякий случай. При дворе Тиберия, среди невиданной роскоши и неслыханного разврата, они оказались пленниками. Их обоих, особенно совершеннолетнего Гая, постоянно окружали доносчики, ловившие каждое его слово. Гай избрал единственную правильную в его положении тактику: притворился, будто его ничего не интересует, кроме развлечений, и совершенно не волнует судьба матери и братьев. Когда же у него с помощью разных хитрых уверток пытались выведать, что он думает о трагедии своих родных, Гай упорно молчал. Он предавался развлечениям, особенно охотно танцевал и пел. Говорят, с наслаждением наблюдал за пытками — впрочем, в его окружении подобные склонности приветствовались. Даже очень уравновешенный и опытный взрослый человек в атмосфере Тибериева двора вряд ли мог сохранить здоровую психику. Гай провел на Капри целых шесть лет.

В 33 году, когда умерла голодной смертью его мать (так и не установлено, было ли это самоубийство, или ее уморили голодом), Гай женился первый раз. Его жена, Юния, умерла во время родов вместе с ребенком около 36 года. К тому времени Гай заключил тайный союз с Макроном, префектом преторианцев. Союз был нужен обоим: Гай надеялся овладеть властью с помощью Макрона, Макрон же — сохранить свое положение при новом цезаре. Связующим звеном между ними и одновременно своеобразной гарантией верности союза была жена Макрона, Энния, которая с ведома мужа стала любовницей Гая, — разумеется, брак с Юнией никаким образом не препятствовал этому. И когда 16 марта

37 года престарелому императору стало плохо — он пребывал в это время во дворце Лукулла в Мезене, — видимо, оба, и Гай и Макрон, помогли ему умереть. Каков был конкретный вклад каждого из них, об этом и в те времена не было единого мнения.

После кошмара последних лет Тибериева правления Калигула был желанным цезарем и для империи, и для войска, где многие помнили его еще младенцем, и для римской толпы, которая с радостью приветствовала молодого императора, сына столь любимого народом Германика и несчастной Агриппины. Видимо, боги решили вознаградить их семью за пережитую страшную трагедию. Въезд Калигулы в Рим обернулся триумфом, хотя это была, по сути дела, погребальная процессия, сопровождавшая тело Тиберия. Ликующие толпы народа встречали Калигулу на всем пути следования, приветствуя нового императора добрыми пожеланиями. И хотя покойный император распорядился в своем завещании, чтобы Гай и Тиберий Гемелл правили вдвоем, сенат, по совету Макрона, поспешил отменить его волю, передав все должности и почести одному Гаю: власть императора и народного трибуна, должность верховного жреца, титул Августа. Сделано это было сенатом на заседании 18 марта, то есть еще до прибытия в столицу нового цезаря.

Всю весну и лето 37 года Рим жил в состоянии эйфории. Калигула, казалось, и в самом деле оправдал все ожидания. Сначала он щедро одарил преторианцев, городскую стражу и легионеров. Затем, как и полагалось, почтил предшественника торжественной похвальной речью и тут же отправился на островки Пандатерию и Понтию (отплыл, не переживая бури на море, чтобы продемонстрировать свою сыновнюю и братскую любовь). Благоговейно, собственными руками сложил в урны останки матери и брата и с пре-

великой пышностью доставил их в Рим, чтобы вместе с прахом Друза поместить в мавзолее цезарей. (Саркофаг Агриппины, служивший в Средневековье мерой зерна, сохранился до наших дней.) Желая почтить память отца, Калигула добился у сената переименования месяца сентября в «германик» (*Germanicus*). Свою бабушку Антонию он с согласия сената осыпал всеми возможными почестями, а двоюродного брата, Тиберия Гемелла, в день его совершеннолетия торжественно усыновил, тем самым официально признав своим наследником, и назначил на почетную должность главы юношества.

Особой любовью и почетом окружил Калигула своих сестер. Как и Антонию, всем трем пожаловал привилегии весталок, за ними были закреплены почетные места на играх. Цезарь повелел в официальных присягах вслед за своим называть их имена, а ко всякой клятве добавлять слова: «И пусть не люблю я себя и детей своих больше, чем Гая и его сестер».

В государственных делах молодой цезарь проявил далеко идущий либерализм. В погоне за любовью народа он помиловал сосланных и осужденных по политическим причинам, а начатые процессы приказал закрыть. Калигула публично сжег дела по процессам матери и братьев, чтобы никто не боялся быть привлеченным к ответу за данные в свое время показания. Он не принимал доносов. По его повелению были разысканы и опубликованы произведения историков, запрещенные и сжигаемые во времена Тиберия за крамольные мысли. Потомки должны представлять себе полную картину исторических событий — заявил Калигула.

Он вновь велел публиковать «отчеты о состоянии державы» — данные о государственных расходах, — как это происходило при Августе, но было отменено Тиберием. Калигулой были введены большие послабления

по части налогов. Он изгнал из Рима лиц, известных половыми извращениями, и с трудом дал себя уговорить не топить их в море. Из сословия эквитов¹ приказал исключить людей, запятнавших себя какими-либо проступками. Зато Калигула щедро вознаградил вольноотпущенницу, которую самые жестокие пытки Тибериевых палачей не могли заставить оклеветать своего патрона. Послам греческих городов, заявивших о намерении поставить ему множество памятников, Калигула возразил, что с него довольно и четырех — правда, в самых знаменитых городах, например в Олимпии.

Народ не мог нахвалиться пышностью устраиваемых им зрелищ — всевозможных игр, сражений гладиаторов, пиров и гуляний. Особенно впечатляющими были те, которыми ознаменовалось в августе 39-го открытие храма Августа на Палатинском холме в Риме.

Одна лишь Антония, бабка императора, не разделяла всеобщего ликования, хотя среди присвоенных ей цезарем почестей был и титул Августы. Наблюдавшая Калигулу с младенчества и хорошо знавшая его с тех пор, когда он был еще мальчиком, Антония с тревогой отмечала зловещие признаки вырождения в его характере. Пожилая матрона — ей было 73 года — скончалась 1 мая 37 года при крайне загадочных обстоятельствах: то ли от огорчения, что внук крайне неуважительно

Эквиты (*лат. equites* от *лат. equus* — «конь») — сословие всадников. В III в. до н. э. они стали вторым сословием после сенаторов. С развитием торговли и ростовщичества в разряд всадников стали вступать (по цензу) владельцы крупных мастерских, ростовщики. К концу 20-х гг. II в. до н. э. превратились в денежную аристократию, владели крупными денежными средствами и движимым имуществом. Обычными занятиями эквитов были торговля и откуп налогов с провинций. При менее значимом, чем у сенаторов, политическом влиянии, держали в своих руках огромные капиталы. Особое значение приобрели как судьи — в период гражданских войн поздней республики.

обошелся с ней, когда она по старой памяти сделала ему замечание; то ли причиной стало отравление по приказанию императора; то ли по его же приказанию покончила с собой. Калигула не принял участия в похоронах бабки и, пируя, спокойно наблюдал из окна дворца за далеким дымом ее погребального костра.

В октябре 37 года молодой император тяжело занемог. Рим, Италия, провинции были объаты ужасом. В жертву богам за здоровье императора приносились тысячи животных. Толпы римлян ночи напролет у подножия Палатинского холма с тревогой ловили каждую весточку из дворца. Многие клялись отдать свою жизнь, лишь бы выздоровел молодой цезарь.

И Калигула выздоровел — на погибель Риму. Теперь это был уже совсем другой человек. Первым делом он направил своих офицеров к Тиберию Гемеллу, повелев тому покончить с собой, ибо, говорилось в приказе, он желал смерти цезарю, связывая с нею личные надежды, — что, вероятно, соответствует истине.

Затем Калигула потребовал, чтобы все, поклявшиеся отдать за него свою жизнь, — отдали ее, в противном случае это будет клятвопреступление и оскорбление богов. Он заставил покончить с собой отца своей первой жены, к тому времени уже умершей. Под конец года, присутствуя на свадьбе Пизона и Орестиллы, он прельстился невестой и тут же отнял ее у жениха, женился на ней, а вскоре столь же внезапно удалил ее.

Пышными празднествами начался 38 год, но вдруг умерла Друзилла, любимая сестра цезаря. Калигула незадолго до того отнял ее у мужа, держал как законную жену, а во время своей болезни назначил наследницей власти и всего состояния. По случаю ее смерти был повсеместно объявлен такой траур, что смеяться или просто оживленно беседовать, даже дома, считалось смертным преступлением. Эту смерть Калигула

воспринял чрезвычайно болезненно и был не в силах участвовать в погребальных церемониях. Друзиллу официально объявили божеством, а одному из сенаторов, уверявшему, что собственными глазами видел, как она возносилась на небо, выдали награду в 250 тысяч сестерциев. Впрочем, следует отметить, что из современных Гаю писателей и историков ни один не упоминал о его кровосмесительной связи с сестрой; о ней стали широко писать лишь в позднейшее время, а значит, не исключено, что это позднейший вымысел.

Через несколько месяцев после смерти сестры император женился на прекрасной Лоллии Паулине, до этого бывшей женой Публия Меммия Регула, наместника Македонии. Прослышав о красоте Лоллии, он вызвал ее из провинции, развел с мужем, женился и вскоре удалил ее от себя, запретив ей впредь выходить замуж. Приблизительно в это же время он заставил покончить с собой Макрона, которому был многим обязан, и его жену Эннию, свою бывшую любовницу.

Свирепость нрава цезаря и чудовищность его поступков проявились прежде всего в многочисленных политических процессах. Одним из наиболее распространенных обвинений были обвинения в плохом отношении в прежние времена к Агриппине Старшей, Нерону, Друзу или в излишне сдержанной скорби после смерти Друзиллы. Тут-то и обнаружилось, что судебные дела Агриппины и ее сыновей вовсе не были сожжены в начале правления Калигулы — для видимости тогда сожгли какие-то старые бумаги.

Уже начиная с 39 года в империи все больше давало о себе знать сложное экономическое положение, императору докучало безденежье — молодой цезарь за несколько месяцев своего правления легкомысленно растранижил немалые накопления, оставленные хозяйственным Тиберием. Лучшим способом попол-

нить императорскую казну, не отказываясь от разгульной жизни, была, разумеется, конфискация крупных состояний римских граждан, для чего изыскивались всевозможные предлоги. Прибегали к самым замысловатым юридическим ухищрениям. Императору доставляло наслаждение самому присутствовать на казнях осужденных. С изощренной жестокостью он заставлял отцов наблюдать за предсмертными муками сыновей. Возобновились осужденные всего год назад страшные Тибериевы процессы по обвинению в оскорблении величества. Об их возобновлении возвестил сам цезарь в своей программной речи в сенате, и услужливый сенат тут же принял постановление: учредить ежегодный праздник в честь столь знаменательной для государственных интересов речи.

В том же 39 году (а не сразу после смерти Друзиллы, как утверждает Светоний) Калигула совершил путешествие в Сиракузы на Сицилии. Сделав остановку на берегах Неаполитанского залива, он повелел возвести мост между городами Байи и Путеолы. Поставили в два ряда грузовые суда, на них насыпали и утрамбовали землю. По этой дороге цезарь проезжал верхом и на колеснице, а за ним строй преторианской гвардии и свита в повозках. По-разному объясняют историки эту прихоть императора. Может, ему хотелось затмить славу персидского царя Ксеркса, который в свое время прославился тем, что связал мостом противоположные берега Геллеспонта.

Все более безумные проекты приходили в голову императора, и он осуществлял их, не считаясь ни с чем. Так, в жажде воинской славы он задумал поход против германцев и в середине сентября поспешил на Рейн. Грандиозные замыслы, однако, не удалось осуществить, ибо внезапно был раскрыт заговор, организованный некоторыми сенаторами. Цезарь предал смерти главарей заговора, а замешанных в нем своих сестер, Агриппину

Младшую и Юлию Ливиллу, сослал на отдаленные острова. Поход против германцев не состоялся, император лишь коснулся стопой германского берега Рейна, но и это придворными льстецами тут же было объявлено величайшей победой. В то время как наместник Гальба (ставший впоследствии императором) вел настоящие упорные — и успешные — бои с германцами, Калигула купался в роскоши и распутничал на зимних квартирах в Лугдуне (современный Лион).

Расставшись с Лоллией Паулиной, Калигула взял в жены Милонию Цезонию, не отличавшуюся ни особой красотой, ни молодостью и имевшую уже троих детей. Императору нравилось ее сладострастие и полное отсутствие стыда. Уже через месяц после свадьбы она родила дочь, которую Калигула признал своей.

Вернувшись в Рим, Калигула велел казнить своего гостя, мавританского царя Птолемея (сына Юбы II и Клеопатры Селены — дочери египетской царицы Клеопатры VII от триумвира Марка Антония), а его владения присоединить к римским — можно сказать, расширил империю малой кровью.

Весной 41 года Калигула вновь повел легионы — на сей раз к северным берегам Галлии, как бы намереваясь переправиться в Британию. В Британии он, естественно, не высадился, но поскольку в его лагере случайно оказался бежавший с острова сын британского царя Кинобеллина, изгнанный отцом, поход императора был объявлен победным. Вполне удовлетворенный достигнутым, Калигула вернулся в Рим, где был встречен овацией¹

Овация — малый триумф. В этом случае победитель въезжал на Капитолий не в триумфальной колеснице, как при полном триумфе, а верхом на лошади, или даже шел пешком, увенчанный миртовым, а не лавровым венком, без скипетра, сопровождаемый игрой на флейтах вместо барабанного боя.

Превосходя в роскоши самых безудержных расточителей, Калигула постоянно нуждался в средствах. Для их изыскания он устанавливал все новые, небывалые до сих пор налоги, облагая ими все возможное и невозможное, придумывая самые несуразные и прибегая к прямому грабежу. Велись бесконечные все новые политические процессы с конфискацией имущества. Огромные состояния, и среди них все наследство императора Тиберия — два миллиарда семьсот миллионов сестерциев (по Светонию), — он промотал меньше чем за год. Светоний пишет:

Сооружая виллы и загородные дома, он забывал про всякий здравый смысл, стараясь лишь о том, чтобы построить то, что казалось невозможным. И оттого поднимались плотины в глубоком и бурном море, в кремневых утесах прорубались проходы, долины насыпями возвышались до гор, и горы, перекопанные, сравнивались с землей — и все это с невероятной быстротой, потому что за промедление расплачивались жизнью.

Свирепость, злоба, изощренная жестокость и непомерная самоуверенность уживались в Калигуле с мелочной мстительностью и отчаянным страхом за свою жизнь.

С возвращением императора в столицу террор еще более усилился. Как это обычно бывает, террор, в свою очередь, разжигал оппозиционные настроения, особенно среди тех, кому грозила наибольшая опасность, то есть среди верхних слоев общества. Организовывались все новые и новые заговоры, их раскрывали, и это вело к новым политическим репрессиям. Возникал порочный круг, вернее, спираль зла — зримое отражение возраставшего безумия императора.

Вскоре в числе неугодных оказался и знаменитый философ-стоик и оратор Сенека. Спасся он лишь

благодаря тому обстоятельству, что его сочли болезненным чахоткой, так что цезарь помиловал человека, и без того приговоренного к скорой смерти. Сенека же пережил гонителя и оставил сохранившийся в веках портрет императора, исполненный ненависти:

Уже одна омерзительная бледность лица служила верным доказательством его безумия, а к тому же и дикое выражение глубоко запавших глаз; а как отвратительна его лысеющая голова, как смешны тощие ноги на чудовищных стопах!

Образование Калигула получил, в общем-то, поверхностное, но говорить умел и даже, случалось, с юмором. Так, например, ему принадлежит меткая характеристика изящного и мягкого стиля Сенеки: песок без извести. Вкусы у него были плебейские. Он обожал скабрёзные театральные пьесы, похабные песенки и непристойные танцы. Он страстно увлекался гонками на колесницах, очень любил лошадей и по целым дням просиживал в конюшне. Для своего любимого коня не только построил мраморную конюшню и дворец с прислугой, где от его имени принимал гостей, но даже собирался сделать его консулом и ввести в сенат. Что касается последнего, это намерение можно рассматривать и как насмешку над сенаторами, роль которых сводилась лишь к послушному одобрению самых глупых, преступных и даже просто безумных решений цезаря, а в таком случае не все ли равно, кто заседает в сенате — конь, осел или человек?

Себя же Калигула считал богом, отождествляя с разными небожителями, чаще всего с Юпитером. Со статуей последнего он беседовал как равный с равным и порой, случалось, гневался на небесного собрата и даже угрожал ему. Сенат не замедлил присвоить императору звание Юпитера Латинского, а сам цезарь

повелел воздвигнуть себе храм изваянием в полный рост своей фигуры и назначил жрецов для совершения обрядов изысканнейших жертвоприношений. Одним из жрецов он сделал своего дядю Клавдия, которого презирал за то, что тот интересовался лишь книгами и историей. За оказанную ему принудительную честь Клавдий был вынужден уплатить восемь миллионов сестерциев, что намного превосходило его возможности, а потому стал бедняком и должником казны.

В довершение всех своих безумств цезарь принял-ся издеваться над офицерами гвардии. Двое из них, трибун преторианской когорты Кассий Херея и трибун Корнелий Сабин, поклялись отомстить. Подходящий момент наступил 24 января 41 года, когда на Палатине устраивались игры в память Августа. Калигула с утра смотрел представления и в полдень вышел из театра, чтобы отдохнуть и перекусить. Впереди него шел Клавдий с двумя сенаторами. Они пересекли двор и направились прямо во дворец, император же в сопровождении еще одного сенатора свернул к крытой галерее, где стояли готовые к выступлению мальчишки из знатных семей, привезенные из Азии. Цезарь остановился и заговорил с ними, и в этот момент Херея сзади нанес ему удар мечом. Острие скользнуло по ключице, Калигула вскрикнул и пробежал несколько шагов, но ему преградил путь Сабин, вонзив меч прямо в грудь императора. Уже на лежащего императора набросились остальные заговорщики, нанеся ему около тридцати ран. Минутой позже убили Цезонию, рыдавшую над окровавленным трупом, а один из офицеров размозил о стену голову их малолетней дочери.

КЛАВДИЙ

Tiberius Claudius Nero Drusus

1 августа 10 г. до н. э. — 13 октября 54 г. н. э.

Правил с 25 января 41 г. до 13 октября 54 г. н. э.

под именем Tiberius Claudius Caesar

Augustus Germanicus.

После смерти был причислен к сонму

богов под именем Divus Claudius

СЛУЧАЙНОСТЬ И ИСТОРИЯ

Если бы не чистая случайность — всего несколько шагов, — совсем по-другому сложились бы судьбы и самого Клавдия, и Рима. В тот роковой январский день он шел из Палатинского театра во дворец в нескольких шагах впереди Калигулы и не заметил, как цезарь неожиданно свернул к крытой галерее, где его ожидала группа мальчиков, приехавших из Азии, — и смерть. Клавдий и два сопровождавших его сенатора шли не оглядываясь. Если бы они увидели, что цезарь свернул в сторону и остановился, они наверняка пошли бы за ним или просто подождали, как велит учтивость. И тогда Клавдий наверняка разделил бы судьбу императора, ибо заговорщики решили не оставлять в живых никого из августейшей фамилии. А тем временем трое спокойно пересекли двор и уже вошли во дворец, когда тишину разорвал отчаянный крик тревоги. Поднялись шум и суматоха.

Палатин, а за ним и всю столицу, охватили ужас и паника. У заговорщиков не было никакого определенного плана действий, заговор сводился лишь к убийству императора и его семьи. Некоторые заговорщики были тут же, на месте, убиты прибежавши-

ми на шум германцами-телохранителями императора, которые в ярости готовы были убивать всех, кто подвернется под руку. Помимо заговорщиков погибло несколько ни в чем не повинных сенаторов и много людей простого звания, случайно оказавшихся поблизости от места преступления.

В храме Юпитера на Капитолии немедленно собрался сенат. Многие сенаторы требовали восстановления республики. Самый удобный момент, тем более что в живых не осталось ни одного представителя правящей династии. Пора кончать с единовластием, репрессиями и террором безумцев из рода Юлиев и Клавдиев. И когда ближе к вечеру убийца императора Кассий Херея отважился, в конце концов, предстать перед сенатом, он не услышал слов осуждения. Напротив, ему, как трибуну преторианцев, паролем для городских когорт на предстоящую ночь было названо слово *libertas* — свобода.

Чрезвычайное заседание сената затянулось до глубокой ночи. Хотя большинство ораторов декларировало в своих речах возврат к республике, очень многие в глубине души склонялись к сохранению единовластия, причем будущим цезарем каждый видел себя. Было решено наконец перенести дебаты на следующий день. Однако уже этой ночью положение резко изменилось.

Нашелся уцелевший представитель правящей династии. Сенат совершенно о нем забыл — и ничего удивительного, ведь его не воспринимали всерьез даже в собственной семье. Его мать, Антония, называла сына монстром, которого природа начала делать, но не закончила. Желая подчеркнуть чью-то глупость, она имела обыкновение добавлять: «Он даже глупее моего сына Клавдия». Ливия, бабка Клавдия, женщина умная и проницательная, тоже относилась к внуку с презрением. Август избегал появляться публично

в обществе Клавдия, хотя и отмечал благородство его души и умение хорошо формулировать свои мысли. Однако Клавдий страдал дефектом речи, поэтому все, что он говорил, звучало комично. К тому же у него тряслась голова, и при ходьбе он волочил ногу. Видимо, все это было следствием перенесенной в детстве болезни, но современников это обстоятельство отнюдь не смягчало. Они были глубоко убеждены, что человеку с такими дефектами нельзя претендовать на какое-либо участие в политической жизни и ждать, что окружающие вообще станут принимать всерьез такого шута горохового.

Таким образом, пятьдесят лет своей жизни Клавдий оставался в тени: ни государственных, ни военных ответственных должностей ему не поручали. Он считался непрактичным и безобидным чудачком, которого интересовала лишь история. Клавдий и сам писал ученые трактаты, которые впоследствии опубликовал. До тех пор он вел тихую незаметную жизнь, любил играть в кости и хорошо поесть. Почетные должности, дарованные Калигулой, принесли ему лишь унижение и разорение. Да, сенаторы были совершенно правы, исключив его особу из своих политических калькуляций.

Об этом нерасторопном чудачке поначалу не вспомнили и солдаты, лишившись своего военачальника. Но вот какой-то солдат преторианской гвардии, пробегая вечером по опустевшим покоям императорского дворца, заметил чьи-то ноги, видневшиеся из-под портьеры на веранде. Он раздвинул портьеру и, увидев перетрусившего Клавдия, воскликнул: *Ave Caesar!* — Да здравствует император!

Для преторианцев это был поистине дар богов. Им обязательно нужен был господин, все равно какой, лишь бы они по-прежнему могли пользоваться своими привилегиями, вести беспечную жизнь, к которой

привыкли. Преторианцы на руках принесли Клавдия в казармы и тут же провозгласили его императором. В столице им никто не посмел противиться. Так Клавдий, историк и чудака, стал императором.

Впрочем, пока не официально. Он все еще дрожал от страха, не зная, на что решиться. Меж тем по столице разнеслась весть, что Клавдия утащили в преторианские казармы, но неизвестно, с какой целью. Ходили слухи — чтобы покончить с ним. Потом стало известно о решении преторианцев.

Сенат той же ночью начал с Клавдием переговоры, пытаясь убедить его устраниваться от власти. Самого Клавдия, может быть, и удалось бы уговорить, если бы — снова случайность — в эти решающие ночные часы рядом с ним не оказался его ровесник, давний добрый друг, умный советчик, иудейский царь Ирод Агриппа. Он был внуком Ирода Великого, известного нам по библейской истории «избиения младенцев». Ирод Агриппа прибыл в Рим для переговоров с Калигулой и угодил в самую гущу событий. Он решил принять сторону Клавдия, рассудив, что это будет выгодно и для него самого, и для народа Иудеи. Будущее показало, что Ирод не ошибся.

Наконец днем 25 января произошло решающее событие: городские когорты, до сих пор поддерживавшие сенат, присоединились к преторианцам. Сенат вынужден был уступить и признал Клавдия императором.

Итак, Клавдию помогла цепь случайностей: медлительность заговорщиков и нерешительность сенаторов, а также то обстоятельство, что полвека его никто не замечал при дворе, благодаря чему Клавдий смог пережить бури, заговоры, злодеяния, в которых один за другим погибли все представители его рода.

ЦЕЗАРЬ-ИСТОРИК. ИСТОРИЯ И ЦЕЗАРЬ

Клавдий стал правителем, и все равно римская аристократия не могла простить ему два огромных недостатка, или даже порока. Первый — несолидную внешность Клавдия. Да что там несолидная, просто смешная внешность! Второй порок заключался в том, что Клавдий остался в живых и, более того, осмелился появиться на политической арене в самый неподходящий момент, когда вполне реальными стали шансы на возрождение республиканского строя. Не удивительно поэтому, что в произведениях писателей той поры — а все они, так или иначе, были близки к сенату — чувствуется негативное и предвзятое отношение к Клавдию. А уж о таком выдающемся мастере художественного слова, как Сенека, имевшем личные поводы ненавидеть Клавдия, и говорить нечего. По-скольку же в веках сохраняются именно литературные произведения, и именно по ним потомки составляют свое мнение о делах минувших дней, ибо все прочие исторические документы сохранились лишь в отрывках и известны лишь ограниченному кругу специалистов-историков, в сознании европейцев утвердился малопривлекательный образ этого императора.

Правда, уже появились труды специалистов, в которых делалась попытка создать более объективный портрет Клавдия, что повлияло и на произведения художественной литературы (как пример можно привести известные романы английского писателя Роберта Грейвса «Я, Клавдий», «Клавдий и Мессалина»). Тем не менее и сейчас еще далеко до всеобъемлющей и объективной оценки личности Клавдия и его деяний. Да и сомневаюсь я, что такая оценка вообще возможна, коль скоро главные источники информации — труды писателей-историков — заражены предвзятостью,

а все другие документы той эпохи дошли до нас лишь в отрывках. Теперь очень важно не впасть из духа противоречия в другую крайность — апологетику, удержаться от стремления создать в одних лишь светлых тонах портрет цезаря Клавдия, который и в самом деле обладал многими недостатками — не только относящимися к смешным сторонам его внешнего облика, но и весьма серьезными отрицательными качествами характера.

К слову сказать, случай с Клавдием ярко иллюстрирует одну простую мысль: как сильна над людьми власть однажды созданного стереотипа, относится ли это к человеку или целой эпохе. А уж если этот образ создавался такими мастерами, как Тацит или Сенека... Кто из писателей последующих веков посмел бы соперничать с ними в покоряющей силе художественной выразительности, кто еще обладает таким утвердившимся в веках авторитетом историка и писателя? Отсюда следует простой вывод, который должны хорошо усвоить все правители, все сильные мира сего всех времен и народов: потомки судят политических деятелей не по их делам, а по тому, что и как напишут о них современные им писатели. Значит, главная заповедь всякого правителя — жить в согласии с творческой интеллигенцией, и тогда о тебе останется добрая память на века. Разумеется, если ты в состоянии отличить заурядного льстеца и прихлебателя от действительно талантливому мастера, если ты в состоянии сносить все странности, причуды и даже злонамеренные выходки, столь часто присущие Аполлоновой братии.

Вернемся к Клавдию и попытаемся все-таки, хотя это и очень трудно сделать в нескольких словах, дать объективный образ этой, несомненно, противоречивой личности, по возможности справедливо

представить читателю ее достоинства и недостатки. Начнем с констатации наиболее важных конкретных фактов с первых дней правления Клавдия — фактов бесспорных, подтвержденных свидетельствами, — а затем попытаемся сделать анализ основных направлений его деятельности, уже отступив от хронологического принципа.

Убийцы Калигулы были приговорены к смертной казни, иначе Клавдий не мог поступить. Правда, племянника своего он ненавидел, но другого решения император не имел права принять, ибо предание человека смерти без суда и следствия всегда остается убийством и должно быть наказано во избежание опасного прецедента. Но одновременно с этим новый цезарь издал указ, освобождающий от ответственности всех, кто 24 и 25 января позволил себе антиправительственные высказывания или действия. Указы же прежнего императора были тщательнейшим образом пересмотрены и многие из них, главным образом о налогах, отменены. Также были пересмотрены все политические процессы за время царствования Калигулы, изучены списки осужденных. Освобождены были все, за исключением настоящих уголовных преступников. Зато одновременно были привлечены к ответственности те рабы и вольноотпущенники, которые писали доносы на своих хозяев. Вернули из изгнания лиц, сосланных Калигулой, в том числе и двух его сестер, Юлию и Агриппину. Конфискованные Тиберием и Калигулой состояния были возвращены прежним владельцам или их наследникам. И наконец, был издан указ, запрещающий возбуждать дела по обвинению в оскорблении величества. Мне могут возразить — дело обыкновенное, каждый новый правитель обычно начинает с правильных мероприятий и красивых жестов, которые со временем сводятся на нет, и все возвращается к прежнему порядку вещей. Ведь так было

и в начале царствования Калигулы. Это правда, но в данном случае принципы законности и правопорядка соблюдались во все время правления Клавдия, хотя не обошлось без ошибок, осечек, злоупотреблений и просто нарушений закона. И даже если Клавдию и приходилось ломать им же установленные правила, в нарушениях не всегда был виноват он лично. Так, например, и ему пришлось устроить политический процесс и сурово наказать виновных. Случилось это на второй год правления, в 42 году, когда поднял мятеж наместник Далмации Камилл Скрибониан, объявив о свержении Клавдия и восстановлении республики. Его тут же поддержали многие сенаторы, по-прежнему презиравшие Клавдия. Однако легионы не пошли за наместником, солдат вполне устраивал существующий строй, а от республики еще неизвестно чего можно ожидать. Мятеж был подавлен, его зачинщики сурово наказаны.

Новый цезарь серьезно относился к своим обязанностям. Да и вообще это был человек исключительной работоспособности. Став главой огромной империи, он находил время и для своих любимых занятий историей, не перестал писать, в результате чего им были созданы солидные труды: «Автобиография» в 8 книгах, «История гражданских войн» в 40 книгах, «История этрусков» в 20 книгах, «История Карфагена» в 8 книгах и др. В исторических трудах цезаря сказывается влияние его учителя, великого историка Тита Ливия.

Клавдий был также большим знатоком греческой литературы и греческого языка. Правда, его научные изыскания в области языка отличались некоторыми странностями. Так, например, он счел нужным ввести три новые буквы. Тем не менее из уважения к ученым трудам цезаря его коллеги-лингвисты основали при знаменитом Александрийском музее так называемый

Клаудианум (мы бы назвали его научно-исследовательским институтом), задачей которого было изучение и ежегодное прочтение от начала и до конца «Истории этрусков» и «Истории Карфагена». Из трудов Клавдия почти ничего не сохранилось, лишь жалкие фрагменты. Следует полагать, труды эти были слабы и по форме и по содержанию, коль скоро потомки не позаботились об их сохранности. И в самом деле, судя по дошедшим до нас отрывкам, стиль изложения ученого императора поражает своей причудливостью: так, например, стройный ряд доказательств часто прерывается совершенно не к месту случайными замечаниями. И все же, судя по тем же сохранившимся отрывкам, можно утверждать, что Клавдием был собран ценный исторический материал.

Теперь о Клавдии-правителе. Сложное и нелегкое дело — заниматься множеством проблем огромной империи, особенно для человека, не имеющего опыта политической деятельности. Клавдий исключительно серьезно и добросовестно относился к своим обязанностям, старался вникать как можно глубже в суть больших и малых дел. Стиль его речей, указов, постановлений неопровержимо свидетельствует о том, что он сам их редактировал.

С той же добросовестностью и даже увлечением относился Клавдий к своим судейским обязанностям: «Суд он правил с величайшим усердием», — пишет Светоний. Но порой Клавдия упрекали в том, что процессы не всегда проходили открыто, а его приговор — не всегда был логически обоснован. Клавдий действительно отличался неуравновешенным характером, но сам это понимал и часто приносил извинения людям, незаслуженно им оскорбленным в порыве гнева. Недоброжелатели-писатели упрекали его и за первое и за второе — дескать, такое поведение цезаря подрывает авторитет власти. Я нахожу этот тезис спорным.

Поскольку цезарь не мог всем руководить в одиночку, а сенаторам Клавдий не доверял, возникла необходимость поисков новых методов администрирования. Клавдий стал передавать отдельные отрасли хозяйства в ведение своим вольноотпущенникам, создавая тем самым что-то вроде теперешних министерств. Таким образом, наряду с традиционной системой управления была создана новая ветвь, подчиняющаяся непосредственно цезарю и только ему. И хотя порой вольноотпущенники получали слишком большую власть, и хотя они, случалось, злоупотребляли ею, сам принцип нового управления империей, развиваясь и совершенствуясь, со временем стал намного эффективнее старого, который, впрочем, все же продолжал действовать, но во все более ограниченном масштабе.

Была ли эта реформа продуманным нововведением Клавдия, или ее вызвало к жизни лишь недоверие императора к сенаторам? Вряд ли можно дать точный ответ на этот вопрос, но зато достоверно известно о другой реформе, когда по собственной инициативе последовательно и твердо Клавдий стал щедро наделять жителей провинций правами римских граждан. Ничего подобного прежние императоры не делали. Такое политическое изменение в общественной жизни имело огромное историческое значение. Империя, по мнению Клавдия, должна была стать общей родиной разных народов.

Наряду с этим Клавдий, как ни один из цезарей после Августа, увеличил территорию империи. Он покорил Британию — Август об этом только мечтал, а Калигула предпринимал неудачные попытки. Клавдий лично принял участие в походе и добрался до самого Камуллудуна (современный Колчестер¹). Было это в 43 году,

¹ Колчестер — город в английском графстве Эссекс.

а в следующем его военачальники покорили в Африке Мавританию. Там были созданы две новые провинции, и, наконец, в 46 году стала римской провинцией Фракия на Балканах, нынешняя Болгария.

Нужно отметить еще одну сторону деятельности Клавдия — строительство. По словам известного историка древности, строил Клавдий немного, но зато это были сооружения гигантские и полезные. Для Клавдия предметом величайшей заботы всегда было благоустройство столицы и ее снабжение. При нем возведены были два новых акведука, по которым в столицу шла вода. И в наши дни вызывают изумление сохранившиеся развалины одного из них, Аква Клавдия (*Aqua Claudia*). В Остии был построен большой порт, через который в Рим поступало продовольствие. В центральной Италии было осушено Фуцинское озеро. Тридцать тысяч землекопов в течение нескольких лет рыли подземный туннель через горный массив.

Уже перечисленных выше деяний Клавдия хватило бы с избытком для того, чтобы оставить по себе добрую память в веках. Но ведь это еще далеко не все! И тем не менее, как уже говорилось, до сих пор существуют самые противоречивые мнения о Клавдии как о человеке и как о правителе. Некоторые причины этого уже были названы, но следует назвать и еще одну, весьма существенную и по-человечески очень понятную. Точнее, эту причину следует разделить на две части, озаглавив каждую именем одной из двух жен Клавдия, — Мессалина и Агриппина.

ЖЕНЫ КЛАВДИЯ

Клавдию с женщинами не везло, хотя с юношеских лет он легко поддавался их чарам. Может быть, именно потому и не везло? Клавдию не было и двадцати,

когда он обручился в первый раз, но до свадьбы дело не дошло из-за отказа Клавдия, ибо родители невесты чем-то провинились перед императором Августом. Клавдий выбрал себе новую невесту, но она умерла в день свадьбы. Через несколько лет, уже во времена Тиберия, Клавдий женится на Плавтии Ургуланилле. Вряд ли это был брак по любви, ибо мать невесты была подругой Ливии, вдовы Августа, по-прежнему очень влиятельной матроны. От брака с Ургуланиллой у Клавдия было двое детей, сын Друз и дочь Клавдия. Мальчик, обрученный с дочерью Сеяна, могущественного префекта преторианской гвардии, погиб трагической смертью на отцовской вилле в Помпеях: он забавлялся тем, что подбрасывал маленькую грушу и старался поймать ее ртом. Груша попала в дыхательное горло, и ребенок задохнулся. Вскоре Клавдий пришел к мысли, что жена ему изменяет, а малютка Клавдия на самом деле дочь некоего вольноотпущенника. Клавдий развелся с Ургуланиллой, а девочку приказал положить голой — как она появилась на свет — у порога дома бывшей жены. О дальнейшей судьбе девочки история умалчивает.

Со следующей женой, Элией Петиной, Клавдий развелся из-за ее скверного характера, но остался плод этого брака — дочь Антония. Жизнь ее сложилась трагично. Подростком Антонию выдали замуж за сенатора Гнея Помпея, но скоро она овдовела — ее муж был казнен по приказу Клавдия, ставшего к тому времени императором, за участие в заговоре. Второго мужа Антонии, Луция Силана, казнил Нерон, который сам пожелал жениться на Антонии, а когда Антония от этой чести отказалась, казнил ее, обвинив в подготовке переворота.

Третьей женой Клавдия стала Валерия Мессалина. У них была общая родственница — Октавия, сестра цезаря Августа, которая приходилась Клавдию бабушкой,

а Мессалине прабабкой. Их свадьба состоялась в 39 году. Жениху в ту пору было 48 лет, невесте — 15. Даже для тех времен, когда девушки выходили замуж, как правило, очень рано, причем за мужчин, старше их намного, разница в возрасте была огромной. В браке с Клавдием Мессалина сначала родила дочь Октавию, в будущем жену и жертву Нерона. В 41 году, когда Клавдий уже стал цезарем, родился сын Германик, которого затем, в 43 году, в честь покорения Британии, переименовали в Британика. И ему в будущем была уготована смерть по велению Нерона.

О Мессалине, о ее темпераменте и ненасытной похоти ходили легенды. Исторически доказанным фактом являются полчища любовников из высших сфер римской аристократии. Если на это еще можно было закрыть глаза, то хуже обстояло дело с шумными дворцовыми оргиями. И это еще не все. По ночам императрица часто покидала покои во дворце на Палатинском холме и регулярно посещала публичный дом, где под именем Ликиски добросовестно «вкалывала». Рассказывали, что как-то она устроила там соревнования «на выносливость» с самой опытной профессионалкой и победила.

Сказанного выше достаточно, чтобы представить себе «моральный облик» императрицы, если в данном случае можно вообще говорить о какой-либо морали. Для судеб окружающих Мессалину людей и судеб империи гораздо худшими последствиями обернулись другие стороны характера императрицы — ее жестокость, безграничная алчность, не знающее пределов стремление уничтожить любого неугодного Мессалине, лютая свирепость по отношению к врагам, особенно к женщинам. Уже в 41 году она добилась изгнания своих недругов — племянницы Клавдия Юлии и молодого тогда Сенеки, якобы за их прелюбодеяния.

Когда же позднее был раскрыт заговор наместника Далмации, перед Мессалиной открылось широкое поле деятельности. Вместе со своим союзником Нарциссом, влиятельным вольноотпущенником Клавдия, она воспользовалась этим удобным случаем для того, чтобы избавиться от многих неугодных ей людей. Особенно жестокими преступлениями Мессалины отмечен 47 год. Именно тогда расправилась она с Валерием Азиатиком, известным политическим деятелем, двукратным консулом. Императрица невзлюбила его за то, что он предпочел ей ее главную соперницу — Поппею Сабину, считавшуюся самой красивой женщиной Рима, да к тому же осмелившуюся обольщать актера Мнестра, на которого имела виды сама императрица! А еще у Валерия Азиатика были в Риме такие великолепные сады...

Несчастливого схватили в его вилле на берегу Неаполитанского залива и доставили в Рим. Допросы вел лично Клавдий, соответственно настроенный женой. Приговоренному к смертной казни за участие в государственном заговоре, Валерию Азиатику была дарована — в виде особой милости — возможность самому выбрать, какой смертью умереть. И он до конца держался по-мужски: позанимался в своем дворце любимой гимнастикой, принял ванну, попировал, затем осмотрел погребальный костер, на котором будет сожжен его труп, и велел его перенести в другое место, чтобы огонь не повредил деревьям великолепного сада. И только потом велел врачу вскрыть себе вены.

В это же время люди Мессалины заставили покончить с собой и Сабину. Сиротой осталась ее дочь, унаследовавшая имя и красоту матери, будущая жена Нерона. Клавдий вроде бы ничего не знал об этом преступлении, что, конечно же, не оправдание. Глава государства обязан знать все, но кто из правителей знает обо всех беззакониях, творящихся в их стране?

Под конец в своем распутстве и наглости Мессалина зашла слишком уж далеко — осенью 48 года она официально вступила в брак с молодым сенатором Гаем Силием, хотя и была замужем. Это был уже политический акт, чреватый опасностью и для ее друзей вольноотпущенников, поэтому Нарцисс решился открыть глаза императору, пребывающему в это время в своей резиденции в Остии. В тот день в садах Валерия Азиатика Мессалина с гостями шумно отмечала октябрьские торжества в честь Вакха по случаю праздника сбора винограда. Один из участников праздника залез, к восторгу разгулявшихся гостей, на высокое дерево, и на вопросы, что ему оттуда видно, в тревоге вскричал: «Гроза! Гроза идет от Остии!»

И гроза грянула. Цезарь срочно прибыл в Рим и напрямик направился в казармы своих верных преторианцев. Там он и вершил суд, туда одного за другим доставляли любовников вероломной императрицы во главе с Силием и после недолгого допроса рубили им головы. Мессалина пыталась пробиться к мужу для объяснений, но бдительный Нарцисс не допустил ни ее, ни старшую весталку. К вечеру следующего дня цезарь сам спросил: «Где же несчастная? (Он употребил именно это слово — *misera*.) Пусть завтра явится и даст объяснения». Был ли это знак слабости Клавдия? Не обязательно. До сих пор дело носило политическую окраску, были основания подозревать сторонников Мессалины в подготовке государственного переворота с целью возвести на трон нового «мужа» императрицы — Силия. Теперь же, когда заговор был раскрыт и его участники уничтожены, осталось лишь личное дело Клавдия, и он мог позволить себе проявить великодушие по отношению к матери двух своих детей.

Для Нарцисса это таило смертельную опасность. Выскочив из покоев, он дал приказ дежурному офице-

ру немедленно привести в исполнение смертный приговор Мессалине.

Она в это время металась в отчаянии, то рыдая, то раздражаясь неудержимым гневом. В эти тяжелые минуты при ней неотступно находилась ее мать, Домиция Лепида, покинувшая дочь в последние годы, ибо не одобряла ее образа жизни. Она пришла к дочери, когда ту постигло горе и все отступились от еще недавно могущественной императрицы. Домиция трезво оценивала положение и понимала, что для дочери все потеряно, уговаривала ее хотя бы умереть достойно. Вдруг раздались громкие удары в запертые ворота. Никто из слуг не осмелился отворить. Солдаты ворвались силой. Офицер молча остановился перед обеими женщинами, зато не молчал, исторгая потоки брани, сопровождавший его слуга Нарцисса. Мессалина дрожащей рукой взяла кинжал, но у нее не хватило решимости вонзить его в себя. Потерявший терпение офицер помог ей сильным толчком.

Внешне Клавдий спокойно воспринял смерть жены, но кто знал, что он чувствовал в глубине сердца. И не было ли это наружное спокойствие, в чем его потом столько раз упрекали, единственной правильной реакцией мужчины и императора? А как еще ему следовало реагировать? Всенародно оплакивать распутницу? Или, наоборот, предать ее память проклятию? Но думал он о ней постоянно, и именно этим, а не какой-то странной забывчивостью, как считает Светоний, объясняется удивительный вопрос, с которым цезарь как-то утром обратился к слугам, накрывавшим на стол: «А почему не приходит госпожа?»

Пережив семейную драму, Клавдий торжественно поклялся преторианцам в том, что отныне пребудет в безбрачии, коль скоро все его браки оказались неудачными. А если не устоит и нарушит свою клятву, пусть они, преторианцы, заколют его собственными руками.

Клятве своей он изменил очень скоро, выразив желание опять связать себя узами брака, и на Палатине принялись гадать, которой из дам высшего общества суждено стать новой императрицей. Лучше всех были информированы, разумеется, вольноотпущенники, ведь они пользовались безграничным доверием Клавдия. Но случилось так, что у каждого из этих могущественных сановников была своя кандидатура.

Нарцисс, главный виновник гибели Мессалины, советовал Клавдию жениться на своей прежней жене Петине, которую тот в свое время прогнал. Доводы Нарцисса: Клавдий хорошо знает эту женщину, недостатки ее известны, значит, неожиданности исключены, зато уж она наверняка будет хорошо заботиться не только о своей дочери, Антонии, но также и о Британике с Октавией. Концепция хоть и оригинальная, да уж больно чудная, так что, пожалуй, реальные шансы имели скорее кандидатуры двух других приближенных вольноотпущенников, Каллиста и Палласа. Первый советовал прекрасную и сказочно богатую Лоллию Паулину, которой несколько лет назад пришлось на короткое время стать женой Калигулы. Сохранилось свидетельство современника: на один из скромных приемов Лоллия явилась в платье из изумрудов и жемчугов стоимостью как минимум в 40 миллионов сестерциев. Однако цезаря трудно было прельстить богатством, замужество же Лоллии с Калигулой, хоть и вынужденное, отталкивало. Вот так победил Паллас, поддерживавший Агриппину.

Агриппине Младшей было тогда 32 года. Правнучка императора Августа, родная сестра Калигулы, она приходилась Клавдию племянницей. Очень близкое родство? Но и тут находились доводы «за»: зачем цезарю связываться с другими родами, привлекать в императорскую семью чужих людей, разжигать амби-

ции новой родни? Не был препятствием и сын Агриппины, Луций Домиций, родившийся в 37 году от брака с Гнеем Помпеем: Гнея уже несколько лет нет в живых, а мальчик может оказаться очень полезным династии, достаточно вспомнить, как в свое время пригодились Августу Тиберий и Друз, сыновья Ливии от первого брака. Ну и, наконец, пора бы уж как-то вознаградить бедную Агриппину за те страдания, которые пришлось ей вытерпеть от безумца Калигулы, сославшего несчастную на отдаленный безлюдный остров!

И вот в начале 49 года по предложению бывшего цензора Вителлия сенат принял решение: умолять Клавдия жениться на Агриппине. Только она, происходящая из столь славного рода, с ее незапятнанной репутацией и известной всем твердостью характера, прекрасная мать и хозяйка, способна стать достойной владычицей императорского дворца, снимет бремя семейных забот с плеч цезаря, и тот сможет отдавать все свои силы государственным делам. Этого же потребовал и народ — разумеется, в едином спонтанном порыве. Как же было цезарю устоять? Руководствуясь высшими государственными интересами, он женился на Агриппине через два дня после трогательной, тщательно подготовленной демонстрации народного волеизъявления.

Во время свадебных торжеств внезапно разошлась весть о том, что Юний Силан, жених Октавии, дочери Клавдия, покончил жизнь самоубийством. Это была первая жертва Агриппины. Силан мешал ей, ибо она хотела сделать мужем Октавии своего собственного сына. Подступом и интригами она еще раньше добилась того, что Силана вывели из состава сената и за четыре дня до январских календ заставили сложить с себя преторский сан. Молодой человек, перед которым открывалось блестящее будущее, был просто-напросто затравлен до смерти.

Для Сенеки же, напротив, возвышение Агриппины открыло путь к карьере. Его вернули из изгнания, наградили званием претора и сделали воспитателем сына императрицы Луция Домиция. Впрочем, не прошло и года, как мальчик получил другое имя, — в феврале 50 года он был объявлен Клавдием приемным сыном и назывался теперь Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь. В историю он вошел просто как император Нерон. Сама Агриппина получила титул Августы. В том же году в Оппид Убиор на Рейне, где она родилась более тридцати лет назад, были направлены поселенцы-ветераны, поселение получило статус колонии и переименовано — Колония Клавдия Алтаря Агриппины (*Colonia Claudia Ara Agrippinensis*). Позже город стали именовать просто Колония Агриппины. Сейчас это Кёльн.

Влияние императрицы, которая действовала в тесном сотрудничестве с Палласом, все возрастало, и использовала она его преимущественно в преступных целях. Так, она добилась изгнания ненавистой ей прекрасной и богатой Лоллии Паулины. Лишенная имущества и гражданских прав, бывшая соперница императрицы вскоре была казнена. Агриппина велела принести себе отрубленную голову несчастной, чтобы собственными глазами убедиться в смерти этой женщины.

Единственным противником Агриппины при дворе оставался Нарцисс. Он оказался в очень сложном, да что там — крайне опасном положении. Нарцисс знал, что императрица его ненавидит, но знал также и то, что ничего хорошего ему не сулит приход к власти наследника Клавдия — Британика, так как именно он, Нарцисс, стал виновником гибели Мессалины, матери Британика. Вот почему могущественный сановник проявлял неустанную заботу о здоровье и безопасности Клавдия и вместе с тем прилагал все усилия, чтобы завоевать расположение мальчика.

При всяком удобном случае он демонстрировал свою любовь к нему и громогласно молил богов помочь Британику поскорее возмужать и даровать ему силы для отмщения убийцам матери и недругам отца. Под последними подразумевались в первую очередь Агриппина и Паллас.

Под влиянием Нарцисса сам Клавдий стал сердечнее относиться к родному сыну, которого незаслуженно обидел, adoptируя пасынка — Нерона. Цезарь даже хотел уже разрешить Британику надеть мужскую тогу, что означало бы достижение им совершеннолетия. Тем самым создавалась непосредственная угроза планам Агриппины посадить на трон своего сына Нерона.

Осенью 54 года страдающий подагрой Нарцисс отправился на лечение теплыми водами в городок Синусса, расположенный на расстоянии одного дня пути к югу от Рима. Четырнадцатого октября до него дошло известие о смерти цезаря, и в тот же день за ним явились солдаты, чтобы его арестовать.

Что стало причиной смерти Клавдия? Считают, что он был отравлен накануне за ужином. Вероятнее всего, яд находился в его любимом блюде, белых грибах. Одни утверждают, что сделала это сама Агриппина, своими руками поднеся любимое лакомство цезарю, другие придерживаются иной версии: когда после съеденного у императора началась рвота, придворный врач якобы для ее облегчения, вложил в горло Клавдию перо, обмакнув его в сильный яд. Достоверно известно лишь, что мучился цезарь всю ночь и скончался только к утру, 14 октября.

В течение еще нескольких часов Агриппина держала смерть супруга в тайне, более того, велела оповестить всех, что императору стало лучше. За эти часы было сделано все, чтобы подготовить переход власти к ее обожаемому сыну Нерону.

НЕРОН

Lucius Domitius Ahenobarbus

15 декабря 37 г. — 9 июня 63 г.

С 1 марта 50 г. — *Nero Claudius Drusus Germanicus*.

Правил с 13 октября 54 г. до смерти под именем *Nero Claudius Caesar Augustus Germanicus*.

После смерти не был причислен к сонму богов

НЕРОН АПОЛЛОН

Вот какими словами в 54 году воспевал Сенека вступление на престол своего воспитанника и одновременно простался с ненавистным Клавдием:

Я желаю предать памяти то, что происходило в небесах в достопамятный день 13 октября сего года, открывшего век новый, благословенный. Руководствуюсь я при этом только правдой, а не чувством благодарности, не чувством неприязни. Всё правда!

Итак, был тринадцатый день октября. Точного времени не назову, ибо легче философам прийти к единому мнению, чем часам. Происходило это приблизительно между часом шестым и седьмым. Клавдий начал испускать дух, и никак не мог его испустить, тогда бог Меркурий, всегда высоко ценивший обширные умственные способности Клавдия, отвел в сторону одну из трех богинь судьбы и так сказал ей:

— Что ж ты, жестокая, позволяешь бедняге так мучиться и не положишь конец его жестоким страданиям? Ведь вот уже шестьдесят лет и четыре года бьется он

со своей душой! Откуда такая неприязнь и к нему и к государству? Позволь астрологам хоть раз сказать правду. Ведь с тех пор, как Клавдий вступил на трон, они каждый год и каждый месяц пророчат ему смерть и все никак не угадают. Впрочем, их ошибки понятны — как можно вычислить час его смерти, если никто никогда не мог предположить, что он и в самом деле родится!

Снизойдя к просьбе Меркурия, Клото пресекла нить жизни цезаря. Тем временем сестра ее Лаксис, увенчав свою голову лаврами, взяла руно, чистотой своей белому снегу подобное, и рукой судьбоносной нить потянула, она же, вытягиваясь, цветом иным исполнилась. Смотрят изумленные сестры на пряжу и видят, что обычная шерсть в драгоценное золото преобразилась, а вместе с нею восходят новые века, которым несть конца. Благословенна та пряжа! Вертится веретено, волнами сплывают мягкие нити. Вот они уже длиной своей уподобились годам Титона, вот они уже превзошли Несторов век. Видит то бог Феб Аполлон, песней помогает, радуется грядущему. То в струны весело ударяет, то новую пряжу подает. Его игра отвлекла внимание богинь. Замороженные пеньем и игрой брата, выпряли они нить длинней обычной, превосходящую меру судьбы человеческой. Но Аполлон так им приказывает:

— Ничего не убавляйте, пусть он превзойдет время, положенное смертному, он, подобный мне внешним обликом и обаянием и не уступающий мне ни в искусстве пения, ни в чарующей силе голоса. Он даст века счастья уставшим, вернет силу законам. Подобно утренней заре, что гасит свет бледнеющих звезд, подобно вечерней заре, что вновь зажигает звезды, подобно розовоперстому рассвету, что побеждает тьму ночную и провозглашает день, явится новый Цезарь. Таким Рим увидит Нерона. Светозарный лик его излучает кротость, а волосы буйной волной ниспадают на дивную шею.

Прекрасный портрет молодого правителя, восторженный гимн его воцарению! И насколько же этот портрет отличается от известного нам из истории образа Нерона! Мне могут возразить — ничего удивительного, ведь испокон веку с приходом новой власти люди привыкли связывать надежды на лучшее. И Сенека своим панегириком лишь еще раз подтверждает извечную наивную надежду людей на лучшее будущее.

Согласитесь, однако, что в данном случае действительно имело место явление необычное — власть взял в руки юнец, едва достигший семнадцати лет. Все его предшественники занимали этот пост в более зрелом возрасте. Даже Калигула, самый младший из них, стал цезарем в двадцать пять.

Уже сама молодость Нерона привлекала к нему симпатии и пробуждала надежды в людях на то, что с его приходом непременно и в Риме и во всей империи воцарятся радость и беззаботное веселье. Надо признать, для таких надежд были основания. Стоустная молва разнесла далеко окрест — а кого не интересуют сплетни о жизни сильных мира сего? — вести о том, что Нерон получил хорошее воспитание под руководством того же Сенеки, что он веселого беззаботного нрава, что он обожает все, связанное с греческой культурой, а также развлечения и песни, как и многие в его возрасте. Со страстью предавался он, так же как всякий настоящий римлянин, гонкам колесниц, мог часами со знанием дела спорить о них с другими знатоками, как в наши дни спорят болельщики о шансах на выигрыш и забитых голах их любимых футбольных команд.

В те времена в Риме при цирке существовали четыре партии — спортивные клубы, как бы мы их сейчас назвали, — выставлявшие для участия в состязаниях на стадионе коней, колесницы и возничих: Зеленые,

Голубые, Красные и Белые — так они назывались. Были знаменитости среди возничих, которые имели за спиной десятки побед, слава о которых разносилась далеко — совсем как о современных звездах футбола. Римские спортивные партии представляли собой настоящие крупные предприятия, располагающие многочисленным административным и техническим персоналом. Их целью было оказывать услуги лицам, которые пожелали организовать для народа зрелища, — главным образом высшим сановникам и самим императорам.

В ту эпоху зрелища являлись совершенно необходимой составной частью общественной жизни, будучи тесно увязаны со всеми политическими событиями в стране; в них находили разрядку естественные инстинкты борьбы и азарта, присущие психике каждого настоящего мужчины, независимо от эпохи, в какую ему выпало жить. Как и Калигула, Нерон был горячим болельщиком Зеленых.

Несомненно, имело значение и то, что в молодости Нерон мог нравиться своим обликом. Вспомним, в Античности всегда придавалось большое значение внешности. Нерон был довольно высокого роста, с правильными чертами лица. Густые светлые волосы спадали на плечи, прикрывая (пожалуй, немного толстоватую) шею, светлые зеленоватые глаза часто были прищурены — следствие близорукости. С годами, правда, проявилась склонность к полноте, а поскольку ноги Нерона оставались очень тощими, фигура его особой пропорциональностью не отличалась. Этот дефект, однако, в значительной степени позволяли скрывать длинные одежды, в которых тогда появлялись по торжественным случаям.

Симпатичный, нормальный юноша — таким видели римляне Нерона в тот знаменательный день 13 октября 54 года, когда разнеслась весть о смерти

Клавдия и был провозглашен цезарем его преемник, приемный сын. А как же родной сын почившего императора, Британик? Ему было в ту пору всего 13 лет, и все согласились, что в таком возрасте нельзя претендовать на власть, и не нарушили никаких законов, обойдя мальчика. В конце концов, ничего плохого Британику не учинили, у юноши было все впереди, опасность ему никакая не грозила, недаром же Нерон взял себе в жены его родную сестру, четырнадцатилетнюю Октавию.

В полдень этого же дня когорты императорской гвардии провозгласили Нерона цезарем. Нерон явился в казармы преторианцев и произнес речь (написанную, по всей вероятности, Сенекой), в которой доводил до сведения присутствующих горестную весть о кончине Клавдия, заверял, что во всем будет следовать его делам, и обещал одноразовую прибавку к жалованью.

Затем цезарь отправился в сенат, где тоже произнес речь (также написанную Сенекой), после чего сенаторы, захлебываясь от угодливости и подобострастия, наперебой кинулись славословить новоиспеченного императора. Нерон тут же получил титул Августа и все возможные и невозможные звания и привилегии, которыми пользовались его предшественники. Каждое очередное верноподданническое предложение сенаторы встречали бурными аплодисментами, переходящими в овацию, и принимали единогласно. Молодой цезарь с присущей ему скромностью послушно согласился на все, лишь в одном случае позволил себе возразить: он не принял титула «Отец отечества», рассудительно заметив, что вряд ли ему в его возрасте пристало так себя называть. На этом же заседании сенаторы, стремясь смягчить сыновнее горе Нерона, причислили Клавдия к сонму богов.

Лишь поздним вечером новый император вернулся во дворец на Палатинском холме. Дежурный офицер ночной городской стражи, как водится, обратился к нему за паролем на предстоящую ночь. Молодой цезарь сходу назвал его — *optima mater*, лучшая мать.

НЕРОН И АГРИППИНА

Всем своим поведением новый цезарь стремился доказать, что эти слова выражают его действительные чувства к матери. Он всегда подчеркнуто демонстрировал свое уважение к ней. Агриппина, однако, не собиралась довольствоваться лишь внешними знаками почитания, ей нужна была реальная власть. Всеми силами честолюбивая женщина добивалась ее и многого достигла. Она обрекала на смерть неугодных ей людей, добиваясь для них смертного приговора; через доверенных лиц осуществляла контроль над финансами империи. Зримым подтверждением влияния Агриппины в государственных делах явились серии монет, выпущенных Нероном в начале его правления. На некоторых из них на одной стороне был выбит профиль Нерона, а на другой — его матери, на некоторых же — оба профиля рядом, как равноправных властителей.

Правда, Агриппина не могла участвовать в заседаниях сената, ибо женщинам вход туда был запрещен, но, укрывшись за занавесом библиотечного зала, она слышала все происходящее в сенате. Это не было ни для кого тайной, и ораторы взвешивали каждое свое слово. Властная женщина сделала попытку изменить давний обычай и однажды, когда принимали послов из Армении, вошла в сенат и села рядом с сыном. Тот растерялся и не знал, что делать. Мудрый Сенека шепнул ему пару слов, цезарь поспешил встать, нежно

приветствовал мать и заговорил с ней. Прием зарубежных гостей был прерван и перенесен на другое время. Тем самым удалось избежать скандала в международных отношениях.

В действительности же в первые годы правления молодого императора главные роли в государстве играли Сенека и Бурр. Между ними и Агриппиной скрыто велась постоянная упорная борьба. Воспитатель Нерона и префект его преторианцев всеми силами старались отстранить Агриппину, ограничить ее влияние. Захвати она действительную власть, вернутся мрачные времена Тиберия и Калигулы, — считали они, — ибо жестокий нрав, болезненная подозрительность, абсолютное отсутствие всяких моральных принципов и непомерные амбиции этой женщины уже были всем известны.

Стараясь укрепить свои позиции, обе враждующие стороны всеми средствами добивались благосклонности молодого императора, потакая ему во всем, выдумывая все новые развлечения. Раз нравится, пусть занимается сочинением и исполнением песен, пусть пропадает на состязаниях певцов и возничих, только бы не вмешивался в государственные дела. Он еще не дорос до них, так что самое лучшее — не мешать своим опекунам. Это был, пожалуй, единственный пункт, по которому сходились мнения обеих противоборствующих сторон. Цезарю оставались только чисто представительские функции. Даже тексты для выступлений ему сочинял Сенека — первый раз в истории Рима глава государства читал чужой текст. Поскольку же Нерон был неглуп и обладал определенным актерским даром — необходимым качеством каждого политика, он неплохо справлялся с этими своими обязанностями.

По общему мнению, начало правления Нерона было прекрасным. Он на деле выполнил обещания, которые давал в своей программной речи на похоронах

Клавдия. В ней он заявил о своем стремлении править империей, руководствуясь, по примеру Августа, мудростью сената и волей армии. Нерон заявил, что ни к кому не питает ненависти и не горит желанием кому-либо мстить, и пусть трон его не будет запятнан кровью и насилием, ибо без крови и насилия он ему достался. В его дворце не найдется места доносчикам и карьеристам, а личные дела его семейства будут целиком отделены от государственных.

Ободренный такой декларацией, сенат осмелился вскоре отменить принятое еще во времена Клавдия постановление о гонорарах адвокатов и об устройстве зрелищ квесторами. Действуя через своих сторонников, Агриппина попыталась воспротивиться отмене этих постановлений. Здесь она действовала из принципа, ибо, как вдова, не могла позволить нарушить волю покойного мужа, хотя обе проблемы ее насколько не волновали. Тем самым Агриппина совершила очередную тактическую ошибку: восстановила против себя и сенат, который ненавидел Клавдия, и Нерона, в связи с чем, разумеется, ничего не добилась, зато истинные масштабы ее влияния, вполне ничтожные, стали ясны всем.

Вскоре разразился скандал в императорском дворце. Агриппине стало известно, что у ее сына появилась любовница, вольноотпущенница Акте, к которой он сильно привязан и которую тайком посещает. Агриппина пришла в ярость — как смеет Нерон питать любовь к кому-либо еще, кроме матери! (Брак с Октавией не в счет, это типичная политическая сделка, в которой чувства не замешаны.)

Всеми правдами и неправдами Агриппина пыталась настроить сына против Акте, высмеивая его увлечение «ничтожной служанкой», и добилась лишь того, что окончательно восстановила против себя сына-цезаря.

Главный союзник Агриппины, Паллас, бывший доселе фактически министром финансов империи, был отстранен от должности. Это привело Агриппину в бешенство, и тут она, потеряв голову, совершила уже непростительную ошибку, заявив публично, что, коль скоро это она дала сыну власть, она же ее может отнять и передать законному наследнику — Британику. Тем самым Агриппина подписала смертный приговор и Британику и себе.

Британик был отравлен во время пира во дворце, на глазах у всех. Агриппину выдворили из императорского дворца, с этих пор она считалась частным лицом и проживала в своих поместьях. Общественность с огорчением восприняла известие о смерти мальчика, но оно не вызвало особого возмущения, ибо было ясно — со временем Британик превратился бы в постоянную политическую угрозу цезарю, а кому нравится жить в эпоху конфликтов и войн? Что же касается опалы Агриппины, то ее встретили с удовлетворением. Эта болезненно честолюбивая женщина, виновница гибели многих людей, симпатией не пользовалась.

Впрочем, эти происшествия в императорском дворце вскоре были забыты, их заслонили гораздо более существенные для Рима события международной жизни. А эти радовали. В Армении, в битвах с парфянами, одерживал победы талантливый военачальник Корбулон. На Рейне позиции римлян тоже были укреплены. Во всех провинциях царило спокойствие. В Риме же бесконечной чередой шли всевозможные празднества и увеселения. Поговаривали, правда, что Нерон с группой ровесников нашел себе особое развлечение — бесчинствует по ночам, нападая на прохожих, избивая и даже убивая их, но и этому находили оправдание — молодость, молодому вину надо перебродить, и лучше уж эти юношеские

забавы, чем политические процессы и террор его предшественников.

А Нерон тем временем нашел себе новую подругу, Поппею Сабину. Вот что писал о ней Тацит:

Ничего не пожалела для нее природа, разве что честную душу. Благородство и красоту, а также достаток, пристойный ее высокому положению, унаследовала она от матери... Благовоспитанная и остроумная в разговоре, скромностью искусно умела прикрыть сладострастие. Ее не останавливало, отрок ли пред нею или зрелый мужчина. Непостоянная в своих привязанностях, не считалась с ними у других, сердце же ее лишь холодному расчету подчинялось.

Красоту Поппея унаследовала от своей несчастной матери — светлые, золотистые волосы, большая редкость в Риме, поразительно нежная кожа составляли предмет ее постоянной заботы. Поппея не только принимала ванны из молока ослиц, но и пользовалась кремами, которые еще много лет спустя высоко ценились римлянками. Поппея не раз признавалась, что хотела бы умереть до того, как начнет увядать.

Второй муж Поппеи, Марк Сальвий Оттон (в будущем император) был другом Нерона и излишне много хвастался перед ним красавицей-женой, чем и привлек к ней внимание цезаря. Сначала Нерон отлучил Оттона от ложа его собственной жены, а затем и вовсе усладил из Рима подальше — своим наместником в Лузитанию, современную Португалию. Позже стали утверждать, что именно по вине Поппеи Нерон совершил два ужасных преступления — убил мать и жену, так как Поппея мечтала стать официальной супругой цезаря, а этому мешали Агриппина и Октавия.

Так ли это? Думается, не только по настоянию подруги решился Нерон на убийство матери. Зная

свою мать лучше, чем кто бы то ни было, он жил в постоянном страхе. Эта женщина, с ее непомерными амбициями и невероятной жестокостью, способна была организовать государственный переворот, подобный тому, когда она дала сыну власть, и отобрать у него трон. В окружении Нерона было немало и других людей кроме Пoppей, которые разделяли опасения цезаря по отношению к матери и всячески разжигали его подозрительность, например Бурр и Сенека, первые советники императора. Так что, пожалуй, в этом преступлении роль Пoppей можно сравнить разве что с крупинкой, перевесившей окончательно чашу весов.

Убийство подготавливалось тщательно. Мартовским днем 59 года Нерон неожиданно пригласил мать прибыть к нему на виллу в Байях, на берегу Неаполитанского залива, чтобы вместе отпраздновать Квинкватрии — веселый народный праздник в честь богини Минервы. Мать он встретил ласково и сердечно, после полудня в ее честь был дан роскошный пир, а вечером цезарь с почестями проводил мать на корабль, на котором ей предстояло вернуться к себе на роскошную виллу.

Ночь была тихая, море спокойное, небо усеяно звездами. Весла гребцов медленно ударяли о воду, и корабль стремительно несся по зеркальной глади залива. Агриппина прилегла на ложе, установленном на палубе, рядом на низеньком стульчике присела ее служанка Ацеррония. Высокие стены ложа, выполняющая роль ширмы, заслоняли женщин от посторонних взглядов. Вдруг раздался страшный треск и рухнул навес над палубой. Корабль покачнулся и начал быстро погружаться в воду — казалось, его борта расступились. Крепкие стенки ложа спасли женщинам жизнь. На корабле началась паника, раздались крики, ругань, люди метались, обезумев от страха. Шум пронзил

отчаянный женский крик: «Ко мне! Спасите меня! Я Агриппина! Я мать цезаря!» На крик бросились гребцы, женщина захрипела и смолкла.

Весть о катастрофе корабля и опасности, угрожавшей матери императора, распространилась молниеносно. Все побережье от Мизен до Путеол пришло в волнение. На берегах собралось множество людей с факелами, многие на лодках вышли в море. Люди не понимали, как в такую спокойную погоду мог потерпеть катастрофу императорский корабль, ведь в этих местах нет опасных скал. Кружили разные слухи.

Агриппина спаслась чудом — пользуясь общей суматохой, она незаметно скользнула в воду и поплыла к берегу, а вскоре ее подобрала чья-то лодка. На корабле гребцы веслами забили Ацерронию, которая в момент катастрофы стала громко кричать, что это она — мать императора, надеясь, что тогда ее спасут.

Узнав о чудесном спасении Агриппины, люди слали поздравления ей и сыну. А тот был вне себя: покушение на Агриппину провалилось, и не оставалось сомнений, что Агриппина все поняла и не поверит в случайность катастрофы, ибо смерть Ацерронии раскрыла намерение цезаря. Что она предпримет теперь? Соберет и вооружит своих рабов, поднимет преторианцев или помчится в Рим и там обратится к народу и сенату, обвиняя сына в самом ужасном из всех злодеяний — в покушении на жизнь матери?

Нерон созвал ближайших советников. Молча сидели они, не зная, на что решиться. Наконец Сенека отважился и задал Бурру прямой вопрос: «Твои солдаты выполнят этот приказ?» Бурр ответил отрицательно — преторианцы преданы всему императорскому дому, да и жива еще память о благородном Германике, отце Агриппины.

Вдруг доложили, что прибыл посланец от Агриппины, ее вольноотпущенник Агерин с добрыми вестя-

ми: благодаря милости богов его госпожа счастливо спаслась и просит сына не беспокоиться за ее здоровье, теперь она нуждается лишь в отдыхе после пережитого. А что еще оставалось Агриппине? Только сделать вид, что она ни о чем не догадывается. Прежде чем посланец закончил сообщение, послышался стук металла о пол, и у ног Агерина упал кинжал. Ворвалась стража, ничего не понимающего Агерина схватили, как подосланного Агриппиной убийцу. Кинжал подбросил сам Нерон.

Решено было, что дело должен довести до конца Аникет, командующий миценским флотом, который так бездарно организовал покушение на корабле — пусть теперь исправляет свою ошибку. Он и его люди застали Агриппину лежащей в постели в спальне своей виллы. Когда три офицера ворвались в комнату, Агриппина приподнялась на ложе и спокойно произнесла: «Если вы пришли узнать, как я себя чувствую, скажите цезарю, что уже лучше. Если же вы пришли за другим, то я не верю, что это приказ моего сына. Он не может быть убийцей матери!»

Оказалось, может. Агриппине нанесли несколько смертельных ран, а труп ее слуги сожгли еще той же ночью.

До утра цезарь не сомкнул глаз. Он метался, обураваемый страхом, — что будет, когда народ, сенат, армия узнают о свершенном злодеянии? От него все отвернутся, он умрет отверженный и всеми осуждаемый.

Но вот, наконец, пришел рассвет, а с ним и первые отклики на свершившееся — поздравления! Сначала от офицеров и солдат. Потом от жителей близлежащих городков и местечек. А вскоре и из Рима прибыли официальные делегации от сената и сановников. Все радовались, что обожаемый цезарь счастливо избежал опасности, и покушение, задуманное преступной

матерью, не удалось. Ибо такова была официальная версия происшествия, в которую, разумеется, никто не верил, но все делали вид, что верят. По всей стране приносились благодарственные жертвы богам, а возвращение в Рим чудом спасшегося императора стало чуть ли не его триумфом — так восторженно встречал его весь город.

Безграничная трусость подданных позволила Нерону уяснить простую истину — власть вознесла его высоко над добром и злом.

Таким образом, соучастниками страшного злодеяния стали все подданные императора, и над всеми нависла угроза возмездия. Им стал сам Нерон.

ЗАБАВЫ И КРОВЬ

Поначалу Нерон еще не был уверен в том, как его встретит Рим, и медлил с возвращением, странствуя по городам Кампании. Когда же он отважился, наконец, вернуться в столицу, весь город вышел ему навстречу — сенаторы и патриции в торжественных одеждах, празднично принаряженные горожане. Отдельными рядами выстроились женщины и дети. Чудом избежавший смерти император принимал поздравления благосклонно, но лицо его выражало глубочайшую скорбь; императору причинила страдание и смерть матери, и ее козни.

Первым делом цезарь направился на Капитолий, где в храме Юпитера принес благодарственную жертву за чудесное спасение. А ведь все, начиная с сенаторов и кончая последним поденщиком, знали, что приветствуют преступника, совершившего особенно гнусное преступление. Об этом, не скрываясь, говорили в народе и не боялись донощиков, ибо никто не осмелился бы дать ход делу, которое грозило гибелью

не только подсудимому, но и обвинителям, и самим судьям. Воздавая почести преступнику и принимая участие в массовом разыгрывании комедии, римляне тем самым расписывались как в своей беспредельной трусости, так и в собственной недалёковидности. Впрочем, не они первые, не они последние. Сколько в истории человечества было случаев, когда и мелкие людишки, и крупные личности, и маленькие народности, и крупные нации возносили хвалу убийцам и умиленно целовали окровавленные лапы палачей!

Вся страна радостно принимала участие в многочисленных празднествах и увеселениях, устраиваемых, опять же, по случаю чудесного спасения обожаемого императора. Народ набросился на бесплатное угощение и вино, в толпу швыряли деньги, подарки и лотерейные билеты, знатные римляне выступали в играх в качестве возничих, атлетов, актеров.

И хотя Рим и Италия еще долгое время находились под впечатлением страшных событий той мартовской ночи (население провинций восприняло их с гораздо меньшим интересом, а многие и вовсе не знали о них), дела в империи шли своим чередом. Механизм государственной власти стал функционировать, пожалуй, еще более слаженно, ибо руководившие им Бурр и Сенека могли теперь действовать более спокойно и целесообразно, без оглядки на Агриппину и интриги ее сторонников.

Сам же цезарь теперь занимался политикой еще меньше, чем раньше. Наконец-то он мог дать полную волю своим артистическим склонностям, которые раньше ему приходилось скрывать от матери! Теперь уже никто не мешал ему публично демонстрировать свои таланты: играть на лютне, петь, управлять колесницей. Правда, Рим не Греция, где герои и цари сражались на колесницах и состязались в пении и игре на лютне, здесь такие занятия считались неприличными

для политических деятелей, но с Нероном было трудно спорить, и опекуны уступили. Единственное ограничение заключалось в том, что выступать он мог в своем личном цирке (ранее это был цирк Калигулы), выстроенном на Ватиканских болотах, за Тибром, там, где теперь возвышается собор Святого Петра. По приказу Калигулы в свое время сюда был доставлен из Египта обелиск, который и в наши дни высится посреди соборной площади, окруженной колоннадой.

Осенью 59 года Нерон впервые сбрил юношескую бородку. Означало это, что он становится *juvenis* и вступает в ряды молодых мужчин. «Сбрасывание бороды» отмечалось в Риме как веселый семейный праздник. В ознаменование сбрасывания императорской бороды Нерон учредил Ювеналии — праздник молодости: выступления артистов, бои гладиаторов, состязания спортсменов и проч. В своем цирке за Тибром он сам выступал в роли певца, скромно соблюдая все требования, обязательные для профессиональных певцов. Публика была в восторге от пения Нерона и в упоении скандировала: «Цезарь великолепен! Цезарь — Аполлон!» Впоследствии Ювеналии повторялись еще несколько раз, да и другие императоры, случалось, возрождали их. В наше время Ювеналии стали праздником студентов, но кто сейчас помнит, кем были они учреждены?

И вот прошли первые пять лет правления Нерона. Для Рима и провинций они были в общем благоприятными. Экономика развивалась успешно, административная машина действовала четко, законность была в почете. На пороге второго пятилетия своего царствования, в 60 году, Нерон устроил новые игры, наподобие Олимпийских, и назвал их Нерониями. Они должны были повторяться каждые пять лет и во многом напоминали прославленные Олимпиады, которые Нерон

старался во всей полноте пересадить из любимой Греции на римскую почву. Неронии тоже заключались в состязаниях по трем дисциплинам — музыке, атлетике, гонкам на колесницах, однако в Нерониях упор делался на состязания певцов, музыкантов и ораторов.

Отмечались Неронии пышно, продолжались подряд несколько дней и ночей при обильной иллюминации, в их честь отчеканили специальные монеты, для народа устраивались богатые угощения. А народ был недоволен — что это за игры без сражений гладиаторов, без боя диких зверей, когда рекою льется кровь людей и животных? Как жаль, что, по слухам, цезарь не выносит вида крови... А какие раньше были зрелища! И раненых гладиаторов позволялось добивать...

Не одобрялись также состязания по атлетике: чрезмерное профессиональное увлечение этим видом спорта, по примеру греков, римлянам представлялось недостойным культурного человека.

На Нерониях в Риме впервые были введены публичные музыкальные и литературные конкурсы с награждением авторов и исполнителей. В Греции такие конкурсы издавна были составной частью многих игр, для римлян же казалось диким столь высоко оценивать поэзию, песню, декламацию, ораторское искусство — ведь все они плод отдохновения, бездельного досуга, недостойного истинного гражданина Рима. Понадобился авторитет власти императора и его личное участие, чтобы поднять престиж этих дисциплин. И хотя Неронии повторились лишь один раз, в 65 году, они положили начало подхваченной в будущем хорошей традиции — награждать официальными премиями за успехи в области художественного творчества.

Всеобщее беспокойство вызвала появившаяся в это время на небе комета. Шесть месяцев простояла в небе «хвостатая звезда», предрекая грядущие беды. Но какие? Может быть, смерть императора? Ведь та же

комета появлялась шесть лет назад, и тогда умер Клавдий. Нерон и в самом деле сильно занемог, испулавшись в горной речке; а едва выздоровел, пришло сообщение о катастрофических бурях и землетрясениях в восточных провинциях.

В 61 году в Британии вспыхнуло восстание под предводительством королевы Боудикки¹. Война британских племен за свою независимость была долгой и упорной, в ней погибло восемьдесят тысяч римлян и было разрушено несколько городов. Какое-то время казалось, что Британия будет навсегда потеряна для империи. Только несколько месяцев спустя наместнику Британии Светонию Паулину удалось подавить восстание. В решающей битве погибло несколько десятков тысяч британских воинов, их королева покончила с собой.

Но не Британия и Армения, где позиции Рима были тоже сильно подорваны, вызывали наибольшее беспокойство у дальновидных политиков. Их взволновали два события во внутренних делах Рима, имевших место в начале 62 года. Во-первых, после двадцатилетнего перерыва, на седьмом году царствования Нерона впервые при нем были возбуждены пресловутые процессы об оскорблении величества, то есть политические. Правда, вина обвиняемых не была выдумана, а приговоры вынесены не слишком строгие, но тем не менее... Во-вторых, умер (видимо, от рака горла) префект преторианцев Бурр, многолетний заслуженный и честный государственный деятель. На его место цезарь назначил двух человек. Один из

Боудикка (у Тацита — Боадицея) — жена Прасутага, вождя зависимого от Рима бриттского племени иценов, проживавшего в районе современного Норфолка в Восточной Британии. После смерти мужа римские войска заняли ее земли, что побудило Боудикку возглавить антиримское восстание.

них, Фений Руф, пользовался репутацией человека безупречной честности, второй, Софоний Тигеллин, был личностью крайне сомнительной, заслужившей благосклонность Нерона тем, что помогал в осуществлении его самых низменных желаний.

Смерть Бурра явилась ударом прежде всего для Сенеки, потерявшего надежного друга и соратника. Она заставила Сенеку удалиться от дел, ибо без Бурра он бы уже не смог управлять империей. Поскольку официально Сенека не занимал ни одной государственной должности, он обратился к цезарю с покорнейшей просьбой разрешить ему отстраниться от государственных забот и где-нибудь в тиши целиком предаться трудам «по воспитанию духа». Сенека просил Нерона оказать ему честь и принять в дар все свои колоссальные владения. Дара Нерон, разумеется, не принял, но дал понять, что не будет препятствовать планам утомленного жизнью старца (Сенеке к тому времени перевалило за шестьдесят) удалиться от государственных трудов. Учитель и ученик расстались сердечно — лобызания, объятия, слезы.

Новое правительство свою деятельность начало с уничтожения двух именитых сенаторов, находящихся, правда, в изгнании, но являющихся потенциальными претендентами на престол, так как они состояли в родстве с правящей династией. В Массилии¹ был убит Сулла, в Малой Азии — Рубелий Плавт. В «официальном коммюнике» цезаря сообщалось, что сделано это было «ради блага государства». Сенат единогласно принял постановление: исключить обоих из состава сената, а в ознаменование очередной победы цезаря над своими врагами принести благодарственные жертвоприношения и устроить молебны.

¹ Массилия, или Массалия, — древнее название Марселя.

В это же время Нерон, наконец, развелся с Октавией, на чем уже давно настаивала Поппея, и сослал бывшую жену в уединенное поместье в Кампании. Нелегко было это сделать, ибо народ любил и уважал Октавию. Как-то Бурр в ответ на слова Нерона о желании развестись с Октавией, сказал ему: «Что ж, разводишься, но тебе придется вернуть приданое». Приданым же была империя.

Официальным поводом для развода было названо бесплодие Октавии. Этого показалось недостаточным, и вскоре был выдуман другой — прелюбодеяние. Поскольку Октавия пользовалась безмерным уважением, то не нашлось никого, кто бы даже под пыткой согласился свидетельствовать против честной женщины. Наконец удалось подкупить какого-то человека низкого звания, и Поппея могла торжествовать победу.

Римляне остались верны своей симпатии. Когда по городу разнесся неизвестно кем пущенный слух о том, что император прогнал Поппею и в Рим возвращается Октавия, на Форуме и Капитолийском холме собрались огромные ликующие толпы народа, которые сбросили с пьедесталов статуи Поппеи. Этим был подписан смертный приговор Октавии. Тот самый Аникет, который три года назад убил Агриппину, дал публичные показания, что Октавия с ним изменила императору. За эту «услугу» его приговорили к ссылке на Сардинию, где он в спокойствии и достатке прожил до самой смерти.

Октавию же сослали на остров Пандатерию. Но предоставим слово Тациту:

Там в окружении центурионов и воинов томилась еще не достигшая двадцатилетнего возраста молодая женщина, уже, как предвещали ее несчастья, исторгнутая из жизни, но еще не нашедшая даруемого смертью успокоения. Прошло немного дней, и ей объявляют, что

она должна умереть... Ее связывают и вскрывают ей вены на руках и ногах; но так как стесненная страхом кровь вытекала из надрезанных мест слишком медленно, смерть ускоряют паром в жарко натопленной бане. К этому злодеянию была добавлена еще более отвратительная свирепость: отрезанную и доставленную в Рим голову Октавии показали Поппее. Упомянуть ли нам, что по этому случаю сенат определил дары и жертвоприношения храмам?..

В начале 63 года Поппея родила дочь. Матереубийца оказался нежнейшим родителем. Сияя от отцовской гордости, он даровал Поппее и малютке Клавдии титул Августы. Разделяя радость цезаря, народ приносил благодарственные жертвы богам. Умершая в трехмесячном возрасте Божественная Клавдия Августа (*Diva Claudia Augusta*) получила свой храм и жреца в нем.

Весной 64 года цезарь выступил публично в качестве певца в Неаполе, почти греческом городе. Представления в театре продолжались несколько дней, зрители валили толпами, а отряды солдат и профессиональных клакеров обеспечили императору потрясающий успех. Это вдохновило его на дальнейшие выступления. Длющиеся многие часы, они стали для зрителей мукой, ибо под страхом смертной казни им запрещалось покидать места, пока не кончатся выступления цезаря. А тот мечтал даже о заграничных турне в Грецию и Египет, но от этих планов пришлось отказаться, чему народ был только рад — уедет император, и меньше будет хлеба и зрелищ.

В июле этого же года, спасаясь от жары, Нерон выехал в приморский городок Анций. Там и застала его весть о пожаре в столице. Огонь вспыхнул в районе Большого Цирка, где находились склады, наполненные легковоспламеняющимися материалами.

Сильный ветер моментально раздул пламя. Римские улицы были тогда узкими и крутыми, и пожар распространился со страшной быстротой. Пожарные, *vigiles*, оказались бессильны перед бушующей стихией огня и порывистого ветра. Только на шестой день, после того как на больших площадях разрушили все постройки, удалось справиться с огнем. Да и после этого он еще долго вспыхивал то в одном месте, то в другом. Из 44 районов тогдашнего Рима уцелели лишь два. И до этого Рим не раз становился жертвой огня, но бедствие такого масштаба пережил впервые.

Когда Нерон примчался в столицу, огонь уже охватил часть его дворца. Цезарь энергично взялся за борьбу с пожаром и его последствиями, оказывая помощь людям, лишившимся крова. Он открыл для них свои сады, чтобы было где разместиться, снизил цену на хлеб, организовал доставку продовольствия в город. Цезарь часто поднимался на башню в бывших Садах Мецената на Эсквилинском холме, наблюдая за спасательными работами. Его враги немедленно распустили слухи, что оттуда, обозревая море огня, он наслаждался видом бушующей стихии и в упоении декламировал свою поэму «Крушение Трои». Более того, уверяли, что это он сам велел поджечь Рим. Читаем у Светония:

...И к народу, и к самим стенам отечества он не ведал жалости. Когда кто-то сказал в разговоре:

— Когда умру, пускай земля огнем горит!

— Нет, — прервал его Нерон, — Пока живу!

И этого он достиг. словно ему претили безобразные старые дома и узкие кривые переулки, он поджег Рим настолько открыто, что многие консуляры ловили у себя во дворах его слуг с факелами и паклей, но не осмеливались их трогать.

После пожара Нерон приступил к восстановлению города. И опять поползли слухи — он, дескать, специально уничтожил старый Рим, чтобы выстроить новый, по своему вкусу.

При дворе узнали об этих опасных слухах и встревожились. Надо было срочно найти виновников пожара, козлов отпущения, которых можно было бросить на растерзание толпе. И конечно, их нашли. Виновными в чудовищном пожаре решено было сделать христиан. Тациту мы обязаны сведениями о самом первом в истории христианском преследовании. На его краткой записи, сделанной полвека спустя после событий, основывались все последующие описания в античной литературе:

И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время это зловредное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев.

Итак, сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, избличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому. Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах или, обреченных на смерть в огне, поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения... И хотя на христианах лежала вина и они заслуживали суровой кары, — все же эти

жестокости пробуждали сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона.

Поражает решительная неприязнь, с которой великий историк пишет о последователях Христа. Гуманист, в принципе отвергающий жестокость и насилие, он осуждает страшные пытки, но, тем не менее, считает, что христиане заслуживают сурового наказания, и не только за поджог Рима, в чем он не сомневается. Аристократ и истинный римлянин, Тацит решительно осуждал чужие культы и верования, о христианах же тогда мало знали и во многом превратно трактовали суть их учения.

А Светоний в своей книге «Жизнь двенадцати цезарей», написанной через полтора десятка лет после Тацита, и вовсе преследование христиан перечисляет в одном ряду с прочими заслугам Нерона!

Многие строгости и ограничения были при нем восстановлены, многие введены впервые: ограничена роскошь; всенародные угощения заменены раздачей закусок, в харчевнях запрещено продавать вареную пищу, кроме овощей и зелени, — а раньше там торговали любыми кушаньями; наказаны христиане, приверженцы нового и зловерного суеверия; запрещены забавы колесничих, возниц, которым давний обычай позволял бродить повсюду, для потехи обманывая и грабя прохожих...

Откуда появилась сама мысль представить христиан виновными в поджоге Рима? Новая религия имела еще слишком мало сторонников, и вряд ли кто при дворе знал вообще о ее существовании. Предполагают, что идею представить христиан в качестве козлов отпущения подала Нерону Пoppея. Разумеет-

ся, она тоже ничего толком не знала о новом веянии, но была известна как прозелитка, симпатизировала и покровительствовала иудейству, была тесно связана с кругами, близкими к иерусалимскому первосвященнику, и возможно, именно они настроили Пoppею против неведомой, но опасной религии, которая находит себе все новых сторонников в столице.

Однако никто — ни из инициаторов, ни из преследователей, ни из свидетелей расправы с христианами — не мог предположить, что наблюдает один из переломных моментов в истории Рима и вообще нашей цивилизации. Разверзлась пропасть между Римской империей и молодой нарождающейся религией, а кровь ее жертв дала обильные всходы.

Согласно старохристианской и, по всей видимости, достоверной традиции, несколько позже во времена Нерона в Риме погибли тоже мученической смертью два апостола, Петр и Павел. Первый из них был похоронен на Ватиканском холме при *виа Корнелия (via Cornelia)*, недалеко от цирка Нерона. На этом месте император Константин в IV веке построит базилику, а во времена Возрождения вознесется великолепный собор, что стоит там и поныне. Раскопки последних лет не подтвердили со всей очевидностью, что именно здесь был похоронен апостол Петр, но и не опровергли этого факта. Была обнаружена могила с останками, относящимися ко II веку. И даже если величественный купол собора Святого Петра возвышается не над телом галилейского рыбака, несомненно то, что храм в честь святого апостола стоит неподалеку от того места, где двадцать столетий назад его единоверцы пылали, как настоящие факелы.

Для римлян гонения на христиан были лишь эпизодом, о котором они вскоре забыли, увлеченные грандиозными работами по восстановлению

Рима. Велись эти работы с величайшим размахом, по единому генеральному плану, как бы мы сейчас сказали. Внимание всех привлекало строительство гигантского комплекса императорских дворцов, так называемого *Domus Aurea*, Золотого Дома. Генеральным планом предусматривалось также прорыть канал от ПUTEОЛ до ОСТИИ. Для изыскания средств на все эти грандиозные стройки была проведена денежная реформа: уменьшили вес золотых и серебряных монет. Реформа принесла государственной казне огромные средства.

В конце 64 года на небе опять появилась «хвостатая звезда», и опять вызвала панику. Какое несчастье сулила она на сей раз: войну, эпидемии, смерть императора? Напуганный Нерон искал совета у астрологов, и те сказали: беду можно отвести от себя, если предать смерти других. Это было сделано в апреле 65 года, когда раскрыли широко разветвленный заговор ПИЗОНА. В число заговорщиков входили сенаторы, преторианцы, многие недовольные императором сановники. Заговорщики пытались привлечь и СЕНЕКУ, действуя через его племянника поэта ЛУКАНА, и ФЕНИЯ РУФА, который приобрел широкую популярность в народе благодаря своим умелым реформам и этим же вызвал неудовольствие Нерона. Заговор был жестоко разгромлен. От рук палачей наряду с действительными его участниками погибли сотни ни в чем не повинных людей. Покончить с собой были вынуждены Фений Руф, Сенека и самый популярный поэт того времени Лукан, но до наших дней дошли создания их ума — эссе, трагедии и философские письма Сенеки, а также и историческая поэма Лукана «Фарсалия».

С увеличением числа жертв росла и «радость народная» по случаю избавления цезаря от новой грозной опасности и происков врагов. Возносились благо-

дарственные молебны, месяц апрель переименовали в «нероний» для увековечивания столь знаменательного события.

Летом 65 года второй раз состоялись Неронии, и император придал им блеск личным участием в качестве певца. Принимали его восторженно, овациям не было конца. У аплодировавших деревенели руки, но они, косясь друг на друга, боялись прекратить, так как это тут же отмечалось доносчиками. А уж уйти во время выступления императора — этого нельзя было и подумать, пусть даже и по самой уважительной причине.

Вскоре по окончании игр Рим погрузился в траур — умерла императрица Пoppея; пьяный Нерон, раздосадованный упреками жены за позднее возвращение, ударил ногой в живот беременную супругу. Быстро и жестоко наказала судьба эту женщину, если она действительно была повинна в приписываемых ей злодеяниях: гонениях на христиан, убийстве Агриппины и Октавии и многих других.

Нерон, по всей видимости, по-своему любил Пoppею и бурно предавался отчаянию. Чтобы облегчить его горе, сенат поспешил причислить Пoppею к сонму богов. Безутешный вдовец, однако, очень скоро женился на Статилии Мессалине, женщине красивой, умной и чрезвычайно богатой. Правда, до этого она уже успела сменить четырех мужей, причем четвертого императору пришлось казнить — разумеется, по политическим причинам.

Смерть Пизона и других заговорщиков, Сенеки, Лукана, Пoppеи была только началом и влекла за собой хоровод новых смертей, конца которому не было видно. Самые выдающиеся представители римской знати, цвет ее культуры, один за другим становились жертвами императора. Проводилась сознательная

политика уничтожения самых влиятельных и ярких личностей. Нерон стремился избавиться от потенциальных соперников в борьбе за власть.

Вынужден был покончить с собой Гай Петроний, человек высокой культуры, талантливый остроумный сатирик, один из ближайших друзей цезаря. Его не торопили, и он устроил себе прекрасную смерть: во время роскошного пира, в кругу друзей, среди шуток, острот, смеха. Цезарю в качестве подарка он послал подробный перечень его преступлений и разнузданных оргий. До наших дней дошли фрагменты блестящего сатирического романа Петрония из жизни современного ему Рима.

Страх объял всех богатых и знатных в империи, но обычных римлян их судьба мало беспокоила, ибо им ничто не угрожало, а император продолжал заботиться об организации все новых зрелищ. Прекрасным поводом для новых торжеств явился приезд в Рим армянского царя Тиридата, что стало убедительным подтверждением мощи и славы Рима. По случаю прибытия высокого гостя, которого сопровождала пышная свита в количестве нескольких тысяч человек, в столице были устроены такие роскошные празднества, игры, зрелища, такая ослепительная иллюминация, каких римлянам еще не доводилось видеть. Нерон, разумеется, не упустил случая и блеснул своим искусством — и как певец, и как возничий в цветах партии Зеленых. Однако для артистических амбиций Нерона этого было уже недостаточно.

Осенью 66 года Нерон отправился в путешествие на свою духовную родину — в Грецию, колыбель всех искусств. Только там способны в полной мере оценить талант большого артиста! На Истмийских играх в Коринфе он всемилостивейше вернул свободу всем маленьким государствам Ахайи и Пелопоннеса, освободив при этом их жителей от податей. Эллина вос-

приняли этот акт милости с понятным энтузиазмом, в честь великодушного императора повсеместно сооружались алтари и статуи с надписью «Зевсу Нерону Освободителю». Чтобы отблагодарить благодетеля и дать ему возможность продемонстрировать свое искусство, в следующем, 67 году в Греции были проведены все существующие игры: в Олимпии — Олимпийские, в Дельфах — Пифийские, в Коринфе — Истмийские, в Немее — Немейские, независимо от того, приходится они на этот год или нет. Цезарь не только почтил все своим присутствием, но и лично участвовал во всех как возничий, певец и актер, собрав целую коллекцию наград.

Тогда же были начаты работы по рытью канала, который должен был рассечь перешеек под Коринфом и сократить путь судов между Ионическим и Эгейским морями. На торжественном открытии строительства Нерон первым воткнул лопату в землю, за ним — важнейшие сановники, преторианцы, прочие высокие гости, ну а копали канал, как водится, уголовники и политические заключенные.

К сожалению, государственные дела не позволяли цезарю целиком отдаться песням, играм и театральной сцене. Был раскрыт новый политический заговор, опять посыпались смертные приговоры. На сей раз заговор организовал Анний Винициан, зять Корбулона. Император ласковым письмом срочно вызвал к себе в Грецию прославленного полководца, якобы для неотложного обсуждения важных политических проблем. Едва корабль прибыл в порт под Коринфом, Корбулону был вручен императорский приказ немедленно покончить жизнь самоубийством. Корбулон ни минуты не медлил. Воскликнул: «Я виноват!» — и сильным ударом всадил меч себе в грудь. Виноват же он был в том, что дал себя обмануть, что попался на удочку, что прибыл в Грецию без своих солдат.

С 66 года тянулась кровавая Иудейская война, в Иудею пришлось направить три легиона под водительством Веспасиана. Оставленный в столице фактическим правителем вольноотпущенник Гелий усиленно призывал цезаря поскорее вернуться, чувствуя, что в государстве творится неладное. Наконец он сам отправился в Грецию за императором.

Тот медлил — уж очень хорошо ему было в Греции. Поскольку Статилия к этому времени успела ему наскучить, в Греции Нерон «сочетался браком» с юношей Спором, своей давней любовью, которого приказал кастрировать и всячески старался сделать из него женщину.

В Италии возвратившегося после долгого отсутствия цезаря встречали как триумфатора, а уж въезд в столицу происходил с невиданной пышностью: необозримые толпы людей, курящиеся фимиамы, богатая иллюминация, и в торжественной процессии рядом с новой «императрицей» ехал цезарь в золотистой тоге, с оливковым венком на голове и лавровым в руках. За ним рядами шествовали сановники и сенаторы, преторианцы и воины. Беспреданно звучали громоподобные возгласы: «Да здравствует Геракл нашего времени! Да здравствует Нерон — наш Аполлон! Да здравствует величайший атлет всех времен! О божественный голос!»

Казалось, Нерон находился на вершине популярности, славы, успеха. Но уже близился конец царствованию шута и тирана. Падение его произошло в считанные месяцы — уж слишком велико было несоответствие между видимостью благополучия и мрачной действительностью.

Сначала вспыхнуло восстание в Галлии. Мятеж поднял наместник Гай Юлий Виндекс, объявив, что выходит из повиновения цезарю, который ограбил империю и уничтожил цвет ее нации, убил собствен-

ную мать и ведет себя недостойно. Мятеж Виндекса носил локальный характер и был довольно легко подавлен легионами с Рейна. Но он послужил толчком к беспорядкам в других провинциях. Римские войска в Ближней Испании и ее граждане провозгласили цезарем наместника Гальбу при молчаливом одобрении влиятельных лиц из Рима.

Однако последний удар правлению Нерона был нанесен в самом Риме. Нимфидий Сабин, сменивший Фения Руфа на посту префекта преторианской гвардии, взвесив все обстоятельства, пришел к выводу, что вряд ли удастся удержать у власти этого императора, ставшего всеобщим посмешищем и восстановившего против себя и сенаторов и армию. Со знанием дела и в большой тайне Нимфидий перетянул на сторону Гальбы когорты преторианской гвардии.

Так случилось, что в одну ночь — с 8 на 9 июня — всего за несколько часов от Нерона отступились все: стража, слуги, друзья. Цезарь, который до последней минуты не осознавал всей серьезности своего положения, сумел с несколькими сопровождающими скрыться на пригородной вилле своего вольноотпущенника Фаона. Приближенные уговаривали императора прервать муки ожидания и добровольно расстаться с жизнью. Уже копали ему могилу и собирали дрова для погребального костра, а Нерон никак не мог решиться. Он пробовал острие нескольких кинжалов и отбрасывал их, со стоном повторяя: «Какой артист погибает!» Попросив Спора, чтобы тот уже начал его оплакивать, он обратился с просьбой к присутствующим, призывая их покончить с собой, чтобы подать ему пример, и при этом «...бранил себя за нерешительность» такими словами: «Живу я гнусно, позорно — не к лицу Нерону, не к лицу — нужно быть разумным в такое время — ну же, мужайся!»

Услышав топот коней преследователей, он процитировал по-гречески стих Гомера: «Коней стремительно скачущих топот мне слух поражает» и вонзил себе в горло стилет, не без посторонней помощи. Когда в помещение вбежал центурион, император испустил последний вздох. Верная Акте похоронила прах Нерона в саркофаге из порфира, который поместили в гробнице рода Домициев.

Нерон был последним императором из рода Юлиев и Клавдиев (правда, будучи приемным сыном), первой императорской династии Древнего Рима. Умер он в возрасте 31 года.

Но действительно ли он тогда умер? Многие не верили в смерть Нерона, и действительно, не все обстоятельства его смерти ясны. Свидетелей смерти Нерона было очень мало, причем это все были люди простого звания, очень ему преданные, и они могли просто инсценировать смерть цезаря, а на погребальном костре сжечь труп кого-нибудь другого.

Неудивительно поэтому, что вскоре один за другим в разных странах стали появляться самозванцы, выдававшие себя за Нерона, и они всегда находили сторонников, особенно на Востоке, ибо, каким это ни покажется нам парадоксальным и невероятным, среди людей простого звания Нерон пользовался большой популярностью.

В памяти же потомков Нерон навсегда остался воплощением зла, жестокости и беззаконий, которые в истории человечества повторялись еще не раз.

ГАЛЬБА

Servius Sulpicius Galba

25 декабря ок. 3 г. до н. э. — 15 января 69 г. н. э.

Правил с 9 июня 68 г. по 15 января 69 г.

под именем *Servius Galba Imperator*

Caesar Augustus.

Не причислен к сонму богов

По происхождению Гальба выходец из высокого аристократического рода, прославившегося во времена республики. В молодости пользовался благосклонностью Ливии, вдовы Августа. В завещании она оставила ему огромную сумму в пятьдесят миллионов сестерциев. Однако, поскольку сумма была написана не словами, а цифрами, император Тиберий принял ее за пятьсот тысяч сестерциев, хотя и эта сумма не должна была достаться наследнику, ибо Тиберий сразу же аннулировал завещание матери из нелюбви к ней. Впрочем, Гальба и без того не был бедным. Хотя следует отметить, что в целом Тиберий всегда относился к Гальбе благосклонно. Еще совсем молодому Гальбе он разрешил начать государственную службу ранее предусмотренного законом возраста. Став претором, Гальба сразу же отличился — организовал такие игрища для народа, о которых потом еще долго говорили, ведь на них народ впервые увидел слонов-канатоходцев.

Гальба быстро делал карьеру. Был наместником в Аквитании (современная Франция), а в 35 году стал консулом. В царствование Калигулы ему поручили наместничество Верхней Германии на Рейне. Во время проведения Калигулой инспекции римских войск в этой провинции Гальба вызвал одобрение императора

отличной солдатской выправкой и редкой выносливостью: во время многочасовой муштры он ни разу не упустил из рук тяжелый щит, а потом много миль без отдыха бежал перед колесницей властителя.

Ценил Гальбу и император Клавдий — и как умелого администратора, и как опытного военачальника. В его правление Гальба был наместником провинции Африка (современный Тунис), где покорил кочевников пустыни и усмирил оседлое население. В награду ему был устроен триумф — пышный, торжественный въезд с отборными легионами в столичный город империи Рим, а также его удостоили высоких должностей при главном храме Юпитера. И все эти почетные должности ему пришлось бросить и удалиться от общественной жизни, когда Клавдий взял себе в жены Агриппину. Были у Гальбы причины опасаться этой женщины. Много лет назад после смерти своего первого мужа, Домиция, Агриппина именно Гальбу пожелала сделать своим вторым мужем, хотя он был давно женат и имел двух сыновей. Решительный отпор свекрови Гальбы разрушил планы честолюбивой матроны, хотя, вполне возможно, сам Гальба уступил бы Агриппине, как любой мужчина пасует перед энергичной женщиной, к тому же благодаря ей он сблизился бы с императорским семейством. Так что теперь у Гальбы были все шансы бояться мести этой могущественной женщины. Вот он и удалился в свои отдаленные деревенские поместья, где в одиночестве коротал оставшиеся ему дни жизни, ведь не было уже на свете ни его жены, ни детей, а в новый брак он не вступил.

Когда к власти пришел Нерон, Гальба стал опасаться его советника Сенеку, который ненавидел Клавдия, столь благосклонного к Гальбе. Стареющий сенатор жил в постоянном страхе, каждую минуту ожидая изгнания, так что теперь, куда бы он ни направлялся, за ним всегда следовала повозка, наполненная деньгами.

Опасения оказались напрасными. Напротив, ему оказали высокую честь и в 60 году назначили наместником Тарраконской (восточной) Испании. Управлял он ею 8 лет, как всегда умело, но поначалу был слишком строг. Так, Гальба велел отрубить руки банкиру, обманывающему своих клиентов, и распять на кресте опекуна, отравившего сироту, чтобы овладеть его имуществом. Извиваясь на кресте, несчастный вопил, что, будучи свободным гражданином, он имеет право апеллировать к императору. И тогда наместник в виде особой милости велел его снять с этого креста и распять на другом — более представительном и побеленном. Однако с течением лет суровость и вообще активность Гальбы ослабели. Наблюдая за тем, что происходит в столице, как безумствует и бесчинствует Нерон, он пришел к выводу, что в столь шаткой и неясной политической ситуации лучше ничего не делать, цинично заявляя: «Ведь никого не наказали за то, чего тот не сделал». Прошло девятнадцать веков, и крылатое выражение Гальбы — «За бездействие не наказывают!» — в наши дни в далекой северной стране сделало «потрясающую карьеру», хотя там вряд ли кому известно имя Гальбы.

И все-таки Гальбу заставили заняться делом, к тому же очень рискованным. В начале 68 года против Нерона выступил Юлий Виндекс, наместник Лугдунской Галлии (с центром в городе, где теперь находится Лион). Он и его сторонники поклялись в верности сенату и римскому народу. Их поддержали широкие слои еще не романизованного народа Галлии. Виндекс предложил Гальбе возглавить восставших, но тот колебался и медлил. Ему уже было больше семидесяти — не самый подходящий возраст для того, чтобы браться за столь большое и опасное дело. Возможно, Гальба, кроме всего прочего, не слишком доверял Виндексу, так как не был в курсе всех его целей и намерений.

Свои сомнения Гальба высказал самым близким друзьям и офицерам, но глава его личной стражи решительно перебил речь наместника, заявив, что уже сама постановка вопроса — оставаться ли верным императору — означает отказ от верности. Так оно и было. Уже за меньшие провинности многие сенаторы поплатились головой, а Гальба знал об отношении к нему Нерона и даже перехватил тайный приказ императора о своей казни, разосланный цезарем прокураторам. Всё в Гальбе вызывало у Нерона подозрения: и его высокое происхождение, и солидная репутация, и богатство. Так, может быть, действительно не следует медлить, а первым нанести удар? К тому же вдохновляли и внушали оптимизм благоприятные знамения, в которые Гальба твердо верил. Он собрал большой митинг в Новом Карфагене. Вокруг трибуны были расставлены изображения множества людей, ни за что казненных Нероном, а сам Гальба вышел на трибуну, ведя за руку мальчика знатного рода, сосланного в изгнание, родители которого были зверски убиты императором. При появлении Гальбы собравшиеся приветствовали его криками: *Salve Imperator! Salve Caesar!*

Наместник, а точнее, уже император Гальба произнес горькую речь, перечисляя преступления Нерона, его зверства и безумства, и закончил словами: «Раз родина оказалась в такой опасности, я не вправе остаться в стороне и отдам ей на службу весь свой жизненный опыт, хотя буду считать себя не императором, а лишь легатом сената и народа».

Когда Нерону сообщили о событиях в Испании, тот в ярости велел конфисковать все поместья Гальбы и выставить их на продажу с аукциона. Однако желающих приобрести их было немного, зато испанские поместья Нерона, в свою очередь конфискованные Гальбой, раскупались нарасхват. Деловые люди знали, во что следует вкладывать капитал!

Сторонники Гальбы действовали в разных провинциях и в самом Риме. Они распускали сплетни о близком конце Нерона, сеяли панические слухи о том, что якобы цезарь намерен во второй раз поджечь Рим, а на его жителей выпустит диких зверей. Спасение же придет из Испании. Все это создавало в обществе соответствующие настроения.

А тем временем Виндекс потерпел поражение от наместника Верхней Германии Вергиния Руфа. Гальба впал в панику, не зная, каких взглядов придерживается победитель, может, он верен Нерону, а может, сам стремится к власти. На всякий случай он укрылся с небольшой армией в маленькой деревушке, ожидая дальнейшего развития событий. Страх перешел в ужас, когда под вечер 16 июня кто-то стал колотить в ворота двора, требуя немедленно впустить его. Это оказался Ицел, вольноотпущенник Гальбы. Он спешил из самого Рима, после смерти Нерона, когда уже не вызывало сомнений, что преторианцы, императорская придворная гвардия и сенат признали Гальбу цезарем.

Новый хозяин Рима не спешил осчастливить столицу своим присутствием. В Риме он появился лишь в сентябре. Двигался в столицу не спеша. По пути ему то и дело доносили о волнениях и мятежах, вспыхивающих в разных провинциях. Да и в самом Риме попытался разжечь бунт преторианцев их префект Нимфидий Сабин, истинный виновник падения Нерона. Гальба не знал о его роли в устранении императора — не оценил, велел снять его с должности. Нимфидий не снес такой несправедливости и попытался настроить своих бывших подчиненных против нового императора. Думал — императором станет он сам. Не получилось — в суматохе Нимфидий погиб от руки какого-то солдата.

Новый император медленно приближался к Риму, по пути расправляясь с противниками. Молва

о скупости и жестокости нового цезаря распространилась по всей Римской империи. Тысячи моряков приветствовали его с судов, стоящих в гавани Мизена, недалеко от Рима. Несколько месяцев назад некоторых из гребцов Нерон сделал полноправными гражданами. Теперь и остальные требовали того же от нового правителя и даже добивались, чтобы для них был сформирован особый легион. Гальба такое требование считал бунтом и велел вернуть гребцам их прежний статус, лишив звания свободных граждан; недовольных же моряков приказал убить, говорили — больше семи тысяч, а из остальных — каждого десятого. Страх охватил весь Рим.

Преторианцы ожидали денежного вознаграждения и повышения жалованья, Гальба же, считавший себя воплощением древних римских добродетелей, заносчиво отозвался в ответ на такое требование: «Я привык вербовать солдат, а не покупать их». И даже уволил нескольких офицеров, что преторианцы сочли началом чистки в их рядах. Не удивительно, что тем самым Гальба с самого начала настроил гвардию против себя.

Заносчивый и жестокий старик не вызвал симпатии и у жителей Рима. Они все чаще вспоминали с тоской прежнего цезаря, игры и развлечения, которые так часто устраивал для них молодой правитель, любивший весело пожить. О жестокостях и безумствах Нерона, напротив, вспоминали все реже, тем более что Нероновы бесчинства больше коснулись представителей высшей знати. Гальба настроил против себя и эти влиятельные слои населения. Он создал комиссию, целью которой было вернуть в государственный казну все награды, дары, недвижимость и просто крупные суммы, с такой безоглядной щедростью разбазаренные Нероном. Задача перед комиссией была поставлена чрезвычайно сложная. Устано-

вить, что было заслуженной наградой, а что — нет, и кто сейчас владеет данным предметом или помещением было почти невозможно, вызывало множество претензий и обид, а юридическая законность сделок, как правило, казалась сомнительной.

Вот так, за несколько месяцев правления 68 года Гальба настроил против себя чуть ли не всю общественность столицы. При этом он слепо верил своим любимцам, которые — как это всегда бывает в подобных случаях, — надеясь на безнаказанность, распоясались сверх всякой меры. Имел значение и тот факт, что новый цезарь был очень старым, больным человеком, непривлекательным внешне. Он даже не мог удержать в руках свиток папируса — так были искривлены артритом руки Гальбы. Таким образом, в немалой степени получив любовь и уважение до того, как стал императором, с обретением власти Гальба утратил их, хотя многие его поступки свидетельствовали о том, что он был отличным правителем.

При всех своих недостатках цезарь отдавал себе отчет в том, что он стар, одинок, а потому необходимо как можно быстрее найти преемника и представить его народу, чтобы оградить государство от потрясений новой борьбы за власть. Кого же выбрать? Кандидатов было двое. Первый — Марк Сальвий Отон, бывший муж Сабины Поппеи, бывший приятель Нерона, бывший наместник Лузитании. С самого начала он горячо поддерживал Гальбу. В отличие от него, это был мужчина в полном расцвете сил, неплохой администратор и очень популярный как в народе, так и в преторианской гвардии. Второй — Луций Пизон. Молодой, тридцатилетний, он лишь недавно вернулся из изгнания, еще мальчиком сосланный Клавдием. Его отец и старшие братья, подозреваемые в заговоре

против императора, были вынуждены покончить жизнь самоубийством. Луций Пизон не занимал никаких государственных постов, не служил в армии, в столице у него не было друзей. И вот именно его выбрал себе наследником Гальба! Злые люди утверждали, что главную роль в выборе Гальбы сыграло постоянно серьезное, даже угрюмое выражение лица Пизона. Вспоминали, как некогда Сенека охарактеризовал его отца: «Он так глуп, что мог бы даже править». На самом же деле, скорее всего, выбор Гальбы объяснялся желанием иметь своим наследником потомка старинного знатного рода, не связанного ни с одной из соперничающих группировок.

Решение цезаря наверняка ускорила весть о волнениях среди легионов на Рейне. Неужели снова гражданская война? Десятого января 69 года Гальба призывал Пизона на Палатин и отправился с ним в казармы преторианцев, хотя только что отгремела гроза с громом и молниями, и все еще лил дождь. Перед строем воинов цезарь коротко заявил, что сделал выбор и adoptировал сына, указав на стоящего рядом Пизона. Выбор императора лишь немногие из преторианцев приветствовали криками одобрения, большинство хранило мрачное молчание. Но зато в сенате речь цезаря — а как же иначе? — была встречена бурными аплодисментами.

Утром 15 января Гальба приносил жертвы в храме на Палатинском холме. Жрец осмотрел внутренности жертвенных животных. Увы, по его словам, обстоятельства складываются для цезаря крайне неблагоприятно, его ждет измена и новые бунты, так что правителю лучше не покидать свой дворец. При церемонии присутствовал и Марк Отон. Внезапно его отозвали — якобы пришел назначенный архитектор. Отон торопился на Форум, где его уже ожидала кучка вооруженных людей. Вместе с ними он поспешил

в казармы. Сначала его несли в лектике¹, потом он в нетерпении выскочил из нее и побежал.

На Палатин, где все еще резали и потрошили жертвенных животных, стали вдруг поступать странные вести: то якобы на Форуме похищен какой-то сенатор, то непонятно куда подевался Отон, то в казармах беспокойно... Срочно разослали офицеров во все концы, спешно созвали совещание. А тем временем на холме и на площади собрались огромные толпы народа, ожидающие дальнейшего развития события — точно как в театре. Люди залезали на крыши домов, карабкались на колонны и памятники. Пизон поспешил к преторианцам, чтобы их успокоить, а тут пришла еще одна весть: Отон убит. Толпа снесла ворота дворца и ввалилась во двор, приветствуя цезаря громкими криками. Тот поспешил обрядиться в самые роскошные воинские доспехи, сел в лектику и велел снести себя с холма в напирающей толпе. Он был уже на Форуме, когда к нему пробился перепуганный Пизон и, задыхаясь, сообщил, что до казарм преторианцев он даже не добрался, издали услышав их громогласные возгласы в честь Отона. Значит, весть о его смерти оказалась ложью, а может быть, нарочно была пущена в народ, чтобы дезинформировать.

Опять задумались, что же делать: вернуться, оставаться на месте, окружить Капитолий?

Послышался конский топот — это приближались *speculatores*, отборные части преторианцев, так называемые разведчики. В этот момент все зависело от того, как поведет себя личная охрана императора. Если

Лектика (*лат. lectica*) — носилки, которые использовались в Греции, Риме и Азии для переноски людей; особенно популярны были в Риме, где богатые рабовладельцы содержали специальных носильщиков.

бы люди из охраны, дружно окружив цезаря, приготовились храбро защищать его, *speculatores*, пожалуй, не осмелились бы напасть... Но вот глава когорты, стоявший рядом с лектикой императора, театральным жестом сорвал с груди медальон с портретом Гальбы и швырнул его на землю.

Толпа мгновенно отшатнулась, люди кинулись врассыпную. Императорские носильщики бросили лектику и тоже поспешили сбежать. Лектику швырнули так, что немощный император вывалился на мостовую и не смог подняться. Он попытался было, однако его придавила тяжесть парадных доспехов. Гальба пополз, но тут какой-то солдат вонзил ему меч в горло. Тогда и другие принялись наносить императору удары, изощряясь в надругательстве над мертвым телом. Труп пролежал на Форуме до темноты. Тогда кто-то из солдат отсек голову Гальбы и в полах своего плаща принес ее Отону. Там, в солдатском лагере, тот отдал ее обозникам, они насадили голову на шест и принялись с хохотом и издевательскими выкриками носиться с ней по всему лагерю. Наконец за сто золотых монет ее выкупил бывший слуга Патробия и воткнул шест с головой Гальбы перед гробницей своего бывшего хозяина — Патробия, казненного по приказу Гальбы вместе с другими, самыми ненавистными цезарю его врагами. Так слуга отомстил за смерть своего патрона. Труп Гальбы сожгли в саду его личного дома, а потом похоронили и найденную голову.

В тот же день, 15 января, и тоже на Форуме, погиб Пизон, спрятавшийся в сторожке прислужника при храме Весты. Был убит и советник Гальбы — Тит Виний. Головы погибших, насаженные на шесты, носили по всему городу, а потом продали родным.

Тацит так характеризовал Гальбу и его недолгое правление:

Во времена правления других он был счастливее, чем в свое собственное. Происходил из старинного и славного рода, силен богатством, но не умом, не назовешь его добродетельным, хотя проступков не совершал. Тяготел к славе, но не чрезмерной. На чужое не зарился, а своим распоряжался экономно. Приятелей и слуг верных не предавал.

...Он казался выше обычного человека, будучи обычным. И все считали его достойным скипетра, пока оно у него не было.

То, как Тацит заканчивает свой рассказ о Гальбе, вряд ли может нас удивить. О многих людях можно сказать то же самое!

ОТОН

Marcus Salvius Otho

28 апреля 32 г. — 16 апреля 69 г.

Правил с 15 января 69 г. до 16 апреля 69 г.

под именем Imperator Marcus Otho

Caesar Augustus.

К сонму богов не причислен

Марк Сальвий Отон происходил из очень знатного и древнего рода, истоки которого следовало бы разыскивать еще во времена этрусков. Однако высоких должностей его представители не занимали. Только дед Отона смог стать сенатором, и то лишь благодаря поддержке Ливии, в доме которой он воспитывался, видимо, приходясь ей каким-то дальним родственником. Отец Марка отличался поразительным сходством с императором Тиберием и очень любил его, за что и пользовался благосклонностью цезаря. Поговаривали, что он сын Тиберия. Он сделал неплохую карьеру, был консулом, потом наместником Африки и затем командующим войсками на землях будущей Югославии. И цезарю Клавдию он тоже служил верой и правдой.

А вот Марк ничем не напоминал ни деда, ни отца, похоже, в нем не было ни малейших задатков хорошего администратора или военачальника. Бездельник, гуляка и мот, Марк Отон с самых ранних лет мечтал лишь о развлечениях, так что не удивительно — стал любимым товарищем и собутыльником молодого императора Нерона, будучи лишь на пару лет старше его. Да и внешне они были похожи. И — странное дело — на судьбы их обоих оказала пагубное влияние одна и та же женщина — Сабина Поппея.

По всей вероятности, Отон женился на ней в 58 го-ду, когда та развелась со своим первым мужем. А уж потом чего только не говорили! Будто ее брак с Отоном был фиктивным — так повелел Нерон, чтобы самому свободнее общаться с красавицей. А Отон возьми да влюбись в императорскую возлюбленную, порученную ему, и отказался тайно впускать императора в свой дом. Наверняка эту пикантную историю сочинили уже позже, скорее всего, Нерон познакомился с Поппеей, когда та уже была женой Отона, и сам же Отон привлек к ней внимание цезаря, излишне красочно расписывая прелести жены. Вот и поплатился за свою болтливость — в 59 году ему пришлось покинуть столицу и удалиться в почетное изгнание. Нерон выслал его наместником в Лузитанию (приблизительно территория теперешней Португалии). Сначала цезарь намеревался обойтись с другом так, как привык расправляться со всеми неугодными ему лицами, но за Отона вступился Сенека. А возможно, Нерон не хотел более строгим наказанием способствовать широкому обсуждению этой некрасивой истории. Однако она, конечно же, не осталась незамеченной. Народ все видит. И по столице пошел гулять стишок: «Как объяснить столь почетную ссылку Отона? / Он со своею женой сам захотел переспать».

Обычно наместником провинции делали человека, послужившего консулом или претором, да и то через несколько лет после окончания службы. А ведь молодой Отон мог похвастаться лишь небольшим стажем квестуры — работы на самой низшей должности для знатного человека. Этот распутник и бездельник, человек без чести и совести, попиравший все моральные принципы, не имевший опыта ни в администрировании, ни в военном деле, безвольный и нерешительный, вдруг проявил себя отличным

главой провинции, которой десять лет управлял с редким благоразумием, энергично и честно. Видно, в этом далеком краю он смог проявить свои истинные таланты, наличия которых в нем никто и не мог подозревать.

Когда же представился случай отомстить Нерону, Отон не упустил его и был одним из первых, вставших весной 68 года на сторону Гальбы, наместника соседней провинции — Тарраконской Испании. И отважно поддерживал его, хотя исход противостояния Гальбы и Нерона был еще неизвестен. Самоубийство Нерона в июне того же года обеспечило Гальбе победу без кровопролития. Отон прибыл в Рим осенью вместе с новым императором уже в качестве его ближайшего союзника.

С давних пор, со времен совместных бесчинств с Нероном, у Отона был свой астролог и советник Птолемей Селевк, которому Отон во всем доверял. Когда Отон уехал в Лузитанию, Селевк остался в доме Поппеи и благодаря ей пользовался в Риме большим влиянием. Его беззаботная жизнь закончилась в 65 году со смертью Поппеи. Цезарь, хотя сам же и стал убийцей своей супруги и неродившегося ребенка, оплакивал Поппею. Распорядился забальзамировать тело погибшей и официально объявил ее божеством. Однако это не помешало Нерону вскоре задуматься о новой жене. Тогда Селевк немедля прямо из Рима поспешил к своему давнему опекуну Отону. Тот же, как все знатные люди в столь тяжкие времена, каждую минуту ожидал смерти, не ведая, с какой стороны она нагрянет. Любое письмо из Рима могло содержать роковую весть, любой вновь прибывший к нему офицер мог оказаться убийцей, подосланным цезарем. Однако астролог еще раз повторил своему хозяину то, что твердил много лет: приговор звезд прежний — Отон переживет Нерона.

Десятого января 69 года Марку Отону пришлось принять болезненный удар: Гальба усыновил и назначил своим наследником Луция Пизона, хотя до сих пор все указывало на то, что у Отона больше шансов стать преемником престарелого цезаря. Ведь он так преданно помогал ему с самого начала бунта против Нерона! Да и консул Тит Виний, ближайший советник Гальбы, поддерживал его кандидатуру и даже обещал дать Отону в жены свою дочь! Правда, у наместника Лузитании не было недостатка и в недругах, как это всегда бывает в династических распрях, и они не упускали случая напомнить о тесной дружбе в дни молодости Нерона и Отона и их совместных разгулах и бесчинствах. Не для того они теперь свергают Нерона, чтобы посадить на трон его собутыльника. И вместе с тем именно давнишняя дружба с Нероном и их разгульный образ жизни теперь привлекали на сторону Отона мощную силу — преторианцев и римскую чернь. Они с тоской вспоминали о непрекращающейся череде игрищ и веселых гуляний во времена Нерона и надеялись, что с воцарением Отона все это возобновится, а преторианцев цезарь станет осыпать золотом. Райская жизнь — не то что теперь, при суровом и скупом старике.

С помощью верных людей Отон умело поддерживал эти настроения, а прежде всего делал все, чтобы подкупить преторианцев, и в первую очередь — их офицеров и отборные отряды конницы.

Сохранились свидетельства, что, если бы не Птолемея, Отон совершил бы государственный переворот уже 10 января, то есть в день, когда усыновление Гальбой Пизона положило конец его чаяниям. Астролог, однако, категорически заявил — звезды не благоприятствуют начинаниям, принятым в этот день. Да и здравый смысл не одобрял поспешности, к столь рискованному акту следовало основательно подготовиться.

Пятнадцатого января, когда Гальба на Палатине приносил жертвы богам, Отон потихоньку удалился якобы для совещания с заранее вызванным зодчим, чтобы осмотреть постройки в своей сельской резиденции. Потом прямо с Форума он с группой преторианских офицеров поспешил в расположение гвардии. Возможно, преторианцы и сохранили бы верность императору, но их увлекла беззаветная храбрость и решительность сторонников Отона. К смельчакам присоединялось все больше их собратьев, и вот Отон уже стоит на трибуне, украшенной боевыми орлами и знаменами, в окружении все увеличивающейся толпы преторианцев, приветствующих его как императора. Отон тоже не скупится на приветствия, протягивает руки к собравшимся, заверяя их в своей благодарности, рассылает поцелуи. Чтобы крепче привязать к себе преторианцев, этих отборных воинов, он с трибуны поклялся взять себе столько власти, сколько они, преторианцы, ему позволят. Дальнейшие события показали, что Отон мог рассчитывать на преданность гвардейцев.

Никто не отдавал себе отчета в том, что к данному моменту в Римской империи оказалось четыре цезаря. Трое находились в Риме: Гальба с Пизоном на Палатинском холме, Отон среди преторианцев. Четвертый же появился далеко от Рима — на Рейне. Им был Авл Вителлий, которому присягнули германские легионы и еще 2 января объявили его императором. Всего за два часа число императоров сократилось до двух. Остались лишь Отон и Вителлий. Законные же правители, Гальба и его наследник Пизон, погибли, покинутые своими сторонниками.

Вечером 15 января преторианцы и жители города радостной толпой сопровождали Отона на Палатин. Шли через Форум, где еще лежали окровавленные трупы. Среди приветственных выкриков сначала роб-

ко, а потом все громче зазвучали подобострастные и лестные выкрики черни в честь нового императора, и вот уже все собравшиеся скандируют: *Salve Otho Nero! Imperator Otho Nero!* То же происходило и в последующие дни, а Отон притворялся, что не слышит этих криков. Тацит предположил, что он просто боялся запретить так его именовать, не решался и выказать свое неудовольствие. В первых своих посланиях наместникам в провинциях он подписывался просто: «Отон Нерон». А меж тем в домах римлян появились вновь изображения Нерона, которые пришлось убрать всего несколько месяцев назад. Подобострастный сенат распорядился восстановить статуи Пoppей, ибо божественной следует воздавать божественные почести. Вернули прежние звания и должности вольноотпущенникам и служителям Нерона, а один из его чиновников теперь писал речи для Отона.

Каковы же причины такого поведения нового императора? Разумеется, не симпатия к бывшему приятелю, а желание показать римлянам, что новый властитель решительно порывает с политикой Гальбы. Однако боязно было и переборщить, ибо у Нерона было много врагов среди самых влиятельных лиц империи, самых знатных и богатых, более всего пострадавших от Неронова беспредела. Новый цезарь очень нуждался в поддержке именно этих слоев общества, учитывая, что его положение было не таким уж прочным. Стало известно, что германские легионы присягнули Вителлию, и тот уже с Рейна двинулся на Рим, хотя Отон поначалу и попытался договориться с ним миром. Вот почему Отон всячески стремился дать понять, что, хотя он себя и называет Нероном, вовсе не намерен следовать этому императору ни в преследованиях знати, ни в жестоких расправах с неудобными, ни тем более во всех его чудачествах и глупостях. Теперь Отон уже понимал, что Нерону выступления

певцом на сцене или с декламацией повредили не меньше, чем безжалостные расправы с неугодными. Деспот может быть жестоким, но не смешным.

Поэтому Отон приказал умереть Тигеллину, одному из самых ненавистных для знати людей из приближенных Нерона. И оставил в живых Кальвию Криспиниллу, советницу Нерона в делах любовных. Он даже взял к себе в дом пресловутого Спора, которому Нерон велел стать девушкой и официально женился на нем. Во всем этом была какая-то двойственность, неизбежная при желании угодить всем, да еще при этом удовлетворять и свои тайные желания и слабости.

А их у Отона было немало. И хотя эти слабости в принципе были невинными, они давали недоброжелателям повод для насмешек. Особенно придирались к заботам цезаря о собственной внешности. Не прошел незамеченным тот факт, что император сильно лысеет и, чтобы это скрыть, всегда носит прекрасный парик. Замечено было также, что он ежедневно бреется и делает косметические маски для лица, чтобы придать свежесть коже. И наконец, особые насмешки вызывала привычка цезаря натирать стопы ног благовонными маслами, в чем ему некогда подражал сам Нерон.

Несмотря на бунт германских легионов, Отон все же располагал немалыми силами, за ним стояли две трети провинций и армия империи. Ему поклялись в верности легионы восточные и придунайские, в то время как за Вителлия высказались лишь западные. Все зависело от того, удастся ли вовремя стянуть в Италию войска с Дуная, чтобы преградить дорогу отрядам Вителлия. Это было самым главным, ибо в самой Италии у Отона войск было немного, а Цецина, полководец Вителлия, уже перешел Альпы, несмотря на зиму.

Подготовка к войне, недостаток продовольствия, дороговизна — все это вызывало беспокойство. Первый раз в римской истории война так близко подошла к столице. Она представлялась народу довольно абсурдной, ведь в принципе ему было все равно, кто станет править — Отон или Вителлий. При Нероне войн не было или, по крайней мере, они велись где-то далеко, не угрожая Риму, — ворчали недовольные. А тут еще, как назло, случилось небывалое наводнение — разлился всегда спокойный Тибр. Наводнение было таким неожиданным и ужасным, что многие римляне утонули в своих домах или в харчевнях, да и после наводнения, когда вода спала, в столице стали рушиться дома, бывшие не слишком крепкими, и отсырело зерно на государственных складах.

Все это усиливало недовольство императором и в низах и в верхах. И вот тут Отон смог убедиться, как же верны ему преторианцы. Они давно уже знали о недовольстве сенаторов и многих представителей высшей аристократии и в один прекрасный вечер едва не перебили все высшее сословие. По распоряжению императора моряки должны были подвезти оружие из их лагеря. Увидев, что происходит, преторианцы заподозрили измену, подняли тревогу и по собственному почину, не ожидая приказа, кинулись на Палатин, желая перебить всех изменников-сенаторов и освободить императора, которого те наверняка захватили. Трибуны попытались их задержать, но встретили сопротивление и некоторые были убиты. Преторианцы же, допытываясь, где император, прорвались, как были, окровавленные, к самой обеденной палате и успокоились, лишь увидев там Отона, живого и невредимого.

Четырнадцатого марта цезарь распрощался с сенатом, поручив ему заботу о государстве, и произнес речь перед народом. На следующий день он покинул Рим. Это было время мартовских ид. Толпы народа

на улицах столицы дружески прощались с ним, не скупясь на пожелания успеха и превознося мужество цезаря. Но таковы уж были римляне, привыкшие с давних пор, по словам Тацита, льстить всем императорам. И сейчас они кричали охотно и громко, хотя не испытывали к цезарю особой любви, но не испытывали и страха, кричали из любви к искусству, просто потому, что им доставляло удовольствие так выказывать свою преданность правителю. Справедливо было бы заметить, что не только древние римляне находили странное наслаждение, подлизываясь и льстя вышестоящим.

Поначалу стычки с войсками Вителлия происходили в районе среднего Пада (река По), и в этих апрельских боях отряды Отона сражались успешно, хотя их могла поддержать лишь небольшая часть придунайских легионов. Основные силы оттуда только подтягивались. Решительное сражение произошло 14 апреля под Бедриаком, уже за Падом, недалеко от Кремоны. Когорты цезаря понесли большие потери, но не были разбиты, не поддались панике, выражали готовность снова идти в бой, а придунайский корпус быстро приближался.

Командный пункт Отона располагался по другой, правой стороне реки. Узнав о страшных потерях, окружающие поклялись Отону в своей верности и желании продолжить сражаться, ибо они уверены в конечной победе. Один из гонцов, желая наглядно продемонстрировать верность солдат вождю и неизменную волю к победе, у ног цезаря вонзил меч себе в сердце, воскликнув перед смертью: «И каждый из нас ради тебя сделает то же!»

Наверное, именно тогда Отон и решил положить конец этой братоубийственной войне. А сделать это можно было лишь самоустранившись. Напрасно и

современники и историки искали причины решения Отона в создавшейся тогда ситуации. При нем оставались еще нетронутые, не обескровленные легионы, к нему спешила помощь из Далмации, Паннонии и Мёзии, и даже раненные в боях воины оставались верны цезарю, готовые сами, безо всякой помощи, постоять за него. Так был ли это нервный срыв, и он сам изменил своим преданным солдатам? Испугался или, напротив, поступил по-мужски?

Всё объясняют его слова: «Мы воюем не против Ганнибала. Мы, римляне, сражаемся с римлянами, нанося раны нашей общей родине. И какое имеет значение, кто победит в этой войне? То, что принесет радость победителю, может обернуться несчастьем для народа. Не хочу, чтобы продолжали гибнуть лучшие мужи империи, такие отличные солдаты, вот как этот. Лучше мне умереть!»

Отон простился с ближайшими соратниками. Похлопотал, как мог, о каждом. Даже распорядился о том, чтобы всем, желающим уехать, были выделены средства и транспорт. Потом заперся у себя и занялся бумагами, просматривая их и сжигая все, которые могли бы кого-нибудь скомпрометировать, если попадут в руки Вителлия. Написал два письма: одно — сестре, второе — бывшей жене Нерона, Статилии Мессалине, на которой собирался жениться, и просил их позаботиться о его, Отона, прахе и памяти. Все наличные деньги раздал своим близким и слугам, разделив их по справедливости. Поговорил с малолетним племянником, которому был хорошим опекуном, и теперь старался его успокоить и дать наставление, как жить дальше. С гордостью повторил, что он первый, не считая Гальбы, придал императорский блеск их древнему роду.

Наверное, Отон покончил бы с собой уже 15 апреля, но ему помешали шум и беспорядки в лагере,

это его верные преторианцы силой удерживали тех, кто собрался уехать, пользуясь разрешением цезаря, обзывая их трусами и предателями. Тяжело вздохнул — придется прожить еще и эту ночь, и вышел, чтобы навести порядок. Для этого потребовалось много времени, весь день, к тому же он принимал всех, кто пожелал увидеть его. Наконец Отон выпил кубок холодной воды, взял два стилета, попробовал, острили их лезвия, и заперся в спальне. Заснул — оставшиеся слышали его ровное и спокойное дыхание. Проснувшись утром, поинтересовался, как обстоят дела, все ли спокойно, смогли ли уехать те, кто пожелал. Отослал из спальни прислуживавшего ему вольноотпущенника, чтобы на того не пало подозрение. А когда дверь за ним захлопнулась, Отон закрепил стилет острием вверх и навалился на него всей тяжестью тела, рассчитав, чтобы острие вошло прямо в сердце. Когда в комнату ворвались слуги и охрана, он был еще жив и пытался как-то заслонить смертельную рану. Или указывал на нее?

В последних разговорах с друзьями Отон просил их похоронить его тело как можно быстрее, чтобы не дать врагам надругаться над ним, как три месяца назад с его молчаливого позволения надругались над телом и головой Гальбы. Преторианцы целовали руки мертвому императору, затем положили его тело на носилки и на своих плечах отнесли к погребальному костру, а когда языки пламени поднялись вверх, многие тут же, у погребального костра, умирали той же смертью, которую выбрал себе их император. Такие сцены повторялись и в других преторианских когортах. Был ли это массовый психоз? Слишком мало — всего девяносто пять дней — правил Отон и ничего особенного не совершил, чтобы завоевать такую любовь и преданность, и вряд ли они так уж опасались мести Вителлия. Даже ненавидевшие Отона при жизни ста-

ли превозносить цезаря после его смерти, твердя, что даже Гальбу он убил лишь для того, чтобы установить в империи мир и справедливость.

Побывавший в тех местах через несколько лет Плутарх пишет, что видел собственными глазами скромную гробницу с надписью: «Тень Марка Отона».

Большинство современников восприняли добровольную смерть Отона с уважением и пониманием. Им восхищались, считали — он поступил как настоящий римлянин. И даже Тацит, всегда суровый по отношению к правителям, вынужден был признать: этот цезарь заслужил себе в веках столько же плохой, сколько и хорошей славы.

АВЛ ВИТЕЛЛИЙ

Aulus Vitellius

7 или 25 сентября 15 г. — 21 декабря 69 г.

Правил с 3 января до 21 декабря 69 г.

под именем *Aulus Vitellius Augustus*

Imperator Germanicus.

После смерти не был причислен к сонму богов

Отец Авла, Луций, был человеком выдающимся, но со странностями. В царствование Тиберия он проявил себя хорошим военачальником и отличным администратором, будучи наместником Сирии. Здесь ему удалось покорить парфянского царя Артабана и заставить его воздать почет орлам римских легионов. В ведении Луция была и Палестина. Когда римский префект Иудеи Понтий Пилат устроил безжалостную резню самаритян, наместник велел ему лично ехать оправдываться перед цезарем.

Луций дружелюбно относился к иудеям, что и доказал в деле с облачением их верховного жреца. Священные одежды верховного иудейского жреца хранились в часовне при храме римской крепости и выдавались евреям только во время самых торжественных богослужений, которые совершал их первосвященник, а после литургии они возвращались римлянам обратно. Этим способом римляне пытались держать в узде воинственный, но и очень набожный народ. Без священного облачения верховный жрец не мог приносить жертвы своему богу. Луций Вителлий отменил это унижительное ограничение, отдав драгоценные одежды самим иудеям.

Находясь в Иерусалиме, Луций узнал о смерти Тиберия и приходе к власти Гая Калигулы. Новый им-

ператор внезапно отозвал своего сирийского наместника, и тот отправился в Рим, будучи уверенным, что ему придется проститься с жизнью. И все же захватил с собой саженцы лучших сортов фиников и фисташек. Они прекрасно прижились в Италии и распространились по всей стране.

Оказавшись в Риме, полновластный наместник и бесстрашный военачальник тут же превратился в жалкого льстеца и подхалима. Наверное, полагал, что при безжалостном и умственно неполноценном правителе только угодливостью можно сохранить себе жизнь. Болезненно подозрительный, бесчеловечно жестокий, не знающий меры своим чудачествам император был опасен любому мало-мальски видному гражданину Римской империи. При нем все как бы ходило по узкой тропинке над страшной пропастью, боясь оступиться, сделать лишнее движение, сказать лишнее слово. Каждый неосторожный шаг грозил гибелью. Спасала лишь находчивость. И когда Калигула как-то раз неожиданно спросил Луция Вителлия, хорошо ли тот видит богиню, с которой он, Калигула, как раз беседует, Луций набожно склонил голову и дрожащим голосом произнес: «Это только вы, боги, можете видеть друг друга».

При Клавдии настали лучшие времена, этот император ценил хороших администраторов и пользовался добрыми советами Вителлия. Но тут Луцию грозила опасность со стороны распутной и подозрительной Мессалины. Пришлось прибегнуть к испытанному средству — подольститься к власти имущим. Неглупый сенатор Вителлий так и сделал. Он упросил императрицу даровать ему свою сандалию, которую стал постоянно носить в складках тоги, время от времени демонстративно доставая ее и трепетно целуя. Нарцисса и Палласа, влиятельных вольноотпущенников цезаря, он подкупил тем, что их золотые изображения

поместил в часовне своего дома, чтя их наравне с домашними ларами. Когда же оргии Мессалины перешли все границы, Луций вмиг перестроился и, зная у кого больше шансов стать новой императрицей, энергично поддержал Агриппину во время дебатов в сенате.

Авл был достойным сыном своего отца, только делал все в обратном порядке. Сначала в нем проявились незаурядные качества придворного лизоблюда, готового на все услуги, не исключая и сексуальных. Не было ему равных и в восхвалениях. И лишь с возрастом он проявил себя хорошим организатором и военачальником. При Тиберии, свидетельствуют современники, то есть еще совсем мальчиком, Авл Вителлий выделялся во время разнузданных оргий, устраиваемых Тиберием на острове Капри.

Поговаривали, что смазливому сыну, любимцу Тиберия, и сам Луций был обязан милостивым отношением к нему императора. Правда ли это? Нельзя забывать, что подобные обвинения чаще всего фабриковались врагами, а в них у Вителлия никогда не было недостатка. Людям нравилось — да и сейчас нравится — выслушивать пакости о сильных мира сего. Но ведь можно предположить и такое: Тиберий, Калигула и Клавдий ценили Луция Вителлия за его действительные таланты хорошего управленца и администратора, а его сына, скажем, за таланты игрока в кости и прекрасного знатока состязаний на колесницах.

Авл Вителлий удивил многих и тем, когда два года — в 60-м и 61-м — умело управлял провинцией Африка, назначенный туда наместником. До этого, правда, он успел хорошо нажиться, осуществляя надзор над общественными зданиями в самом Риме. Пользуясь своим служебным положением, он присвоил находящиеся в римских храмах драгоценности и произведения искусства, подменив их жалкими

копиями. Что ж, такие вещи происходили и позже, и не только в римской империи. В веках осталась латинская поговорка: *Nihil novi sub sole* — ничто не ново под солнцем. И все же, когда император Гальба в конце 69 года отправил Вителлия наместником в нижнюю Германию, область на нижнем Рейне, у того не было денег на дорогу. Кредиторы обступили его и не выпускали, пока будущий наместник не рассчитается с долгами. Всем было известно, что жил он в большой нужде, жену и детей поселил в жалкой хибаре, сдал дом внаем. Такие финансовые трудности приписывались невероятному, но просто болезненному обжорству Вителлия. Не он один этим славился, и будь Вителлий богатым человеком, прожорливость не разорила бы его, тем более что он не стремился к изысканной пище, а ел все подряд, лишь бы набить утробу.

Явившись в Германию, Вителлий с самого начала проявлял к вверенным ему легионерам неслыханную милость, чем и покориł сердца солдат и офицеров. В то же время они были настроены очень враждебно против правящего цезаря Гальбы, хотя вовсе его не знали. Достаточно и того, что императором тот стал без участия их, сильнейших воинских формирований во всей Римской империи (по их мнению), а лишь благодаря поддержке жалких испанских легионеров и римской черни. Неприязнь к Гальбе проявилась особенно явственно 1 января 69 года, когда воинские когорты во всей обширной империи приносили присягу верности новому цезарю. Здесь, на нижнем Рейне, в некоторых легионах солдаты лишь молча выслушивали текст присяги и расходились в тишине. В некоторых — командование прибегло к хитрости, не называя имени властителя и требуя присягнуть лишь на верность сенату и великому Риму. Но было и так, что статуи Гальбы забрасывали камнями или

и вовсе разбивали. И такое происходило в обеих германских провинциях, и в верхней и в нижней. Наместник и высшее командование сохраняло нейтралитет, не вмешиваясь в события. А солдат явно подзуживали недруги Гальбы, ненавидевшие нового императора по личным мотивам. Среди них выделялись Фабий Валенс и Цецина Алиен. Во время пребывания Вителлия в Кёльне, 2 и 3 января, войска рейнской армии, одно за другим в разных лагерях, провозгласили императором Вителлия. До них дошла весть, что Гальба убит в Риме преторианцами по наущению Отона, ставшего новым цезарем.

И вот тогда Авл Вителлий стал заложником не столько собственных амбиций, сколько собственных солдат и создавшейся ситуации. Отступить он не мог. Отон одно за другим слал ему послания, суля золотые горы, высокие должности, личную неприкосновенность и возможность самому выбрать место, где поселиться, если тот сложит оружие и откажется от незаконно присвоенного ему титула. В ответ Вителлий отправлял ему такие же послания. Оба они считали себя вполне законно избранными императорами и не жалели обещаний сопернику, лишь бы тот добровольно сложил с себя титул императора. Вскоре послания изменили тон, стали более требовательными и жесткими, а потом дело и вовсе дошло до ругательств и взаимных оскорблений. Тут уж припомнилось все самое дурное и постыдное, что только можно было приписать сопернику.

Далее пошли в ход и более действенные средства, к сопернику принялись подсылать убийц, но и это не помогло. Посланцев Отона в германских лагерях сразу опознавали как незнакомых людей, появившихся в солдатских лагерях; сторонники Вителлия, хотя им легче было затеряться в Риме, все-таки ничего не сумели сделать.

А тем временем германские легионы уже двинулись через Галлию на юг. По дороге Цецина прошелся огнем и мечом по земле гельветов (современной Швейцарии), приказав солдатам не щадить ни старых ни малых, и только за то, что в Гельвееции были задержаны его гонцы, отправленные к придунайским легионам, поддерживавшим Отона, чтобы и их склонить к бунту.

В апреле 69 года произошли решающие бои на реке Пад. В это время Вителлий находился в Лугдуне (Лион). Гонец принес весть, что после кровавой битвы под Бедриаком Отон покончил жизнь самоубийством. В доказательство ему даже вручили стилет, которым поразил себя Отон. Вителлий повелел отправить его в Кёльн и там поместить в храм Марса. К Бедриаку он вышел лишь через сорок дней после битвы, в конце мая, но и тогда еще все поле было покрыто мертвыми телами Отоновых воинов, оставленных на съедение диким псам и хищникам-падальщикам. Даже закаленные в битвах солдаты из рейнских легионов с трудом выносили ужасное зрелище и страшный смрад разлагающихся трупов, Вителлий же, высокий, рыхлый, с огромным от постоянного обжорства животом и красной от вечного пьянства физиономией, с видимым удовольствием обозревал страшную панораму. А затем произнес мерзкие слова, которые запомнили и много веков спустя повторяли с ужасом: «Убитый враг всегда хорошо пахнет, но еще лучше — убитый гражданин».

Однако и Вителлия стало мутить, пришлось выпить двойную порцию вина. А сказал он то, что думал, ведь решилась мучившая его проблема: что делать с оставшимися в живых воинами противника. Охотнее всего он уничтожил бы всех или изгнал на край света, но боялся, как бы те, не видя другого выхода, не схватились за оружие. Следовало проявить осторожность.

Преторианцев он уволил с действительной службы, распустив без промедления все преторианские когорты.

Велел выдать им так называемое почетное выходное пособие, но оружие приказал сдать. Их разослали по одиночке на поселение в разные уголки громадной империи. Преторианцы восприняли это как жизненную катастрофу. Элитные подразделения армии, мужчины в самом расцвете сил — и уже ветераны! К тому же стали распространяться слухи, что бывших гвардейцев потихоньку разыскивают и арестовывают. Правда, арестована была небольшая группа из ста двадцати гвардейцев, но тревога охватила всех бывших преторианцев. Дело в том, что несколько месяцев назад эти сто двадцать человек вручили Отону письменную просьбу наградить их за особые заслуги в свержении императора Гальбы. Просьбу обнаружили в архиве. Вителлий правильно рассудил, что преторианец, воин из личной охраны императора, поднявший руку на цезаря, в любом случае бунтовщик и изменник, заслуживающий смертной казни. Так с ними и поступили.

А вот что было делать с придунайскими легионами, дружно выступившими на стороне Отона и частично принимавшими участие в битвах с силами Вителлия? Их никак нельзя было распустить — опасно оголять границы. Пришлось ограничиться полумерами: казнить только некоторых центурионов и перебазировать отдельные легионы. Так, один легион отправили в Испанию, другой — аж в Британию. Оказавшийся в Турине, легион устроил настоящую битву с отрядами батавов¹ из Рейнской армии, так

Батавы — (*лат.* *batavi*) — германское племя, отделившееся от хаттов из-за внутренней распри и поселившееся около 50 г. до н. э. в устье Рейна, в римской провинции Белгика. В 12 г. до н. э. были покорены римлянами и считались преданными союзниками Рима. Восстание 69 г., о котором здесь речь, — единственное исключение, когда батавам удалось захватить лагерь римских легионеров. В IV в. батавы растворились во франках.

что весь город был сожжен, и от него камня на камне не осталось.

Меж тем сам Вителлий потихоньку двигался к Риму. Со всех сторон к нему стекались люди, некогда близкие к Нерону, полагая, что и Вителлий примет их с радостью: актеры, певцы, погонщики колесниц, ведь новый император никогда не скрывал симпатий к Нерону, с которым был близок в молодые годы. Вот и теперь он доказал это, публично почтив память бывшего приятеля и принеся жертвы его тени с помощью самых важных жрецов.

С Вителлием в столицу шло шестьдесят тысяч солдат из разных армий и бесчисленные прислужники, и в это шествие, постоянно, как ручейки в могучую реку, вливались когорты сенаторов, спешивших доказать свою преданность новому цезарю. Разумеется, из них самыми усердными оказывались те, кому было чего бояться при новом правителе. Города, через которые они проходили, тоже старались перещеголять один другой в госте-примстве, не жалея средств на girлянды, алтари, пиры и развлечения. Все помнили, что Вителлий — настоящий любитель бегов на колесницах и боев на арене.

Стоял июнь, созревала пшеница, ветви деревьев сгибались под тяжестью плодов, но в этом году их собирали не хозяева, а прожорливая солдатня. Многие из них явились в благословенную Италию напрямик из суровых северных стран и никогда не видели такой благодати — земель таких плодородных и так заботливо обработанных. И при полном попустительстве цезаря эти солдаты вели себя, как привыкли при завоевании земель: грабили, уничтожали, жгли хозяйства, насиловали женщин. В ордах Вителлия о дисциплине никто не думал. И хотя между отдельными легионами этой разнокалиберной армии то и дело вспыхивали стычки, в борьбе с местным населением воинство выступало на редкость дружно.

Возможно, цезарь и проявил бы некоторую твердость и навел дисциплину в войсках, зная, что с ними ему придется выступать против противника. Получив, однако, радостную весть, он махнул рукой — пусть солдаты потешатся. Весть же утвердила его в безопасности: войска в Сирии, в Иудее и в Египте принесли ему клятву верности. Все это время Вителлий не мог спать спокойно, не зная, как поведут себя легионы в этих провинциях. Теперь он стал единственным бесспорным и всеми признанным хозяином огромной империи.

В свое недолгое правление Вителлий больше всего прославился совершенно чудовищным обжорством и жестокостью, находя и в том и в другом самое большое наслаждение. Эти черты во всей полноте проявились уже во время его неспешного следования в Рим. Судьба не послала ему мудрых советников. Самыми близкими ему людьми стали разнузданные актеришки и много возомнившие о себе погонщики колесниц. Трон Вителлию завоевали легионеры, он же не только ничего полезного не сделал для государства, но и трона не смог удержать.

В середине июля Вителлий остановился в семи милях от Рима, там, где Фламинийская дорога проходит по мосту над Тибром. Из Рима повалили толпы любопытных, прослышавших о никогда доселе не виданных солдатах из северных регионов. Да и вообще уже давно не видели здесь такой огромной армии, наполовину состоящей из совершенно диких варваров, служивших в основном во вспомогательных когортах. Некоторые из них были одеты в звериные шкуры, а вооружены длинными копьями — такого в Риме не знали. Римская чернь, несдержанная на язык и привыкшая давать себе волю, принялась высмеивать этих галлийских и германских простаков, а те легко выходили из себя и по привычке хватались

за оружие. Такие же сцены можно было наблюдать и в самом Риме, куда солдаты, наслышанные о великолепии столицы мира, отправлялись в самоволку еще до официального въезда в столицу императора. Главной целью таких экскурсий была центральная площадь — Форум, ведь именно здесь семь месяцев назад погиб Гальба, убитый преторианцами Отона, которых они недавно разбили в боях. Священные для римлян храмы, статуи и памятники старины на Форуме ни о чем не говорили этим варварам и полуварварам. Они считали, как бывает в каждой эпохе, что истинно важные события — те, которые происходят с их участием в данный момент, а прошлое никому не нужно. Тем не менее опыт учит, — и через это прошли бесчисленные поколения последующих веков, — ничто не устаревает так быстро, как современность и то, что в ней представляется самым важным.

Наступил день торжественного въезда в Рим. Сначала Вителлий обрядился в воинский плащ и опоясался мечом, но окружающие возмутились: по давней традиции в таком виде в город имел право вступить вождь, победивший внешнего врага, которого сенат награждал правом триумфа — торжественного въезда в столицу. Уже на ходу цезарь сорвал с себя триумфальное убранство и обрядился в senatorскую тогу.

Возможно, свидетелем великолепного въезда в столицу Вителлия был Тацит, тогда четырнадцатилетний мальчик, будущий знаменитый историк. Во всяком случае его описание не оставляет равнодушным, наверняка оно сделано человеком, видевшим своими глазами столь впечатляющее воплощение могущества Римской империи.

Первыми шли знаменосцы с орлами четырех легионов, сопровождающих цезаря. Это были: легион XXI *Rapax* из Виндониссы, (современный Виндиш) в Швейцарии; далее легион I *Italica* из Лугдунума; затем

V *Alauda* из Ветера на Рейне (в современной Вестфалии); наконец XXII *Primigenia* на Рейне. Перед орлами выстроились префекты лагерей, трибуны и высшие центурионы, все в белоснежных плащах. По обе стороны этих шеренг шли знаменосцы со значками — но без орлов! — тех четырех легионов рейнской армии, которым пришлось остаться на своих постах в далекой провинции. Поочередно прошествовали конные эскадроны со своими значками-символами, за ними четко печатали шаг плотные колонны легионеров. Перед каждой центурией шагали ее офицеры, в полном вооружении, как и солдаты, в блестящих парадных панцирях и великолепных шлемах, при медалях и драгоценных цепочках — наградах за доблесть. Замыкали шествие когорты из воинов пограничных территорий, со своим необычным оружием.

До сих пор Риму никогда не приходилось видеть одновременно столько прославленных когорт, в том числе из очень далеких стран. Слава империи проявилась в полном блеске. Шеренга за шеренгой, четким мерным шагом, брэнча оружием, шла воинская мощь империи, окруженная с обеих сторон плотной стеной зрителей. И хотя Вителлий был уже третьим за один год последователем Нерона, теперь встречающие его были уверены — власть его непоколебима.

Однако ошибались те, кто так думал. Уже появился новый претендент на престол, хотя весть об этом до Рима еще не дошла. Первого июля два легиона в египетской Александрии провозгласили цезарем бывшего легата и командующего римскими войсками в Александрии — Тита Флавия Веспасиана.

ВЕСПАСИАН

Titus Flavius Vespasianus

17 декабря 9 г. — 24 июня 79 г.

Правил с 1 июля 69 г. до 24 июня 79 г.

под именем *Imperator Caesar*

Vespasianus Augustus.

После смерти был причислен к сонму

богов под именем *Divus Vespasianus*

ИЗ ПАЛЕСТИНЫ В ИТАЛИЮ

Первого июля 69 года префект Египта Тиберий Юлий Александр велел построиться двум своим легионам в их лагере под Александрией и перед строем солдат объявил, что с этой минуты у них будет новый цезарь, Флавий Веспасиан, тот, что командовал войсками, подавившими восстание евреев в Иудее. Легионеры громкими криками одобрили это сообщение и тут же присягнули на верность новому императору. Через два часа столь же охотно приветствовали цезаря Веспасиана и жители Александрии, собравшиеся на огромном городском стадионе.

На заре 3 июля в главной квартире войск Веспасиана в Приморской Цезарее, у побережья Палестины, как каждое утро, пробуждения Веспасиана ожидали офицеры его штаба, личная охрана и легионеры в обычном боевом построении. Появившегося Веспасиана приветствовал дружный клич: *Salve Imperator!* И вскоре уже во всем лагере гремели приветственные возгласы: *Imperator Caesar Vespasianus Augustus!* Все легионы на землях Палестины — один в Цезарее, второй в Эмаусе, третий в Иерихоне — поклялись в верности своему вождю, уже назначенному ими властителем империй.

Наместник Сирии Луциний Мусиан, получив известие о событиях в Александрии и Палестине, привел к присяге Веспасиану легион, расквартированный под Антиохией, а собравшимся в театре гражданам пояснил, что новый властитель избран ради блага империи и всего человечества. Охотно и без колебаний перешли на сторону Веспасиана также два легиона, стоящие на Евфрате. Вот так еще до 15 июля все восемь восточных легионов признали нового цезаря. Их примеру последовали вожди и царьки дружественных римлянам соседних племен, власти остальных провинций в Малой Азии и, наконец, вся придунайская армия. Учитывая трудности сообщения той эпохи, все происходило с невероятной быстротой. Вителлий же только к 15 июля подготовил торжественное вступление в Рим в полной уверенности, что вся Римская империя, от Британии до Сирии, покорно лежит у его ног.

Не вызывает сомнения, что столь сложной операцией, охватывающей и отдаленные друг от друга провинции, и множество городов, и большинство восточных воинских лагерей, умело руководило несколько человек, сам же Вителлий бессознательно им помог. Благоприятной для Веспасиана была и сложившаяся к тому времени обстановка. Со смерти Нерона не прошло и года, а легионерам пришлось присягать одному за другим трем императорам — Гальбе, затем Отону и, наконец, Вителлию, причем все трое были солдатам абсолютно неизвестны. Зато стало известно, что каждый из этих трех цезарей приходил к власти, убив предшественника, и ни у одного из них не было для царствования законного права. Первого выдвинули в императоры легионеры Испании, второго посадили на престол римские преторианцы, третьего наделила императорской властью армия на Рейне. Неужели восточная армия ничего не значит? Неужели ее

удел — с покорностью принимать тех, кого назначат другие? Распространялись какие-то неясные слухи о предсмертном письме Отона, в котором он якобы заклинал Веспасиана отомстить за него и взять в свои крепкие руки управление империей. И наконец, в июне, как гром с ясного неба, грянула весть о решении Вителлия переместить легионы: сирийские направят на Рейн, а их место займут германские легионы. Угроза потрясла не только армейские части, но и местное население.

Тут следует учитывать разницу в климате отдельных регионов, а также опыт ведения легионерами войны именно с таким противником и именно в таких условиях. Прослужив в Сирии целые годы, легионеры сроднились с ней, считая ее чуть ли не своей родиной. Так что же — теперь они должны покинуть этот благодатный теплый край и отправиться на край света, где придется начинать все сначала в суровом климате, среди лесов и топей, сражаясь с угрюмыми, но воинственными германскими племенами? В ужасе были и сирийцы, наслушавшиеся страшных историй о кровожадных полудиких вояках с Рейна, мечтавших обогатиться за счет местного населения, с трудом говоривших на латыни, а греческого языка и вовсе не знавших. К тому же они не имеют понятия о вине, вместо которого пьют отвратительную жидкость из прокисшего ячменя!

Многие военачальники и высокопоставленные лица из администрации были недовольны Вителлием, они не раз обращались к Веспасиану с лестным предложением, но тот долго отказывался. Во время тайной встречи, состоявшейся на горе Кармель в конце мая — начале июня, Веспасиан ссылаясь на свой возраст. Ведь ему уже 60 лет, какие уж тут могут быть амбиции? К тому же у него два сына, Тит и Домициан, а в случае провала задуманного им грозит лютая

смерть, тем более что Домициан находится в Риме и будет как бы заложником в руках Вителлия. Веспасиан привел последний веский аргумент: нельзя недооценивать силы противника. Однако остальные участники совещания во главе с Луцинием Муцианом один за другим разбивали все возражения Веспасиана. Наконец он сдался. Возможно, повлияли благоприятные для него предзнаменования. Оглядев внутренности принесенного в жертву животного, жрец воскликнул: «Все, что бы ты ни задумал сейчас, — дом построить или расширить свои владения — все будет исполнено, боги к тебе милостивы». А Веспасиан всегда считался с предсказаниями и советами астрологов, хотя в принципе был человеком разумным, рассудительным и уравновешенным, возможно, слишком рассудительным и даже расчетливым, как и положено потомку славного рода предпринимателей.

Его предки жили далеко от Рима, за рекой Пад. Прадед занимался посредничеством в найме сезонных сельхозрабочих, разбогател и поселился поближе к Риму, в Реате, в краю Сабинов. Дед Веспасиана во время гражданской войны между Цезарем и Помпеем сражался в войсках Помпея в чине центуриона или даже старшего центуриона, затем уволился из рядов армии по нездоровью и занялся банковским делом. Отец Веспасиана умножил семейное богатство, став сборщиком налогов на острове Родос, в провинции Азия. Потом еще долго можно было встретить в городах возведенные в его честь статуи с надписью «Справедливому сборщику». И только старший брат Веспасиана, Флавий по прозвищу Сабин, занялся политической карьерой, благодаря чему, занимая высшие должности, получил возможность стать сенатором. Сам же Веспасиан не гнался за богатством, не мечтал о политической карьере, предпочитая все-

му тихую сельскую жизнь. Он воспитывался у своей бабушки по отцу Тертуллы в поместье под городом Коса в Этрурии, очень полюбил эти места и всю жизнь часто туда возвращался. И позже он не разрешил ничего изменить в доме, в котором вырос, и с которым были связаны воспоминания детства. Бабушку всегда вспоминал с любовью.

Честолюбивая мать настояла, чтобы Веспасиан пошел по стопам старшего брата. Пришлось начинать делать карьеру. Энергичный и трудолюбивый, он быстро поднимался по служебной лестнице. Сначала офицер в армии, затем квестор, эдил, претор. Разумеется, вошел в состав сената. Все это было в правление Клавдия, затем Калигулы.

Меж тем Веспасиан познакомился с девушкой по имени Ценида, вольноотпущенницей Антонии. Как известно, Антония, солидная дама, была бабушкой Калигулы и матерью Клавдия. Веспасиан сблизился с Ценидой и через нее установил полезные контакты с вольноотпущенниками Антонии и Клавдия, а главное, с Нарциссом. Поначалу это не имело особого значения, ведь Клавдий был всеобщим посмешищем, но в будущем пригодилось. Роман с Ценидой пришлось прервать на какое-то время, так как Веспасиан женился на Флавии Домицилле. В 39 году у супругов родился сын Тит. Как только Клавдий облачился в пурпурные императорские одежды, чрезвычайно влиятельный Нарцисс тут же выхлопотал высокое воинское назначение для друга: Веспасиана назначили командующим легионом II *Augusta* в Аргенторате на Рейне, то есть в теперешнем Страсбурге. И когда в 43 году было решено захватить Британию, этот легион с тремя другими включили в состав наступающей армии. В боях Веспасиан прославился не только талантом военачальника, но и личной храбростью в многочисленных битвах, в том числе и при захвате острова Вектис

(современный Уайт). За свои заслуги Веспасиан получил щедрые награды: триумфальные украшения, два высоких жреческих сана, а в 51 году стал консулом, правда, только на два последних месяца года. И в этом же году у него родился второй сын, Домициан.

Однако, как только Клавдий взял в жены Агриппину, Веспасиан поспешил расстаться с политической карьерой. Он боялся этой сильной и всемогущей женщины, знал, что она его ненавидит за то, что он был другом Нарцисса, ее лютого врага. Да и от Нерона Веспасиан ничего хорошего не ожидал, но когда тот поссорился с матерью и разрешил убить Агриппину, перед Веспасианом открылись новые перспективы. В 59 или 60 году его назначили наместником Африки. Будучи опытным военачальником и хорошим администратором, Веспасиан отлично справился со своими обязанностями. После двух лет управления богатейшей провинцией он, ко всеобщему удивлению, вернулся в Рим еще беднее, чем был раньше, что свидетельствовало о поразительной и чрезвычайно редкой в те времена честности. (Можно подумать, что в наше время честность среди чиновников торжествует повсюду!) Из-за финансовых затруднений он попал в такое тяжелое финансовое положение, что был вынужден заложить брату часть своих поместий, а на жизнь стал зарабатывать — разумеется, через посредников — торговлей мулами, за что и получил в народе прозвище *Mulio*, погонщик мулов.

И в 66 году он сопровождал Нерона в его артистическом турне по Греции. Однако поскольку Веспасиан плохо разбирался в искусстве, а точнее, оно было ему совершенно чуждо, зато не давали покоя финансовые и прочие передраги, его голова подозрительно опускалась на грудь, и глаза закрывались, что давало повод недоброжелателям утверждать, что он в простоте своей пользуется случаем поспать во время выступления

гениального певца и актера. Большого оскорбления Нерону нельзя было нанести! Сенатора изгнали и из сената и из числа придворных, а когда тот принялся каяться и просил допустить его к императору, услышал из-за двери гневное нероновское «Пошел ко всем чертям!»

Веспасиану запретили не только приближаться к императору, но даже издали приветствовать его, и он поспешил удалиться как можно дальше от гневного цезаря. Поселился в небольшом греческом городке и жил там, всеми позабытый, в вечном страхе за свою жизнь, не зная, когда жестокий император пришлет гонца с приказом и в самом деле отправить его к чертям в ад, то есть на тот свет.

А гонцы из Рима и в самом деле явились, и можно себе представить, как билось сердце Веспасиана, когда он их впустил! Но принесли они не смертный приговор, а неожиданное назначение на высокую должность верховного главнокомандующего армией, которую Рим направлял на подавление восстания в Иудее. О великой иудейской войне написано много трудов, начиная с произведения ее современника Иосифа Флавия «Иудейская война», да и из моих научно-популярных произведений одна книга посвящена именно ей, так что сейчас мы эту тему обойдем молчанием. Но вернемся к Веспасиану.

Почему выбрали именно Веспасиана? Причин было несколько. Для того чтобы разгромить повстанцев, требовалась большая сильная армия и опытный полководец. Хорошим военачальником он уже не раз проявлял себя и в Германии и в Британии. Будучи наместником в Африке, зарекомендовал себя умным, осмотрительным и честным распорядителем. Усердие его ни у кого не вызывало сомнения, и в то же время он не был никому опасным в качестве претендента на верховную власть по причине скромности своего про-

исхождения. Ну и, наконец: раз не сумел оценить истинное искусство, то место его среди солдат!

Так, получив к имеющимся в Иудее трем легионам еще два, восемь отрядов конницы, десять когорт и взяв с собой старшего сына легатом, Веспасиан поспешил к месту назначения. Его сын Тит помчался в Александрию, откуда забрал еще один легион. Отец встретился с сыном в городе Птолемеи и в июне римляне вступили в Палестину. Веспасиан быстро навел порядок в подчиненных ему войсках, а во всех сражениях участвовал лично, подавая подчиненным пример отваги. Еще в том же году они с Титом целиком завладели Галилеей, захватывая города силой или другими средствами заставляя их капитулировать. В одном из них среди пленников римлян оказался некий Иосиф, предводитель галилейских повстанцев. Его извлекли из полного трупов подземного убежища. Спрятавшиеся там иудеи погибли добровольно, убивая одного другого по жребью. В живых остался лишь их предводитель, он должен был погибнуть последним, покончив с собой. Представ перед Веспасианом и Титом, Иосиф бесстрашно заявил, что послан Богом в этот мир сообщить людям о грядущих событиях, в которых ему наказано принять участие. Раз он не погиб, значит, такова воля Всевышнего. И нет никакой необходимости отсылать его к императору Нерону, ибо вскоре цезарем станет сам Веспасиан.

Неужели пленник действительно осмелился так говорить в присутствии могущественных римских военачальников? Сомнительно, да что поделаешь, если мы располагаем единственными доказательствами — словами самого пленника. Доказан лишь факт, что к Нерону его не отправили, оставили в Иудее, хотя в оковах и под стражей. Постепенно Иосиф пользовался все большим доверием Веспасиана и Тита, о чем писал так: «Я получил одежду и ценные пред-

меты и даже, еще будучи пленником, смог жениться на избранной мною девушке, пойманной римлянами под Цезареей». Впоследствии Иосиф, уже став свободным гражданином, принял фамилию Флавий и посвятил жизнь описанию истории своего народа на греческом языке, причем всей истории, начиная с библейских времен и заканчивая последней войной, будучи не только ее участником, но и одним из героев, правда, не слишком отважных.

В 68 году военные действия велись преимущественно в Иудее и за Иорданом. Весной следующего года в руках восставших остались лишь Иерусалим и три крепости. Тем временем и сюда доходили вести о кровавых государственных переворотах в Италии и разразившейся там гражданской войне. Убит Гальба, Отон убил себя сам. В Италию вступили войска Вителлия. В создавшейся ситуации ни полководец, ни его подчиненные не проявляли особого энтузиазма в борьбе с восставшими. И теперь уже все — и офицеры и солдаты — все чаще подумывали о том, чтобы императором сделать своего человека. Веспасиана! В конце июля — начале августа 69 года в городе Берит (современный Бейрут) собрался военный совет. Руководил им только что объявленный цезарем Веспасиан, а участниками совета были все высшие военачальники и верхушка администрации восточных провинций. Нового правителя поздравили представители всех крупных городов и сложили к его ногам дары в виде золотых венцов. На совете разработали и план действий. Веспасиан решил отправиться в Египет, большую и богатую провинцию, к тому же, в случае необходимости, ее легко защищать. Его сыну Титу поручили руководить войной против иудеев, Муциан же должен был вести войска в Италию через Малую Азию и Балканы.

А в Риме тем временем правил Вителлий. И правил намного лучше и увереннее, чем от него ожидали. Он не свирепствовал, не мстил, сохраняя видимость справедливости и всячески давая понять, что желает сотрудничать с сенатом, участвовать в его заседаниях, причем не станет препятствовать критике. Часто появлялся на Форуме вместе с кандидатами на высшие государственные должности и лично рекомендовал их перед выборами. Разумеется, выборы были пустой формальностью, реликтом времен республики, теперь же все решалось в императорском дворце, а выборы превращались в демонстрацию лояльности цезарю. Каждый сенатор стремился показать, какой он верноподданный. Радовало уже и то, что Вителлий публично проявляет уважение к годами устоявшимся обычаям, принятым в политической жизни, пусть это даже просто фикция.

Симпатии же простого народа Вителлий завоевал тем, что часто посещал и театры и цирк. Это он-то, начисто лишенный любви к искусству! Объявил себя, как мы сказали бы теперь, болельщиком Голубых, активно строил для них конюшни, поставлял гладиаторов и экзотических хищников. А главное — вечно пировал. Потом подсчитали, что всего за несколько месяцев его правления им было израсходовано на все это около девятист миллионов сестерциев.

Однако главной проблемой для Рима и вообще империи оказались солдатские массы, нахлынувшие из-за Рейна. Их надо было прокормить, занять чем-то привычным, наконец, просто навести дисциплину в их легионах. Непривыкшие ни к здешнему климату, ни к другим условиям жизни, варвары массами гибли от болезней, перестали подчиняться командованию, занялись грабежом и разбоями. Ко всему прочему добавилось отсутствие единства взглядов в ближайшем окружении цезаря.

Когда в августе с Востока и с Дуная донеслись опасные слухи, сначала им не поверили, а убедившись, что дело плохо, принялись готовиться к отражению возможного нападения, но все делалось непродуманно и спустя рукава. Лишь в конце сентября отправили первые легионы на север Италии, им первыми предстояло столкнуться с путчистами. Вряд ли можно было назвать отважными воинами солдат этих легионов — деморализованных долгим пребыванием в большом городе, позабывших о воинской дисциплине, истощенных жарой и болезнями. Совсем другими вступали они в Рим в июле. Сам цезарь остался в столице.

События развивались быстро, все закончилось за три месяца. Антоний Прим, командовавший XV легионом из Паннонии, не дожидаясь прибытия армии Муциана, вторгся в северную Италию через Аквилею. В войсках Вителлия распространялась измена. Цезарь лишился военного флота в Равенне, вождь Цецина был готов сдаться, лишь только солдаты сохраняли верность императору. В конце октября разыгралась неслыханно кровавая битва под Бедриаком, недалеко от Кремоны, там, где в апреле сражались с Отоном. На этот раз вителлианцы потерпели поражение. Западные провинции тут же перешли на сторону Веспасиана, то же сделал флот в Мизене.

Пребывая в растерянности, Вителлий 18 декабря публично заявил, что готов отказаться от власти, но солдаты заставили его изменить решение. На следующий день брат Веспасиана штурмом взял Капитолий, в котором засел со своими сторонниками Флавий Сабин. Все погибли от меча или в пожаре вспыхнувшего храма Юпитера Капитолийского. А цезарь Вителлий, пируя на Палатине, спокойно наблюдал за происходящим, хотя позже попытался свалить вину на других. Двадцатого декабря отряды Ритония Прима с боями вступили в столицу. Сторонники Вителлия отчаянно

сопротивлялись, бились на улицах, в храмах, просто в домах, римская же чернь по очереди рукоплескала то одним, то другим, как она привыкла делать это в театре. Сам Вителлий спрятался в покинутом всеми дворце, забрался под кровать в каморке швейцара. Его вытащили оттуда на следующий день, связали руки на спине и, ухватив голову за волосы, приставили к горлу острое меча. Так шел он полураздетый по улицам Рима, по Форуму, под улюлюканье толпы, швырявшей в него грязь и обливавшей нечистотами, пока не забили насмерть. Тело бросили в Тибр. «Чернь измывалась над мертвым столь же постыдно, как и льстила ему живому». Так писал Тацит.

РАЗУМНОСТЬ, ЛИБЕРАЛЬНОСТЬ, ХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ

Сенат собрался на следующий день после смерти Вителлия, 22 декабря 69 года, хотя на римских улицах еще продолжались стычки между сторонниками Вителлия и победителями, отрядами Веспасиана. Сенаторам, однако, все было ясно: у них новый повелитель. И они незамедлительно приняли указ, дающий Веспасиану все права, привилегии и должности, которыми располагали его предшественники, а также одобряя все, совершенное им начиная с 1 июля, когда легионы в Александрии объявили его цезарем. Затем этот указ был утвержден народным собранием. Указ был искусно вырезан на бронзовой таблице, часть которой обнаружили в Риме в 1350 году. Позже, уже в XVI веке, таблицу перенесли в Капитолий, где она и находится в музее в настоящее время — вещественное свидетельство римского правосудия и тех бурных дней.

Младший сын цезаря, Домициан, чудом спасся от смерти. Еще вчера вителлианцы преследовали его

как загнанного зверя, а сегодня, как сын законного императора, он получил должность претора, хотя ему было всего 18 лет. Все наперебой пытались добиться его благосклонности, и он наверняка стал бы главой Рима, если бы не Муциан, советник отца и вождь его армии. Он не замедлил добиться своего, решительно пресекая попытки молокососа стать правителем Рима. И почти целых полгода оба они да еще несколько высших офицеров Веспасиана (среди них, разумеется, Антоний Прим) решали все дела Италии и западных римских провинций. Веспасиан то ли не мог, то ли не очень стремился поскорее добраться до столицы.

С декабря 69 года новый император пребывал в Александрии, народ его встречал с особым восторгом — это был первый цезарь, провозглашенный здесь и остановившийся в Александрии надолго. Он провел здесь зимние месяцы и начало весны, действительно неблагоприятные для морских путешествий. И понемногу привыкал к своему высокому положению. Поначалу ему еще не хватало опыта правления и уверенности в себе, он даже отказывался возлагать руки на немощных, просящих о чудотворном исцелении, но когда его уговорили это сделать, и он вернул зрение слепому и исцелил ногу хромоту, слух о творимых им чудесах облетел всю Римскую империю. Скорее всего, это работала императорская пропаганда, она же распространяла слухи и о вещих знаках, сулящих ему счастливое царствование. Однако сам Веспасиан охотнее всего занимался тем, что считал самым главным и что умел делать, — оздоровлением государственной экономики, сильно пострадавшей в междоусобных войнах последних лет.

Гражданские войны разорили государство и вконец разрушили его экономику. Еще находясь в Египте, император энергично взялся за дело — пополнял государственную казну разумной продажей привилегий и

земель, повышая налоги, что, естественно, вызывало недовольство населения, хотя делалось это продуманно и было необходимо. И еще по одной причине задержался цезарь в Египте — по причине Иудейской войны. Возможно, он ожидал, что вот-вот придет победная реляция от Тита о взятии Иерусалима. Поскольку же осада города затягивалась и его героические защитники не думали сдаваться, а как раз наступил период благоприятных ветров, цезарь (видимо, в июле 70 года) двинулся в путь обычным маршрутом: сначала на остров Родос, а уже оттуда на борту военного корабля отправился через Эгейское море в Грецию.

Все города на пути Веспасиана торжественно встречали его. В Италии он высадился в порту Брундизий (современный Бриндизи), где его уже ожидал Муциан; с Домицианом же Веспасиан встретился немного дальше, в Беневенте. Не очень сердечной была встреча отца с сыном — цезаря конечно же проинформировали обо всех выходках молодого человека. Не понравилось цезарю и то, что Домициан без особой надобности отправился с войском в Галлию — молодому человеку не давали покоя военные лавры отца и старшего брата. В Галлии Домициан собирался подавить опасное восстание на нижнем Рейне и в северной Галлии под предводительством Цивилиса¹, но добрался лишь до Лундунума, поскольку восстание было уже подавлено опытным военачальником Квинтом Петилием Цериалом².

Гай Юлий Цивилис — вождь союзного римлянам германского племени батавов, префект когорты вспомогательных войск, возглавивших батавское восстание против Рима.

² Квинт Петилий Цериал — римский военачальник, в ранге пропретора правитель провинции Британия (71—74), консул-суффект 74 года, совместно с Веспасианом (замещал воевавшего в Иудее Тита), консул 83 года, совместно с Домицианом.

Как принимала императора столица? Об этом написал Иосиф Флавий, который наверняка пользовался рассказами очевидцев. Вот фрагмент его отчета:

Высокопоставленные сановники выехали навстречу императору далеко за Рим. Но и простым людям не терпелось увидеть цезаря, и они ринулись ему навстречу такими огромными толпами, что город буквально опустел. Когда же дали знать, что он уже приближается, не выдержали и оставшиеся, и с детьми, женами, стариками высыпали на дорогу за городом. Императора встречали громкими приветственными криками, называя его благодетелем, избавителем, действительно достойным Рима властителем. Город был украшен цветами и весь окутан благовонным каильным дымом, тем самым уподобляясь огромному храму. С трудом удалось властителю протиснуться сквозь толпы к своему дворцу, в котором он немедленно принес дары домашним ларам. А народ принялся праздновать, и за пиршественными столами проливали вино, моля богов позволить Веспасиану долгие годы крепко держать свой скипетр на благо римского народа.

Такие сцены радости, восторга, обожания, наилучших пожеланий повторялись в Риме многократно при каждой смене власти и стали уже своего рода образом жизни (*лат. adventus*, и это выражение сохранилось до наших дней в языке литургии). А разве и в наше время не так встречают во всех странах прибытие в какой-нибудь город даже не главы государства, а просто новых высокопоставленных чиновников, связывая с ними свои надежды на лучшую жизнь и следуя давнему обычаю? Это так, но в те древние времена в приветствиях народа было больше искренности, в данном же случае римляне были измучены кошмаром длительных гражданских войн и искренне надеялись, что новый

император наведет, наконец, порядок и восстановит разрушенное. Всем хотелось мира и стабильности. И люди не ошиблись в своих ожиданиях.

Веспасиан оказался замечательным императором, одним из лучших римских цезарей за всю историю империи. Его голова не закружилась от благовонных воскурений, их дым не помутил остроту его зрения, лесть и низкопоклонничество не испортили нрав цезаря, он остался таким, каким был, верно служа отечеству. Веспасиан не пытался изображать из себя ни великого полководца-завоевателя, ни гениального реформатора. Он никогда не обещал больше, чем мог дать, не уверял сограждан, что с его воцарением настанет эра всеобщего благоденствия. И всю жизнь, буквально до последней минуты, Веспасиана не покидало чувство юмора, которое есть лучшее противоядие от губительного действия абсолютной власти, способной нарушить психическое равновесие и помутить разум даже самых выдающихся личностей.

Поначалу главной своей задачей Веспасиан считал продолжение того, что начал в Александрии, то есть оздоровление финансовой системы суровым режимом экономии. Это вынуждало прибегать к непопулярным, но необходимым мерам. К чему только он не прибегал, чтобы раздобыть средства для возрождения разрушенной экономики страны! Ему приписывается выражение *Pecunia non olet* — деньги не пахнут, — и в данном случае оно очень точно характеризует политику Веспасиана. Крепкое словечко «сделало карьеру» и дошло до наших дней. Его повторяют люди, не знавшие латыни и не имевшие представления, кто такой Веспасиан, хотя на самом деле не он придумал его. Но сам Веспасиан или его сын высказали что-то в таком духе, когда в соответствии с новым указом поступили первые деньги за продажу мочи, которую стали добавлять в красители.

Веспасиан не был скрягой, и даже скупым его не назовешь. Он не жалел денег, когда считал нужным, а что касается строительства и культуры, то в этих областях он просто транжирил деньги. Это он начал масштабные строительные работы по восстановлению столицы после страшных разрушений последних лет. И сам лично начал работы по реконструкции храма Юпитера на Капитолии, на собственных плечах вынося в корзине камни и щебень. Веспасиан лично позаботился о восстановлении копий трех тысяч бронзовых таблиц с историческими записями, пострадавших в пламени пожаров. Прекрасное свидетельство уважения к прошлому, ведь в любую эпоху это главное мерило культуры человека.

В конце лета 70 года сын императора Тит овладел, наконец, Иерусалимским храмом. В ходе боев храм сгорел, о чем будет подробнее рассказано в следующей биографии. Победитель вернулся в Италию в 71 году, в июне состоялся его триумфальный въезд в Рим вместе с отцом. Подробному описанию этого эпизода мы снова обязаны Иосифу Флавию.

Накануне ночью оба императора (старший сын цезаря и его наследник тоже именовался императором) с первыми лучами солнца, по традиции, в торжественных пурпурных одеждах и лавровых венках направились в портик Октавии. Там их уже ожидал сенат в полном составе и другие высшие сановники империи. Цезари заняли места на трибуне в креслах из слоновой кости, и в этот момент прозвучал оглушительный клич собравшихся всех родов войск. На сей раз воины были без оружия, но в шелковых одеждах и тоже в лавровых венках. По мановению руки цезаря все замолчали, после чего сначала Веспасиан, а затем его сын и наследник Тит, прикрыв головы одеянием, сотворили молитвы. После короткой речи цезаря все принялись за угощение.

Лишь после этого торжественное шествие направилось в столицу, не торопясь, величественно, чтобы римляне могли как следует наглядеться на редкое зрелище во всем его великолепии. Вряд ли в этот день хоть один человек остался дома, все высыпали на улицы. По улицам медленно текла людская река и вторая река из самых ценных предметов — произведений искусства из золота и слоновой кости, великолепных тканей, украшенных драгоценными камнями и расшитых золотыми и серебряными нитями, картин и статуэток. Вели редких зверей — никогда не виданных чужеземных животных, гнали толпы пленников. Вот один за другим проплыли большие деревянные многоэтажные помосты, на которых разыгрывались отдельные эпизоды Иудейской войны. Среди военных трофеев обращали на себя внимание культовые предметы из иерусалимского храма: золотой жертвенный стол, золотое семисвечное паникадило, золотой ящик для священных книг. Вслед за этим несли статуи богини Победы, и только за ними ехали на конях Веспасиан с сыновьями Титом и Домицианом. Шествие остановилось у храма Юпитера на Капитолийском холме, и все стояли там до тех пор, пока не пришло известие, что на Форуме состоялась казнь вождя восстания — Симона, сына Гиоры. Только после этого вознесли молитвы и принесли жертвы богам.

Так описал это событие Иосиф Флавий. В честь победы был построен уже упомянутый храм Победы, а столь знаменитая в наше время Триумфальная арка Тита была построена немного позже. Символически заперли ворота храма Януса, что означало — в стране воцарился мир. Однако дело обстояло не совсем так, в Иудее война не закончилась, горстка храбрецов отчаянно защищала последнюю крепость. Крепость была взята только в апреле 73 года; все те, кто ее оборонял, покончили с собой. Но там уже больше нико-

гда не вели больших войн. Отдельные пограничные стычки и даже небольшие военные кампании происходили в Британии, на верхнем Дунае и по Евфрату, где к римской Сирии присоединили Коммагену. Однако почти для всей империи это были годы мира и спокойствия.

И еще одному нововведению очень радовались жители многих провинций Римской империи, особенно те, что были состоятельными. Веспасиан щедро раздавал римское гражданство, так называемое «латинское право», продолжая тем самым политику Клавдия. Наверняка это не приводило в восторг родовитых римских граждан, особенно сенаторов, но и они вынуждены были признать справедливость введения такого закона. В принципе цезарь старался сотрудничать с сенатом, вообще был доступным, охотно общался с людьми и даже отменил обычай обыскивать допускаемых к нему посетителей, что всегда делалось раньше из боязни покушений на императора. В стране забыли о государственном терроре и политических процессах. К этому периоду в истории Древнего Рима можно полностью отнести слова Тацита: «Редко выпадает счастливое время, когда можно думать, что хочешь, и говорить, что думаешь». Существовала, разумеется, и оппозиция, были люди, недовольные цезарем по разным причинам, были целые аристократические династии, обиженные тем, что к власти пришли не их представители, а Флавии, которые еще так недавно были простыми предпринимателями. А также действовали идейные противники императорской власти, сторонники республики. Эти держались особенно вызывающе, за что их предводитель Гельвидий Приск и заплатил головой.

Как жаль, что у нас нет дневников Веспасиана! А ведь он вел их, в древности о них знали. Возможно, тогда бы удалось выяснить, почему он изгнал из Ри-

ма философов, почему разогнал астрологов? Вряд ли упомянутая оппозиция была единственной причиной. Тем более что цезарь, как уже говорилось, был очень терпимым и незлобивым. Так, он не помнил обид и никогда не мстил, причем не только за мелочные обиды, но и за причиненный ему лично вред.

А как выглядела его личная жизнь, его занятия, привычки, встречи с людьми? Крепкий, хорошего телосложения, Веспасиан до конца дней своих отличался отменным здоровьем, возможно, и потому, что вел правильный образ жизни. Ежедневные прогулки, здоровая пища, игра в мяч, массажи и один день в месяц без пищи. Просыпался Веспасиан рано, часто еще до рассвета, решал неотложные дела, ему читали важные и требующие скорого ответа письма и сообщали о важных происшествиях. Он слушал и одевался, потом выходил на обязательную прогулку. После прогулки отдыхал. После омовения и завтрака принимался за важные государственные дела. Иногда устраивал приемы.

Когда умерла жена Веспасиана, он приблизил к себе вольноотпущенницу Цениду, а после смерти последней обходился какой-нибудь наложницей.

В июне 79 года, когда Веспасиан находился в Кампании, приступ легкой лихорадки заставил его вернуться в столицу. Однако, поскольку он привык проводить лето под Реате, сразу же уехал туда. Чувствовал себя плохо, к тому же начал досаждать понос, цезарь очень ослаб, но не сдавался и продолжал выполнять свои обязанности. Однако чувствовал, что конец его близок, о чем и сказал, по своему обыкновению, с иронией: «Сдается мне, я начинаю становиться богом». И когда настала его последняя минута, велел его поднять, говоря: «Цезарь римлян умирает стоя».

Это произошло 24 июня 79 года.

ТИТ

Titus Flavius Vespasianus

30 декабря 39 г. — 13 сентября 81 г.

Правил с 24 июня 79 г. до 13 сентября 81 г.

под именем *Imperator Caesar*

Vespasianus Augustus.

Был причислен к сонму богов

Тит Флавий Веспасиан прожил всего сорок два года, правил же страной только два года и три месяца, не завоевал никаких новых земель, не провел никаких смелых реформ, не поразил своих подданных ужасными преступлениями, но и не восхитил их каким-то особенным великодушием или благородством. И тем не менее он считается одним из самых выдающихся римских императоров. Возникает естественный вопрос — почему? Каковы причины столь великой славы этого императора, славы, не меркнувшей в веках? Дело в том, что с именем императора Тита и его коротким царствованием еще и в наши дни в сознании каждого образованного человека связаны очень важные события и явления древнего мира. Это он еще до того, как стать императором, покорил Иерусалим. Это его Триумфальная арка до сего дня возвышается на римском Форуме. Это при нем был достроен и начал свою многовековую деятельность Флавийский амфитеатр, то есть Колизей. И наконец, в самом начале его правления произошло знаменитое извержение Везувия, и была засыпана пеплом Помпея. Даже ранняя кончина цезаря невольно способствовала увеличению доброй славы Тита. Считалось, что лишь скоропостижная смерть помешала проявиться во всем блеске и полноте его будущим свершениям.

Итак, недолгое правление Тита оказалось очень насыщенным важнейшими событиями, происходившими в самых разных странах. Еще будучи мальчиком он удостоился высокой чести — воспитывался вместе с Британиком, сыном императора Клавдия и его жены Мессалины. Причиной этого были добрые отношения, установившиеся между его отцом, сенатором Веспасианом, и Нарциссом, очень влиятельным вольноотпущенником цезаря. История сохранила нам интересный факт: рассказывали, что Нарцисс, желая узнать, что ожидает в жизни Британика, пригласил ко двору знаменитого в те годы предсказателя, безошибочно определяющего судьбу человека по его лицу. Нарцисс ввел знаменитость в комнату, где занимались оба мальчика. Едва войдя, предсказатель сразу же успокоил заказчика, заявив: «Не беспокойся, он будет править», причем указал на Тита. Нарцисс возмутился: «Ошибаешься, это только товарищ императорского сына, наследник Британик — вот этот!» Однако физиономист-предсказатель стоял на своем: «Ничто не говорит о том, что Британик когда-нибудь будет властвовать, а вот насчет его товарища у меня ни малейших сомнений».

Возможно, всё это придумали позже, когда Тит занял трон. Ведь никто из представителей рода Флавиев — ни Веспасиан, ни Тит, ни Домициан — не имел никаких оснований претендовать на титул императора, вот их сторонники и старались задним числом выискать эти основания, а в те времена вера в вещи предзнаменования была очень сильна.

Тит явился участником того пира, на котором отравили Британика. Оба мальчика возлежали на своих ложах за отдельным пиршественным столом. Все блюда, подаваемые членам императорской семьи, сначала пробовал особый раб, называемый *praegustator* (слуга, пробовавший блюда перед подачей их на стол).

Одно из кушаний Британик отодвинул — слишком горячее. В блюдо немедленно вылили кубок холодной воды, а раб не успел попробовать воду. Мальчик взял ложку кушанья в рот и тут же упал без чувств. Все это видел лежавший рядом Тит и едва успел отдернуть ложку, которую уже подносил ко рту. По другой версии, он все же прикоснулся ложкой с кушаньем к губам, за что и расплачивался потом долгой и тяжелой болезнью. Он никогда не забывал несчастного Британика. Много лет прошло, и Веспасиан, уже император, повелел воздвигнуть Британику позолоченный памятник, а статуэтку — Британик на коне — по его приказанию всегда проносили вокруг стадиона впереди процессии, по обычаю, открывавшей состязания на колесницах.

После этого трагического события Тит покинул императорский двор и занялся только учебой. Он хорошо изучил и римскую, и греческую литературу, и на этих двух языках не только составлял и произносил речи, но и сочинял стихи. Интересовался музыкой, неплохо пел и играл на кифаре. Он даже овладел стенографией, причем настолько хорошо, что позже шутки ради соревновался в этом искусстве со своими секретарями.

Не забывал Тит и физических упражнений. Он был прекрасно сложен — не очень высокий, но ловкий и сильный. Словом, превзошел все науки, которые полагалось тогда пройти молодому аристократу. Пришло время начинать взрослую жизнь. Для восемнадцатилетнего юноши из хорошей семьи принято было начинать ее с воинской службы, и в 57 году Тит вступил в один из прирейнских легионов, благодаря высокому происхождению — сразу в звании трибуна. Естественно, всей жизнью в солдатских лагерях руководили профессиональные офицеры, центурионы разных степеней, но и для представителей так называ-

емой золотой молодежи жизнь среди солдат и участие в самых настоящих боях были отнюдь не забавой. Это была отличная школа воспитания характера. При желании молодые трибуны могли не только научиться всему, что относилось к жизни армии, но и больше узнать о провинции, куда судьба забросила их легион. Тит не терял времени даром. Солдатом он был хорошим — и тогда, и позже.

Служил он и в Британии, а это означало, что добровольно повторил свой воинский стаж уже в другой провинции, в других условиях. Интересно, почему он выбрал именно Британию? Может, потому, что несколько лет назад там сражался его отец в качестве командующего II легионом Августа?

В 59 году Тит опять оказался в Риме. Теперь, по окончании службы, молодому человеку его рода положено было заняться изучением права, соединяя теорию с практикой. Он посещал лекции знаменитых юристов, пользовался их советами, следовал их указаниям и одновременно лично выступал в судах, чаще всего как защитник. В эти же годы он успел дважды жениться. Первая его жена умерла вскоре после свадьбы, со второй он сам развелся, хотя она и родила ему дочь. Причем развелся по не очень-то благородной причине, а именно из карьеристских соображений. Дело в том, что ее дядя Соран в 66 году оказался запутанным в политическом процессе и приговорен к смертной казни по указанию Нерона. А Тит как раз уже был квестором, и перед ним открывались блестящие перспективы.

Вскоре его отцу Веспасиану поручили руководство армией, направленной на подавление восстания в Иудее. Тит возглавил один из его легионов. Было ему тогда 27 лет. Весь 67 год он мужественно сражался в Галилее, захватил там город Иотапату. Именно там в плен к римлянам попал Иосиф, написавший впо-

следствии историю Иудейской войны. Заслугой Тита в этой войне был и захват города Тарихей на Генисаретском озере. Велись жестокие бои, кровь лилась потоками, погибали не только воины, но и женщины и дети. Счет погибших шел на десятки тысяч, еще больше людей захватывалось в рабство. Если верить Иосифу Флавию, Тит всегда старался сдерживать своих солдат, даже наказывал их за провинности.

Военная кампания 68 года охватывала в основном собственно Иудею, а также долину реки Иордан и побережье Мертвого моря. Сжималось кольцо вокруг Иерусалима, бои становились все яростнее, но внезапно римлянам пришлось прекратить боевые действия. Из Рима пришла весть о смерти Нерона и переходе власти к новому императору — Гальбе. В декабре того же года Тит отправился морским путем в Италию, чтобы передать новому императору поздравления отца и его легионов, заверить его в их верности, доложить военную обстановку в Иудее. В пути его сопровождал царь Агриппа, потомок Ирода Великого, властитель части Палестины. До Коринфа Тит с Агриппой доплыли уже после 20 января 69 года и тут узнали, что Гальба убит в Риме преторианцами, провозгласившими цезарем Отона. Что было делать? Продолжить путь и принести поздравления Отону или возвращаться и ожидать, как развернутся события? Они разделились. Агриппа продолжил путь в Рим, а Тит вернулся, и, очень возможно, не только из политических соображений. Тацит пишет:

Были такие, которые уверяли — вернулся он из-за тоски по царице. И действительно, его молодое сердце пылало страстью к Беренике.

Об их романе знали все. Он начался в 67 году, когда Тит прибыл в Палестину, и длился еще долго. Кто

же такая эта царица или, вернее, царица? Сестра царя Агриппы, значит, как и он, иудейка, правнучка царя Ирода, столь хорошо запомнившегося всем по легендарному избиению младенцев. Береника, как и все их семейство, находилась под сильным влиянием греческой культуры, о чем, впрочем, говорит и ее имя, но осталась верна религии предков. Она делала все, что в ее силах, чтобы не разразилось восстание против римлян, но когда оно все равно вспыхнуло, приняла сторону римлян, как и небольшая часть ее сородичей.

Почему же Тит полюбил ее так страстно и явно? Это удивляло еще современников, ведь Береника была старше него, как минимум, на 10 лет, и выходит, когда они познакомились, она уже приближалась к сорока годам или даже перешагнула эту границу, а для древних римлян женщина в таком возрасте уже чуть ли не старуха. Ее первый муж умер, со вторым она развелась, и уже несколько лет жила в доме своего родного брата Агриппы, что давало пищу предполагать, будто их связывает не только родственная любовь, но сильная страсть. Что же мы можем сказать о царице? Не сохранилось никаких ее изображений, даже нет описаний ее внешности и характера. Однако она наверняка была незаурядной женщиной, умной, интеллигентной и исполненной очарования, раз Тит столько лет любил ее и расстался с ней лишь под давлением непреодолимых политических обстоятельств. На обратном пути из Коринфа в Палестину молодой вождь задержался на Кипре, чтобы посетить знаменитый храм Афродиты и принести драгоценные жертвы богине любви. Рассказывали, что в тайной беседе жрец храма поведал ему о его дальнейшей судьбе. Однако тогда Тита интересовала не политика, а только любовь, и он счел храм богини любви самым подходящим местом для того, чтобы вознести молитвы этой

богине за благоприятную судьбу их нетипичной любви — римлянина и иудейки, сенатора и принцессы, вождя победоносных легионов и дочери сражающегося против римлян народа.

Когда он вернулся в Палестину, выяснилось, что все благоприятствует их любви, причем настолько, что уже можно было не стесняться присутствием Агриппы, а военные действия почти приостановились. Однако политика не позволяла забыть о себе. С появлением планов сделать цезарем Веспасиана Титу пришлось все силы посвятить воплощению в жизнь этой идеи. Кстати, Береника оказалась очень хорошей помощницей в этом деле, искусной и надежной. Лишь ее посредничеством объясняется тот факт, что 1 июля 69 года префект Египта Тиберий Юлий Александр первым провозгласил Веспасиана императором перед строем своих легионеров. Этот префект был не только евреем по национальности, но и род-ственным Береники. Когда Веспасиан уже в качестве императора осенью 70 года двинулся в Италию, его сын остался в Палестине, чтобы довести войну до конца. О том, что творилось в осажденном городе и как шли бои, мы знаем от Иосифа Флавия, некогда руководящего восстанием в Галилее, теперь же ставшего римским пленником и усердным сторонником и восхвалителем Тита. Иосиф был живым свидетелем всего, что происходило у стен города, а беглецы из осажденного города и пленники рассказывали о ситуации внутри Иерусалима.

Трагедия столицы Иудеи памятного 70 года по накалу боев и количеству жертв превосходила все, что происходило когда-либо раньше, и вместе с тем стала как бы прообразом подобных ужасающих трагедий будущих эпох. И мы, еще помнящие потери, муки и страдания, пережитые человечеством в последней мировой войне, несравнимые по своим

масштабам с утратами былых войн, не можем без волнения читать записи Иосифа Флавия в его «Иудейской войне».

Вернемся, однако, к захвату Иерусалима. Несомненным успехом римлян было взятие огромного по размерам главного иудейского храма. Руководство римскими войсками раздумывало, сжечь ли этот символ власти иудеев, или оставить. Одни утверждали, что нельзя оставить даже развалин, ибо иудеи никогда не успокоятся, и восстание будет тлеть до бесконечности, пока хоть что-то останется от их культового храма. Другие склонялись к тому, чтобы храм сохранить, если его защитники согласятся добровольно его покинуть, если же будут упорно сопротивляться, поджечь здание, приписав ответственность за это защитникам храма. А раз те поступили безбожно, значит, сами вынудили римлян пойти на крайнюю меру. Сам Тит не соглашался уничтожать такую великолепную постройку, во всяком случае, так утверждает Иосиф Флавий. Другой историк, правда, более позднего периода — но, может, он располагал и более полными сведениями? — утверждает обратное: именно Тит стремился стереть храм с лица земли, будучи уверен, что только этим можно окончательно сломить дух сопротивления иудеев.

Считается, что спор разрешил случай. Во время боев во внутреннем дворе храма кто-то из легионеров швырнул горящий факел в одно из окон храма. Факел упал на сразу воспламенившийся огромный занавес. Ввысь взвились высокие языки огня. Тит отдыхал в шатре, когда ему доложили о пожаре. Он сразу же бросился к месту пожара, якобы пытаясь спасти здание от огня. Напрасно. Уже римляне заполнили весь внутренний двор, в ярости сея смерть направо и налево. Здесь собрались в основном женщины и дети, считая этот двор самым безопасным местом. Множество

женщин и детей были безжалостно убиты. Солдаты ворвались в храм, и здесь уже горы трупов громоздились вокруг главного алтаря, а кровь рекой лилась по ступеням наружу. В храме люди пытались укрыться еще и потому, что какой-то пророк-самозванец на улицах Иерусалима призывал его жителей укрыться именно в храме, ибо там Господь спасет их чудесным способом.

Римские солдаты не знали жалости, они думали лишь о сказочных сокровищах, — которые евреи, по слухам, веками укрывали в храме, — и торопились их разыскать, пока их же собственные офицеры не успели обнаружить драгоценности. Они даже поддерживали и раздували огонь в храме, чтобы незаметно присвоить себе больше трофеев. Кто-то из солдат подложил факелы у входа, от чего загорелся грандиозный занавес, свисающий огромными складками тут же, за торжественными воротами.

Так сгорел храм, но это не означало еще конца боев. Повстанцы отчаянно сражались в Верхнем городе, который удалось захватить лишь через несколько дней. И опять предоставим слово человеку, видевшему происходящее собственными глазами. Иосиф Флавий пишет:

Римляне захватили стены города, водрузили на них свои значки и знамена и под грохот аплодисментов и радостных возгласов оглушительно запели песнь победы. Потом, соскочив со стен и обнажив мечи, ринулись по улицам, убивая всех встречных. Врывались в дома и, разгромив их, тоже поджигали, заперев в них жителей. Грабили и рушили все вокруг, но случалось, ворвавшись в дом, обнаруживали его обитателей умершими от голода.

И все же убивать старались главным образом старцев и младенцев, увозя в плен тех, кто молод и силен.

К тому же надо было набрать достаточное количество наиболее представительных с виду пленников, которые могли бы украсить триумфальное шествие в Риме победителей; отобрать и таких, которые пойдут на расправу диким зверям и смогут сражаться с гладиаторами. Но когда стали подсчитывать и распределять пленников, выяснилось, что одиннадцать тысяч из них скончались от голода. Флавий поясняет:

Отчасти потому, что стража из ненависти не кормила их, а частью оттого, что они сами отказывались от пищи. В действительности и в самом деле не хватало пропитания для такой массы людей, ибо в этой войне было взято в плен 97 тысяч человек.

Через несколько месяцев Тит вернулся в Италию и в июне 71 года вместе с отцом совершил триумфальный въезд в Рим. Это торжественное событие уже было описано в нашей книге. Памятью же о взятии Иерусалима на долгие века осталась знаменитая Триумфальная арка Тита, которая и в наши дни возвышается на Форуме. Это — самые старые из сохранившихся в Риме триумфальных императорских ворот. Воздвиг их брат Тита, Домициан, уже после кончины Тита, в 81 году. Надпись на арке гласит: «Сенат и римляне Божественному Титу, сыну Божественного Веспасиана, Веспасиану Августу». На барельефах монумента все еще движется торжественное шествие, и победоносные легионеры гордо возносят огромные мраморные и бронзовые канделябры из семи светильников из иерусалимского храма.

Вот так имя Тита навсегда слилось с одним из самых трагических событий в истории еврейского народа. Однако, размышляя о тех прискорбных фактах, столь отдаленных от нас по времени и столь близких по последствиям, внимательно рассматривая арку с ее

гордыми барельефами, трудно удержаться от такого соображения: огромная империя, возведенная трудом рабов бесчисленных народов, охраняемая могучими армиями легионеров, кичащаяся пышными памятниками своих побед, рухнула и превратилась в пыль, встретила политическое небытие, а маленький народ, побежденный ею и обреченный на гибель, все еще живет. И такое часто повторялось в истории человечества. Где сегодня могущественные ассирийцы? Куда подевались фараоны, властители мира? Где персидские цари царей? Похоже, история учит нас: то, что велико и могуче, рухнет и рассыплется в пыль, а скромное же и презираемое таит в себе невероятную стойкость, но при одном условии — если сохранит память о своем прошлом.

ОБОЖАЕМЫЙ ГОСУДАРЬ

Веспасиан не скрывал, напротив, всячески давал понять, что своим наследником считает Тита. Последний и был объявлен императором. Никто этому не удивлялся. Еще при жизни отца покоритель Иерусалима получил звание народного трибуна, неоднократно вместе с отцом исполнял должность консула и даже был объявлен префектом преторианцев. Он имел право отвечать на письма от имени отца, произносить речи в сенате, составлять и рассылать указы. Словом, был вторым человеком в государстве. Неудивительно поэтому, что следили за каждым его шагом и поступком, старались выявить его взгляды, предугадать желания. И нельзя сказать, что выводы всегда делались положительные. Наоборот, в Тите обнаружилось множество недостатков. Он был подозрительным, несдержанным, излишне суровым, любил донощиков, не задумываясь проливал человеческую кровь, если

требовалось, скажем, в зародыше уничтожить политический заговор. Он любил роскошь, ночные пиры и оргии, был корыстолюбив.

К тому же еще в 75 году в Рим прибыла Береника с любимым братом Агриппой. Их приняли со всеми возможными почестями. Агриппе постановлением сената вручили символы должности претора, а в распоряжение Береники были отданы покои во дворце на Палатине, благодаря чему она могла без помех встречаться с Титом, тем более что Веспасиан большую часть времени проводил в Саллюстианских садах, на склонах Пинциевого холма. Благодаря этому после четырех лет разлуки Тит и Береника могли вновь предаться страсти, вспыхнувшей в кровавые дни войны в Палестине. Поговаривали, что они ведут себя как законные супруги, и Тит уже сделал предложение, во всяком случае, Береника держала себя как законная супруга императора — гордо и достойно. По крайней мере, так считала она, а вот римляне, ее будущие подданные, наоборот, были недовольны поведением Береники, называя его высокомерным и дерзким.

Тут уже говорилось, что нам неизвестно, как выглядела Береника, какого цвета были ее глаза и волосы. История сохранила лишь один факт, относящийся к этой женщине: она носила перстень с чудесным алмазом, дар Агриппы. Этот драгоценный камень вызывал зависть многих знатных римлянок. О нем помнил даже представитель последующего поколения, поэт и сатирик Ювенал. Он так описывал подарки, которые делал любящий муж капризной жене:

Приносят ей громадные хрустальные вазы. Потом сосуды для воскурений, тоже огромные. Наконец знаменитый алмаз, цены необыкновенной, поскольку его носила на пальце сама Береника. Царь Агриппа даровал некогда его ей, своей бесстыжей сестре, а было это там,

где короли позволяют себе босиком отмечать субботы, а снисходительность исстари позволяет свиньям доживать до преклонного возраста.

Так что этот алмаз — единственный конкретный предмет, за который может зацепиться наше воображение. Точнее — сверкание его граней под лучами заходящего солнца на пальце царицы, когда она, стоя под высоким темно-зеленым кипарисом в Палатинском саду, любит Римом, простирающимся у ее ног.

И все-таки ей пришлось покинуть город. Возможно, это произошло под воздействием общественного мнения, а скорее всего, по повелению самого Веспасиана. Однако когда 24 июня 79 года император скончался и власть перешла к Титу, она с торжеством вернулась. И тут ее ожидало горькое разочарование. Новый цезарь приказал ей покинуть Рим. Сделал он это, как утверждали древние, неохотно, вопреки ее и своему желанию. По латыни это звучало коротко и четко: *invitus invitam*. Что же заставило его так поступить? Можно, разумеется, бестактно напомнить об уже упоминавшемся ее немолодом возрасте: Беренике уже за пятьдесят, а Тит значительно моложе. Но скорее всего, дело серьезнее и причина не столь оскорбительная для Тита. Просто, став императором, он стал другим человеком. Теперь, будучи цезарем, он уже не имел права выдвигать на первое место собственные желания, не смел удовлетворять свои личные стремления, не мог поступать, как ему вздумается. Приходилось считаться с интересами государства и общественным мнением. Возможно, эти слова звучат как надоевшее клише, но в данном случае так оно, скорее всего, и было. Удивив и даже поразив современников, цезарь теперь вел себя образцово как в общественной, так и в личной жизни.

За все время его правления не было ни одного политического процесса, ни разу он ни у кого не конфисковал имущество, не подписал ни одного смертного приговора. Он сразу же объявил об отмене указа об оскорблении величества, заявив: «Меня оскорбить нельзя, ибо я не совершаю ничего предосудительного, а лживые обвинения презираю. Что же касается моих императорских предшественников, так они отомстят за себя сами, если и в самом деле являются богами или только полубогами».

Он подтвердил все привилегии, присвоенные римлянам по сю пору. И всякий явившийся к нему с жалобой мог быть уверен, что она будет рассмотрена внимательно и доброжелательно, в соответствии с девизом Тита: «После беседы с императором никто не уйдет разочарованным». Остались в истории его слова, произнесенные в волнении однажды вечером, когда он вдруг вспомнил, что за весь день никому ничего хорошего не сделал: *Amici, diem perdidit!* — Друзья, понапрасну пропал день! Прекрасные слова, и стоит о них помнить, даже если вы не римский император. А простые римляне хвалили игры и зрелища, устраиваемые для них цезарем, — красочные и завлекательные, именно такие, какие они любили.

Оставшееся в веках положительное мнение о времени правления Тита тем более ценно, что именно в эти годы произошло немало страшных природных катаклизмов. Будь это в дни правления непопулярного, жестокого или бездарного правителя, их наверняка приписали бы божьему промыслу, гневу богов в наказание за поведение императора. А тут — странное дело, в эпоху, насыщенную суевериями, не раздалось ни одного голоса против цезаря.

Первый катаклизм, навсегда оставшийся в памяти человечества, к которому и сегодня не уменьшился интерес, — это извержение Везувия, погубившее

Помпею и ряд других городков у подножия вулкана. Произошло оно всего через два месяца после прихода к власти Тита, 24 августа 79 года.

Мы, наблюдавшие происходящее издалека, из Мизена, сначала не могли понять, какая именно гора дымится тучею. Только позже поняли — Везувий. А туча эта своей формой напоминала дерево, точнее сосну-пинию, потому что вонзилась в небо, будто ее ствол прямой и высокий, а там уже, наверху, распустила ветви. Полагаю, что вознес ее мощный взрыв, постепенно ослабевавший, ибо она изгибалась от своей тяжести. То она казалась белой, то опять темно-серой и пестрой, видимо, в зависимости от того, несла ли она пепел или землю. Было около семи часов дня. Первой ее заметила моя мать и показала дяде, говоря, что на небе появилась какая-то необычная туча. Дядя к этому времени уже успел принять солнечные ванны, потом холодные ванны, успел перекусить и теперь лежал, что-то читая. Он велел быстро подать ему сандалии и поспешил подняться на такое место, с которого лучше всего было наблюдать за необычным явлением. Будучи человеком ученым, он понял, что его следует как можно лучше изучить, и повелел подогнать легкое либурнийское судно. Предложил и мне отправиться с ним, но я ответил, что должен работать, ведь он сам велел мне срочно что-то переписать.

Когда он выходил из дому, ему подали письмо госпожи Ректины. Будучи в великом страхе от происходящего, ибо ее вилла находилась у самого подножия вулкана и не было никакой возможности спастись от опасности, разве что уплыть на корабле, она умоляла дядю оказать ей помощь. Он тут же изменил свой план. Собирался отправиться на корабле в научных целях, описывая увиденное вблизи, но, конечно же, благородно решил поспешить на помощь гибнувшим людям. Спешно приказал выйти в море всем имеющимся на

плаву судам и сам поднялся на палубу одного из них, чтобы оказать помощь не одной Ректине — все побережье было густо застроено домами и виллами. И поспешил туда, откуда все бежали. Было ему тогда 56 лет.

Ты наверняка хотел бы знать, что пережил я, оставшись в Мизене, что тут происходило? После отплытия дяди я продолжил работу, ведь для того и остался. Затем купанье, ужин, беспокойный и короткий сон. Уже в предыдущие дни чувствовалось, как дрожит земля, но страшно не было, ведь такое в Кампании часто случается. Но в ту ночь земля тряслась с огромной силой, казалось, все вокруг дрожит и вот-вот рухнет. В мою спальню вбежала мать, я как раз вставал, чтобы ее разбудить, если она спит. Мы вышли из дома и уселись на пустом пространстве между домами и морем. Не знаю, назвать ли это силой духа или легкомыслием молодости (мне было тогда 18 лет), но я потребовал принести мне книги Тита Ливия и стал читать, словно ничего не случилось, и даже, представь, делал из них выписки!

Это отрывки из писем, которые лет сорок спустя писал известному историку Тациту его приятель Плиний Младший, очевидец извержения Везувия. Дядя, о котором он пишет в письме, — комендант флота в Мизене, Плиний, названный Старшим; а уж о нем обязан знать любой мало-мальски образованный европеец. Плиний Старший — автор многих учебных трудов: о германских племенах, о произношении и стилистике, об истории Рима начиная с правления Клавдия, о коннице того времени. И ничего из этого не сохранилось, зато до наших дней дошла его огромная, состоящая из 37 книг, энциклопедия, которую он озаглавил *Historia naturalis*, исследования естествоиспытателя. Это единственная известная нам энциклопедия древности. Составлена она не в алфавитном порядке, а по разделам. Поистине это сокровищница

информации во всех областях жизни, известной человеку того времени! По свидетельству самого Плиния, он воспользовался почти двумя тысячами книг по разным областям знаний, перемежая полученную информацию собственными исследованиями. Начинается энциклопедия с физики и астрономии, затем идут география и этнография, животный и растительный мир, минералы, медицина, литература и искусство, а также многое другое. Уже одного этого произведения хватило бы, чтобы обеспечить его автору бессмертие в веках в качестве награды за невероятное трудолюбие и широту его интересов. Вся его жизнь была отдана науке. Ученый, военный и гражданин, он до конца остался верен себе — изучал, наблюдал, помогал. И без преувеличения можно сказать, что и погиб он на посту, который сам же себе выбрал.

О последних минутах его жизни мы знаем тоже со слов его племянника, Плиния Младшего. Он рассказал, что дядя велел рулевым взять курс через залив, к месту извержения Везувия, хотя уже и здесь сыпались на суда зола, пемза и камни. Дядя спокойно наблюдал за происходившим и диктовал писцам свои наблюдения. Высадились они в Стабиях, у дома знакомого, где дядя уже одним своим видом способствовал прекращению паники. Вымывшись, он занял место за столом, а потом спокойно спал до тех пор, пока его не разбудили и не вывели из спальни, ибо все вокруг уже густо было засыпано пеплом. Что можно было сделать? Море так бурлило, что исключало всякую возможность погрузиться на корабли. Дома раскачивались с такой силой, что каждую минуту грозили рухнуть, — приходилось спешно выбегать на улицы, прикрываясь подушками от валившихся с неба камней и привязывая подушки на спины. Ночь была совершенно черная от густой тучи горячего пепла и раскаленных камней. Люди бежали к морю, тщетно надеясь на спасение.

Лежа на простынях, Плиний не переставая просил пить. А тем временем усиливающийся запах серы свидетельствовал, что огонь приближается. Плиний попытался встать с помощью слуг, но тут же свалился на землю и скончался, видимо, задохнувшись. Через три дня его тело было обнаружено на том же месте нетронутым.

В эти страшные дни оба Плиния показали пример того, как должны вести себя ученые и просто честные люди в минуту опасности. Каждый день, несмотря ни на что, обязательная систематическая работа. Выполнение своего долга даже в условиях, когда, казалось бы, это не имеет никакого смысла, ведь в извержении все погибнет. Но так ведут себя в условиях самой страшной опасности настоящие римляне и настоящие мужчины.

Тучи пепла долетали и до Рима, на несколько дней закрыв солнце и сея панику. Потом пришла весть о гибели трех городов Кампании — Помпеи, Геркуланума и Стадий, — а также о вреде, нанесенном многим другим городам и населенным пунктам. Цезарь немедленно предпринял решительные меры по оказанию помощи пострадавшим от извержения вулкана. Потерпевшим была оказана крупная материальная помощь, а некоторым переданы владения семей, целиком погибших в катастрофе и не имевших наследников. Как всегда бывало и теперь бывает в подобных случаях, не замедлили появиться и мародеры, наживавшиеся на человеческом горе. Правда, в данном конкретном случае они немногим могли поживиться, проникая в засыпанные пеплом дома. Лава и грязь плотно заполнили все уголки домов. Настоящие, систематические раскопки начались лишь в XVIII веке.

В следующем, 80 году в Риме свирепствовала эпидемия. Тогда наивно считали, что ее причиной стали вулканические осадки. Кажется, весной того же года,

когда Тит инспектировал ведшиеся в Кампании спасательные работы, в столице вспыхнул грандиозный пожар, по масштабу сравнимый разве что с еще памятным многим пожаром при Нероне, бушевавшим шестнадцать лет назад. Сгорело много чудесных храмов, в том числе и знаменитый храм Юпитера на Капитолии, а также термы Агриппы. И опять цезарь организовал масштабные работы по оказанию помощи пострадавшим, обеспечивая погорельцам приют, пропитание и крышу над головой и немедленно организуя работы по восстановлению уцелевших и постройке совсем сгоревших зданий. При этом цезарь не считался и с собственными тратами, пожертвовав все свое имущество, в том числе и отдав все ценные произведения искусства из императорского дворца, чтобы приукрасить обгоревшие храмы.

Чем еще можно помочь людям, перенесшим столько несчастий? Разумеется, играми и развлечениями. А тут как раз подоспел и подходящий случай — закончилось строительство огромного овального каменного амфитеатра в центре столицы. Работы по его строительству начались еще при Веспасиане, и теперь здание высилось во всей красе, вот только внутренняя отделка еще не закончилась. Но цезарь не стал ждать ее окончания. Целых сто дней он развлекал народ великолепными представлениями. Такого размаха, такой роскоши жителям столицы еще не приходилось видеть. На арене погибло несколько тысяч диких и прирученных зверей, сражались целые армии гладиаторов, состоялся даже настоящий морской бой двух флотов, для чего наполнили водой специально приспособленную для этого арену. А среди зрителей разбрасывали деревянные шарики с особыми символами внутри, в соответствии с которыми ухвативший шарик получал или продовольствие, или домашнее животное, или ценный кубок, или даже рабов. Так на-

чал свою деятельность один из самых знаменитых, как бы мы назвали это сегодня, развлекательных центров, он сохранился и собирает паломников в Риме до наших дней. Его официальное название *Amphitheatrum Flavium*, но обычно его называют Колизеем. Не потому, что, как считают некоторые, он просто колоссальных размеров, хотя он и в самом деле велик и мог бы вместить 50 000 сидящих зрителей, но в Риме были здания и побольше, хотя бы тот же *Circus Maximus*. Просто к Амфитеатру Флавиев прочно прилепилось название колоссального, находящегося рядом бронзового памятника Нерону, коротко называемого колоссом.

Вместе с амфитеатром Тит открыл также находящиеся поблизости термы, то есть общественные бани, целый комплекс из залов для купания, игр, развлечений, а также для прогулок и диспутов. Все это разместилось на перестроенной части бывшего дворца Нерона. До наших дней немного дошло из этих терм Тита, а ведь они заняли особое место в развитии искусства. Во-первых, именно там поначалу была установлена знаменитая монументальная скульптурная группа из мрамора, представляющая Лаокоона с сыновьями в борьбе со змеями, о чем писал еще Плиний Старший. Сейчас эта скульптурная группа находится в Ватиканском музее. Во-вторых, в эпоху Возрождения художники, любясь сохранившимися фрагментами терм, называемыми по-гречески гротами, перерисовывали их поразительно живые и изящные настенные росписи. С тех пор этот легкий, изысканный жанр живописи стал называться гротеском.

До сих пор Тит без ограничения пользовался обширными запасами императорской казны, оставленной ему предусмотрительным Веспасианом. Хватало и на зрелища, и на щедрые пожертвования для пострадавших от разных бедствий граждан, и на масштабное строительство. Неизвестно, как надолго бы

еще хватило отцовских запасов, если бы сын по-прежнему без ограничения пользовался ими. Опустошить казну он не успел. Помешала смерть.

В начале сентября 81 года цезарь, совершенно здоровый, но чем-то очень огорченный, присутствовал на одном из веселых представлений. Неожиданно приближенные с изумлением увидели слезы в его глазах. Было непонятно, что могло их вызвать. По окончании представления цезарь отправился в храм и принес жертву богам, но животное, которое собирались принести в жертву, каким-то образом умудрилось сбежать прямо с жертвенного алтаря, что всегда считалось плохой приметой — значит, боги не желают принять жертву цезаря, значит, не помогут. Тит покинул столицу и отправился в Сабинские горы, откуда происходил род Флавиев, и где у Тита были личные поместья. Уже в первом из них императору пришлось выдержать сильный приступ лихорадки. Дальнейший путь Тит проделал в лектике, которую несли рабы. Рассказывали, что однажды, раздвинув занавеси и глядя в небо, цезарь, словно жалуясь кому-то, печально произнес: «У меня отнимают жизнь, хотя я ни в чем не провинился. Мне не в чем себя упрекнуть. Разве что в одном...» Он не договорил, а поскольку больше никогда не возвращался к своей жалобе, люди так и не узнали, что он имел в виду.

Скончался император Тит 13 сентября на той же вилле, где два года назад умер и его отец. Говорили, что непосредственной причиной смерти было лечение, назначенное цезарю его братом Домицианом: больного, горевшего от внутреннего огня, всего обкладывали снегом.

ДОМИЦИАН

Titus Flavius Domitianus

24 октября 51 г. — 18 сентября 96 г.

Правил под именем *Imperator Caesar*

Domitianus Augustus с 14 сентября 81 г.

до 18 сентября 96 г.

К сонму богов не причислен

ЦЕЗАРЬ И ПОЭТЫ

Когда Домициан, младший брат Тита, пришел к власти, ему было 30 лет. Это был видный, интересный мужчина, исполненный достоинства. Гордясь своей внешностью, он не раз говаривал сенаторам: «Ни в моей внешности, ни в моем интеллекте вам не найти ничего, что можно было бы раскритиковать». Он много занимался спортом и достигал отличных результатов в стрельбе из лука, плавании и верховой езде; занимался и фехтованием, но уже без особого успеха. Изобрел и собственный вид спорта, который назвал *klinopale*, от греческих слов *kline* — кровать и *pale* — состязание, единоборство, то есть борьба в кровати; тут партнершами «спортсменов» обычно бывали женщины легкого поведения. Домициан очень переживал, когда с возрастом стал лысеть. Образование получил хорошее, но ограниченное; как тогда было принято, изучал литературу и риторику. В молодости увлекался и поэзией. Став правителем, уже не мог заниматься такими пустяками, не хватало времени, даже речи ему сочиняли секретари, но книгами и писателями интересовался по-прежнему.

Таким образом, дошедшие до нас сведения позволяют утверждать, что Домициан и в интеллек-

туальном и в физическом отношении был человеком нормальным, не Аполлон, но и не урод. Иначе обстояло дело с его психикой. Домициан с юности имел немало комплексов, но с течением времени они превратились в навязчивые, болезненные идеи, переродились в мании, и разразилась катастрофа. Переломным стал, видимо, 70 год. Домициану было всего 19 лет. Случилось так, что по причине отсутствия в стране отца и старшего брата он на несколько месяцев стал настоящим хозяином Рима и познал вкус неограниченной власти. В тот год Домициан совершил несколько вполне невинных глупостей, скажем, таких: за один день умудрился раздать двадцать наивысших должностей в государстве, а сам в жажде славы безо всякой необходимости собрал войска и во главе их двинулся в Галлию усмирять вспыхнувший там мятеж легионеров, которым к этому времени уже занялись другие военачальники. Эти промахи можно было объяснить юношеской отчаянностью Домициана, чрезмерными амбициями и отсутствием у него всякого опыта правления. За что он и пострадал, ибо отец без зазрения совести публично отчитал его и на долгие годы лишил всякой возможности принимать важные государственные решения, фактически отстранив младшего сына от всякой реальной власти, так что тот лишь формально числился на высоких должностях.

То же продолжалось и в период короткого правления Тита, хотя к Домициану и относились с почетом, как к возможному наследнику престола. Не удивительно, что он болезненно переживал такое отношение к своей особе, считал его незаслуженным и часто жаловался на преследование со стороны власть имущих. Домициан даже осмелился распространять лживые слухи о том, что по завещанию отца императором должен был стать он, а не старший

брат Тит, хотя это было явной ложью. Современники еще то-гда отмечали в его психике все больше отклонений от нормы, но не придавали им большого значения, даже находили их отчасти забавными, хотя это были явные симптомы нарастающего психического помешательства. Домициан стал чаще запирается в своих покоях, проводил целые дни в одиночестве — занимался охотой на мух, пронзая их острой гравировальной иглой, служащей для писания, давая таким образом разрядку бушевавшим в нем скрытым страстям и обидам, и размышлял о человеческой подлости. Кстати, став императором, он не оставил этого развлечения.

Брат наверняка обратил внимание на отклонения в психике младшего брата, нельзя было не заметить его скрытности, амбициозности и болезненной впечатлительности. Если вспомнить последнюю перед смертью незаконченную фразу императора Тита, то можно предположить, что единственной вещью, о которой тот жалел, была передача власти брату? Может, он жалел, что не нашел другого наследника?

Впрочем, историками доказано: слухи о том, что Домициан якобы ускорил смерть брата, были несправедливы. Домициан сам произнес замечательную надгробную речь (многие прокомментировали ее так: «Глядите, какой прекрасный актер этот лжец, даже слезы на глазах»), лично занялся процессом консекрации Тита, возвел триумфальную арку своему предшественнику. Позже, однако, Домициан стал позволять себе высказывать критические замечания о некоторых деяниях и самой особе брата и даже отменил состязание колесниц, намечавшееся на день рождения Тита. И все же некоторые из его критических замечаний объяснялись вполне разумными причинами и были уместны, хотя противники нового императора называли их порочащими память Тита. Впрочем, при

смене власти такое, как показывает история, бывало часто и продолжается также и в наше время, зачастую вопреки здравому смыслу.

По традиции историки зачисляют Домициана в разряд так называемых плохих цезарей, то есть жестоких, нарушающих законы, враждебных сенату, а то и просто сеявших террор и ужас по всей стране. Следует заметить, что это только часть правды, и отнести ее можно лишь ко второй фазе правления Домициана, то есть периоду после 88 года. Но и тогда жертвой террора становились лишь единицы, преимущественно из разряда высших слоев общества, а ведь именно они и создавали общественное мнение и имели возможность передать его в века. Вот и до наших дней дошел малопривлекательный образ этого императора. Следовало бы, однако, учесть, что в основе взаимной неприязни императора и сената лежали не только патологические черты характера властителя, и даже не столько они, сколько новая концепция правления, им установленная.

До него, в течение почти ста лет, все правящие цезари продолжали — или, по крайней мере, делали вид, что продолжают, — следовать модели, установленной еще Августом: Цезарь — принцепс, лишь первый среди свободных граждан страны, главный среди ее служащих, правда, забравший в свои руки все высокие должности и функции, но разделяющий с сенатом ответственность за судьбу государства, а прежде всего он — воплощение прав и величия римского народа. Домициан осмелился нарушить эту фикцию. И по своему убеждению, и по своей внутренней природе он представлял собой законченный тип автократа, самодержца. На каждом шагу и всеми возможными способами он подчеркивал, что он — господин, стоящий высоко над всеми гражданами и учреждениями, не исключая и сената. Проявлялось это и в том, как

Домициан велел себя титуловать, и в постоянной демонстрации атрибутов власти, и в его образе жизни, и в форме, с которой он отдавал распоряжения. Называть себя он повелел, правда, полуофициально, господином и богом, по латыни *dominus et deus*.

Начиная с 85 года Домициан первым в истории Рима был пожизненным цензором, что давало ему полный контроль над сенатом, — именно цензор обладал правом лишать звания членов этого высокого собрания и назначать новых; до сих пор сенат пополнялся лишь путем кооптации¹ На заседания сената Домициан всегда являлся в императорском пурпурном одеянии в сопровождении двадцати четырех ликторов². Он приказал поместить в храмах свои золотые и серебряные статуи. Октябрь, месяц своего рождения, переименовал в *Domitianus*, а сентябрь — в *Germanicus*, так как именно в сентябре покорил германское племя геттов.

Все это вызывало недовольство, особенно у сенаторов и вообще аристократов. Первый заговор против Домициана созрел в 87 году, затем против императора взбунтовался командующий рейнской армией Антоний Сатурнин. Бунт был быстро подавлен, главным образом по той причине, что поддерживавшие Антония германские племена на верхнем Рейне не могли перейти реку из-за внезапного, необычайно рано на-

Кооптация (от *лат.* *cooptatio* — «дополнительное избрание») — пополнение состава какого-либо выборного органа недостающими работниками без проведения новых выборов.

² Ликтор — (*лат.* *lictor*) — первоначально исполнитель распоряжений магистратов (упоминаются в истории со времени правления в Риме этрусских царей — VII в. до н. э.), позднее ликторы осуществляли лишь охранные и парадные функции при них, заключающиеся в сопровождении высших магистров, имея при себе фасции — атрибуты власти. Ликторы назначались, как правило, из числа вольноотпущенников.

чавшегося ледохода. А цезарь лишь укрепился в своем недоверии к высоким сановникам. Вот так и начал раскручиваться порочный круг страха и репрессий, порождая новые заговоры и новые репрессии.

Жители столицы, впрочем, не жаловались. Доброе отношение и даже любовь широких народных масс цезарь снискал давно известным, испытанным способом, не скупясь на предоставление им хлеба и зрелищ — *panem et circenses*. В данном случае слово «хлеб» надо трактовать шире. Речь идет о денежных выплатах, о продовольствии разного вида и даже о фонтанах, извергающих струи вина. Зрелища устраивались при каждом удобном случае. Кроме уже существующих обществ цирковых болельщиков, объединяющих в основном любителей состязаний на колесницах, по инициативе цезаря были созданы два новых, цветами которых стали золотой и пурпурный; век их, в общем-то, оказался недолог. Было открыто четыре новые школы гладиаторов, что свидетельствует об огромном спросе среди публики на кровавые выступления этих рыцарей арены. В специально сконструированных на Тибре бассейнах разыгрывались роскошные морские бои, к вящему удовольствию граждан. О том, что без конца происходили представления с показом диких животных и охотой на них, и говорить излишне.

Восторг столичного люда вызывали и постоянно возводимые роскошные здания, в том числе и храмы. Был восстановлен храм Юпитера на Капитолийском холме, сгоревший в пожаре 80 года. На Форуме вознесся храм Веспасиана и Тита, а на Квиринале (место, где родился Домициан) — храм рода Флавиев. Заложили новую площадь, впоследствии названную именем императора Нервы. На Марсовом поле появился новый стадион, форму которого в наши дни повторяет самая красивая площадь современного

Рима — *Piazza Navona*. Велись работы по внутреннему убранству Колизея. На Палатинском холме вырос огромный, роскошный дворец, поистине достойное императора здание. Пригородная же резиденция Домициана находилась у подножья Альбанских гор.

В 86 году цезарь лично открыл состязания в честь Юпитера Капитолийского. По замыслу римлян, они приравнивались к греческим олимпиадам и должны были устраиваться каждые четыре года, но в отличие от настоящих олимпиад главное внимание здесь уделялось поэтическим и музыкальным выступлениям. Возглавлял их сам Домициан, облаченный в греческие одежды. А вот соревнования в честь богини Минервы устраивались ежегодно, и не в Риме, а на альбанской вилле императора. Разумеется, программой были предусмотрены тоже выступления поэтов и музыкантов, а также ораторов.

Правда, сам Домициан практически ничего не читал, за исключением книг по новейшей истории, и то далеко не все, а только полезные ему в многотрудных и хлопотных императорских заботах. Так, он часто заглядывал в дневники Тиберия, наверняка в поисках советов, как расправляться с оппозицией. Он понимал, что пишущая братия не только труслива, но и весьма обидчивая и впечатлительная, а также очень высоко ценит похвалы и награды. Правитель, учитывающий такие особенности людей пера и умело ими манипулирующий, может смело рассчитывать на покорность творческих работников и даже пользоваться доброй славой как опекун культуры. Такая же мысль приходила в голову еще Нерону, но его погубили собственные непомерные амбиции, он желал и писать, и петь, и выступать на сцене актером под бури аплодисментов. А такая художественная деятельность неизбежно подрывает авторитет власти и вызывает зависть, более того — даже ненависть других

творческих личностей, которые никак не могли состязаться с императором на равных.

А вот что действительно было достойно похвалы и приносило конкретную и неоценимую помощь культуре, так это искренняя забота Домициана о библиотеках. Римские библиотеки понесли большие потери в пожарах, да и в предыдущие годы им не уделялось должного внимания. Требовалась срочная помощь. Цезарь данной ему властью стал всеми способами пополнять библиотеки, собирая ценные книги по всем странам мира. И даже направил писцов в знаменитую александрийскую библиотеку, чтобы они переписали там книги, которых уже нигде не найти, а также сравнили бы и поправили произведения некоторых имеющих авторов. Что же касается современных ему авторов, то Домициан вознамерился сам судить о достоинствах их произведений, милостиво отмечая те, авторы которых сумели в должной мере оценить величие современности, и сурово обходясь с теми, кто слишком мелко воспринимал понятие «свободы». А если кто-то осмеливался молвить похвальное слово о деятелях оппозиции, пусть тех давно и на свете нет, мог лишиться не только своей книги, но и головы, и благодарить богов, если дело сводилось лишь к изгнанию из страны. Тацит, молодость которого пришлась на годы правления Домициана, позже писал:

Прежние века могли видеть даже самую вершину свободы, мы же находимся на дне неволи, поскольку у нас отняли даже возможность общаться друг с другом. Мы бы могли и память потерять, если бы от нас зависело умение забывать, как зависит умение молчать.

Для того чтобы обеспечить себе благополучную жизнь, достаточно было совсем немного — заметить и описать благотворное воздействие нынешней власти.

Многие поняли это. Так, Квинтилиан, знаменитый профессор произношения, знаток литературы, теоретик культуры и воспитания (а также учитель внуков сестры Домициана), разбирая творчество римских поэтов, умудрился исполнить при этом такой гимн обожания:

Я разбирал творчество только этих авторов, ибо Германика Августа (то есть Домициана) от уже начатых творческих произведений отвлекла необходимость заботиться о благополучии всего мира. Боги не пожелали, чтобы он стал одним из величайших поэтов. И все же разве найдется что-нибудь возвышеннее, утонченнее и во всех отношениях совершеннее того, что он создавал, будучи совсем молодым, уступив на время другим власть над империей? Будущие века больше моего поведают об этом, поскольку в настоящее время славу его литературных способностей затмевают своим блеском другие добродетели властителя.

Но все это ничто в сравнении с той безграничной лестью, которую позволяли себе сами поэты. Пожалуй, среди подхалимов первое место прочно занял Марк Валерий Марциал, родом из Испании, автор тысяч отличных, остроумных и одновременно язвительных, а порой и просто непристойных стихов и эпиграмм.

В сумме они создают грандиозную, хотя и несколько искаженную картину обыденной жизни той эпохи. Одной из главных целей этих куплетов было завоевать благосклонность богатенького адресата и выпросить у него вознаграждение. Среди адресатов фигурировал и сам император. Вот начало эпиграфа к книге VIII поэта, изданной в 93 году:

Цезарю Домициану Августу, укротителю германцев и даков, — Валерий Марциал с пожеланиями здоровья. И хотя все мои книжонки, которые Тебе, о Господин,

обязаны славой, то есть самой жизнью, покорнейшее почтение Тебе воспевали и этим, как я думаю, и объясняется их успех, однако вот эта, восьмая, особенно часто пользуется возможностью дать мне излить свои сердечные чувства.

В таком стиле выдержана вся книга. А вот часть эпиграммы из книги V:

О цезарь великий, дозвожь тебе правду сказать,
Что века, счастливее нашего, уж никому не видать.
И более пышных триумфов слава доселе не знала,
И милость богов палатинских над нами незримо сияла.
Нет, не был бессмертный наш Рим никогда столь
любезен народу!
И мог ли другой император столь возвеличить свободу?¹

Другой поэт, Стаций, почти все свое творчество посвятил воспеванию цезаря. В ход шли все, даже самые незначительные события, связанные с именем великого человека. Вот темы некоторых творений подхалима: открытие конного памятника цезарю, описание пира, устроенного им для простого народа в день 1 января, выражение сочувствия цезарю в его горе (дикие бестии загрызли любимого льва Домициана), панегирик по случаю получения цезарем должности консула (в семнадцатый раз), благодарность за приглашение на пир и т. п.

Хотелось бы упомянуть одно действительно интересное произведение Стация. Двенадцать лет он работал над эпопеей, воспевающей мифический подвиг семерых героев, выступивших в поход против города Фивы. Успех эпопеи был потрясающим. Ее сравнивали с «Энеидой» Вергилия, ею восторгались и в древности,

Пер. с польск. В. Селивановой.

и в Средние века, на ней воспитывались целые поколения читателей, черпая сведения о древнегреческой мифологии и восхищаясь совершенством поэтической формы. Впоследствии родилась легенда о том, что Стаций стал христианином, поэтому Вергилий и встречает его в четвертом круге своего «Чистилища». А сегодня вряд ли кто-то из любителей древности слышал о «Фиваиде». Да, меняются читательские вкусы, проходит слава знаменитых некогда творцов. И об этом всегда должны помнить и историки литературы, и литературные критики.

Домициан же не скрывал от поэта, что предпочел бы, чтобы тот занимался не судьбами каких-то мифических героев, а воспел бы деяния великого вождя современности, то есть именно его, Домициана. Какие же это были деяния, какие войны и какие победы?

ВОЙНЫ, РЕФОРМЫ, КИНЖАЛЫ

Во время правления Домициана, то есть в период с 81 по 96 год, римские легионы сражались в основном у трех границ империи: в Британии, между Рейном и Дунаем и на нижнем Дунае. И как правило, эти кампании заканчивались победами римлян.

Войсками в Британии правил Юлий Агрикола, тесть знаменитого историка Тацита, который позже воздвиг ему «памятник нерукотворный» в виде биографии, сохранившейся до наших дней. Ценится она преимущественно из-за подробной информации о населяющих остров народностях и об этапах их покорения Римом. И тут, извините, я не в силах сдержать сожаления, что в свое время ни одному из римских вождей не пришлось в голову завоевать наши, польские земли, то есть я хотел сказать — попытаться завоевать. Разумеется, его бы в пух и прах разгромили

наши brave предки, но зато у римлян появилась бы возможность подробно описать наши земли, и мы бы теперь располагали достоверными данными о племенах, заселявших земли между Вислой и Вартой, об их обычаях, городищах, их истории. Англичане, французы, немцы хвастаются полными сведениями о своей древней истории, сохранившимися в книгах Цезаря и Тацита, мы же, если говорить о нашей истории той поры, вынуждены довольствоваться редкими памятниками старины и случайно сохранившимися упоминаниями в некоторых источниках письменности.

Но вернемся к Агриколе. Его жизнь и деятельность Тацит описал отнюдь не как беспристрастный свидетель. В своей книге он подчеркивал огромные заслуги Агриколы перед римским народом и ясно давал понять, что тот мог бы совершить еще больше, если бы не зависть Домициана. Император именно из чувства зависти отозвал вождя как раз в тот момент, когда он начал покорение северной области, называемой Каледонией, то есть современной Шотландии, после чего намеревался переправиться в Ибернию, то есть в Ирландию.

Сегодня историки ломают голову над проблемой: можно ли во всем верить Тациту? Был ли Агрикола и в самом деле талантливым и предусмотрительным военачальником, а Домициан — всего лишь трусливым завистником? Исследователи не пришли к одному мнению. Они не отрицают того, что не одна кампания под водительством Агриколы увенчалась победами в разных частях острова. Сам факт, что римские легионы перешли линию между заливами Ферр-оф-Клайд¹

Ферт-оф-Клайд — (англ. Firth of Clyde) — залив Ирландского моря у западных берегов Шотландии. В залив впадает река Клайд, через канал соединяющая его с заливом Ферр-оф-Форт.

и Ферт-оф-Форт¹ (для римлян *Clota* и *Bodotria*), ставит его в один ряд с самыми выдающимися полководцами истории. Однако некоторые историки считают, что эти боевые операции были слишком дорогостоящими и не очень-то нужными империи, а сам полководец Агрикола руководствовался не благом страны, а жадной славой. Император же, отвечающий за судьбы всей империи, лучше его понимал, что такие победы слишком дорого обходятся казне, и в них нет настоящей необходимости, поскольку регионы не представляют особой угрозы для Рима. И тем не менее Агриколу, которого в Британию отправил еще Веспасиан, нынешний император оставил в должности наместника на очень долгий срок — до 84 года, — хотя обычно деятелей столь высокого ранга сменял гораздо чаще. Видимо, понимал и ценил его заслуги. Еще следует добавить, что к заслугам Агриколы относится и факт окончательного выяснения, что Британия — остров, для чего наместник снарядил в экспедицию специальный флот. А ведь это обстоятельство до тех пор еще так и не выяснили.

Случай с Агриколой очень наглядно говорит о трудностях в оценке событий и исторических деятелей давно минувших дней, если в распоряжении историков имеются лишь односторонние оценки, либо восхваляющие, либо осуждающие. Пожалуй, не меньше трудностей возникает, когда о каком-нибудь событии или историческом лице сохранилось слишком много сведений и документальных записей. Так обстоит дело, например, с новейшей историей.

Итак, мы собирались рассказать о походах самого Домициана. В Британии он не был, зато несколько раз воевал на берегах Рейна и Дуная. Первую из этих

¹ Ферт-оф-Форт (англ. Firth of Forth) — залив Северного моря у восточных берегов Шотландии.

рек он форсировал в 83 году и покорил земли германских племен геттов. Но, пожалуй, важнее этого похода была последовательность, с которой он продолжил начатое отцом дело по выпрямлению границы и укреплению ее. Надо было ликвидировать угол, образовавшийся между верхним Рейном и Дунаем. Новые оборонительные рубежи теперь проходили немного южнее сегодняшнего Бонна через германские земли до Регенсбурга на Дунае. Больших усилий потребовало от римлян создание там системы фортов, валов, рвов с водой, заграждений. И все это протянулось сплошной линией на сотни километров по изрезанной местности. После него другие императоры достроили и укрепили эту систему. Была создана так называемая *limes Germanicus*, германский пограничный рубеж, веками защищающий империю от наездов варваров. Его остатки в некоторых местах сохранились до наших времен и тщательно исследуются.

Ну и наконец, нижний Дунай. Тут создалось сложное положение, поскольку по другую сторону великой реки возникло сильное государство даков, приблизительно соответствующее территории теперешней Румынии. Энергичные и воинственные вожди даков не боялись нападать даже на римлян. Зимой 85/86 годов даки, перейдя по замерзшему Дунаю, неожиданно напали на римские военные лагеря и уничтожили их, убив также и наместника Мезии.

Весной 86 года цезарь был уже там, организовывая поход против воинственного народа, королем которого к этому времени стал Децебал. Римский историк так отзывается об этом правителе:

Он прекрасно знал военное дело и так же отлично действовал на практике. Нападал продуманно и вовремя отступал, устраивал искусные засады, храбро сражался. Максимально использовал плоды победы и ловко вел

переговоры после поражения. Вот почему он так долго был достойным противником римлян.

Уже в следующем году римская армия переправилась через Дунай, но угодила в засаду и потерпела полный разгром. Погиб командующий армией, врагу достались знамена и воинские знаки, многие римляне попали в плен. Однако в 88 году все изменилось. Римляне учли печальный опыт прошлых лет и стали действовать осторожнее, а располагая большими силами профессиональных воинов, сумели разгромить нескладное воинство Децебала у Железных Ворот. Тем временем сам Домициан сражался на среднем Дунае с племенами маркоманов¹ и других народов, однако потерпел жестокое поражение на противоположном правом берегу реки. В создавшейся ситуации и римский император, и царь даков решили заключить перемирие, хотя наверняка и те и другие хотели только выиграть время. Кончилось тем, что дакский правитель признал себя вассалом и союзником римской империи, а его доверенный посланник принял из рук римского императора диадему, символ короны. На дакской территории по ту сторону Дуная римляне получили в свое распоряжение несколько участков для размещения своих военных баз, выражаясь современным языком, а Децебал взамен — денежные субсидии и помощь римских специалистов.

И в то время, и позже в Риме считали позорным это соглашение. Подобное мнение наверняка вызвано неприязнью сенаторов к цезарю. Можно предполо-

Маркоманы (*лат.* *Marcomanni*, *герм.* «обитатели рубежей») — древнегерманское племя. В I—II вв. маркоманы и квады — западногерманское племя из группы свевов, которым были родственны маркоманы, — постоянно угрожали римлянам на дунайской границе, зачастую выступая вместе.

жить, что и среди даков было много противников мира с римлянами. Наверняка Децебалу тоже пришлось наслушаться упреков за излишнюю уступчивость римлянам. Еще и в наше время некоторые румынские историки (а румыны считают себя потомками даков) считают, что соглашение было выгодно только римлянам. Но те же историки замалчивают такой факт: коварный Децебал не соблюдал всех условий соглашения, например, не освободил пленных римлян, не вернул все захваченные знамена и другие воинские символы, а деньги римлян и их военных специалистов использовал для того, чтобы перестроить и более разумно организовать воинские силы даков. Однако, как мы скоро убедимся, ему не удалось осуществить эти планы.

В столицу Домициан вернулся осенью 89 года и был вознагражден двойным триумфом за победы над геттами и даками. Триумфы, как водится, сопровождались многочисленными пышными зрелищами и играми.

Этими деяниями не ограничились заботы Домициана о границах империи. Нельзя не упомянуть о том, что в 89 году, еще до похода против маркоманов, он привел легионы на Рейн для подавления бунта наместника Сатурнина, а в 92 году возглавил на Дунае карательную экспедицию против сарматов. Об этом нельзя забывать, иначе представленная историками картина правления Домициана будет неполной и несправедливой для этого цезаря. Если же читатель не поленится полистать данную книгу и прочесть описания правления других римских цезарей, ему придется согласиться с выводом, что ни один из предшественников Домициана не проявил столько энергии для защиты и укрепления границ империи, ни один не совершил столько длинных и опасных походов, даже император Август, который тоже много путешество-

вал, но для путешествий выбирал более спокойные и теплые страны, а на Рейне и Дунае никогда не был. Тиберий же, будучи императором, никогда не покидал пределов Италии, точнее — пребывал лишь в Риме и на Капри. Калигулу занесло лишь в Галлию, а Клавдия в Британию. Нерон посещал только Грецию. Веспасиана выбрали императором на Востоке, после чего он до конца дней своих осел в Италии. Разумеется, в этом отношении деятельность Домициана предстает весьма достойно. Он не щадил ни времени, ни сил, не страшился опасностей и выносил все неудобства, связанные с дальними переездами. Выдающимся вождем его не назовешь, но к своим обязанностям руководителя империи он относился очень серьезно и в наиболее ответственных из них предпочитал принимать личное участие, не перепоручая их наместникам. И очень хорошо понимал, где именно в данный конкретный момент кроется главная опасность для страны. И надо сказать, своей активностью и личным участием в решении проблем империи он подал хороший пример будущим правителям. Почти все последующие цезари станут, подобно ему, часто появляться в пограничных лагерях римской империи и совершать в случае необходимости длительные и опасные поездки по стране.

На протяжении веков Домициана часто сравнивали с Тиберием, находя много общего между ними, а меж тем к таким сравнениям следует подходить с осторожностью. Да, Домициан часто заглядывал в дневники угрюмого каприйского отшельника, выискивая в них советы и указания, но он представлял собой совсем другой тип властителя. Он постоянно выступал публично, а в решении государственных проблем, как уже говорилось, предпочитал принимать личное участие. Тиберий годами держал высоких чиновников на одних и тех же постах, Домициан часто их менял. Тиберий считал их всех одинаково плохими

и негодящими, в лучшем случае — подозрительными. С таким мнением Домициан соглашался, однако полагал: умнее будет не позволять государственным мужам задерживаться на высоких постах — тогда они не успеют обрасти приспешниками, расширяя свое влияние. Обе школы персональной политики всегда имели и имеют своих сторонников и противников. А вот что гораздо важнее — как Тиберий, так и Домициан помощников (соратников) себе выбирали с умом и сурово их контролировали, так что даже враги обоих императоров вынуждены были признать: в их правление в стране царил порядок.

Особое внимание Домициан уделял правоохранительным органам, а также боролся со злоупотреблениями властей, их необъективностью и взяточничеством. Наказывал также за нарушение принятых норм поведения, а если их нарушали весталки, то повелевал этих женщин хоронить заживо, следуя давним обычаям, которые вполне одобряли и его современники. Цезарь вникал и в мелкие вопросы, например, приказывал сносить деревянные ларьки и лотки, препятствующие уличному движению. Некоторые его распоряжения нам показались бы по меньшей мере спорными, если не вредными для народного хозяйства. Так, он запретил разбивать виноградные плантации на пахотных полях и даже велел уничтожать уже существующие. Разумеется, в данном случае император руководствовался соображениями большего блага для страны и ее жителей: вино в данном случае было скорее роскошью, но не необходимостью. Жизнь, однако, постепенно сама исправляла эти наивности в сельскохозяйственной политике, подобно другим запретам, вроде бы вызванным благородными, но не реальными побуждениями.

Однако сенат видел в цезаре лишь жестокого тирана. И тоже был по-своему прав. Со времени бунта

Сатурнина император становился все подозрительнее, что вызывало усиление репрессий по отношению к высшим слоям общества, а это, в свою очередь, усиливало оппозиционные настроения в стране. Одни за другими сыпались обвинения в оскорблении императорского величества, процессы, заканчивающиеся смертными приговорами или, в лучшем случае, изгнанием виновных за пределы Римской империи, нарастали преследования философов, евреев и христиан. Все это напоминало времена Тиберия и Нерона. Что касается преследований по религиозным мотивам, то они были связаны с постоянными волнениями в Палестине, римские же власти не делали различия между двумя религиями.

Вместе с тем цезарь умел поиздеваться над своими настоящими или вымышленными врагами и бескровным образом, хотя и не менее жестоким. Однажды он пригласил на пир высших государственных чиновников. Зал для роскошного пира, куда гостей впустили одних, без их охранников и личной прислуги, был весь черный — пол, потолок и стены. Возлежать за трапезой (по римскому обычаю за едой возлежали, а не сидели) гостям предстояло на погребальных носилках; у носилок находилась таблица с указанием конкретного сановника, выполненная с соблюдением всех правил оформления кладбищенских надгробий. Когда ошеломленные гости с трепетом улеглись на указанных местах, снова распахнулись двери и под звуки похоронной музыки в зал бесшумно вошли одетые в черное юноши и каждый, грустный и бестелесный, как загробная тень, занял свое место в ногах приглашенных. Воцарилась полная тишина, люди боялись даже пошевелиться или перевести дыхание. Принесли угощение, такое, какое по римскому обычаю полагается усопшему. Тут тишину нарушил цезарь, начавший потусторонним голосом повествовать о за-

гробной жизни и о предстоявших там муках. Приглашенные окончательно распростились с жизнью, но им разрешили спокойно удалиться. Правда, за дверями пиршественного зала сановников ожидали не собственные слуги, которых господа там оставили. Каждого гостя до его дома сопровождал некто незнакомый, словно собирался именно там по приказу цезаря совершить экзекуцию. Однако никакой экзекуции не было — гости цезаря входили к себе в дом и, казалось, наконец могли вздохнуть с облегчением. Но это было еще не все. Едва несчастный мог почувствовать себя в безопасности, как раздавался громкий, повелительный стук в дверь. Неужели все-таки палач от цезаря с приговором? От цезаря — но не с приговором, а с дарами. Один принес ту самую надгробную таблицу, что стояла у его ложа на званом пиру. Оказалось — она из чистого серебра. Другой принес не тронутое гостем угощение, оказавшееся в очень ценном сервисе. И вот наконец появился тот юноша, который сидел в ногах приглашенного, подобный загробной тени, — теперь он, стройный и оживленный, весело приветствовал хозяина дома. Да, шуточка жуткая и дорогостоящая. Вряд ли хоть один из участников кошмарного пира смог забыть чувство давящего страха и искренне простить человека, заставившего его такое испытать.

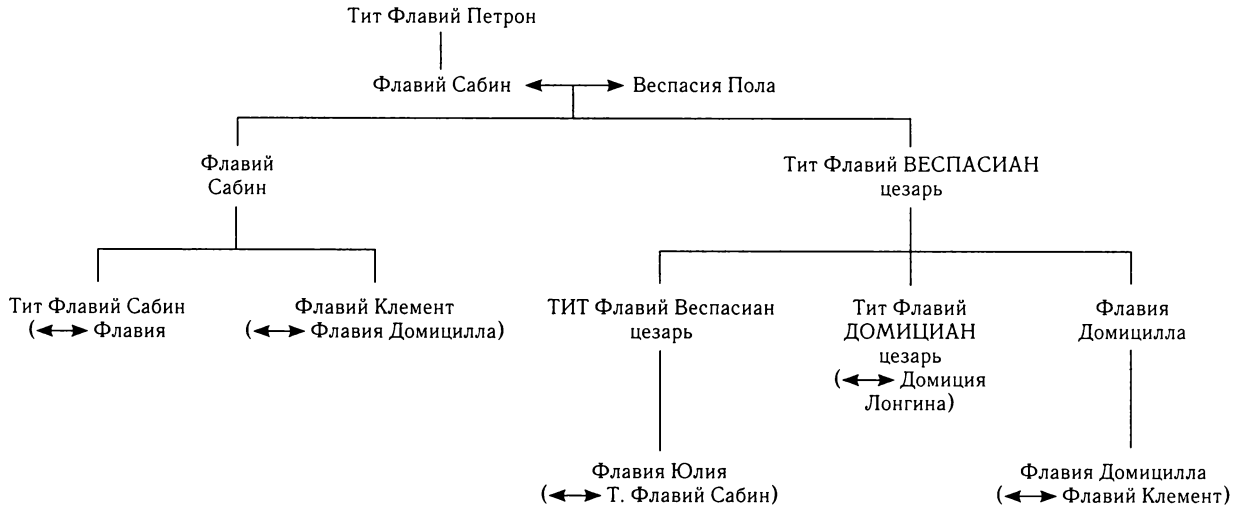
Политическая ситуация в стране осложнялась еще и тем, что у Домициана не было детей, так что любой из представителей высшей аристократии мог подзреть в злом умысле с целью захватить власть. Император был женат на Домиции Лонгине, дочери Корбулона, знаменитого вождя нероновских времен, отобрав ее у первого мужа в 70 году, когда в отсутствие Веспасиана Домициан был хозяином страны и столицы в течение нескольких лет. Она родила ему сына, получив при этом звание Августы. Мальчик

однако скоро умер и был причислен к сонму богов. Больше детей у Домициана не было. Позже Домиция изменила мужу, уже императору, сойдясь со знаменитым танцором Парисом, который за этот роман заплатил жизнью... Домицию отправили в изгнание, из которого она, впрочем, очень скоро вернулась. Похоже, Домициан и в самом деле ее любил. А вот она не забыла и не простила испытанных унижений, тем более что муж ее без стеснения заводил бесчисленных любовниц, среди которых была даже его собственная племянница Юлия, дочь брата Тита. Ее супруга Домициан велел убить. Кровосмесительная связь закончилась трагично. Юлия забеременела, цезарь велел ей избавиться от будущего ребенка, в результате чего молодая женщина умерла. Ее дядя, любовник и убийца в одном лице, очень переживал и велел зачислить ее в число богов.

В 95 году Домициан заподозрил в покушении на свою жизнь и свой трон Флавия Клеменса, двоюродного брата, которого и приговорил к смертной казни, а его жену, Домициллу, сослал на крохотный безлюдный островок. Их он обвинил в безбожии, то есть в отступлении от культа домашних богов. Поговаривали, что они сочувствовали евреям, а многие считали их христианами. Если это правда, тогда мы имеем дело с самым древним случаем проявления новой религии в столь высоких кругах.

Дело Клеменса и Домициллы, маленькие сыновья которых даже самим цезарем не раз назывались его наследниками, стало для приближенных императора сигналом, что опасность угрожает всем. Возник заговор, причем в число заговорщиков входили императрица, оба префекта преторианцев, комнатный служитель императора Парфений и Стефан, управляющий владениями Домициллы. Стефан, по слухам, вошел в число заговорщиков не столько из желания ото-

ДИНАСТИЯ ФЛАВИЕВ

↔ родств. связи

мстить за свою хозяйку, сколько из опасения, как бы не вскрылись его собственные злоупотребления. Именно он, если опять же верить слухам той поры, сыграл главную роль в покушении на императора.

Заговор решено было осуществить 18 сентября 96 года. Операция подготавливалась тщательно, были продуманы все мелочи, вплоть до острого ножа, который цезарь всегда держал в спальне под подушкой и который Стефан сумел украдкой убрать. Стефана допустили к правителю по неотложному делу — якобы с информацией о готовящемся покушении на императора. Сиеста — святое до сих пор для всех итальянцев время послеобеденного отдыха. Цезарь, как всегда, удалился в покои отдохнуть. Всех, допускаемых к императору, всегда тщательно обыскивали. Стефан спрятал кинжал в складках бинта — уже несколько дней он предусмотрительно появлялся при дворе с перевязанным левым плечом и всем рассказывал о своей ране. Оставшись с императором наедине, Стефан не медля нанес ему мощный удар ножом в пах, а мужчиной он был сильным. Раненый Домициан сунул руку под подушку ложа, у которого сидел, но вместо ножа вытащил только рукоятку, тогда он всем телом навалился на заговорщика и повалил его на пол. Завязалась борьба. На шум вбежали в спальню остальные заговорщики — Парфений, какие-то завербованные вольноотпущенники и гладиаторы. Цезарь был заколот их кинжалами, но в суматохе погиб и Стефан.

Так ушел из жизни последний представитель рода Флавиев, одной из самых прославленных династий в истории империи. Кто придет к власти следующим, кто станет господином великого Рима?

НЕРВА

Marcus Cocceius Nerva

8 ноября 30 г. — 25 января 98 г.

Правил под именем *Imperator Nerva Caesar*

Augustus с 18 сентября 96 г. до 25 января 98 г.

Был причислен к сонму богов

Дошло до нас, что незадолго до смерти Домициану привиделся сон, будто у него на спине растет золотой горб. По его мнению, такой сон сулил в будущем процветание империи. Так оно и случилось. Со времени правления его преемника в Римской империи начинается период, прозванный историками «золотым веком». Он длился почти столетие и включает в себя времена правления императоров Нервы, Траяна, Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия, а возможно, и Коммода.

Почему же именно этот век, а не предыдущий получил столь лестную оценку? Ведь они во многом похожи. Не произошло никаких изменений в политическом строе. В золотом веке Рим стал, выражаясь нашим языком, сверхдержавой, но таковым он был и в прошедшем столетии. Правда, в этом новом к нему прибавили несколько вновь завоеванных территорий, но не очень больших. Разрастались и расцветали города, по всей империи распространялись завоевания цивилизации, но разве не то же происходило и в правление представителей династий Юлиев, Клавдиев и Флавиев? И все же золотым век назван неслучайно — от предшественника он отличался одним существенным качеством: на протяжении всего этого периода империей правили люди ответственные, честно исполнявшие свои обязанности, уважавшие

закон и порядок, сотрудничавшие с сенатом, умело подбиравшие себе помощников. Ни один из них не запятнал себя преступлениями, злодейством, безумными выходками и сумасбродствами, подобно Тиберию, Калигуле, Нерону и Домициану. Разумеется, у каждого из правителей были свои странности, ни один из них не был гением, но в психическом, нравственном и интеллектуальном отношении все они оказались на высоте, и потомки с полным правом столь высоко оценивают их роль в создании золотого века империи. А отсюда вывод: обычные, рядовые граждане непременно должны быть убеждены в том, что ими правят люди честные, ответственные, разумные, не обязательно гениальные, но такие, которые заслуживают уважения. Увы, в истории нашей цивилизации очень редки эпохи, когда люди поколения за поколением могут жить под опекой такой власти.

Портретную галерею «хороших цезарей» открывает пожилой и не очень здоровый человек, который на троне оказался волей случая, вовсе к этому не стремился, а царствовал недолго и ничем особенным ни в какой области себя не проявил. Однако именно с него начинается золотой век, ибо этот правитель обладал очень ценными качествами, которые у него переняли его преемники. Вот эти качества: скромность и умеренность, тактичность душевная и политическая, юридическая культура, умение подбирать помощников.

Марк Кокцей Нерва происходил из старинного аристократического рода. И дед его, и отец, да и он сам прославились как знатоки всех тонкостей юриспруденции и законности. Все они в свое время побывали консулами, то есть достигали высшей государственной должности, и пользовались уважением очередных правителей. Сам Нерва в молодости даже числился в друзьях Нерона, вероятно за хорошие сти-

хи. Как юрист, он оказал Нерону неоценимую услугу в раскрытии заговора Пизона, — причем это был настоящий, а не вымышленный заговор, — за что был щедро награжден, получив так называемые знаки триумфатора. Затем Нерва приобрел благосклонность Веспасиана, в 71 году стал консулом, а при Домициане во второй раз получил это звание и должность. Вряд ли Нерва обладал каким-то особенным государственным мужеством, но умел найти подход к людям с самыми разными характерами и взглядами. И все равно, если верить некоторым историческим источникам, под конец правления Домициана опасность грозила и этому спокойному и ловкому человеку. Речь о гороскопе. Мы уже не раз замечали, что римляне во все времена очень верили предсказателям и звездочетам, а те вдруг открыли, что звезды сулят Нерве в будущем правление империей. Астрологи сообщили Домициану о таких перспективах скромного юриста; у Домициана же давно был разработан план — уничтожить или высылать из страны как можно дальше всех, у кого в гороскопе просматривается такая возможность. Не избежать бы и Нерве подобной участи, да спас его солидный возраст — ему уже было далеко за шестьдесят, к тому же Нерва страдал гастритом, и его изводили частые рвоты. На эти обстоятельства и сослался один из дружески настроенных к Нерве астрологов, убедив императора, что такой болезненный старец ему не страшен и не стоит увеличивать число недругов цезаря. Нерва узнал, какая опасность нависла над ним, узнали и другие, и вероятно, именно поэтому заговорщики, готовившие убийство Домициана, обратились к Нерве с просьбой в случае успеха занять освободившуюся должность.

Дело в том, что вопрос о наследнике Домициана оставался открытым. У него не было детей, да и вообще никого не осталось из рода Флавиев, имеющих

определенный вес, жизненный опыт и опыт политической деятельности, авторитет, наконец, подходящий возраст для того, чтобы занять трон. Впрочем, годы правления Домициана так запятнали память о заслугах Флавиев — Веспасиана и Тита, что людям поневоле хотелось совсем порвать с традициями этого рода. О восстановлении республики никто всерьез не помышлял — народы империи привыкли за прошедшие десятилетия к монархическому типу правления. К тому же влиятельные слои римского общества отдавали себе отчет в том, что преторианская гвардия, тесно связанная с особой императора, не согласится на восстановление прежнего государственного строя.

Сенат собрался на чрезвычайное заседание уже в день гибели Домициана, то есть вечером 18 сентября 96 года. Спешить заставляла необходимость — нужно было поставить преторианцев перед свершившимся фактом.

Почему избрали именно Нерву? Принималось во внимание несколько соображений: древность и аристократичность его рода, почтенный возраст, опыт работы на высоких государственных должностях, авторитет серьезного юриста и черты характера, среди которых не последнее место занимали благожелательный, спокойный нрав и умение ладить с людьми. Разумеется, выбирая кандидата на столь высокую должность, сенат не забыл позаботиться и о себе — потребовал клятвы от будущего императора, что тот не станет приговаривать к смертной казни никого из своих прежних коллег. Нерва дал такую клятву и сдержал ее.

Свержение и смерть Домициана, свободный выбор нового цезаря признали поворотным моментом в жизни страны, возвращением свободы ее гражданам. Уничтожили памятники «тирана», а те из них,

что были из золота и серебра, отправили в переплавку, выбили монеты с изображением богини свободы и надписью *Libertas publica* — Свободу всем! Имя Домициана предали забвению, уничтожая отовсюду и даже соскребывая со служебных табличек или свитков папируса, а все выданные Домицианом распоряжения признали недействительными, чего, впрочем, никак нельзя было соблюсти полностью.

Приговор о предании забвению кого-либо по латыни звучит как *damnatio memoriae*. Эта интересная идея неожиданно возродилась в наши времена, причем осуществить ее попытались люди, которых трудно заподозрить в знании древней истории. Но как в древности, так и в наше время подобная идея оказалась неосуществимой. Никто не забыт и ничто не забыто, невозможно стереть из памяти людской никаких деяний — ни добрых, ни злых, никаких преступлений, никаких несправедливостей, равно как и имен тиранов или просто неудобных героев.

Нерва вернул приговоренных к изгнанию людей, приостановил процессы по статье «оскорбление величества», зато жестоко обошелся с профессиональными доносчиками, казнив многих из них. Это были легкие, ничего не стоившие, но зато популярные решения, вызвавшие всеобщее одобрение. Труднее было привести в порядок бюджет, пошатнувшийся от многочисленных войн, щедрости и великих строек Домициана. Необходимо было на какое-то время прервать политику хлеба и зрелищ, прекратив раздачу зерна римской черни и беднякам огромной империи и устройства им на потребу дорогостоящих представлений. Нерва даже решился продать золотые и серебряные изделия из обстановки императорских дворцов, а к тому же и некоторые дворцы вместе с императорскими угольями. Для собственных потребностей он оставил только самое необходимое. Население

Италии Нерва избавил от обязанности содержать государственную почту, то есть поставлять для ее перевозки лошадей и возы. Эта подать была особенно тяжела для деревенских жителей империи. Отменил он и налог, который обязаны были платить евреи. И все-таки зрелища пришлось спешно восстановить и, конечно же, снова ввести бесплатную раздачу зерна беднякам и римскому плебсу. Кстати, все эти постановления императора были запечатлены на выбитых в его правление монетах.

Императора особенно беспокоило постоянное уменьшение площадей пахотной земли в пользу пастбищ, что означало растущую зависимость страны от импорта зерна. В связи с этим Нерва вернулся к давней, еще республиканской идее колонизации, то есть выкупа земли у крупных владельцев и раздачи ее мелкими участками безземельным, что должно было уменьшить количество плебеев в столице, находящихся на содержании государства.

Положение бедноты по всей территории Италии было настолько тяжелым, что требовалось принимать немедленные меры. Возможно, уже в правление Нервы был образован так называемый алиментарный фонд, контролируемый государством, во всяком случае, при его преемнике он уже функционировал. Это была довольно сложная система, но имеет смысл хотя бы в упрощенной форме ознакомиться с ней, чтобы понять, насколько высоким был уровень тогдашних юридических и экономических структур, почти не отличающихся от существующих в наше время в самых передовых государствах. Римская казна выплачивала разным городам Италии определенные суммы, часть которых составляли приватные дары состоятельных людей, а города в свою очередь выдавали ипотечные кредиты будущим владельцам небольших земельных участков под залог их земли. Ежегодные проценты

от кредитов позволяли выплачивать денежные вспомоществования, мы бы сказали — пособия, детям из самых бедных семей конкретного города. Делали это городские чиновники, но их контролировал сенатор, называемый *praefectus alimentorum*, и находящиеся в его подчинении прокураторы. Сохранившиеся письменные записи II века подтверждают наличие алиментарной системы в 46 итальянских городах. Так, например, в городе Велей во времена Траяна годовые поступления составляли сумму свыше 55 000 сестерциев, которые раздавались 263 мальчикам и 12 девочкам. Разумеется, нельзя путать римскую алиментарную систему с нашими алиментами, ее суть и масштабы совсем другие, да и выполнялась она четко и действовала без сбоев, но вот неизвестно, насколько она способствовала повышению рождаемости среди беднейших слоев населения, а это было одной из ее главных целей.

Строительство в годы правления Нервы не могло быть масштабным, учитывая краткий срок правления этого цезаря. Он завершил закладку форума, начато Домицианом и названного впоследствии Форумом Нервы. Много сделал для возведения акведуков, римского водопровода, контроль над ними поручив Юлию Фронтину — весьма интересной личности, явно недооцененной историками. Его карьера особенно наглядно позволяет ознакомиться с системой обязанностей и контроля, которые ставились перед высшими чиновниками огромной империи.

Секст Юлий Фронтин, почти ровесник Нервы, прошел все ступени высшей должностной лестницы Римской империи, включая и консульство в 73 году. До этого, в 70 году, руководил боевыми действиями легиона на Рейне, а по окончании обязанностей консула, тоже в 73 году, стал на несколько лет наместником

Британии. Фронтин оставил по себе добрую память, оказавшись хорошим администратором. Итак, воин, администратор и еще строитель, ибо именно он проложил существующую до сих пор отличную дорогу *via Julia* в теперешнем английском графстве Монмут. Фронтину довелось управлять еще одной провинцией империи — Азией, расположенной на западе Малой Азии. Под конец царствования Домициана, когда в стране бушевал террор, Фронтин отошел от политики и занялся писательской деятельностью, в которой первое место посвятил самым интересным для него занятиям — военному и инженерному делу. Его работы об инженерном искусстве не сохранились, зато время пощадило его исследование, посвященное разным военным хитростям. В 97 году, когда Нерва назначил его ответственным за водопроводы Рима, Фронтин занимался историческими и техническими исследованиями проблемы снабжения водой столицы. Результатом исследований стала работа «Об акведуках города Рима», посвященная Нерве, но опубликованная уже в правление Траяна. Это поистине бесценный источник сведений по истории и функционированию водопроводной системы столицы империи. В своем завещании Фронтин написал: «Зачем возводить мне памятник? Память о нас и так сохранится, если мы заслужили ее при жизни». Прекрасные слова, а главное, дела этого римлянина. Его труд «Об акведуках...» переведен на многие языки мира. Кроме подробнейших расчетов по распределению воды и доставке ее потребителю, что само по себе очень ценно, современный читатель изумляется, наткнувшись на разделы, говорящие о поистине гражданской позиции этого древнего аристократа:

...Будучи убежден, что главной обязанностью моего ведомства является честность, я подсчитал соотношение

используемой акведуками воды и количества воды с ее доставкой. Выявлены излишки воды по сравнению с ее доставкой в количестве 1263 единиц. Я был удивлен такому открытию и решил расследовать, каким же образом ухитрились потратить воды больше, чем ее было, так сказать, в наличии. Произведя измерения источников, снабжавших акведуки, я обнаружил значительно больше воды, чем числилось в реестрах.

Такое положение вещей сохранялось во все время до прихода к власти цезаря Нервы. Теперь же, благодаря предусмотрительности умного и хозяйственного главы государства, все, что раскрадывалось водопроводчиками или по халатности и попустительству ими растрчивалось, пошло в дело, так что могло быть приравнено к открытию и запуску новых источников воды. И те районы, которые до сих пор обслуживались одним акведуком, оказалось возможным снабдить еще несколькими.

Так, ежедневно ощущает заботу императора Нервы, столь любящего свой народ правителя, Рим, столица государства — королева и госпожа всего мира, возвышающаяся, подобно божеству, над всеми странами, величественная и не имеющая себе равных. Теперь же еще более укрепится здоровье Вечного Города благодаря увеличению разделительных водохранилищ, монументальных фонтанов и общественных цистерн с чистой водой. Не меньшую выгоду ощутит на себе и возросшее количество императорских концессий, те же, что до сих пор с трепетом тайно и бесправно отводили себе воду, могут теперь пользоваться ею без опасений по праву концессии.

Вот и подумает, прочтя эту книгу или хотя бы приведенный из нее фрагмент, какой-нибудь из жителей современного Кракова (как и любого другого города, испытывающего недостаток воды), привыкший

к вечному дефициту воды, хотя вблизи города нет недостатка в горных реках, — подумает, вздохнув: когда же и у нас появится мудрый правитель, похожий на доброго императора Нерву, а также честный, ответственный и энергичный человек, подобный древнеримскому куратору водопроводов Фронтину?

Раз уж речь зашла о водопроводах, сработанных еще рабами Рима, нельзя умолчать некоторые отрицательные их (водопроводов) стороны. Как известно, в то время трубы изготавливались из свинца. Римляне не знали, что с питьевой водой поглощают вредные для здоровья частицы этого металла, в частности, вызывающие бесплодие. Римляне так любили чистую воду горных рек, столько сил и внимания посвящали доставке ее в города и села, не подозревая, что по трубам акведуков к ним течет смерть...

Но вернемся к Нерве. Здравое оценивая свои заслуги, он справедливо и без ложной скромности заявил: «Я не совершил ничего такого, что бы помешало мне в любую минуту отказаться от должности и жить как частное лицо». Но и ему не удалось избежать сложностей, связанных с жизнью политического деятеля, с ее жестокостью, ненавистью, интригами, амбициями отдельных людей и эмоциями толпы. Подстрекаемые своим префектом, преторианцы потребовали у императора предать смерти двух участников покушения на Домициана. Нерва попытался спасти их, но вынужден был уступить давлению. А потом среди его сенаторов возник заговор, об этом немедленно донесли императору. Нерва поступил по-мужски: сидя в театре рядом с главой заговора, он незаметно передал ему стилет, попросив проверить, достаточно ли тот острый...

Эти и другие подобные факты заставили Нерву осознать, что он уже очень старый и больной человек, а главное — слишком снисходительный, чтобы про-

должать управлять страной одному. И что произойдет, если он скончается внезапно? Неизбежна новая гражданская война — непременно появятся несколько претендентов на престол, и каждая армия захочет видеть своего военачальника цезарем, как это было после смерти Нерона.

Решение о том, кому быть соправителем и будущим наследником императора, было принято в октябре 97 года.

ТРАЯН

Marcus Ulpius Traianus

18 сентября 53 г. — 8 августа 117 г.

Правил с 27 января 98 г. под именем
Imperator Caesar Nerva Traianus Augustus.

Причислен к сонму богов.

Девиз его правления:

*«Хочу быть таким цезарем для граждан,
какого цезаря, будучи гражданином,
сам хотел бы иметь»*

КОЛОННА ТРАЯНА

Когда в октябре 97 года цезарь Нерва изрек на Капитолии традиционную фразу: «Да станет это благом, счастьем, процветанием и будет успешным для сената и народа римского, объявляю Марка Ульпия Траяна моим сыном!» — и затем на заседании сената нарек его Траяном и императором, то есть своим соправителем и наследником, он тем самым удивил не только римлян в столице и в империи, но и все население провинций. Понимали, разумеется, что цезарь, будучи бездетным и уже немолодым человеком, позаботился о законной передаче власти, но почему он выбрал наследником именно Траяна? Ведь еще живы многочисленные родичи Нервы. И даже если уж он решил выбирать среди чужих, мог бы найти людей из лучшего рода, чем у Траяна, сановников с большим политическим и административным опытом работы. Ведь род Траяна отнюдь не старинный, только отец Траяна добрался до высшей должности в государстве — консулата, а главное, это семейство давно осело в Испании, и именно Испания, а не Италия была его родиной.

Таким образом, впервые в истории Римской империи высшая власть в стране должна была перейти к человеку, происхождение которого связано не с исконной территорией Рима — Италией, а с провинцией. Это удивило и даже шокировало многих гордых римлян. Они еще помнили о том, как всего за два поколения до этого всех возмутило решение императора Клавдия ввести в сенат людей родом из Галлии. И вот теперь возведение на трон «испанца» явилось лучшим доказательством полной романизации Испании и постепенного превращения Римской империи в содружество всех ее граждан.

Уже не одно поколение рода Траянов проживало в городе Италика, недалеко от Севильи, где им принадлежали немалые земельные угодья. Отец будущего императора служил в армии и дослужился до командования легионом, который участвовал в подавлении восстания иудеев в Палестине. Там Траяна-старшего узнал и оценил Веспасиан и, став императором, сделал его консулом, а затем Траян поочередно был наместником Сирии и Азии, таким образом, облегчив своему сыну Марку жизненную карьеру — и военную и гражданскую. Уже в Сирии Марк находился вместе с отцом, а в царствование Домициана сам командовал легионом, привел его из Испании на берега Рейна. В 91 году Марк стал консулом, а затем наместником Верхней Германии. Туда и дошла до него весть об усыновлении его цезарем Нервой. Император Нерва скончался в конце января 98 года.

Траян находился в Колонии (Кёльне), куда и привез весть о кончине императора молодой офицер Адриан — родственник и подопечный Траяна. Марк Ульпий не помчался в Рим сломя голову, еще несколько месяцев он продолжал заниматься укреплением оборонной линии между верховьями Рейна и Дунаем, тем самым продолжая дело, начатое Флавиями. Он же ос-

новал и обустроил два города, *Ulpia Noviomagus* (теперешний Неймеген, в восточной части Нидерландов) и *Ulpia Traiana* (Ксанти, в областях Восточная Македония и Фракия). Теперь уже можно было не беспокоиться за границу на Рейне и сократить расположенные там воинские подразделения.

В начале 90 года Траян совершил триумфальный въезд в Рим. И наверняка сограждане, с энтузиазмом встречавшие его, задавали все тот же вопрос — почему именно Траян? Возможно, наряду с заслугами самого Траяна тут сыграл свою роль ровесник и земляк Траяна Луций Лициний Сура, пользовавшийся полным доверием Нервы. Если это так, то следует признать, он сумел по достоинству оценить и дела, и таланты своего земляка, Траян наградил его своим постоянным дружеским отношением.

Траян прежде всего — воин, и по воспитанию, и по жизненному опыту, и по служебной практике, но прежде всего он воин по своей человеческой сути с ее менталитетом, пристрастиями и настроем. Речь идет, разумеется, не о солдатской сущности и слепом подчинении воинской дисциплине, не о любви к мундиру, парадам, наградам, к изданию приказов или к подчинению им, а о самых ценных качествах прирожденного военачальника. Умение трезво оценивать создавшуюся ситуацию и быстро принимать решения, действовать энергично, а приказы формулировать кратко и понятно, избегая двоякого их толкования, он проявил с юношеских лет. Как и недюжинную храбрость, здравый смысл и организаторские таланты. Траян любил воевать, битвы были его стихией. Потому он и остался в римской истории величайшим после Августа завоевателем новых земель, расширив за их счет границы империи, — при нем Римская империя достигла своей наибольшей площади. Однако история сохранила и крупные мирные реформы Траяна.

Вот как характеризует его сенатор и историк Кассий Дион через почти сто лет после правления императора. Написанный им портрет правителя немного простодушный, но достоин внимания, и прежде всего потому, что именно таким видели своего цезаря сами древние римляне:

Для Траяна было характерно чувство справедливости, мужество и простота в обращении. Физически он был очень силен, ведь стал правителем в сорок лет от роду, так что мог работать наравне с остальными мужчинами. Духовных сил тоже имел достаточно, поскольку не был порывистым, как юноша, и беспомощным, как старец. Он никому не завидовал, никого не убил и очень ценил людей честных. Будучи сдержанным и недоверчивым к оговорам и клевете, не отличался вспыльчивостью. С пониманием относился к чувствам и страстям других людей, не торопился выдавать смертные приговоры. Много средств израсходовал на войны, но много тратил и на мирные цели. И хотя построил очень немало — дорог, портов, зданий общественного назначения, — никогда не запятнал рук кровью соотечественников. Доступный для простых людей, по отношению к сенату он держался с достоинством. Его любили все, и никто не боялся, — разумеется, кроме неприятеля. Траян охотно принимал участие в охотах, пирах, приемах и развлечениях. Часто четвертым садился в повозку, часто запросто входил в частные дома и без церемоний присоединялся к пиршествам. В одном лишь чувствовался недостаток образования: ему не хватало познаний и навыков в ораторском искусстве, но он всегда безошибочно схватывал суть любого дела и находил оптимальное решение проблемы. Короче, Траян не был лишен ни одного из положительных качеств, и всеми ими обладал в высокой степени. Разумеется, мне известно и то, что он любил мальчигов и

вино. Порицать за это его можно бы было лишь в том случае, если бы в результате таких пристрастий появлялось что-нибудь плохое или неправильное, он же, хотя и пил вволю, оставался трезвым, а в своем пристрастии к мальчикам никогда никого не обидел.

Самое время добавить, что Траян был женат. Его жена, Плотина, женщина благородная и скромная, снискала всеобщее уважение с первых минут своего воцарения. Поднимаясь по ступеням ко входу в императорский дворец, она вдруг остановилась, обернулась и изрекла следующее: «Какой я сюда вхожу, такой хотела бы и выйти». Так оно и получилось. Звание первой дамы империи никогда не ударило ей в голову, она не изменила своих привычек и отношения к людям, а такое, увы, очень часто происходит с женщинами, и не только императрицами. Но брак Траяна и Плотины остался бездетным.

Приведенная выше характеристика Траяна требует и еще некоторых дополнений и пояснений, как минимум в двух случаях. Что касается недостатка в образовании императора, то тут сказалась профессия его биографа Диона, писателя и риторика, для которого по понятиям того времени самым главным в жизни было умение красиво высказаться, умело построить свою речь по законам античной риторики. Мы же не столь привержены к изощрению в словесных баталиях и не очень любим излишнюю риторику. Опять же, зная многие из дошедших до наших дней высказываний Траяна, должно согласиться, что не только по существу, но и по форме они вполне отвечают нашим требованиям. А суть, это не лишне и повторить, свидетельствует о глубоком умственном потенциале и пронизательности Траяна.

Второе замечание касается не упомянутой в характеристике слабости этого императора — некото-

рого тщеславия, склонности к красивым и пышным титулам, похвалам и даже панегирикам. Он милостиво принял присвоенный ему уже в самом начале правления титул «Отец отечества», *pater patriae*. Первым из цезарей Траян стал прибавлять к своему имени прозвище Наилучший, *Optimus*. Свое же имя обожал присваивать городам, строениям, даже легионам. Звание Августы присвоил не только своей жене, но и сестре, и даже племяннице. Таких доказательств тщеславия Траяна можно приводить много. И все же тщеславие, хотя несколько умаляет величие действительно великого исторического деятеля, вызывает лишь улыбку, — это не самое плохое в характере властителя.

И вот именно к Траяну, так жаждущему признания и стремящемуся увековечить свое имя, судьба оказалась жестокой и немилостивой. Нам в наследство остался на редкость убогий материал, на основании которого мы смогли бы восстановить его деяния и заслуги перед историей. Не сохранилось ни одного полного описания периода его времени. «Жизнь двенадцати цезарей» Светония, к которой мы неоднократно прибегали, кончается на Домициане. Второй значительный сборник биографий императоров Древнего Рима, *Scriptores Historiae Augustae*, начинается только с наследника Траяна, императора Адриана. Между этими известными сборниками биографий цезарей образуется пробел правления двух императоров, Нервы и Траяна. Не сохранилось также ни одного исторического труда, греческого или римского, в котором бы эти царствования были подробно описаны. Действительно, парадокс истории, ведь именно во времена правления Траяна жил и творил один из величайших историков Античности — Тацит! К сожалению, он интересовался более ранним периодом истории Древнего Рима. Сам Траян вел дневники своих войн, подражая, ясное дело, знаменитым

дневникам Цезаря, но из всех дневников Траяна до нас дошло лишь одно предложение из нескольких слов. Чем же мы располагаем? Короткими, отрывочными упоминаниями и фрагментами в трудах историков, несколькими письмами цезаря, надписями, монетами и памятниками.

Зато один из этих памятников теперь приобрел всемирную известность. Конечно, я говорю о знаменитой колонне Траяна в Риме. Она высится там, где некогда простирался великолепный комплекс, сооруженный Траяном: форум, названный его именем, храм, торговые ряды и библиотеки. Творцом этого архитектурного шедевра был архитектор Аполлодор из Дамаска. По всей вероятности, он же был автором проекта и введения мраморной колонны, состоявшей из цоколя, основания, ствола и капители, общей высотой около 40 метров. На вершине колонны, куда некогда вела винтовая лестница в стволе колонны, стояла статуя цезаря. Статую позже сбросили христиане, водрузив на ее место другую — святого Петра. В нише цоколя погребли прах Траяна. Таким образом, в свое время эта колонна являлась одновременно и гробницей, и основанием памятника, возносящегося над городом. Колонна выполняла и еще одну функцию: она увековечила память Траяна и зрительно представила его победоносные войны, благодаря изображающим их барельефам на ленте, закручивающейся спиралью. На этой ленте длиной в двести метров и шириной в один метр предстают в хронологическом порядке более ста сцен отдельных этапов и эпизодов военных действий, изображенных реалистично и в то же время композиционно выверенных с безошибочным художественным вкусом. На этих сценах представлено более 2500 фигур воинов двух враждующих сторон, а сам император появляется десятки раз, всегда немало возвышаясь над окружающими. Перед нами

словно бы кинолента, предположительно служащая иллюстрацией к дневникам Траяна. Вот эти барельефы и стали бесценным источником в познании разных аспектов древнеримского воинского искусства, в частности видов вооружения, военных машин, воинских знаков и изображений на щитах. Все это можно было в подробностях разглядывать с террас библиотек, некогда возведенных рядом с колонной.

На барельефах нет подписей, но неопровержимо доказано, что на них представлены эпизоды двух войн с даками на землях современной Румынии. Император считал опасным для Римской империи наличие на ее границах такого сильного соседа, каким стала Дакия в правление Децебала.

Первый поход состоялся весной 101 года. Войско римлян состояло из 11 легионов и множества самостоятельных когорт, так что насчитывало около ста тысяч воинов. Уже давно Рим не собирал такой армии. Двадцать пятого марта столица торжественно проводила в поход своего цезаря. Римлянам пришлось вести тяжелые бои; агрессор столкнулся с достойным противником, который не только стойко сопротивлялся, но и отважно контратаковал на римской стороне Дуная. Однако в 102 году Децебал запросил мира. Он обязался не уничтожать свои крепости, выдать римлянам дезертиров и освободить часть территории по своему берегу Дуная. Траян победителем вернулся в Рим, где ему был устроен великолепный триумф. К его почетным званиям добавился *Dacicus*, Дакский.

В июне 105 года он снова оказался в тех краях. Даки нарушили условия мирного договора, по крайней мере, такие сведения дошли до нас. В 106 году римские легионы перешли Дунай по мосту, построенному Аполлодором. Мост этот был величайшим достижением инженерной техники своего времени. Перейдя

по нему в страну даков, римляне преодолели горы и захватили столицу страны Сармизегетузу, в Южной Трансильвании. Децебал покончил с собой, а его страна стала новой провинцией римской империи — Дакией. В нее входила часть земель современной нам Румынии — Банат, Ольтения, Трансильвания, а Добруджа вошла в состав другой Римской провинции, Нижней Мезии. Недалеко от Сармизегетузы заложили новую столицу Дакии — *Colonia Ulpia Traiana Augusta Dacica*. На вновь завоеванные земли хлынули переселенцы из империи, преимущественно из ее балканских и вообще восточных окраин. Вместе с ними на новых землях воцарились новые религиозные культы, обычаи и язык. Переселенцев привлекали богатства прекрасного края и прежде всего золото, обнаруженное в горах. Часть даков переселили на юг.

Те из туристов, которые посетят Румынию, найдут там еще один из знаменитых памятников Траяна. В 60 километрах к югу от Констанцы, в местечке Адамкисси, возвышается на семиступенчатой платформе, на круглом цоколе шестигранный столп. Он возносит ввысь фигурную композицию, представляющую пленников и трофеи римлян, в основном оружие побежденных. Этот памятник старины впечатляет своими размерами. Один цоколь чего стоит — огромный, 40 метров в диаметре и приблизительно такой же высоты. Минувшие века разрушили памятник, трудно сейчас представить его первоначальный вид. Из надписи узнаем, что памятник символизирует окончательную победу над даками и посвящен Марсу-Мстителю. Построили его в 109 году, и тогда же он дал имя римскому городу, возникшему неподалеку, в долине, *Trophaeum Traiani*, Траянов Трофей.

Триумф цезаря состоялся в 107 году и был грандиозным. Игрища продолжались 123 дня, на них выступили более 19 000 гладиаторов. Дакские трофеи

составили пять миллионов фунтов золота и десять миллионов фунтов серебра (римский фунт = 327 г), а с захваченных территорий привезено около полу-миллиона пленников (по некоторым данным).

Торжественности празднеству придали почетные гости — они прибыли даже из Индии. Именно к этому времени Рим распахнул перед собой окно на Красное море, откуда морским путем можно было добраться в эту сказочную страну. Когда Траян был занят покорением даков, его полководец Корнелий Пальма покорил и присоединил к империи в качестве новой провинции Набатию на полуострове Синай и часть земель теперешней Иордании. Столица Пётра и сейчас поражает и очаровывает наших современников своим необычным расположением, архитектурой храмов и гробниц, в которых гармонично сочетаются мотивы восточные, греческие и римские. Новая провинция стала называться Аравией. Из Дамаска был проложен важный торгово-стратегический путь к городку в заливе Акаба, где размещалась эскадра военного флота римлян. В городе Бостра (современная Басра, Босра) находился легион римлян, он защищал земли новой провинции и ее граждан от набегов кочевников пустыни. А непосредственную связь с Красным морем осуществлял восстановленный старый канал, соединяющий море с Нилом. Канал с этих пор стали называть рвом Траяна, *fossa Traiana*.

Трудно назвать какую-нибудь из римских провинций, которая не была бы хоть чем-то обязана Траяну. Из построенного им и дошедшего до наших времен можно назвать по-прежнему впечатляющий каменный мост на реке Таг¹ в Испании, близ теперешней Алькантары, что на арабском языке означает «мост». Он соединяет два крутых берега, его высота от водной

¹Лат. Tagus; исп. Тахо, Тахо.

поверхности более 70 метров. Аркады моста сложены из гранитных блоков. Архитектор, Юлий Лацер, воздвиг рядом с мостом небольшое сооружение — мы бы сказали часовенку, — в которой велел вырезать на камне поэму, увы, откровенно слабую в поэтическом отношении, но важную в историческом. В поэме архитектор с гордостью извещает, что вот он, Лацер, прославившийся божественным искусством архитектуры, по велению Траяна сконструировал мост, который будет стоять века. Так оно и произошло — мост поныне стоит. Не чета некоторым современным.

Долго было бы перечислять деяния Траяна-императора. Ограничимся теми, которые он совершил в самой Италии. Начал осушение понтийских болот. Расширил порт в Остии, а в столице построил новый. Реставрировал несколько старых дорог, а на юге Апеннинского полуострова вместо старой *via Appia* от Беневента до Брундизия провел новую, названную *via Traiana*. Напомним — римские дороги назывались в честь тех, кто их проводил.

А в самом Беневенте, откуда шла новая дорога, возвели триумфальную арку в честь императора, украсили ее барельефами, прославляющими деяния властителя. Эта арка еще не была закончена, когда мимо нее в 113 году проезжал сам Траян, отправляясь на Восток, чтобы вести на Евфрате и Тигре новую войну, теперь с парфянами.

ЦЕЗАРЬ И ЕГО НАМЕСТНИК

Прежде чем отправиться с Траяном на войну с парфянами, давайте остановимся и познакомимся с показаниями свидетеля, современника цезаря, описавшего его деяния и вообще те времена. Это уже известный нам Плиний Младший. Именно он был тем восем-

надцатилетним юношей, который в августе 79 года с террасы виллы своего дяди Плиния Старшего наблюдал извержение Везувия и гибель Помпеи. Его дядя, командующий эскадрой военного флота римлян, поспешил на помощь людям, гибнущим по ту сторону залива, что стоило ему жизни. Знаменитый древнеримский историк погиб, выполняя свой долг гражданина и ученого, желая изучить вблизи опасный природный катаклизм. Плиний Младший выжил, потому что остался дома, наблюдая опасный катаклизм в некотором отдалении. Он сохранил присутствие духа (или притворился, что сохранил), читал труды Ливия и делал из них выписки. Следует признать, что интерес к научной работе юноша сохранил на всю жизнь. Для нас самым ценным из оставленного им научного наследия являются девять томов писем своим приятелям и одна книга переписки с цезарем Траяном. Правда, письма приятелям уже писались для последующей публикации, так что они довольно монотонны и излишне приглажены. И тем не менее нам интересно уже и разнообразие их тематики: письма рекомендательные, поздравительные, соболезнования, описание всевозможных событий, просто городские и великосветские сплетни, воспоминания об умерших и даже небольшие литературные очерки и эссе. Короче, они создают красочную картину современного автору Рима, написанную богатым аристократом — талантливым, образованным и высококультурным.

В давно вышедшей, но не утратившей своего значения «Истории римской литературы» Казимир Моравский так высказывается об упомянутых письмах и их авторе:

Перед нами предстает человек мягкий, честный, почтенный, лишенный вопиющих пороков, пунктуальный и добросовестный в своих благородстве и добродетелях,

словом, всячески достойный. Горизонты его ограничены кругом семьи, знакомых, приятелей, дома и литературных изысканий. Так будем же ему благодарны за сведения о его эпохе и за ясную форму, в которой нам ее представил.

Каждый прочитавший эти слова невольно задумается: а кто станет Плинием Младшим наших дней, с каких позиций их опишет? Наверняка сделает это не в письмах и дневниковых записях, сейчас это не принято. Что же достанется нашим далеким потомкам? Плинии всегда нужны, даже если они и не гениальные писатели и ученые, они важны для потомков просто как свидетели своей эпохи, ее беспристрастные описатели.

Вернемся к Плинию Младшему. Известно, что его жизнь складывалась так же, как и жизнь всех представителей высшей элиты Древнего Рима. Он начал с воинской службы, служил офицером в Сирии. При Домициане прошел низшие ступени служебной лестницы, это открыло ему путь в сенат. При Траяне сначала получил важную должность управляющего Тибром и городской канализацией Рима, высшую же должность — консула — получил в 100 году. В благодарность цезарю он с сенатской трибуны произнес панегирик в честь императора, смесь раболепия, восхваления и риторики. Моравский так оценивает произведение и его эффект:

Траян наверняка вздохнул с облегчением, когда иссяк поток слов неутомимого оратора. Клубы фимиама и ладана развеялись, не замутив здоровой, крепкой головы цезаря, а когда чад рассеялся, пред ним предстали скучные лица утомленных слушателей и сияющее от осознания чудесной силы своих слов обличие оратора.

Не правда ли, самовлюбленные прихлебатели властей и в наше время находят достойных продолжателей, хотя тем даже не приходилось слышать о каком-то Плинии Младшем?

В 110 или 111 году Плиний стал наместником Понта и Битинии, провинций на южном побережье современной Турции. Литератор-книжник, выдающийся оратор, оттачивающий, шлифующий каждую фразу, каждое слово, столкнулся с проблемами администрирования и судопроизводства. Ему пришлось самому принимать нелегкие решения и бороться с трудностями прекрасного края, в ту пору заселенного преимущественно греками. Регион оказался сложным. Небогатый, если говорить о природных ресурсах, зато изобилующий бесчисленными конфликтами всякого рода. Растерявшийся наместник принялся бомбардировать цезаря отчаянными письмами, очень красочно и наглядно представляя в них как проблемы, так и собственное бессилие и сомнения. Император отвечал коротко и по существу. Одно только сопоставление длинных литературно отточенных манускриптов и по-мужски кратких и четких ответов великолепно характеризует наместника и императора. Для нас же это бесценный источник сведений о том, чем занималась и как функционировала римская администрация в провинциях.

Из переписки становится понятным, насколько важной была в то время проблема проведения водопроводов, даже в очень небольших местечках. И вместе с тем постоянно проявляется забота о том, чтобы локальные амбиции не заставили налогоплательщиков выкладываться на возведение не самых главных и нужных объектов. То есть, по существу, очень знакомая и близкая нам проблема — оптимальное вложение инвестиций, поиски приоритетов в каждой конкретной ситуации, срочность самого необходимого

и умение отложить не столь насущное. К чести римлян следует отметить, что строительство общественных терм (бань) всегда оставалось приоритетом, а это отнюдь не всегда сохранялось во многих странах и в более позднее время. Еще одна проблема, тоже очень нам близкая и понятная, заключалась в том, как ограничить расходы на служебные цели, командировочные, которые представители местных властей назначали себе сами, если выезжали к римским чиновникам, якобы в народных интересах. Или, скажем, такое: наместник предлагает создать в Никомедии союз (*collegium*) ремесленников в целях пожарной безопасности. Император отказывает и так мотивирует свой отказ: «Как ни называй тех, что объединятся, их организация будет политической». Траян был правителем умным и проницательным.

Из переписки с императором два документа привлекают особое внимание, их часто цитируют, подчеркивая их историческое значение. Речь в письме Плиния и ответе на него Траяна идет о христианах. Плиний впервые столкнулся с христианами именно здесь, став наместником восточных окраин империи. Новая религия в этих землях была наиболее распространена. Всесторонне образованный человек, представитель высших слоев общества, Плиний Младший до сих пор не считал нужным заинтересоваться новым религиозным течением, которое такие, как он, считали просто странным иудейским предрассудком, выдуманным на потребу простакам, жителям восточных окраин. Римские власти традиционно относились с недоверием к новому и непонятному, христианство не внушало им доверия, хотя в принципе властители империи были толерантны к религиозным верованиям населявших империю народов. Такое отношение, в свою очередь, заставляло христиан уйти в подполье, а это опять же усиливало недоверие и подозрительность властей.

Тайная организация — значит, наверняка враждебная. Замкнутый круг непонимания и возникающих конфликтов! Из него никто не сумел вырваться, даже такой образованный и честный человек, каким был Плиний.

Приступив к своим обязанностям наместника, Плиний обнаружил, что «зараза» — именно так он выразился — охватила города и веси. Даже если бы он постарался не реагировать на это явление и закрыл глаза, его бы заставили отреагировать доносчики. Дело в том, что в Риме не было органов общественно-го обвинения, не было прокуроров, о преступлениях властей извещали граждане, частные лица, делая это зачастую из соображений личной выгоды. Плиний жалуется императору в своем письме:

До сих пор мне никогда не доводилось принимать участия в судебном разбирательстве против христиан, так что я не знаю, что именно и как нужно осуждать. Сомнения вызывает у меня и возраст обвиненных, надобно ли его принимать во внимание или не делать различия между людьми совсем юными и взрослыми; а также не знаю, могу ли признать невиновным того, кто раскаялся, или отречение от христианства не имеет значения?

В конце концов, как пишет сам Плиний, он применил такой способ: обвиняемым он задавал вопрос, действительно ли они христиане. Если они признавались, он еще два раза задавал им тот же самый вопрос, угрожая смертной казнью. Тех, кто выказывал упорство, осуждал на смерть, считая наказуемым уже само упорство и дерзость обвиняемых. Это если перед судом представляли местные жители. А что касается римских граждан, то их наместник отсылал на суд в Рим, чтобы там разобрались. Многих обвиняли в анонимных доносах, а в присутствии наместника

эти люди не только возмущенно отвергали обвинения в принадлежности к христианам, но и подтверждали свою лояльность по отношению к государственным верованиям, принося жертвы богам и перед изображениями цезаря. С этих людей снимали обвинение, как и с тех, кто был христианином, но впоследствии отрекся и вернулся к культу прежних богов.

Плиния также заинтересовали этическая сторона христианства и их культ. Бывшие христиане рассказали ему, что в назначенные дни они собирались еще до рассвета и клялись не красть, не убивать, не прелюбодействовать, не обманывать. А еще были такие дни, когда они потребляли лишь самую простую пищу. Так объясняли они Плинию суть новой религии, вернее, именно так он ее понял. Ему показалось это подозрительным, ведь доходили слухи, что на сборищах христиан творятся страшные, преступные вещи. И тогда наместник решил во что бы то ни стало добиться от подозреваемых правды, пусть даже ценой пыток. И пишет он об этом спокойно, как о деле обычном. Он, изысканный гуманист, человек мягкий и доброжелательный! Так, Плиний приказал пытать двух девушек, прислуживающих при богослужениях, их называли дякониссами. И вроде бы пришел к выводу, что имеет дело всего лишь с каким-то изощренным суеверием. Тогда он приостановил расследование и обратился за разъяснениями к императору — что же ему теперь делать? Получается, что придется предать трибуналу множество людей. И при этом с гордо-стью сообщал цезарю, что предпринятые им меры уже привели к положительным результатам: ожили покинутые было нехристианские храмы, опять приносят на алтарь жертвенных животных, специально приобретаемых для этого. По мнению Плиния, отсюда следует вывод о том, что многих людей удалось бы спасти, если бы им позволили раскаяться.

Как всегда, ответ цезаря был коротким и понятным. Наместник поступает правильно. Следует карать лишь тех христиан, вина которых доказана, и прощать тех, которые принесут дары богам. «И никогда не считаться с анонимными доносами, ибо сие недостойно нашего века и служит плохим примером».

За всю историю человечества вряд ли еще какой-нибудь властитель позволил себе такое высказывание. Правящие не смогли бы удержаться у власти без анонимных доносов. Уже одни эти слова Траяна позволяют причислить его к самым справедливым повелителям. Можно его упрекнуть в нарушении некоторых норм морали, если относиться к ним с позиций людей нашего времени; можно поставить в вину завоевательные войны и преследование адептов одной из религий, хотя он не знал и даже не потрудился узнать основ их вероисповедания. Впрочем, точно так же поступил и его просвещенный наместник. И все же если не оправдать, то объяснить их можно. И даки за Дунаем, и парфяне за Евфратом представляли реальную угрозу для Римской империи, а в своем отношении к христианам цезарь руководствовался общими для римлян той эпохи недоверием и подозрительностью к незнакомым религиозным культам и организациям, действующим без разрешения. А поскольку христиан преследовали и предшественники Траяна, делался вывод — значит, христиане враждебны властям. Ни он сам, ни другой цезарь до него и после него не был в состоянии понять простую и очевидную для нас социологическую истину: то, что преследуется, лишь крепнет, закаляется и возрастает. Для христиан было бы хуже, если бы римские власти ничего не предпринимали против них.

Однако не станем осуждать древних, ведь новейшая история убеждает нас на каждом шагу: никто из власть имущих не знает этого закона. Может быть,

потому, что у политиков нет времени знакомиться с историей человечества?

Борьбу с новым религиозным учением чрезвычайно осложняло то обстоятельство, что сами христиане просто стремились стать мучениками. Доказательства? Да хотя бы письма святого Игнатия, епископа Антиохии. Во времена Траяна его арестовали и под конвоем отправили в столицу империи, как следовало поступать с гражданами Рима. По пути епископ писал и отправлял послания в разные христианские приходы. И вот в одном из них, а именно адресованном жителям города Рима, он просил своих единоверцев не вступаться за него перед властями, ведь тогда они лишили бы его возможности пострадать за веру.

Святой Игнатий — единственный известный нам мученик времен Траяна. А вот со святым Клементом, третьим епископом города Рима после святого Петра, не все ясно. В своем замечательном труде «Имя Твое» ксендз Хенрик Фрос так писал о нем: «Нам даже точно не известно, какой смертью он умер, поскольку ранние источники не упоминают о ней, а версия мученической смерти появилась лишь в IV столетии. Позволительно предположить, что мученичество его следует понимать в широком значении этого слова той поры, а именно — скончался в изгнании».

Так что не станем осуждать Траяна, как не осуждали его христиане Средневековья. Данте встретил его душу в шестом круге рая. Как мог оказаться там еретик и преследователь христиан? А этот факт, в свою очередь, проясняет легенда: папа Григорий Великий, восхищавшийся деяниями Траяна, умолил Создателя вернуть ненадолго душу скончавшегося Траяна в его тело, а когда его просьба была услышана, воскресшего окрестили.

ВОЙНА НА ВОСТОКЕ

Итак, как мы уже знаем, цезарь покинул Италию в 113 году. Местом главных квартир он выбрал сирийскую Антиохию. Весной следующего года он начал военные действия в Армении, которая с давних пор была причиной раздора двух держав древнего мира — Римской империи и Парфянского царства. Он быстро занял Армению и сделал ее новой римской провинцией. Зимой 114/115 годов Траян опять провел в Антиохии и чудом избежал гибели в чудовищном по силе землетрясении, поглотившем тысячи жертв и превратившем в развалины один из величайших городов древнего мира.

В 115 году Траян покорил северную и западную Месопотамию, теперь на ее территории разместились Сирия, Турция и Ирак. В следующем году он двинулся на юг по плодородной, урожайной равнине. В те времена теперешние полупустыни были цветущим краем благодаря великолепной системе оросительных каналов, созданной тысячелетия назад руками шумеров. Народы, пришедшие им на смену, расширили и усовершенствовали эту систему. Лишь в Средневековье ее по разным причинам забросили, из-за чего обширные территории превратились почти в пустыни.

Римляне овладели столицей парфян — городом Ктезифонтом на Тигре. Траян воссел на золотой трон царя царей, а страну по обе стороны этой реки включил в состав Римской империи под названием провинции Ассирии. И продолжил поход на юг. Император спустился по Тигру. Вот, наконец, он ступил на берег персидского залива, первым из римских военачальников. Есть основания полагать, что Траян подумывал о продолжении похода на Восток подобно Александру Великому, — победили, однако, здравый ум и трезвый расчет: нереальные и непосильные планы были отбро-

шены. И все же, если верить тогдашним историкам, Траян считал нужным оправдать нежелание отправиться в столь амбициозный поход своим возрастом, ведь ему уже было за пятьдесят. Якобы он произнес: «Будь я помоложе, поплыл бы отсюда до Индии».

Траян и не мог двигаться дальше — он еще не обустроил вновь завоеванные земли Месопотамии, а воинственные парфяне то и дело досаждали ему с востока. И все же осознать полностью опасность он смог лишь тогда, когда вернулся в Вавилон. Вспыхнул мятеж в одной из только что завоеванных земель, и парфяне с востока поспешили на помощь бунтовщикам. С тяжелыми боями римляне отстояли свои завоевания, а в Ктезифонте Траян возвел на трон своего ставленника, марионеточного парфянского царя. Тот обещал верой и правдой служить Риму, но поддержки в своем народе не нашел.

В те же годы, когда римские легионы сражались на древних землях Ассирии и Вавилона, опять вспыхнуло восстание иудеев, причем сразу в нескольких римских провинциях: в Ливии, Египте, Сирии и на Кипре. Могли ли парфяне как-то иницировать это восстание? Впрочем, оно могло разразиться и само по себе, ведь римляне ведут тяжелые бои на дальних окраинах империи, так что у восставших есть шансы надеяться на успех. Тут, кстати, появился и мессия. Из дошедшей до нас отрывочной информации известно, что восстание вспыхнуло внезапно, было стремительным и кровавым, перерастая в настоящую войну евреев с местным населением и римлянами. Человеческие жертвы исчислялись многими тысячами, было разрушено множество городов, в том числе великолепная Александрия. Увы, история этой войны до сих пор нам неизвестна, хотя по своим размерам и драматизму она вполне может быть приравнена к знаменитой иудейской войне времен Нерона. До нас не дошел ни один

исторический труд, ни одно достоверное описание на эту тему. Закончилась война полным разгромом повстанцев, невзирая на их потрясающие успехи в самом начале. Наместники императора подавили восстание с неслыханной жестокостью.

Во время осады крепости Хатра в Месопотамии Траян заболел. Подозревали отравление. Сняв осаду, император летом 117 года вернулся в Антиохию. Руководство армией и наместничество в Сирии он передал своему родственнику Адриану. У того уже был опыт военачальника, и его кандидатуру поддерживала императрица Плотина. По всей вероятности, в Антиохии Траян был частично парализован в результате апоплексического удара. И все же он велел везти себя в столицу. Скончался Траян 9 августа в городе Селине на побережье Целиции.

Его прах привезли в Рим, где со всеми почестями замуровали золотую урну в цоколе колонны. Память о добром цезаре долго жила в народе. Даже три столетия спустя сенат, желая очень почтить какого-нибудь императора, говорил ему: *Felicioꝛ Augusto, melioꝛ Traiano* — быть счастливее Августа, лучше Траяна!

АДРИАН

Publius Aelius Hadrianus

24 января 76 г. — 10 июля 138 г.

Правил под именем *Imperator Caesar*

Traianus Hadrianus Augustus

с 11 августа 117 г. до 10 июля 138 г.

Причислен к сонму богов

СОЛДАТ И ПОЭТ

Смерть, последовавшая за частичным параличом, так внезапно настигла Траяна, что он не успел официально назначить себе преемника. Он мог бы сделать это, присвоив своему избраннику титул цезаря и передав ему власть народного трибуна, как поступил Нерва по отношению к нему самому. И все же никто не сомневался относительно того, кому следует быть наследником. Публий Элий Адриан был связан с Траяном двойным семейным узлом, будучи внуком тетки императора и мужем Сабины, внучки сестры цезаря. К тому же они с Траяном были земляками: Адриан родился в испанском городке Италика, что неподалеку от теперешней Севильи. Там уже давно проживали потомки двух семейств. Когда Адриан десятилетним мальчиком лишился отца, именно Траян стал его опекуном, назначенным судом, наряду с Аттианом, тоже уроженцем Италики.

Еще не зная, что станет цезарем, хотя и занимал важные государственные и военные должности, Траян, тем не менее, искренне заботился о своем подопечном. Помог молодому человеку в самом начале его жизненной карьеры, а когда тому пришло время служить в армии, позаботился и об этом, устроив на

службу в самой Испании, затем в рейнских легионах. Символичным был и следующий факт в биографии Адриана: именно он первым сообщил своему опекуну, находящемуся тогда в Кёльне, о смерти императора Нервы. Собственно, с этого момента Траян, уже официально усыновленный Нервой ранее, стал правителем империи, карьера же Адриана сделалась еще более стремительной. Он принял участие в походе на Дакию, причем дважды награждался за отвагу; стал занимать высшие государственные должности, в том числе был избран в сенат. Во время второго похода на даков сражался с задунайскими сарматами. В 108 году стал консулом. Через несколько лет воевал в Армении и Месопотамии. Когда цезарь в 117 году решил вернуться в Рим, Адриан получил ключевую в то время должность наместника Сирии и командование армиями на Евфрате. Так кто же стал бы сомневаться, что именно в нем Траян видел своего наследника?

Впрочем, некоторые утверждали, что на смертном одре Траян формально усыновил Адриана. Другие возражали, заявляя, что это выдумка двух человек, покровительствующих Адриану: Аттиана, бывшего опекуна Адриана, впоследствии префекта преторианцев, и императрицы Плотины. Историк Кассий Дион, ссылаясь на своего отца, якобы досконально изучившего все обстоятельства, пишет следующее: «Смерть Траяна несколько дней скрывали для того, чтобы предварительно иметь возможность сообщить об усыновлении Адриана императором. Письмо в сенат, извещающее об этом, подписано, однако, не Траяном, а Плотиной, а такого никогда прежде не случалось». Находились и такие, кто рассказывал, будто все происходило следующим образом: когда цезарь уже скончался, некто у его ложа, укрывавшийся за занавесом, в присутствии свидетелей голосом слабым, но очень похожим на голос Траяна совершил церемонию усыновления.

Впрочем, все эти слухи и предположения, естественно возникшие при подобных обстоятельствах, не имели никакого значения. Переход власти прошел спокойно, без потрясений. О кончине Траяна в цилицийском городе Селине пребывавший в Антиохии Адриан узнал 11 сентября 117 года. Тамошние легионеры тут же провозгласили его императором, и он немедленно выехал в Селин, находящийся от Антиохии в нескольких днях пути. Тело императора было отправлено в Рим, сопровождали его вдова — императрица Плотина, префект Аттиан и племянница покойного Матильда, она же теща Адриана. Самому Адриану пришлось остаться в Сирии — того требовала создававшаяся там непростая ситуация. Уже получив звание императора, Адриан отправил послание в сенат с просьбой причислить покойного к сонму богов и признать волеизъявление армии, объявившей наследником его, Адриана. К этому он приложил письменную присягу, где клялся полученную власть употребить исключительно на благо государства и не приговаривать к смертной казни ни одного сенатора, а также заранее отказывался ото всех присваиваемых ему особых званий и почестей. Сенат и в самом деле со всем согласился. Кажется, возникли некоторые сложности лишь с обожествлением Траяна, Впрочем, это следует признать вполне естественной реакцией живых по отношению к умершему.

Что же представлял собой новый император? Он получил власть в 41 год. Это был мужчина высокий, видный, в полном расцвете сил, неутомимый пехотинец и отличный всадник, неустрашимый и ловкий охотник, сразивший копьем не одного крупного зверя и даже льва. Изображения Адриана на монетах и статуях говорят о правильных, мужественных чертах лица, густых, ухоженных волосах и бородке. Упо-

мянутая бородка стала потрясением для современников, ведь он первым из императоров отрастил ее. Все предыдущие цезари старательно брились в полном соответствии с древнеримской модой, а после Адриана, наоборот, на протяжении целых двух столетий, включая и Диоклетиана, государи Рима носили бороды, разумеется, разной длины и всевозможных видов, в зависимости от моды и собственных вкусов. Почему же именно Адриан столь решительно нарушил традицию? Ведь в его время бородами были лишь интеллектуалы, как бы мы выразились теперь, то есть профессора, философы, писатели, а также служители разных культов. В том-то и дело, ведь, отпуская бороду, Адриан стремился показать всем, что он прежде всего интеллектуал. И он действительно был таковым, хотя прослужил в армии не один год, с самых юных лет, и, будучи офицером, всегда отлично справлялся со своими обязанностями, что отличало его и впоследствии в любой должности военного.

Адриан не просто увлекался поэзией, но и любил ее, а также искусство в целом, философию, риторику, мистику, все таинственное и древнее, а больше всего древнегреческую культуру. Он сам писал стихи, составлял речи, писал прозаические произведения, в том числе написал и автобиографию, к сожалению, не дошедшую до нас. А также рисовал, создавал скульптуры, набрасывал эскизы построек. Во всем этом проявлялись в довольно большой степени дилетантизм, чрезмерные амбиции и чуть ли не болезненное нетерпение активной, динамичной натуры. Император желал быть первым и оригинальным чуть ли не во всех областях культуры и искусства. Он позволял себе критиковать самых прославленных деятелей прошлого — Гомера, Вергилия, Цицерона. Что же касается его современников, то он, с одной стороны, старался привлечь к себе самых заметных из них, осыпая

милостями и благодеяниями, а с другой — чуть ли не преследовал их, поскольку завидовал им и не терпел соперников. Тут больше всего пострадал известный архитектор той поры Аполлодор из Дамаска, во времена Траяна прославившийся, в числе прочих достижений, и как создатель знаменитой колонны Траяна. Уже в те времена Аполлодор восстановил против себя молодого Адриана, презрительно отозвавшись на одно из замечаний последнего, касавшееся архитектуры: «Занимайся своими делами и не мешайся в то, чего не понимаешь». И теперь, когда Аполлодор позволил себе опять раскритиковать какие-то замечания императора в области архитектуры, он немедленно оказался в опале, затем изгнан и вроде бы приговорен к смертной казни. Впрочем, желание быть справедливым обязывает меня заметить, что, по другим сведениям, все эти неприятности архитектора были вызваны его же финансовыми злоупотреблениями, допущенными им в ходе капитальных строительных работ. И тем не менее, его пример — другим наука, во всяком случае собратья Аполлодора архитекторы уже остерегались задевать самолюбие императора, а может быть, просто были более осторожными и предусмотрительными и всегда спешили признать, что цезарь прав. Впрочем, не только архитекторы. Так, риторик Фаворин с покорностью воспринял поучение Адриана, хотя прав был как раз он сам. И когда впоследствии Фаворина упрекали за то, что он так легко поддался давлению властителя, тот заявил: «Так ведь цезарь умнее меня, раз у него под началом тридцать легионов». Не правда ли, это позволяет нам понять и сейчас логику поведения многих и многих писателей и ученых?

До наших дней дошли лишь небольшие фрагменты отдельных литературных произведений Адриана. Это цитаты из двух его речей, высеченных в камне на вечную о нем память, и несколько стихотворений. Из

последних самое известное и цитируемое — обращение цезаря к своей душе, созданное им на склоне лет. Вот оно:

Animula vagula, blandula,
Hospes comesque corporis,
Quae nunc abibis in loca
Pallidula, rigida, nudula,
Nec ut soles dabis iocos...

Душа, скиталица нежная,
Телу гостя и спутница,
Уходишь ты ныне в края
Блеклые, мрачные, голые,
Где радость дарить будет некому...¹

Однако сильно ошибется тот, кто, ознакомившись с этим стихом и вышеприведенной характеристикой Адриана, сочтет его не очень значительным и серьезным политиком, примет за самовлюбленного эстета и сноба, напоминающего в чем-то Нерона, который, кстати, тоже очень любил культуру Древней Греции. В Адриане как бы свободно уживались два очень разных человека, и они совсем не мешали друг другу. Один — представленный только что служитель муз, мелочный, тщеславный и неуравновешенный, хотя и не слишком талантливый. Второй — настоящий государь, твердый, умный и дальновидный правитель, требовательный к себе и к людям, по-мужски решительный, невероятно трудоспособный, верный служитель интересам империи, вникающий абсолютно во все дела огромного государства, — словом, один из лучших цезарей в истории Древнего Рима.

Пер. М. Ваксмахера, цит. по изд.: Юрсенар М. Воспоминания Адриана. — М.: Радуга, 1984. — *Примеч. пер.*

Судите сами. Скончался прежний император, а Адриан не поспешил в Рим принять власть, он остался на Востоке, ибо этого требовали, по его мнению, государственные интересы, как бы ни торопил Адриана живущий в нем второй человек — капризный и слишком себялюбивый. Нет, Адриан — государственный деятель понимал, насколько важно в данный момент продолжить дело Траяна и в военном, и в финансовом отношениях. У него хватило мужества — и он не раз подтверждал это в жарких битвах, — сделать исторический шаг: вывести римские войска из Месопотамии и Армении, тем самым укрепить восточную границу империи. Он возвратил недавно созданные там римские провинции парфянам и заключил с ними перемирие. Разумеется, на него посыпались обвинения, что тем самым он обесценил завоевания своего предшественника, но Адриан сознательно и смело пошел на риск, глубже других понимая выгоды и опасности для отечества этого предприятия. Уже одно это ставит его в один ряд с самыми выдающимися и очень немногочисленными государственными деятелями в истории человечества. Увы, историки чаще предпочитают воспевать кровавых властителей, обуреваемых жаждой завоевания новых земель и постоянного расширения границ доставшегося им государства, и редко кто способен оценить подлинное величие государей, способных сдержать первые порывы и даже отступить, если того требует благо отчизны.

Решив все проблемы на Востоке, цезарь осенью 117 года покинул Антиохию. Но направился не в Рим, а двинул войска в низовья Дуная, где требовалось обуздать притязания воинственных роксолан, нарушающих границы Дакии. Сюда прибыли гонцы из столицы с сообщением, что в Италии раскрыт и разгромлен опасный государственный заговор. Его якобы возглавляли четыре бывших консула, ближайшие

друзья и соратники Траяна, подготавливавшие государственный переворот и свержение Адриана. Гонцы сообщили, что все четверо главарей были схвачены и по приговору сената немедленно казнены. Теперь трудно установить, что же произошло на самом деле. Существовал ли реальный заговор, вызванный возмущением по причине пренебрежения к завоеваниям Траяна, или сам Адриан, опасаясь врагов, непонимания и возмущения государственных мужей, под вымышленным предлогом решил избавиться от врагов, свалив вину на сенат. Впоследствии он сам клялся, что все произошло без его ведома и вопреки его воле, заговорщиков решил уничтожить его давний опекун Аттиан, а он сам не стал бы лишать жизни даже врагов. Сенаторы и римские чиновники переусердствовали, известив его о случившемся уже постфактум. И все же остались неясности. Были они у современников Адриана, остались и теперь у историков.

ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Цезарь появился в столице лишь летом 118 года. Разумеется, его встретили с большой помпой. Кроме традиционных великолепных зрелищ устроили и посмертный триумфальный въезд Траяну, чья статуя возвышалась на колеснице. Адриан ни в коем случае не собирался лишать покойного императора его заслуженных побед.

В Риме Адриан провел три года, после чего впервые отправился в путешествие. Великие путешествия императора в разные отдаленные провинции империи со 121 года стали традиционными. Адриан правил империей 21 год, и половину этого срока провел в путешествиях. Ни один из его предшественников не мог в этом с ним сравниться. И в прежние времена цезарям,

хотя бы тому же Домициану, не раз приходилось отправляться в дальние края, но делалось это всегда вынужденно и главным образом для ведения войн. Адриан первым из императоров понял, насколько важно государю собственными глазами увидеть, чем живут провинции, как бы далеко они ни были от столицы империи. Вот он и стал последовательно знакомиться с жизнью провинций, лично проводя инспекции, причем делал это обстоятельно, глубоко и всесторонне, посещая не только города, но и военные лагеря. Возможно, его беспокойная натура сама толкала его в путь, но эта «охота к перемене мест», несомненно, очень полезна умному и дальновидному правителю. Полученные сведения всегда применялись с толком и на благо государству. Трудности путешествий не отпугивали Адриана, он испытывал удовольствие, познавая новые страны, и с интересом знакомился с тем, что было до сих пор ему неизвестно. У него всегда находилось время и силы познавать новое, то, что он считал достойным внимания, будь то чудеса природы или невиданные произведения искусства и архитектуры. И что интересно, Адриановы инспекции повсеместно оставили след в истории, сохранившей нам свидетельства пребывания императора в самых разных местах Римской империи в виде построек, статуй, надписей и монет, которые чеканили отдельные города в память пребывания у них высокого гостя.

Итак, в 121 году Адриан совершил свое первое путешествие — в Галлию и в провинции по верхнему Рейну и Дунаю. В треугольнике между этими реками цезарь укрепил систему фортификаций, возведенную еще при Домициане и обновленную при Траяне. На следующий год он отправился в Британию, и там приступили к масштабным работам по возведению так называемого «Вала Адриана», протянувшегося от залива Солвей до устья реки Тайн на 80 римских

милль, то есть почти на 120 км. Вал пересекал полуостров в самом узком месте и защищал от нападений диких горцев с территории теперешней Шотландии. Вопреки названию это был не только земляной вал, его отдельные части возводились из камней и кирпича. По валу возвышались башни и форты, с тыла к нему проводились дороги, а перед ним были выкопаны рвы. Это внушительное сооружение военно-инженерного искусства было создано всего за несколько лет. Кто же выполнял огромный объем работ? В основном римские солдаты, ведь их всегда в мирное время привлекали к общественным работам. Солдаты Древнего Рима строили дороги, мосты, акведуки и водопроводы по всей территории огромной империи.

Еще в том же 122 году цезарь вернулся в Галлию. На юге, в Немаусе (современный Ним), он воздвиг храм в честь Плотины, недавно скончавшейся вдовы Траяна. Он наверняка искренне оплакивал ее, свою опекуншу и верного друга, девять дней носил траурную одежду и сочинил поэму, прославляющую эту достойную женщину. Так же он еще в 119 году почтил память и своей тещи, Матидии, племянницы Траяна, которую Адриан очень уважал за ее заботу о покойном императоре. Обе женщины, императрица Плотина и племянница Траяна Матидия, трогательно и неусыпно ухаживали за императором до его смертного часа и обе же сделали все, зависящее от них, чтобы помочь Адриану стать императором. В 119 году на похоронах Матидии цезарь произнес надгробную речь, которая частично сохранилась, высеченная на каменных плитах, и построил храм Матидии — сенат причислил покойную к сонму богов. И в самом деле, пожалуй, впервые в истории зять настолько обожествлял тещу, что даже воздвиг храм в ее честь.

Но супружеская жизнь императора с Сабиной, дочерью Матидии, не складывалась. Если судить по

сохранившимся изображениям, та была очень красивой женщиной, но Адриан жаловался на ее характер. Серьезный супружеский конфликт разразился в 122 году. Цезарь обвинил жену в слишком близких отношениях с двумя государственными деятелями, Септицием Кларом, бывшим префектом преторианцев, и Гаем Светонием, секретарем императора. Тем самым Светонием, которого и сейчас у нас многие знают как автора знаменитой книги «Жизнь двенадцати цезарей», биографий первых римских императоров, начиная с Цезаря и кончая Домицианом. Нельзя назвать это произведение великим, но оно ценно тем, что автор приводит в нем множество интересных исторических фактов и, что еще более интересно, уснащает текст забавными происшествиями, наблюдениями и сценками из жизни людей своего времени. Живо и доступно написанная книга пережила века и стала для нас бесценным источником познаний о том времени, ведь автор некоторых императоров знал лично, а о других была еще жива память. К тому же автор, будучи секретарем правящего цезаря, имел свободный доступ к государственным архивам. Тем не менее оба вельможи подверглись опале и вынуждены были покинуть столицу. Дальнейшая их судьба нам неизвестна. Что же касается Сабины, то она легко отделалась. Император заявил, что охотно бы развелся с ней, будь он простым гражданином, однако, будучи императором, не хочет подавать дурной пример своим подданным. Их брак не распался, хотя и оставался бездетным. Сабина даже сопровождала мужа в некоторых его путешествиях, но теплых чувств друг к другу они не питали, даже ощущалась некоторая враждебность.

Зиму 122/123 годов цезарь провел в Испании, откуда переправился на африканский берег, в Мавританию. (Так называлась тогда римская провинция, включавшая в себя современное государство Марок-

ко и часть республики Алжир, то есть не следует путать эти области с Мавританией наших дней.) Находясь там, император узнал о грозившей Риму войне с парфянами и поспешил явиться к месту событий. На берега Евфрата он прибыл кратчайшим путем через Крит и страны Малой Азии. Императору удалось разрядить обстановку путем переговоров, но на Востоке он пробыл до 124 года. Он посетил Антиохию на севере Сирии и знаменитую своими постройками жемчужину востока — Пальмиру, город в сирийской пустыне, сохранившийся и в наши дни уникальный памятник культуры. В Битинии ему встретился мальчик необыкновенной красоты по имени Антиной. Император взял его с собой и не расставался со своим любимцем.

В 124 году Адриан объездил балканские провинции Рима. Может быть, именно тогда был заложен город Адрианополь, современный Эдирне в европейской части Турции. Доподлинно известный факт: именно в 124 году цезарь наделил правами города поселение Аквинкум на Дунае — это римский предшественник сегодняшнего Будапешта. Там до сих пор сохранились развалины древнеримского города и лагеря легионеров. Адриан переправился через Дунай, в Дакию, посетил места, где несколько лет назад воевал под командованием Траяна. Тогда Траян был опекуном молодого офицера, но это не означало, что цезарь относился к нему снисходительно, напротив, спрашивал с него больше, чем с других, не допускал никаких поблажек, что только пошло на пользу будущему императору.

Зиму 124/125 годов Адриан решил провести в столь любимых им Афинах. Он опять торопился покинуть Рим. Все предшественники Адриана на посту императора чаще всего уезжали из Рима лишь на войну, для Адриана же вне стен Вечного города (хотя именно он так называл Рим) зарождались все его великие замыслы, вся его мирная деятельность, это была

его полноценная жизнь! В Греции цезарь задержался до весны 126 года, объездил всю страну, в том числе побывал и на греческих островах. Однако лучше всего он чувствовал себя в Афинах в окружении прекрасных произведений искусства и замечательных памятников старины, чья родословная уходила в далекое, легендарное прошлое Античности. Тут жили Сократ и Перикл, Платон и Аристотель, Софокл и Демосфен. Греческим языком Адриан овладел еще в детстве, он был пленен культурой Древней Греции, прекрасно знал историю страны, ее литературу, был подлинным ценителем культурных ценностей этой колыбели европейской цивилизации.

Еще при жизни Траяна афиняне присвоили Адриану почетное звание архонта (верховный чин в древнегреческих полисах), что давало ему право считаться почетным гражданином Афин, и император всегда щедро осыпал город своими милостями. Среди возведенных им здесь монументальных построек обязательно следует особо отметить великолепный храм Зевса Олимпийского. Впрочем, постройку этого храма начал еще тиран Писистрат в VI веке до н. э., то есть почти за семьсот лет до Адриана, но тогда строительство пришлось сразу же прервать. Строительство продолжил правитель Сирии Антиох IV во II веке до н. э., изменив план постройки, однако со смертью правителя работы были прекращены. И вот теперь римский цезарь смог осуществить то, что не удалось сделать самим грекам. Работы были возобновлены в 126 году в таком темпе, что уже в следующий свой приезд в Афины, через несколько лет, Адриан смог освятить готовый храм, по праву считавшийся одним из самых великолепных в эллинском мире. До наших дней от него сохранились лишь 16 колонн (а их было 104), каждая высотой более 17 метров. В храме возвы-

шалась гигантская статуя Зевса — одно из семи чудес древнего мира — из золота и слоновой кости, а также размещались многочисленные статуи императора. В том же 126 году у императора нашлось время принять обряд посвящения в Элевсинские мистерии¹ и возглавить дионисийские празднества, отмечавшиеся в соответствии с древней традицией.

В Италию Адриан возвратился через Сицилию, где он совершил восхождение на вершину вулкана Этны, чтобы оттуда насладиться зрелищем восхода солнца. В Риме император пробыл до лета 128 года, а потом отправился в Африку. В Нумидии, африканской провинции римской империи, располагавшейся на территории современного Алжира, он проинспектировал военный лагерь и наблюдал за учениями легионеров и конницы. По завершении маневров, 1 июля, Адриан обратился к солдатам с речью, похвалив их за старание, дисциплину и воинское мастерство, причем сделал это с большим знанием дела, ведь, почитай, с детских лет служил в армии. Эта речь частично дошла до нас, поскольку ее текст был высечен на камне.

Элевсинские мистерии — ритуальные празднества в честь богини Цереры и ее дочери Персефоны. Ежегодно проводились в Элевсине, около Афин. По преданию, Элевсинские мистерии были основаны Эвтолпом ок. 1400 г. до н. э. Элевсинское учение о человеческой душе гласило, что смерть не дарует нам духовного перерождения, и, если человек при жизни не стремился к совершенству, то он либо будет обречен на вечные скитания, либо попадет в загробный мир Гадес, где его ждет вечный сон. Чтобы участвовать в мистериях, кандидаты должны были пройти сложный и суровый обряд инициации. Успешно преодолевший все ступени посвящения получал титул «мистес». Со всех участников мистерий брали клятву никогда не разглашать подробностей таинства. Элевсинские мистерии существовали вплоть до IV в. н. э., когда император Феодосий Великий наложил на них запрет как на институт, противоречащий христианству.

Затем цезарь посетил свои любимые Афины, а оттуда через Малую Азию направился в Сирию. Пребывая в Антиохии, он поднялся на вершину горы Кассий, чтобы и здесь встретить восход солнца. В 130 году цезарь отправился в Иерусалим. Город лежал в развалинах с тех пор, как его разрушил император Тит. Адриан принял решение: восстановить город как принадлежащий Риму и назвать его *Aelia Capitolina*, от родовой фамилии цезаря Элий, а Капитолин по той причине, что на месте бывшего иудейского храма будет возведен храм в честь Юпитера Капитолийского.

Путь из Иерусалима в Александрию пролегал через Газу и Петру. Из Александрии император с супругой направился вверх по Нилу, желая обозреть самые древние и самые знаменитые памятники этой страны — пирамиды, храмы в Фивах, статуи богов и фараонов. Когда цезарь уже находился в Среднем Царстве Египта, ему пришлось пережить величайшую трагедию его жизни — в Ниле утонул его любимец Антиной. Что стало причиной трагедии? Случайность, убийство, самоубийство? Адриан выбрал третий вариант. Он сам верил в это и велел объявить всем: Антиной добровольно принес в жертву богам свою молодую жизнь ради спасения господина, ибо Адриану пророчица предсказала великое несчастье, вот юноша и решил ценой собственной жизни предотвратить беду. По всей империи принялись возводить храмы в честь Антиноя и устанавливать его статуи, поскольку его самого теперь стали чтить как бога. Чеканили монеты с его изображением. Утверждали, что на небе появилась новая звезда — это Антиной вознесся на небо и стал звездой. По велению Адриана на месте гибели юноши на берегу Нила был заложен город, носящий его имя. Руины этого города можно было увидеть еще в XIX веке, потом их разобрали и использовали как стройматериал для постройки сахарного завода.

И все же император не прервал путешествия. Утром 21 ноября он с супругой в окружении придворных появился у подножия колоссального памятника, называемого греками Мемноном, на западной окраине древних Фив. В действительности же эта статуя, как и стоявшая рядом вторая, представляла фараона Аменофиса III. Утверждали, что он пением приветствует восход солнца, и многие действительно слышали это пение, о чем и греки и римляне оставляли письменные «показания», высеченные на каменных плитах. Теперь считается, что звуки, принимаемые древними за пение колоссов, производились воздушными потоками в расщелинах каменных блоков, когда после ночной прохлады солнце нагревало камни и они быстро расширялись. Среди придворных дам императрицы Сабины находилась поэтесса Юлия Бальбилла, аристократка из очень древнего патрицианского рода. (Увы, талант ее был не столь высок.) Эта поэтесса сочинила панегирик и приказала вырезать его на левой ноге гигантской статуи. В нем с пафосом сообщалось, что Мемнон приветствовал пением императора и императрицу. Разумеется, мы всячески осуждаем нехороший обычай туристов портить каракулями бесценные памятники старины, но сейчас придется сознаться, что в данном случае этому нехорошему обычаю мы обязаны фактом установления точной даты данного исторического события. Видите, как через две тысячи лет и каракули могут пригодиться, разумеется, если они вырезаны в камне!

Обратный путь цезаря пролегал через Сирию и Малую Азию. Зимой 131/132 годов Адриан провел в Афинах, потом задержался в балканских провинциях и уже собирался возвращаться в Италию, но тут пришла весть, заставившая его изменить планы: в римской провинции Палестине вспыхнуло восстание иудеев.

ВЕЛИКОЕ ВОССТАНИЕ

Какие причины вызвали этот акт отчаяния? Две из них очевидны, они и подтолкнули к восстанию: решение римского сената возвести на месте бывшего иерусалимского храма святыню языческого бога и эдикт, запрещающий обрезание еврейских мальчиков на всей территории Римской империи. Оба этих решения воспринимались иудеями как величайшее оскорбление их убеждений и религиозных традиций. Однако прежде всего всенародное возмущение объяснялось желанием добиться независимости и сохранить национальное самосознание. Со времени покорения Римом Палестины каждое поколение ее еврейского населения готово было отдать свою кровь и жизнь борьбе за святое дело. Так обстояло дело и в 30-х годах I века, во времена римского прокуратора Иудеи Понтия Пилата, затем во времена великой Иудейской войны 66—70-х годов и, наконец, во время царствования Траяна. И вот уже четвертое поколение евреев взялось за оружие. Невзирая на все неудачи, поражения, неисчислимые потери восставших и мирных жителей, каждое восстание становилось для еврейского народа важной исторической вехой, сохраняя и укрепляя самое важное — чувство национальной гордости и достоинства.

Восстание 132 года охватило Палестину и, вероятно, часть Сирии. По своим масштабам, жесточенности, бесчисленным жертвам и страшным разрушениям оно может быть приравнено и к восстанию во времена Траяна, и к войне в нероновские времена. К сожалению, как события времен Траяна, так и эти остались для нас практически неизвестны: до наших дней не дошло ни одно свидетельство эпохи. Увы, не оказалось в те годы историка, каким во времена Нерона был знаменитый античный историк Иосиф Флавий,

оставивший свою великолепную «Иудейскую войну» (законченную в 79 году н. э.), сохранившуюся в целости на протяжении двух тысячелетий благодаря христианской традиции. О восстании при Адриане до нас дошли лишь короткие упоминания разных писателей и историков Античности, а также монеты, которые чеканили повстанцы. И лишь во время второй мировой войны на нашей памяти были обнаружены бесценные исторические источники восстания. Речь идет о переписке руководителя повстанцев Симона с главами палестинских округов. Обнаружили эти материалы в тайных пещерах пустыни, написаны они на арамейском языке и пока еще изучаются.

Симона его сторонники называли Сыном Звезды — Бар Кохба, а враги — Сыном Лжи. Он сам объявил себя правителем Израиля, а многие считали его мессией, посланцем Бога, что, в свою очередь, оттолкнуло от него сторонников ранних христиан. И тем не менее восстание расширялось стремительно, как пожар, охватывая всё новые территории. Поскольку в открытых битвах восставшие не смогли устоять перед сильным римским войском, они прибегли к тактике партизанской войны. Скрываясь в горных крепостях и пещерах, в тайных убежищах пустыни, они оттуда совершали вылазки, нападая и на отряды римских войск, и на своих соотечественников, которые не пожелали примкнуть к восставшим. На какое-то время им удалось овладеть Иерусалимом, и, по некоторым данным, они приступили к восстановлению своего великого храма. В период самых горячих боев с восставшими Адриан лично руководил войсками Рима, а затем поручил руководство над римскими легионами опытному военачальнику Юлию Северу, вызванному из Британии, где тот был наместником. Он же был назначен наместником Палестины после подавления восстания. Бар Кохба погиб в 135 году в боях за свою последнюю крепость, неподалеку

от Иерусалима. Новая провинция была названа Палестинской Сирией, она включала в себя земли Иудеи и прилегающие области.

Римлянам досталась провинция развалин. В результате многолетних боев Иудея была полностью разрушена. По дошедшим до нас сведениям, полностью разрушенными оказались 50 крепостей и 985 населенных пунктов, погибли сотни тысяч местных жителей — в битвах, во время военных действий, а также умерли от болезней и голода, а сколько захвачено римлянами в плен и превращено в рабов — неизвестно. Их было так много, что за израильского раба платили столько же, сколько стоила лошадь. Многих погнали в Египет, но по пути большинство из них погибло от истощения. Однако потери римлян тоже были немалыми. Император своеобразно отметил этот факт. В своем послании сенату о полном подавлении восстания он не прибавил обязательную фразу «Я и армия чувствуем себя хорошо».

Впоследствии был выполнен намеченный план *Aelia Capitolina* и возведен храм Юпитера. Были построены культовые святилища и другим богам, в том числе в местах, чтимых христианами, — Распятия и Гроба Господня. Евреям было запрещено селиться в Иерусалиме и даже входить в город. Еще в IV веке им разрешалось входить в Иерусалим только раз в году — в день 9Ab, то есть в годовщину разрушения храма, чтобы оплакать национальную трагедию. Однако за эту привилегию им приходилось дорого платить римским солдатам. И все же прав один из историков: «Слезы отчаяния скрывали надежду, а она никогда не умирает».

В силе оставался запрет обрезания, но уже наследнику Адриана пришлось отменить его под угрозой очередного иудейского восстания этого воинственного и очень религиозного народа.

ВЕЛИКИЕ СВЕРШЕНИЯ

Пришло время объяснить, почему же Адриана считают одним из величайших государственных деятелей в истории не только Римской империи, но и человечества. Прославился он не великими завоеваниями, покорением новых земель и присоединением их к империи, но прежде всего как мудрый и дальновидный правитель, многое сделавший для укрепления отечества. А для этого приходилось очень много строить. Ну, и как бы мы теперь выразились — много рабочих мест. Это способствовало укреплению экономики страны и благосостоянию ее граждан.

Адриан — великий строитель. Никто из римских цезарей не сравнится с ним по количеству построенных зданий, крепостей, акведуков, мостов, водопроводов и различных ирригационных сооружений, а также проведенных дорог. Доказательством его разносторонней строительной деятельности являются в наши дни лишь внушительные руины, сохранившиеся в разных уголках на территории бывшей огромной Римской империи, в разных ее провинциях. Разумеется, больше всего их можно видеть в самом Риме. Из наиболее заметных архитектурных шедевров Вечного города, возведенных по велению Адриана, назовем самые главные.

Одно из самых монументальных и знаменитых сооружений Рима — это огромная родовая гробница Адриана. Ее построили у Тибра в виде круглого бастиона, она прославлена в веках под именем замка святого Ангела. От нее протянулся через реку прекрасный каменный мост, тоже творение Адриана, знаменитый старинный *Pons Aelius* — три его средних арки сохранились со времен Античности, позднее мост был украшен скульптурными изображениями ангелов. Далее следует пантеон, увенчанный

великолепным куполом. Правда, первоначальный пантеон был построен еще во времена цезаря Августа на средства Марка Агриппы, но Адриан его полностью перестроил, придав ему тот вид, которым мы можем наслаждаться сейчас. Адриан же бережно сохранил и надпись основателя на фасаде. Надо отметить, что Адриан всегда помнил о тех, кто строил до него, а вот свое имя из скромности не увековечивал, хотя полностью перестраивал сооружение. Еще один из замечательных памятников Адриановой архитектуры — это храм богинь Венеры и Ромы (повелительницы Рима) на Форум Романум со стороны Колизея. Для того чтобы построить этот храм, пришлось передвинуть на несколько сот метров Колосса, гигантскую бронзовую статую Нерона, которую переименовали в изображение бога Солнца. Для перетаскивания статуи на другое место использовали 24 слона.

В Риме было много и других заметных построек, не сохранившихся до наших дней или уже очень разрушенных. Стоит, однако, подчеркнуть, что император не ограничивался возведением лишь общественных или сакральных построек. По прямому указанию Адриана и часто на его личные средства в Риме строилось множество других зданий, в том числе и обычных жилых домов. Историки могут это со всей достоверностью определить благодаря указу того же Адриана от 123 года, по которому требовалось на кирпичях построенного дома вырезать штамп с именами и фамилиями консулов, в чье правление возводился дом.

В окрестностях Рима, недалеко от Тибура (современный Тиволи), в обширном парке вырос целый комплекс дворцовых построек и храмов. Это знаменитая вилла Адриана — местопребывание императора, уставшего от постоянных поездок и государственных забот. Впрочем, Адриану стоило немалых трудов и

средств обустройство этого райского уголка по своему вкусу. В основу положена воистину императорская идея. Здесь на территории огромного парка были представлены в миниатюре восхищавшие императора во время его поездок самые привлекательные уголки разных стран мира и архитектурные сооружения, а также привезенные со всего света бесценные произведения искусства. Полнее всего была представлена природа и культура Греции и Египта. Насколько это все было достойно восхищения, трудно сказать, ведь до нас дошли лишь фрагменты былой роскоши. Из множества прекрасных статуй большинство было вывезено вскоре после смерти Адриана, а в IV веке император Константин Великий перенес их часть в свою резиденцию в Константинополь. Но тем не менее начиная с XV века на бывшей вилле Адриана в развалинах императорского дворца обнаружено около трехсот прекрасных статуй, которые сейчас украшают лучшие музеи мира. Мало что осталось и от уголков природы, представлявших в миниатюре красоты разных стран.

Итак, мы уже имеем представление о том, каковы же сохранившиеся материальные доказательства великих свершений Адриана. И все же самым важным из них были его достижения в области политики, государственного управления и военного дела. Своей главной целью Адриан считал сохранение мира. Этого приоритета своей внешней и внутренней политики, как бы мы сейчас сказали, он придерживался во все годы своего правления. Началось с уже известного нам мирного договора с парфянами и вывода римских войск с восточных территорий, завоеванных Траяном. Затем Адрианом была создана система небольших, зависимых от Рима государств за Евфратом, Дунаем, Рейном. Вслед за этим произведена перестройка и расширение приграничных укрепленных поясов в Британии, между Рейном и Дунаем, в Дакий,

а также в Нумидии. В Нумидии на границе с пустыней фортификационные сооружения протянулись на 800 километров, ограждая римские владения от набегов кочевников пустыни. Грандиозность этих сооружений во всей полноте была выявлена лишь в нашу эпоху, когда появилась возможность сфотографировать их с самолета.

Понятно, что никакие укрепления не помогут, если их не защищают хорошие солдаты. Адриан сам был военным, всю молодость провел в армии, причем последние годы непосредственно под руководством талантливого полководца Траяна, так что военную реформу провел со знанием дела и с огромной пользой для государства. Он начал с того, что сократил число римских легионов, вместо 30-ти теперь было 28, но зато создал новые части, так называемые *numeri*. Это были отряды пехоты или конницы, в которых служили преимущественно солдаты из провинций, не римские граждане. Все годы император неустанно лично заботился об армии, вникая во все мелочи армейского быта, уделяя особое внимание проблемам обучения военнослужащих.

Перейдем к вопросам внутренней политики. И в этой области вызывает восхищение размах его деятельности. Обладая бесценным для государя умением подбирать себе толковых помощников, император смог осуществить умные и продуманные реформы. Он создал нечто вроде совета при своей особе, называемого *consilium*, своего рода правительство империи. Высших чиновников император классифицировал по категориям, каждой из которых уже законодательно соответствовали звания и зарплата. Пересмотрена была и сама законодательная система с целью ее кодификации. Особое внимание уделялось социальным вопросам. Законами предусматривалась материальная помощь многодетным семьям и другие государственные вспомо-

моществования. Забота о развитии сельского хозяйства проявилась, в частности, в издании ряда особых указов, например, указа о разрешении занимать пустующие земли и указа о создании так называемого колоната, то есть такой системы земельного держания, когда крупные землевладельцы сдавали в аренду участки своей земли поселенцам — колонистам. И это лишь часть реформ, направивших древнеримскую государственность по новому пути развития.

Теперь следует отметить и другие несомненные заслуги Адриана. Благодаря его личному пристрастию к греческой культуре, в том числе науке и искусству, Рим пережил эпоху возрождения эллинистической культуры, пришедшей к этому времени в упадок. Благодаря безграничному преклонению императора перед великой культурой греков, его энтузиазму и возможностям эллины почувствовали себя полноправными гражданами империи. Символом равноправия двух культур и языков стало основание в Риме так называемого Афинеума¹ с кафедрами греческой грамматики и риторики. И тут опять не обошлось без помощников императора, из которых, пожалуй, самым известным был Флавий Арриан. Уроженец

Воспитанием и обучением в Римском государстве до тех пор занимались частные лица; и хотя уже Август и после него Веспасиан начали выдавать некоторым известным учителям жалованье из государственной казны, но этим преимуществом пользовались лишь немногие. И так как школа при переходе от республики к единовластию не изменила своих оснований и оставалась на почве республики, то приходила в постоянные столкновения с тогдашней государственной властью. Поэтому Адриан, желая преобразовать школу соответственно духу своего времени и учредить над ней контроль, сделал первую попытку основать общественное учебное заведение для высшего научного образования. Это было нечто вроде академии, в которой обучали преимущественно философии и риторике, а также грамматике и законоведению.

Малой Азии, он основательно потрудился на службе Риму, занимая высокие государственные и военные должности, но память о нем в истории сохранилась прежде всего благодаря его литературным заслугам в области греческой культуры и науки. Литературные труды Арриана предоставляют нам возможность ознакомиться с учением его современника — греческого мудреца стоика Эпиктета, бывшего раба. Вот уже почти два тысячелетия мудрые слова этого ученого до сих пор служат утешением страждущим, вселяют в них бодрость и надежду. Эпиктету мы обязаны еще и кратким, одновременно точным и исчерпывающим описанием жизни и деятельности Александра Македонского на основе затерявшихся во мгле веков более древних достоверных источников. Это лучший труд на данную тему из всех, дошедших до нас из древнего мира.

Итак, императором Адрианом сделано немало, на склоне лет у него были все основания испытывать удовлетворение правителя, осуществившего многое из задуманного. Но случилось так, что последние годы жизни он прожил в тоске и печали. Начиная со 134 года Адриан уже не отправлялся в свои путешествия, безвыездно находясь в Италии. Император жестоко страдал от тяжелой хронической болезни: кровотечения, опухоли, боли. Он так мучился, что не размышлял о самоубийстве, просил своих ближних дать ему яд или окончить его муки ударом кинжала. Однако никто не решался. Сабина скончалась в 135 году. В прощальной речи цезарь позволил себе двусмысленное высказывание: «Она многого от меня требовала, а я никогда ей ни в чем не отказывал». Не отказал и после ее смерти: повелел сенату причислить ее к сонму богов. Ходили слухи — и дошли до нас, — что Адриан все-таки очень нехорошо обращался с женой,

прямо как с рабыней, и вроде бы заставил ее принять яд. Скорее всего, это были лишь слухи, порочащие доброе имя императора и распускаемые его врагами, тем не менее они свидетельствуют о том, что в последние годы жизни цезаря отношение к нему изменилось. Да и факты говорят о том, что характер Адриана с годами испортился. Он стал подозрительным и жестоким, чего раньше за ним не замечалось. Слабый, больной старик приказал благородному и достойному сенатору Сервиану покончить жизнь самоубийством, причем вместе с его восемнадцатилетним внуком, что они и вынуждены были сделать. Причиной оказалось недовольство сенатора решением императора назначить своим преемником Цейония Коммода. Выбор и в самом деле был неудачным. Болезненный старец, назначенный наследником императора, скончался 1 января 138 года. Адриан, сам стоящий на пороге смерти, оказался вынужденным продолжить поиски преемника и остановился тоже на немолодом, пятидесятилетнем сенаторе Арии Антонине. В соответствии с традицией, он усыновил Антонина, и тому в свою очередь тоже пришлось срочно назначать себе преемников, по настоянию цезаря. Таким образом, цезарь позаботился о преемственности власти, что имело огромное государственное значение, ибо служило гарантией от случайных узурпаторов. В этом проявился прежний Адриан, дальновидный политик, заботящийся о благе отчизны, хотя он и отказался в свое время от почетного титула «Отец отечества», — очень уж не любил Адриан всякие почетные титулы, награды, триумфы...

Скончался император Адриан в городе Байи в Неаполитанском заливе 10 июля 138 года на 63-м году жизни.

АНТОНИН ПИЙ

Titus Aurelius Fulvus Boionius Arrius Antoninus

19 сентября 86 г. — 7 марта 161 г.

После усыновления Адрианом 25 февраля 138 г.

Imperator Aelius Caesar Antoninus.

Правил с 10 июля 138 г. как *Imperator*

Titus Aelius Caesar Antoninus Augustus,

потом до 7 марта 161 г. как

Imperator Titus Aelius Caesar Adrianus

Antoninus Augustus Pius.

Причислен к сонму богов

Более двадцати лет империей правил честный, культурный, очень способный государь. Он наверняка не был гением, зато оказался — а это, пожалуй, даже важнее для государства — просто разумным и порядочным руководителем. Во время его правления не было ни великих походов, ни опасных конфликтов, не случалось даже никаких потрясающих афер или скандалов. Жизнь всей огромной империи — столицы, Италии, провинций — протекала спокойно, разумеется, не без споров и небольших столкновений, но без особых потрясений и кровопролития. Почему-то авторы учебников по истории и биографий отдельных государей, как ни странно, очень не любят такие времена и таких правителей. Они, эти авторы, походя отделяются несколькими общими словами о спокойных временах, и спешат пуститься в описания войн, завоеваний, страшных эпидемий, всяческих конфликтов, а то и просто преступлений и безумств императоров, королей и царей. Впрочем, их можно понять. Такие времена и таких правителей и описывать легче,

и читают о них люди охотнее. Однако, если следовать этой нехорошей привычке, легко нарушить пропорции в объективном описании исторических событий и в их оценке. К тому же совершенная сотни лет назад ошибка с веками становится весомей. И получается: все черное, понурое, мощное и громогласное застилает и глушит в сознании потомков годы спокойствия, тишины, отдохновения и даже процветания, то есть целые годы просто обычной человеческой жизни. По большому счету, в иерархии ценностей должны преобладать именно времена относительной стабильности, только в эти времена люди получают возможность жить по-человечески. Ведь все потрясающие завоевания, войны и реформы предпринимаются не ради них самих, а для того, чтобы народы выплыли на спокойные воды и добрались до тихой пристани нормальной человеческой жизни. Когда же мы, наконец, избавимся в своем понимании и представлении истории от страшного заклятия, в результате которого человечество продолжает знакомиться с нескончаемой чередой фанатиков, маньяков, безумцев, тиранов и извергов? Когда начнем с таким же усердием прославлять тех правителей, которые просто заботились о своем народе, на самом деле любили мир?

Именно таким цезарем — добросовестным и скромным — оказался преемник Адриана. Ну как не похвалить при этом проницательность самого Адриана, выбравшего в преемники именно этого государственного деятеля? Произошло это в самом начале 138 года, за несколько месяцев до кончины императора. Адриан, уже больной и ослабевший от душевных и телесных мук, так представил сенаторам на утверждение Антонина, своего приемного сына и преемника на троне:

Он из знатного рода. Прост и благороден в обращении. Не настолько молод, чтобы действовать импульсивно,

и не так стар, чтобы не справиться со своими обязанностями. Воспитан в подчинении законности. Традиционно занимал высокие должности. Значит, не понаслышке знаком с принципами правления империей. Способен свои принципы умело воплощать в жизнь. Правда, я знаю, что он более других далек от политики, но мне известно и то, что ему чуждо властолюбие. Не думаю, однако, что он способен пренебречь моим и вашим мнением, то есть отказаться властвовать. Согласится, даже вопреки своей воле.

Будущее показало, что столь положительное мнение умирающего цезаря о своем преемнике, причем даже не родственнике, оказалось совершенно справедливым. Да и то сказать, у Адриана было много возможностей хорошо узнать Антонина по многолетней совместной работе, ведь он много лет входил в состав императорского совета. Нельзя было не заметить его, даже внешне Антонин выделялся: высокий, интересный, с правильными чертами лица, он был прекрасным оратором, что в древнем мире ценилось чрезвычайно высоко. Однако тонкий наблюдатель заметил бы и другое, а именно то, что Антонин не был очень сильной личностью, вернее, вовсе не был тем, кто желал, чтобы его считали сильной личностью, стремящейся сделать политическую карьеру. Этот человек был слишком культурным, слишком доброжелательным по своей натуре, слишком любящим маленькие радости жизни. Он с удовольствием занимался рыбной ловлей, с наслаждением вел домашнее хозяйство, охотно принимал участие в сборе винограда, очень любил задушевные беседы с умными, культурными людьми, с которыми беседовал и спорил во время долгих прогулок. Часто посещал театральные представления. Но не имел склонности к путешествиям, в противоположность Адриану. Став

императором, Антонин ни разу не покидал пределов Италии, насколько нам известно.

Его предки некогда поселились в Заальпийской Галлии, в районе Немауса (теперь город Ним в южной Франции), затем переехали в Италию, где им принадлежали крупные поместья в Этрурии и по реке Пад. Дед и отец будущего императора (оба они носили одинаковые имена — Аврелий Фульв) достигли высших государственных должностей, побывав консулами. И его дед по материнской линии, Арий Антонин, тоже исполнял должность консула, причем двукратно. От своих предков по обеим линиям император Антонин унаследовал не только значительные состояния, но и очень длинные собственные имена — *Aurelius Fulvus* от отца и деда, *Voionius* по бабке с материнской стороны, а *Arrius Antoninus* — от ее супруга. Такое долгое перечисление фамилий не было в ту эпоху чем-то исключительным, наоборот, представители знатных родов стремились почтить память предков, нося их имена.

Сам Антонин прошел по всем ступеням государственной лестницы, которые полагалось пройти отпрыску представителей senatorского звания, тоже достиг высшей должности в древнем Риме — звания консула, что случилось уже во время правления Адриана. Затем он побывал наместником провинции Азии и вошел в состав императорского совета. Был женат на Анне Галерии Фаустине, получившей в истории имя Фаустина Старшая. У них было двое сыновей и две дочери, но оба мальчика и одна девочка умерли в раннем возрасте, скорее всего еще до 138 года. После того как Антонин стал цезарем, их прах перенесли в мавзолей Адриана, до наших дней дошли копии их кратких эпитафий. Оставшаяся в живых дочь императора Фаустина Младшая сыграла свою роль в династической политике.

Вспомним, что, adoptируя Антонина, Адриан рекомендовал тому в свою очередь тоже adoptировать двух сыновей. Одним из них стал Луций Элий Коммод, которому в ту пору было 8 лет, а вторым — Марк Анний Вер, 17-летний родственник Антонина, известный впоследствии как Марк Аврелий. По какой причине именно они были усыновлены? Да по очень простой: у Антонина не было собственных наследников, хотя ему уже исполнилось 52 года, Адриан же заботился о непрерывности наследования трона на будущие годы, чтобы избежать превратностей судьбы и возможных государственных неприятностей. Отсюда и желание представить гражданам Рима даже двух наследников — на всякий случай. Ведь если бы через несколько лет Антонин умер или даже просто сильно занемог, мальчики уже смогли бы подхватить власть, ускользающую из рук ослабевшего отца. А чтобы еще укрепить связи в этой искусственной семье, решено было обручить Фаустину Младшую с 8-летним Луцием Коммодом. Однако впоследствии девушку выдали замуж за старшего из наследников, Марка Анния, будущего императора. Марк Аврелий в 145 году сочетался браком с Фаустиной, дочерью Антонина Пия. Хотя они оба благодаря формальному усыновлению императором считались ее братьями.

После смерти Адриана переход власти произошел безо всяких потрясений, хотя новому цезарю сразу же пришлось столкнуться с весьма неприятной проблемой. Сенат не пожелал утвердить предложение императора о консекрации, то есть причислить к сонму богов его предшественника и приемного отца. Причиной стало то, что в последние годы царствования больной и озлобленный цезарь раздражал сенаторов своим отношением к ним; случалось, он приговаривал некоторых из них даже к смертной казни. Новый император настаивал на своем решении, даже слезно

умолял сенаторов воздать Адриану божественные почести. Отчаявшись, он даже пригрозил и вовсе отказаться от императорского звания, логично заявив, что, поскольку сенаторы так ненавидят Адриана, то сенат, несомненно, отменит решение Адриана о назначении своим преемником его, Антонина. И только тогда Адриана причислили к сонму богов, а Антонину официально присвоили почетное имя Пий, что значит набожный, благочестивый. Так называли не тех, кто рьяно предавался служению богам, а тех, кто горячо чтит родителей, вообще предков и традиционные культы. Впрочем, выдвигались и другие причины присвоения новому императору такого заслуженного прозвища. К тому же некоторые современники уверяли, что именно Антонин не позволил своему приемному отцу, престарелому и очень страдающему от болезней, покончить жизнь самоубийством, другие же подчеркивали тот факт, что Антонин побуждал императора посещать заседания сенаторов, помогая старику встать и добраться до сената, подставив свое плечо для опоры.

Те почести, которые Антонин воздавал Адриану после кончины последнего, возводя в его честь статуи и храмы, были не просто красивым жестом или пустым исполнением обязательного ритуала. Новый цезарь действительно преклонялся перед гением Адриана, что доказал и на деле, продолжая его политику во всех ее проявлениях, и прежде всего стремясь к сохранению мира и спокойствия как во внешней, так и во внутренней политике. И хотя император отказался от завоеваний новых территорий, совсем не вести войн он не мог. Интересы государства требовали защиты его рубежей, которые приходилось оберегать от набегов разных племен. Уже в первые годы правления Антонина начались бои в Британии, у вала Адриана. Было принято решение продвинуться

к северу на расстояние 120 км между заливами Ферт-оф-Форт и Ферт-оф-Клайд, в самом узком месте острова. Там была возведена новая укрепленная полоса длиной около 60 километров. Ее называли валом Антонина, она была намного слабее вала Адриана, и уже при преемнике Антонина Пия римским войскам пришлось ее покинуть и отступить на прежние оборонительные рубежи.

Часть населения из северной Британии переселили на германские земли в междуречье верхнего Рейна и Дуная, где переместили на восток укрепленную границу. Получилось, что с тех пор и в Британии, и в Германии существовали старая и новая большие укрепленные полосы, защищающие территорию империи от варваров. Строили новые укрепления также в Мавритании, Тракии, Дакии.

Что же произошло, действительно ли так возросла опасность набегов новых врагов? А может быть, римляне, которые всего за одно поколение до этого, во времена Траяна, смело вторгались в чужеземные пределы со своими орлами, заставляя другие народы признавать их превосходство, просто выдохлись, потеряли силы и из народа воинов превратились в народ селян, мещан и купцов? Неужели правы те, кто утверждают, что политика защиты границ не живой стеной легионов, а кирпичными стенами и земляными валами скрывала в себе бациллы гибели империи?

Во время правления Антонина Пия случались и внутренние конфликты. Такое произошло в Иудее. Видимо, поэтому цезарь снял запрет обрезания, введенный Адрианом. Еще хуже обстояло дело в Египте, где вспыхнуло крестьянское восстание. Мы располагаем очень неполными сведениями об этих национальных волнениях, и главным образом потому, что с точки зрения столицы и внутренних провинций,

более богатых и более культурных, эти волнения не были достойны особого внимания, но были малозначительны, периферийны. На всей остальной территории огромной империи царили спокойствие и благоденствие, ее население проживало в мире и безопасности, и это, несомненно, во многом было заслугой императора. Уже в первые годы своего правления он провел ряд прогрессивных и весьма популярных реформ, намного облегчил налоговое бремя римских граждан. До него существовал такой негласный обычай: когда к власти приходил новый государь, крупные города и отдельные регионы приносили ему якобы добровольные дары в виде венков из золота или их эквивалент в звонкой монете. Антонин же (и в этом следуя примеру Адриана) объявил, что не примет таких даров от городов самой Италии, а от провинций, так и быть, примет, но лишь половину того, что некогда подносилось его предшественникам. И вообще, щедрость нового правителя не знала предела. Столичные жители неоднократно получали от него вспомоществование. Когда в 141 году скончалась императрица Фаустина, сенат немедленно причислил ее к сонму богов, и по всей империи принялись, как обычно в таких случаях, возводить в ее честь храмы и устраивать для народа зрелища и игрища. А сам Антонин сделал нечто до тех пор неслыханное — основал фонд имени покойной жены для оказания помощи неимущим девушкам. Как видим, столь популярное в последующие века обыкновение богатых людей основывать фонды помощи неимущим слоям населения имеет очень древнюю, еще антонинскую традицию. Антонин же не ограничился только одним этим благородным поступком, он из личных средств помогал нуждающимся и в дальнейшем, благо в поводах не было недостатка: землетрясение в Малой Азии и на острове Родос, пожары в Риме, Антиохии,

Карфагене, наводнения и другие стихийные бедствия. Государь восстанавливал разрушенное и строил новое, по всей стране велись широкие строительные работы.

Наиболее известным архитектурным сооружением того времени является возведенный на римском Форуме храм в честь обожаемой супруги цезаря, а после смерти Антонина он стал памятником и ему. Надпись на фронтоне храма гласила, что он возведен в честь Божественного Антонина и Божественной Фаустины. Храм неплохо сохранился, поскольку впоследствии был преобразован в церковь Сан-Лоренцо (*San Lorenzo in Miranda*). На высоком подиуме, к которому ведут ступени из кирпича, у фасада храма возвышаются шесть мраморных колонн, каждая высотой в 17 метров, а еще по две с двух сторон храма. Они поддерживают богато орнаментированный фриз.

Не забыл Антонин Пий и о своем предшественнике и названном отце. В его честь он возвел храм на Марсовом поле, от которого сохранились лишь 11 мраморных колонн, украшающие теперь современное здание биржи на площади святого Петра (*Piazza di San Pietro*). Скульптуры, представляющие персонифицированные изображения римских провинций, сейчас находятся во дворце реставраторов на римском Капитолии и в Национальном музее города Неаполя. И наконец, именно Антонин Пий завершил работы по строительству мавзолея Адриана, то есть, как уже говорилось, теперешнего замка святого Ангела, и реставрации Пантеона.

Как известно, из всех памятников минувших эпох лучше всех сохраняются выдающиеся литературные произведения, они же и пользуются наибольшей известностью. И в описываемую эпоху были созданы такие, ибо в правление Антонина Пия начинали свою

литературную деятельность два знаменитых автора, чьи произведения в последующие века читались и перечитывались.

Первый из них — Лукиан, грек из сирийской Самосаты. Особым успехом пользовались его «Разговоры в царстве мертвых». Идея этого цикла сатирических эссе очень простая: на том свете встречаются и беседуют люди, бывшие на земле ярыми противниками или вообще жившие в разные эпохи. Это всё знаменитые, известные личности. Современникам писателя очень интересно было узнать, что *теперь* эти люди могут сказать о своих прошлых подвигах и достижениях, как оценивают минувшее, глядя на него с высот прошедших десятилетий и веков, и что думают о настоящем. Чтение очень поучительное, идея Лукиана не раз использовалась в истории человечества, когда писатели «предоставляли слово» знаменитостям разных столетий.

Второй писатель, достойный упоминания, тоже прозаик, но писавший по-латыни. Это Апулей, уроженец Северной Африки. Он прославился замечательным романом «Золотой осел». В нем повествуется о судьбе молодого человека Луция, который, путешествуя по Греции, был случайно превращен в осла и в таком виде пережил множество разных приключений, пока, в конце концов, не обрел вновь человеческий облик благодаря богине Изиде. Поначалу фривольное и даже откровенно эротическое произведение к концу приобретает и религиозный пафос и даже склоняется к мистицизму. Это, пожалуй, одно из лучших литературных произведений, оставленных нам древними. Некоторые из отдельных глав романа, как, например, глава об Амуре и Психее, достойны называться жемчужинами мировой литературы. Дошла до нас и подлинная историческая деталь, относящаяся к судьбе самого автора. Он женился на очень богатой вдове,

намного старше его, и был формально признан виновным в том, что добился ее расположения колдовством.

А как обстояло дело с наукой? В этом отношении время правления Антонина Пия отмечено выдающимся достижением. Именно тогда были опубликованы труды великого греческого ученого Клавдия Птолемея, жившего в Александрии математика, астронома, астролога и географа. Он суммировал веками накопленные к тому времени познания человечества в этих областях. По его имени названа модель описанного им космоса, в котором Земля является центром Вселенной, и эта модель удержалась многие века, вплоть до открытия Коперника уже в эпоху Возрождения, а на практике и еще дольше. Очень ценными для нас являются и географические изыскания Птолемея, в них есть упоминание о польских и соседних с ними землях.

С годами Антонин стал горбиться, с трудом выпрямлялся. Для него это было совершенно невыносимым — мы ведь помним, что это был человек высокого роста, стройный, видный. Римскому императору не пристало горбиться, склоняться до земли, — полагал Антонин. Чтобы избежать этого, он привязывал себе на грудь и на спину липовые досочки; пожалуй, это было единственным огорчением после более чем двадцатилетнего правления империей. Антонину не пришлось испытывать физических страданий, подобных мучениям Адриана, равно как и нравственных терзаний из-за преемственности власти. Сам Адриан указал Антонину людей, которых следовало усыновить, чтобы те стали его наследниками. К этому времени оба они, и Луций и Марк, стали взрослыми и в любую минуту были готовы перенять власть. Особенно близок императору был старший из них, Марк,

которому император, как мы помним, дал в жены свою дочь Фаустину Младшую, разорвав ее обручение с Луцием.

Когда в начале марта 161 года Антонин Пий почувствовал приближение смертного часа, он официально передал Марку заботу о государстве и золотую статую Фортуны. Император скончался без особых страданий после трех дней болезни (видимо, гастрит) в своей любимой резиденции Лориум, недалеко от Рима, где некогда прошло его детство. Это произошло 7 марта.

ЛУЦИЙ ВЕР

Lucius Ceionius Commodus

15 декабря 130 г. — нач. февраля 169 г.

С 25 февраля 138 г. именовался

Lucius Aelius Aurelius Commodus.

Правил под именем *Imperator Caesar*

Lucius Aurelius Verus Augustus

с 7 марта 161 г. до нач. февраля 169 г.

Причислен к сонму богов

После кончины Антонина Пия власть перешла к двум его приемным сыновьям, Марку Аврелию, который до 139 года носил имя Марка Анния, и Луцию Коммоду, которого впоследствии стали называть Луцием Вером. Они и стали править вдвоем в полном — по крайней мере, так казалось — согласии. Первый раз за всю историю Рим получил сразу двух императоров, признававших друг друга и помогавших друг другу. Вот задача — в каком же порядке представить этих государей и их деяния? Вроде бы очевидным кажется первенство Марка Аврелия: он старше и по возрасту, и по значительности, правил дольше и завоевал добрую славу в веках. Полагаю, и читатели слышали о нем, а многим ли хоть что-то говорит имя Луция Вера, начинавшего править одновременно с Марком? Он так и остался в тени своего великого коллеги. Так, может, достаточно лишь мельком упомянуть о Луции Вере и сразу перейти к правлению Марка Аврелия? Но тогда бы нарушилась хронология моей галереи римских императоров. Можно, конечно, начать с Аврелия, рядом с его изображением на монете поместить и изображение Луция Вера, но тогда пришлось бы то и дело прерывать изложение истории правления

Аврелия и обращаться к Веру, часто повторяясь. Вот я и решил с этими двумя правителями поступить следующим образом: первым представлю менее значительного и менее известного исторического деятеля.

Итак, Луций Вер. Когда отцу Луция, Цейонию Коммоду, было уже больше 40 лет, его adoptировал бездетный император Адриан. Сейчас трудно сказать, что стало причиной такого решения. Цейоний был потомком состоятельного аристократического рода, владения которого находились в основном в Этрурии. Уже не одно поколение Коммодов играло заметную роль в государстве, занимая высшие должности, вплоть до консульской. Современников удивило другое: Цейоний Коммод был уже не молод, и к тому же очень слабого здоровья, — где гарантия, что он сумеет долгие годы твердой рукой управлять страной? Вскоре после усыновления императором Цейоний был назначен наместником Паннонии и командующим армией на Дунае. Он очень неплохо справился со своими обязанностями, но, возвращаясь в Рим, внезапно умер от сильного кровотечения из горла, что, возможно, говорило о туберкулезе легких. Его сыну было в то время всего 8 лет. Престарелому и тоже больному Адриану пришлось избрать другого преемника, Антонина Пия. Император повелел ему усыновить осиротевшего сына Цейония и 17-летнего Марка Анния, впоследствии, как известно, получившего имя Марка Аврелия.

Оба мальчика, несмотря на разницу в возрасте, какое-то время воспитывались вместе под опекой Антонина Пия, ставшего к тому времени императором. Оба учились у одних и тех же учителей. В те времена главными предметами были греческая и римская литература, умение писать речи и поэмы, а также философия. Один из биографов того времени утверждал, что Вер искренне любил своих учителей и был любим ими, однако, как спешит добавить этот же биограф,

мальчик не отличался особыми способностями. Правда, еще юношей он любил писать стихи, а став постарше, стал сочинять и неплохие речи, но не достиг выдающихся успехов ни в одной из этих областей искусства. Биограф прямо написал: «Говорили, что оратор из него вышел лучше, чем поэт, но если уж говорить правду, следовало бы сказать: оратор из него получился плохой, а поэт еще хуже». Правда, кое-какие из творений Луция пользовались успехом, но вряд ли он сам их написал, впрочем, так поступали все влиятельные и богатые люди, причем не только в древнем мире.

Изучив античные источники, отбросив вымысел и злобные инсинуации, можно прийти к выводу, что Луций был нормальным молодым человеком, добрым и веселым, склонным к развлечениям и розыгрышам, но во всем этом соблюдал меру, во всяком случае, до поры до времени. Он любил охоту, игры, занятия спортом, гонки на колесницах. Отрицательное отношение к молодому наследнику престола можно объяснить двумя причинами. Во-первых, его старший приемный брат Марк Аврелий был по природе своей юношей очень серьезным, увлекающимся высокими науками, в том числе философией, так что уже одно сравнение двух наследников было не в пользу легкомысленного Луция. Во-вторых, последнего угораздило родиться 15 декабря, то есть в тот самый день, когда родился — почти сто лет назад — император Нерон, снискавший себе недобрую память. В принципе древние были очень суеверными, и вот некоторые современники Луция, учитывая склонности и пристрастия последнего, сочли, что совпадение дня рождения не случайность, — а вдруг в этом мальчике возродился новый Нерон, только в другой ипостаси? Ведь тот в ранней юности тоже был милым и приветливым и начинал с невинных забав! Древние римляне с боль-

шим уважением относились к астрологии, гороскоп имел огромное значение, а гороскоп Луция очень напоминал гороскоп Нерона. Стоило кому-то высказать такое опасение, как оно тут же стало достоянием молвы и принялось обрастать новыми устрашающими подробностями. Теперь уже любой шаг молодого человека, любой его поступок принимались толковать предвзято. Луций же, как отмечает один из античных писателей, не придавал значения своим недостаткам и не собирался их скрывать, оставаясь простым и естественным, никогда ни в чем не притворяясь. Ему это не помогало, а возможно, даже приносило вред.

Луций вырос — теперь это был мужчина красивый, хорошо сложенный, с благородными чертами лица, орлиным носом. У него были густые светлые волосы, сильно вьющиеся, закрывающие лоб. Прихорашиваясь, молодой человек посыпал их, по тогдашней моде, золотым порошком. Носил он и небольшую бородку, опять же, по моде того времени.

Мужскую тогу он надел в 15 лет. Приемный отец Антонин Пий, тогда уже император, отметил этот день торжественными игрищами. Затем молодой человек принялся делать карьеру, причем консулом стал в очень молодом возрасте, всего в 24 года! Разумеется, об этом позаботился отец, хотя тот же отец недвусмысленно дал понять, что своим наследником считает Марка, дав тому титул цезаря.

В соответствии с волей императора сенат в день смерти Антония Пия, 7 марта 161 года, передал все императорские титулы, звания и привилегии Марку Аврелию. Но тот, ко всеобщему удивлению, попросил считать младшего брата его правомочным соправителем. Разумеется, императору в просьбе не отказали, и тогда Марк Аврелий добавил к титулу брата свое имя — Вер.

Таким образом, была создана неизвестная до тех пор в истории империи форма правления — легальное двоевластие. Решение Марка Антония можно было объяснить не одним лишь уважением к воле покойного императора, но и тем обстоятельством, что сам он в то время еще не имел сыновей (его собственный сын родился несколько месяцев спустя) и хотел подстраховаться, обеспечив себе преемника. А чтобы сильнее привязать к своей семье Луция, сразу же обручил его со своей дочерью, Аннией Луциллой. Но, пожалуй, главной причиной назначения соправителя было желание Аврелия разделить с другим тяжесть управления огромной империей. Особенно когда в стране складывается сложная и опасная ситуация. А именно в тот момент велась тяжелая, изнурительная война с парфянами.

Причиной войны, как и много раз до того, стала Армения, трон которой овладел парфянский князь. Затем от Рима откололись небольшие вассальные государства по границам империи. В одной из битв римский полководец потерпел поражение и сам погиб. Враг вступил в пределы Сирии и разгромил войско ее наместника. В такой ситуации Марк Аврелий поспешил отправить соправителя на борьбу с захватчиками. И не потому, что рассчитывал на его способности военачальника. У Луция Вера не было никакого военного образования, но он был сравнительно молод (в 161 году ему было всего 30 лет, а самому Марку уже за сорок), он был здоров и внешне являлся воплощением идеального римского воина. К нему приставили несколько отличных боевых генералов, в том числе и Авидия Кассия родом из Сирии. Цезарь надеялся, что сам факт появления молодого блистательного императора среди римских войск на Востоке придаст уверенности римским войскам и ошеломит неприятеля.

Отправляясь на войну, молодой император вел себя не слишком воинственно. Начать с того, что он совсем не спешил в район боев, очень уж не хотелось покидать спокойную Италию. Добравшись до юга страны, он предался там развлечениям и даже занемог, объевшись за пиршественным столом. Оклемавшись, тут же отправился на охоту. Добравшись до моря, погрузился со свитой на корабль, который не торопясь плыл по спокойным волнам, оглашая окрестности музыкой и пением. Прибыв в Малую Азию, Луций Вер снова в первую очередь думал о собственных развлечениях. Главные квартиры римской армии были организованы в крупнейших городах Сирии — ее столице Дамаске, Антиохии, а также в чудесных городах Дафне и Лаодикии. Главнокомандующий пребывал там четыре года, не очень-то думая о войне и армии. Именно здесь, вдали от присмотра строгого старшего брата, во всей полноте проявилась легкомысленная натура Луция Вера, не отказывающего себе ни в чем — ни в любовных утехах, ни в изощренных наслаждениях, ни в грандиозных пиршествах и таких же театральных представлениях. В Риме он не мог себе такого позволить, а теперь развернулся вовсю — здесь, в Сирии, он был полновластным императором. Впрочем, на это дело можно взглянуть и с другой стороны: богатейший Восток в сочетании с древнегреческой культурой и искусством, изысканным и утонченным, пробудил в нем дремавшие чувства и склонности, и молодой человек на свободе дал им волю. С кем только Луций не занимался любовью! В том числе с гетерами, замужними женщинами и юношами, посещал подозрительные забегаловки и публичные дома, часто переодевшись и без сопровождения. Принимал участие в уличных потасовках. Все это очень напоминало похождения молодого Нерона, но в отличие от того, Луций Вер ни тогда, ни позже

никого не наказывал, пользуясь своей властью, тем более никого не приговаривал к смертной казни, чтобы присвоить имущество казненного. Да и вообще, в нем не замечалось никаких амбиций властителя с неограниченной властью, что наверняка высоко ценилось Марком Аврелием и его сторонниками. Солидные римские политики, в их числе и император, сокрушались по поводу легкомысленного поведения Луция, но, возможно, в глубине души были этому рады — чем бы дитя ни тешилось... Было бы хуже, если бы такой цезарь пожелал всерьез воспользоваться полнотой государственной власти, имея в руках большие воинские силы. Тогда неизбежны оказались бы столкновения между соправителями — не исключено, что могло дойти и до вооруженного конфликта.

Пока же Луций Вер с головой окунулся в наслаждения в роскошной Сирии, его военачальники не теряли времени даром — сражались и побеждали. И прежде всего Авидий Кассий. Римские войска вытеснили парфян из пределов империи и вступили в Армению, Месопотамию, Медию. Каждая победа приносила императору прибавление к его титулу почетных званий *Armeniacus*, *Parthicus*, *Medicus*, — Армянский, Парфийский, Медийский (помните — Потемкин Таврический?), хотя сам император лязг мечей слышал лишь на театральных представлениях или наблюдая бои гладиаторов на потребу публики. Правда, в 164 году ему пришлось подчиниться давлению придворных и ненадолго появиться перед войсками на Евфрате, чтобы поднять боевой дух армии, но Луций поспешил оттуда живенько сбежать, причем под благовидным предлогом: поспешил в Эфес, чтобы встретить свою невесту, Аннию Луциллу, дочь Марка Аврелия, с которой обручился три года назад. Теперь же в Риме решили отправить девушку в Эфес и там сыграть свадьбу молодых, видимо, в надежде

как-то остепенить распоясавшегося жениха. Впрочем, трудно с определенностью утверждать, не были ли преувеличены слухи о бесшабашном поведении Луция. Самим своим присутствием Луцилла должна была оказать на мужа сдерживающее влияние.

В 166 году был заключен выгодный для Рима мир, и Луцию Веру уже не было необходимости оставаться в Сирии. Неохотно расставался он с этой страной. Чтобы утешиться, прихватил с собой в Италию множество актеров, музыкантов, циркачей обоего пола. Часть из них сопровождала императора во время его триумфального въезда в римскую столицу. Впрочем, триумф совершали оба императора: Марку Аврелию тоже были присвоены все названные выше почетные звания, хотя последний был еще дальше от фронта военных действий, чем Луций.

А теперь придется сменить несколько легкомысленный и разухабистый тон повествования о первых годах царствования двух императоров и перейти к более серьезному — речь пойдет о трагических событиях в истории Римской империи.

Возвращающиеся с фронтов римские армии и их триумфальный въезд в Рим сопровождал невидимый и нежеланный гость — болезнь. Армии привезли с собой в Италию эпидемию. Она вспыхнула в Селевкийи и оттуда распространилась по всем провинциям Римской империи. Эта эпидемия считается едва ли не самой страшной в античные времена, хотя в древнем мире эпидемии вспыхивали нередко, пусть и не так часто, как в Средние века. В древности, в отличие от Средневековья, больше соблюдались правила гигиены, в Древней Греции и в Древнем Риме повсеместно применялись принципы всеобщей гигиены, там любили купания и бани, занятия спортом на свежем воздухе, строились водопроводы со свежей проточной водой из горных источников. И тем

не менее даже в древнем мире время от времени вспыхивали страшные эпидемии, уносящие много человеческих жизней, особенно в крупных городах. Что же касается эпидемии 166 года — какая болезнь тогда свирепствовала, точно так и не удалось установить, — то она поистине приняла размах пандемии, хотя современники еще этого не понимали. Ее губительное влияние на человеческую цивилизацию усугублялось еще и тем, что болезнь разразилась в момент глобального нападения на Римскую империю варварских племен, преимущественно германских в Центральной Европе. Эпидемия явилась тем камешком, что вызвал катастрофический обвал лавины всех последующих событий, приведших спустя несколько десятков лет к катастрофическому кризису Римской империи.

Таких напастей Римская империя давно не знала. Всколыхнулись все варварские племена, жившие по границам империи, не только парфяне. Императору пришлось метаться от одной границы к другой, чтобы не допустить врагов вглубь страны. В самом Риме свирепствовала эпидемия, а Луций Вер предавался там пирам и развлечениям. И опять же, нам неизвестно, следствие ли это его легкомыслия или продуманная политика пира во время чумы, — всё рухнет, все гибнут, я и сам могу помереть в любой момент, так пусть хоть день, да мой! В своей вилле на *via Clodia* он закатывал грандиозные пиры, участники которых разъезжались по домам с роскошными подарками. Для простого народа цезарь организовывал увлекательные зрелища, на спортивных соревнованиях царил ажиотаж, особенно на гонках колесниц. Сам император был болельщиком Зеленых, что обычно приводило к столкновению с фанами других цветов, а особенно с Голубыми. В честь самого знаменитого коня Зеленых отлили золотую статуэтку, с которой император не

расставался, а когда конь сдох, похоронил его в гробнице в Ватикане.

Все эти экстравагантности Луция Вера не могли нравиться серьезному Марку Аврелию, но он очень тактично проявлял свое недовольство. Когда, например, Луций Вер пригласил его к себе на очередной роскошный пир, император провел пять дней в доме своего брата, зятя и соправителя, но все эти дни работал в особом помещении и занимался там государственными делами, в том числе рассматривал и судебные тяжбы, в то время как неисправимый Луций все время лишь развлекался. Случались и другие поводы для недоразумений. Сразу же после возвращения из Сирии Луций с разбегу позволил себе проявить больше самостоятельности и даже издавал отдельные постановления, не посоветовавшись с братом. Марк Аврелий не выносил некоторых приближенных брата и не скрывал этого. Однако до открытого конфликта дело никогда не доходило, за что следует уважать обоих. Ведь самое трудное — поделиться властью. И в самых серьезных случаях Луций Вер всегда подчинялся авторитету брата.

Тем временем на севере вновь сгущались тучи, Риму грозили обвальные вторжения германских племен и сарматов. Граница по Дунаю оказалась нарушенной в нескольких местах, варварское половодье затопило альпийские и паннонские провинции. Пройдя через горы, маркоманы и квады вторглись в пределы Италии и осадили Аквилею. Оба цезаря возглавили армию и повели легионы к границам империи. Происходило это осенью 167 года. Поскольку уже много лет нога врага не ступала на римскую землю, римляне отвыкли воевать и солдаты испытывали робость. В такой ситуации присутствие среди воинов верховных правителей было весьма желательно, хотя ни тот ни другой не отличались особой боевитостью и не

имели военного опыта. Марк Аврелий выполнял свой воинский долг с полной отдачей и со всей решительностью, как, впрочем, он выполнял и все другие государственные обязанности. Луций Вер ограничился тем, что во всем следовал брату. Правда, под Аквилею молодой цезарь нередко предпочитал охоту исполнению воинского долга, но когда германцев заставили снять осаду с Аквилеи и они поспешили скрыться за Альпами, Луций отправился вместе с братом дальше, за Дунай.

После того как враг был отогнан и граница укреплена, Луций принялся убеждать брата поскорее вернуться в столицу. Оба цезаря решили возвращаться в Италию. Происходило это в начале 169 года. Из Аквилеи они на одном рыдване двинулись в направлении к Патавиуму, современной Падуе. Когда уже подъезжали к Альтинуму, Луций пережил апоплексический удар, в результате которого потерял речь и через три дня умер. Было ему 39 лет, а царствовал он 8 лет.

Марк Аврелий до конца оставался лояльным по отношению к брату. Он повелел поместить прах Луция в мавзолей Адриана и добился в сенате зачисления покойного в сонм богов.

Подводя итоги, можно сказать, что Луций Вер был первым из «божественных цезарей», который не имел никаких заслуг перед империей. Правда, он не запятнал себя никаким политическим преступлением и даже не был замечен в злоупотреблении властью. Последнее при определенных обстоятельствах тоже можно счесть заслугой.

МАРК АВРЕЛИЙ

Marcus Annius Catilius Severus

26 апреля 121 г. — 17 марта 180 г.

Со 130 г. именовался *Marcus Annus Verus*,

а со 139 г. *Marcus Aelius Aurelius Verus Caesar*.

Правил с 7 марта 161 г. до 17 марта 180 г. как

Imperator Caesar Marcus Aurelius Verus Augustus.

Был причислен к сонму богов

ДВА ПОРТРЕТА

Этого цезаря наши современники могут легко представить по его превосходному конному портрету, хорошо сохранившемуся. Причем мы получаем представление не только о внешнем облике императора. Автору скульптуры удалось передать нечто большее: и характер императора, и суть его правления. Как уже сказано, бронзовый монумент неплохо сохранился.

Портрет особенно хорошо знаком нам, полякам. Ведь каждый образованный поляк знает хрестоматийное описание Марка Аврелия в поэме Адама Мицкевича «Дзяды».

Сулят народам счастье и покой
Его глаза. В них мысли вдохновенье.
Величественно поднятой рукой
Всем гражданам он шлет благословенье.
Другой рукой узду он натянул,
И конь ему покорен своенравный,
И, кажется, восторгов слышен гул:
«Вернулся цезарь, наш отец державный!»
И цезарь едет медленно вперед,
Чтоб одарить улыбкой весь народ.

Скакун косится огненным зрачком
 На гордый Рим, ликующий кругом.
 И видит он, как люди гостю рады.
 Он не заставит их просить пощады.
 И дети близко могут зреть отца,
 И мнится — ждет бессмертье мудреца,
 И нет ему на том пути преграды¹.

Преграды к бессмертью и в самом деле нет, Марк Аврелий был причислен к сонму богов, а среди людей навечно снискал признательность.

Но давайте вернемся к Мицкевичу, к третьей главе его «Дзядов». Помните сценку? Там, где речь идет об А. Пушкине и А. Мицкевиче. «Укрывшись под одним плащом, стояли двое в сумраке ночном» перед Медным всадником в Петербурге.

Один, гонимый царским произволом,
 Сын Запада, безвестный был пришлец,
 Другой был русский, вольности певец,
 Будивший Север пламенным глаголом...
 Гость молча озирает Петров колосс,
 А русский гений тихо произнес:

Вершителю столь многих славных дел
 Воздвигла монумент Екатерина.

Тут скакуну немедля шпоры дал
 Венчаннный самодержец в римской тоге,
 И вихрем конь взлетел на пьедестал,
 И прынул ввысь, над бездной вскинув ноги.

Царь Петр коня не укротил уздой,
 Во весь опор летит скакун лихой,

Пер. А. Мартынова.

Топча людей, куда-то буйно рвется,
Сметая всё, не зная, где предел,
Одним прыжком на край скалы взлетел,
Вот-вот он рухнет вниз и разобьется,
Но век прошел — стоит он, как стоял...

Это — портрет Петра, его России. Нам же пора вернуться к седой древности. Цитируя поэму Мицкевича дальше:

Нет, Марк Аврелий в Риме не таков.
Народа друг, любимец легионов,
Средь подданных не ведал он врагов,
Доносчиков изгнал он и шпионов.
Им был смирен домашний мародер,
Он варварам на Рейне и Пактоле
Сумел не раз кровавый дать отпор, —
И вот он с миром едет в Капитолий.

В Древнем Риме на чудесной площади между тремя дворцами некогда был воздвигнут этот памятник, представлявший цезаря на коне. Уникальное по тому времени произведение искусства: самый старый из сохранившихся до наших дней прообраз неисчислимого множества подражаний. Всадник на коне с тех пор стал непременной принадлежностью всякого мало-мальски уважающего себя города. Первоначально памятник установили на площади Латерана, и там, некогда позолоченный, он простоял с древнейших времен. На Капитолий перенесли его в 1538 году. Просто удивительно, что столько времени, столько столетий, он простоял в целости, не пострадав от исторических и природных потрясений. Ведь хорошо известно, с каким ожесточением расправлялось человечество на протяжении веков со всеми памятниками минувших эпох. Особенно пострадали от воинствующего христианства памятники

языческой культуры, когда скульптуры греческих и римских богов или просто безжалостно разрушали, или переплавляли в изображения христианских святых. Марка Антония, по всей вероятности, спасло то обстоятельство, что его приняли за статую Константина Великого, столь чтимого христианами. В настоящее время вы не увидите у Капитолия этот памятник, поскольку он очень пострадал от вредной для бронзы атмосферы большого города и им вынуждены были заняться реставраторы¹. Остается надеяться, что им не придется в голову опять покрыть бронзу позолотой. Есть нехорошая примета: когда весь памятник опять целиком засияет золотом, наступит конец света.

Судьба оказалась милостивой к Марку Аврелию. Сохранился не только его конный монумент, но и письменное свидетельство эпохи — его духовный автопортрет. И до Марка Аврелия многие из сильных мира сего писали дневники, в том числе и египетские фараоны, не говоря уже о великих полководцах, королях и прочих правителях. Однако, как правило, эти записи сводились к перечислению войн, триумфов, покоренных стран и племен, возведению храмов и других великих построек. Очень редко за таким официальным перечнем достижений просматривалась личность человека, свершавшего великие деяния. Дневник Марка Аврелия представляет собой уникальное явление, в нем главное — его мысли, рассуждения, изложение его взглядов, в общем, взгляд на самого себя как бы изнутри и одновременно с этим попытка определить свое место в мире. Это почти невероятно: вот перед нами во всей полноте предстает, так сказать, ментальность, психика, мироощущение человека, жившего семнадцать веков до нас, неглупого, честного и наверняка правдивого. К тому

Книга А. Кравчука в польском издании вышла в 1986 г.

же не простого человека, ведь от его воли зависели судьбы миллионов людей, судьбы стран и целых народов. Ценность «Размышлений» (так ученые назвали дневник Марка Аврелия) не просто историческая, она вневременная, и очень важно, что потомки смогут найти моральную опору в этом документе истинной человечности. И ничего не значат столетия, пролетевшие с тех времен. Мы отлично, без труда понимаем, что именно хочет нам сказать Марк Аврелий. Мы разделяем его сомнения и огорчения, сочувствуем его горестям, ощущению одиночества, даже трагизму. Может быть, именно благодаря этим чувствам, так нам знакомым, слова автора дневника находят отклик в наших душах, и в них мы сами находим утешение и бодрость. Переведенный почти на все европейские языки, дневник Марка Аврелия читался и перечитывался на протяжении столетий, и в каждом веке находились люди, находившие в нем ответы на свои проблемы и сомнения. «Размышления» Марка Аврелия написаны по-гречески, что свидетельствует о взаимопроникновении в то время эллинской и римской цивилизаций. Императору было легче излагать свои мысли на греческом языке, в ту эпоху язык эллинов был несравненно богаче и гибче латыни, которой особенно не хватало выражения в области философии. Боюсь, в наших странах «Размышления» Марка Аврелия известны не так широко, как они того заслуживают. Вот некоторые фрагменты из них:

Ни на минуту не забывай о том, что тебе, как римлянину и мужчине, надлежит совершить в этой жизни, работай самозабвенно, не щадя себя, свободно и независимо от чуждых влияний. И при этом считай каждую выполненную тобой работу последней в своей жизни, достойной остаться в памяти народной, лишенной ошибок, самолюбования, фальши и лицемерия.

Утром, когда не хочется просыпаться, подумай: меня ждет труд человека. И как я могу быть недовольным, коль скоро примусь за работу, ради которой я родился и был ниспослан в этот мир? Для того ли я создан и родился, чтобы нежиться в постели? Разве ты не видишь, как растения, птицы, муравьи, пауки, пчелы делают то, что им положено, в меру своих сил и уменья способствуют созданию гармоничного мира? А ты не желаешь делать то, что обязан свершать человек. Сама природа человеческая наложила на тебя эти обязанности, а ты не торопишься взяться за них. — Но ведь и отдохнуть надо! — Не спорю, поистине мудрая природа и в этом отвела меру. Как отвела ее в еде и питии. Ты же преступаешь границу потребностей. Преступай, но не в работе! Тут ты пребываешь в «границах возможностей». Или же сам себя недооцениваешь, иначе полюбил бы и свою природу, и ее волю.

Во-первых: ничего вслепую и ничего бесцельно. Во-вторых: не ставить перед собой других целей, кроме общественного блага. Иначе будешь никем.

Мы слышим слова человека мужественного и мудрого, хорошо познавшего человеческую природу с ее слабостями и недостатками, знакомого с жестокостью судьбы и брэнностью всего земного. И всегда на первый план в «Размышлениях» выступает неуклонное выполнение человеком своих обязанностей и решимость до конца следовать по этому пути. Обязанность перед государством, перед своими ближними, перед богом или богами, создавшими мир таким, каков он есть. Типичная позиция стоиков. Марк Аврелий принял философию стоиков во всей ее полноте, ибо она полностью совпадала с полученным им воспитанием и образованием и как нельзя больше соответствовала его натуре — честного и

ответственного человека, а его «Размышления» (адресованные к себе самому) являются одним из самых известных трактатов стоиков.

СЕМЬЯ

Родиной прадеда императора, Марка Анния Вера, была Испания. Он первым в роду удостоился звания сенатора. Дед его, носивший то же имя, начал свою политическую карьеру еще при Веспасиане, а при Адриане трижды становился консулом и был префектом стольного города Рима. Его дочь вышла замуж за Антония Пия, когда тот еще не был цезарем; а сын умер молодым, достигнув лишь звания претора. После сына осталось двое малолетних детей. Сыну было всего девять лет, к родовому имени Марк Анний он добавил третье — не Вер, а Катилий Север, по деду с материнской стороны. Именно ему суждено было впоследствии стать императором.

И тут опять вернемся к «Размышлениям», в которых будущий император с теплотой говорит об отце, хотя и плохо его помнил:

Доброму имени отца и памяти о нем обязан я приверженностью к скромности и унаследованным от него мужским характером. Богам же я обязан тем, что даровали мне хорошего деда, добрых родителей, милую сестру, отличных учителей, заботливых домашних, внимательных родных, верных друзей и просто людей. Им же я обязан и тем, что сам не обидел никого из них, хотя по своему характеру иной раз и смог бы это сделать.

Кратко, четко человек воздал должное людям, среди которых прошла его жизнь, а перед читателем предстала одновременно и личность автора.

Немного подробнее написал Марк о своей матери, Домиции Луцилле. Он имел возможность ее узнать лучше, чем отца, поскольку она пережила мужа почти на двадцать лет.

Мать провела у меня свои последние годы, хотя и не дожила до старости. Ей я обязан набожностью и стремлением делать людям добро, а также нетерпением не только к несправедливости, но и самой мысли о ней. Примером для меня стал ее образ жизни — простой, далекий от излишеств богатых людей.

Когда мальчик потерял отца, его стал воспитывать дед, тот самый трехкратный консул и мэр столицы Римской империи. Жили они в доме на площади Латерана, там, где позже был возведен храм святого Иоанна. В «Размышлениях» упоминаются спокойный нрав деда и его ровное отношение ко всем гражданам. Тут имеет смысл упомянуть и о некотором пикантном факте в уже цитировавшемся дневнике Марка Аврелия. Воспитывавший мальчика дед, хотя и был уже очень почтенного возраста, имел любовницу, и именно ей неосторожно доверил опекать мальчика. Из записей в дневнике следует, что упомянутая девица понимала воспитание слишком однозначно, во всяком случае Марк благодарит богов за то, что его опекунейшей та была не слишком долго, «а я сохранил невинность. И не стал прежде-временно мужчиной, оставшись чистым даже долее положенного времени». А ведь по всему видно, что невзирая на увлечение философией и глубокую порядочность благородный отрок во всем остальном оставался обычным юношей со всеми сложностями переходного возраста. Об этом он тоже оставил записи в дневнике, заметив, что «хотя не связался ни с Бенедиктой, ни с Теодотой», пережил любовные перипетии

и исцелился, а впоследствии в законном браке имел тринадцать детей!

В феврале 138 года Марка adoptировал муж его тетки Антонин Пий, уже избранный императором Адрианом своим преемником. И вот юноша опять, уже достигнув 17-летия, меняет фамилию и опекуна. Названный отец, человек высокой культуры и твердого характера, оказал на него огромное влияние. Во всяком случае, так следует из длинного перечня в «Размышлениях» похвал добродетелям и заслугам Пия, которые якобы автор перенял от него. Признаться, не всему доверяешь в данном случае, ведь косвенно тем самым автор превозносит и себя. Судите сами. Оказывается, Марк обязан своему новому отцу такими чертами характера, как мягкосердечие, сдержанность, равнодушие к чинам и почестям, трудолюбие, выдержка, справедливость, общительность, терпение, скромность, трезвый образ жизни, постоянство, умение довольствоваться малым, вежливость, забота о здоровье и гигиене, умеренность в устройстве игрищ и строительстве, а также умение обходиться в своем дворце без роскоши, без охраны, без дорогих одежд. Впечатляющий список добродетелей, и это только фрагмент главы, посвященной Антонину Пию.

Находит Марк доброе слово и для брата Луция, видя особую милость богов в том, что они «такого мне ниспослали брата, который заставлял меня быть особенно внимательным к моим чувствам, и вместе с тем радовал меня своим уважением и любовью ко мне».

Несомненно, семейное воспитание оказало большое влияние на формирование личности будущего императора Римской империи. И все же, пожалуй, главную роль в этом сыграли воспитатели и учителя.

УЧИТЕЛЯ

Список с именами учителей Марка Аврелия приведен в первой книге «Размышлений». Следует выделить два имени, хотя бы потому, что о них мы знаем и по другим источникам, а литературные произведения этих людей в отрывках дошли и до наших дней. Это Геродот Аттик и Корнелий Фронтон. Первый обучал будущего императора греческому языку и его правильному произношению, второй занимался с юношей латынью. Стоит, однако, упомянуть и скромного учителя рисования, Диогнета, который, по словам его знаменитого ученика, привил своему подопечному «отвращение к мелочам и глупой суеверной чепухе, научил не верить колдунам и чародеям, якобы умеющим изгонять злых духов», зато уже в молодом возрасте пробудил у своего ученика «интерес к философии и сочинению диалогов, а также приохотил к простому ложу, прикрытому шкурой». Видимо, этот учитель был из последователей киников, призывавших к аскетизму, простоте и возврату к природе, считая это средством обретения духовной свободы.

Однако наибольшее влияние на будущего императора оказали стоики, то есть философы, считавшие главным стойко и мужественно переносить жизненные испытания и твердо выполнять свой долг по отношению к людям. Именно под их влиянием к 20 годам окончательно сформировались взгляды молодого человека, который позже «благодарил богов за то, что при всей любви к философии не попался в сети ни одного из многочисленных мудрецов, не поддался их призывам потратить жизнь на разрешение силлогизмов или на изучение тайн небесной сферы».

Сенатор и бывший консул Юний Рустик, философ-стоик, по признанию Марка, научил его воспитывать свой характер, предостерег перед желанием

блеснуть острым словом или блестящей речью, ибо важна не форма, а смысл сказанного. Он научил Марка простому и ясному изложению мысли, научил писать простые, краткие письма, а главное, приохотил молодого человека к чтению. Марк очень много и охотно читал. Именно Рустик подарил ему экземпляр трудов Эпиктета. Этот знаменитый философ-стоик, к тому времени уже умерший (в 135 г.), бывший раб, пользовался таким авторитетом у римлян, что у его ног усаживались самые уважаемые римские ученые и вельможи, ловя каждое его слово. Среди внимавших был и Флавий Арриан, записавший высказывания Эпиктета. Его записи сохранились до наших времен, чтение их производит незабываемое впечатление.

Вторым стоиком, окончательно обратившим Марка в эту «веру», был некий Север, о котором мы знаем очень мало. Однако наверняка он был заметной личностью, если уж Марк Аврелий упомянул его в своих «Размышлениях». Во-первых, Север конкретно назвал своему ученику стоиков из числа его современников и рассказал об их жизни и деяниях, а во-вторых, именно он развернул перед будущим императором «понятие демократического государства, где все равны перед законом, где все держится на равенстве и справедливости; а также представил суть такой монархии, которая превыше всего ставит свободу подданных». Это слова самого Марка Аврелия! По этим словам мы можем оценить государя, понять, чем он руководствовался в своем правлении, что было его идеалом, к чему он стремился, управляя империей. Возможно, ему не во всем удалось реализовать эти принципы, но и сегодня мы должны с уважением и признательностью оценить политическое кредо римского императора.

Марк Аврелий навсегда сохранил уважение к своим учителям и считал особой милостью богов возможность хоть как-то их отблагодарить. Рустика он сде-

лал своим советником и вторично назначил консулом, а после смерти ему воздвигли памятник, как, впрочем, и Фронтону. У себя в домовом храме Марк Аврелий хранил золотые изображения всех своих учителей. Не забывал посещать и места их захоронений, чтобы возложить дары.

ФАУСТИНА

Было бы ошибочно думать, что в молодости Марк Аврелий жил только философией, проводя все время в учении, чтении и научных диспутах. Учение стоиков предполагало самым главным для полноценного человека неуклонно исполнять все, что входит в обязанности человека и гражданина. Поскольку Марк происходил из очень старинного аристократического рода, он должен был с самых юных лет традиционно выполнять все повинности, налагаемые на него обычаем. Ему не было еще и восьми лет, когда его зачислили в члены древнейшего религиозного ордена салиев, а затем с каждым годом на него сыпались всё новые почетные звания, а с ними и обязанности. Мужскую тогу он надел в 15 лет, а уже через пять лет стал консулом на пару со своим названным отцом, Антонином Пием. Пий обходился с юношей как с любимым сыном. Проживали они преимущественно в одном дворце, а за все двадцать три года правления Антонина Пия расстались всего на два дня. И без того тесную связь между императором и его преемником укрепил в 145 году брак Марка с Аннией Галерией Фаустиной, дочерью Антонина Пия, которую называли Фаустиной Младшей в отличие от ее матери, Фаустины Старшей. Создалась необычная ситуация, поскольку Марк оказался зятем своего же отца, хоть и названного.

Они прожили в браке 13 лет, до смерти Фаустины в 175 году, и у них родилось тринадцать детей, большинство из которых умирало или в младенчестве, или совсем молодыми, еще при жизни родителей. Странно, ведь в распоряжении императора были лучшие медики той эпохи, в том числе и знаменитый врач Гален, и отпрыски цезаря ни в чем не испытывали нужды. Родители их любили и тяжело переживали гибель детей.

Какова была эта женщина и какой она оказалась женой? Муж выставил ей наилучшее свидетельство: «Благодарю богов за то, что моя жена столь же послушная, сколь и любящая». А вот древние историки оставили нам совсем другое описание этой матроны. По их словам, Фаустина была не только неверной женой, но и просто распутницей. Любовников она выбирала себе среди актеров, гладиаторов и моряков. Якобы именно некий гладиатор был настоящим отцом Коммода, которого ни о чем не подозревающий император назначил своим наследником. Действительно ли Марк Аврелий ничего не знал о том, что творилось в его семье, или только не хотел знать? Некоторых из тех, кто считался любовниками жены, он назначил на очень высокие должности. Цезарю приписывают слова, якобы сказанные им после того, как ему раскрыли глаза на вероломство жены и поинтересовались, почему же он не только не отдал ее от себя, но и не предал смерти. Он якобы ответил: «Я не могу прогнать ее, тогда мне бы пришлось вернуть и ее приданое». Под приданным подразумевалась империя.

Трудно решить, сколько правды было в описании супружеских измен Фаустины. Разумеется, можно это было приписать врагам Марка Аврелия, а во все века самым распространенным способом унижить и осмеять политика было объявление его рогоносцем. Самый мерзкий прием и самый трудный для опроверже-

ния. Как бороться с такими инсинуациями, зачастую сводившимися к намекам, ничем не доказанными, ранимыми исподтишка, оскорбительными для обоих супругов? В тех случаях, когда нет веских доказательств измены, броситься защищать свою честь означало бы в большинстве случаев уподобиться мерзавцу — так или иначе пришлось бы копаться в изливаемых им мерзостях. В случае с Марком и Фаустиной можно было бы привести много доводов в их пользу и легко объяснить появление слухов, порочащих честь императрицы.

Взять хотя бы случай с сыном императора Коммодом. Сын и наследник Марка очень отличался от отца во всем, что касалось интеллекта, психики и морали. Вот досужие умы и занялись вопросом — с чего бы это? Как у такого умного, благородного и культурного монарха могло родиться такое чудище — полный болван, вырожденец? Наверняка его настоящим отцом был какой-нибудь из гладиаторов, раз парень просто обожал их бои и старался всегда пребывать в их компании? И не имело никакого значения, что в истории было сколько угодно примеров того, как разительно сын отличался от отца, какими ничтожествами могут быть потомки великолепных родителей. Еще Сократ занимался этой проблемой, а в наше время над ней ломают головы многие ученые мужи в научно-исследовательских институтах.

Недругов императора обескураживала полная невозможность обвинить этого кристально честного человека в чем-то предосудительном, вот они и набрасывались на его супругу, не отличавшуюся столь высокими нравственными достоинствами, приписывая ей вымышленные прегрешения и обвиняя во всех смертных грехах. И их нисколько не смущало то, что грехи ее были высосаны из пальца. Главное — пустить сплетню, а уж всегда найдутся желающие ее

подхватить. Вот и старались злословящие, в меру своей испорченности выдумывая все более изощренные и несуразные похождения, и чем несуразнее они были, тем охотнее подхватывала их чернь.

Известно лишь то, что сам Марк Аврелий никогда не подозревал жену в измене, напротив, любил ее и уважал. Они редко расставались, супруга сопровождала цезаря не только в его путешествиях, но и в военных походах. Когда она в 175 году скончалась, Марк Аврелий похоронил ее с величайшими почестями.

ВОЙНЫ

А войны в царствование Марка Аврелия следовали одна за другой почти непрерывной цепочкой. Словно судьба испытывала императора на прочность — действительно ли он настоящий стоик, не только на словах, но и на деле? И способен ли по-мужски выносить все испытания, выпадавшие ему на долю? Достаточно вспомнить о бесконечных войнах в начале его правления и величайших в истории древнего мира стихийных бедствиях. Марк Аврелий не был воином по натуре, скорее, как правитель, он склонялся к мирному решению государственных проблем. Правда, в самом начале царствования, когда возникла необходимость вести на Востоке войну с парфянами, вторгшимися в Армению, он отправил туда своего сводного брата Луция Вера. Но тогда такое решение была вызвано очень важной причиной — власть только перешла в руки нового цезаря, в империи неспокойно, то и дело появляются претенденты на верховную власть, стране грозит разруха и гражданская война. Не мог в этой ситуации новый цезарь бросить все дела и отправиться с войском в дальние края. В Британии легионы собирались объявить цезарем своего ставленника, за

Рейном восстали германские племена, туда тоже было послано римское войско. А в самой Италии потребовалось бороться с катастрофическими последствиями наводнения: когда Тибр вышел из берегов в 162 году, за этим последовали неурожай и голод.

Большое беспокойство вызывало положение на Дунае. Великое переселение народов было вызвано там нападением готов на земли Центральной и Восточной Европы, агрессор теснил их к Черному морю. Изгнанные из насиженных мест, племена искали новое пристанище. Усиливался их натиск на земли Римской империи, главным образом в районе среднего течения Дуная. Поначалу до Рима доходили лишь отдельные сигналы об опасности, но после 166 года, года победного триумфа Марка Аврелия и Луция Вера после разгрома парфян, опасность стала реальностью.

Германские племена прорвались через границу, самыми опасными из них были маркоманы и квады, жившие на землях современных Чехии и Словакии, но к ним присоединились и соседи, причем не только германцы. Все они требовали разрешения поселиться на территории Римской империи, а поскольку в этом им было решительно отказано, безудержно ринулись вперед, круша все на своем пути. Под их напором пали альпийские провинции, но это не остановило агрессоров, маркоманы, перейдя горы, добрались до Аквилеи на Адриатическом побережье. Болезненный удар по империи удесятирила опасность эпидемии, принесенной войсками, возвратившимися с Востока.

Осенью 167 года оба цезаря опять отправились на войну, чтобы остановить варварское нашествие и освободить Аквилею. Луций Вер без особой охоты покинул Рим, а для Марка Аврелия это был первый боевой опыт военачальника, непосредственного командования легионами. К счастью, в его распоряжении были опытные боевые генералы, он же сам отнесся к ново-

му жизненному испытанию со всей серьезностью, как и пристало стоику. И вот результат последовательного стремления честно выполнять свой человеческий долг: любитель философии и искусства проявил себя искусным и отважным полководцем. Неприятеля не только отогнали от Аквилеи, но и вытеснили через Альпы опять за Дунай. Во время возвращения в Италию в начале 169 года умер Луций Вер. Его скоропостижная смерть наверняка тяжело переживалась названным братом, но государственные дела от этого не пострадали. Теперь империей правил один император.

Поскольку цезарь считал необходимым окончательно обезопасить границу по Дунаю, в 169 году он начал новую войну, на этот раз предпринял наступательные действия в этом регионе. Со свойственной ему основательностью, к войне подготовился заранее, для чего разрешил вступить в римскую армию не только свободным гражданам империи, как это было до сих пор, но и некоторым рабам, гладиаторам и жителям балканских провинций, то есть людям, способным к воинской службе. В стране ощущалась нехватка профессиональных солдат. Нельзя сказать, чтобы такой радикальный шаг вызвал энтузиазм в римском обществе. Римский плебс возмущался открыто и не щадил замечаний по адресу императора-философа, который, как они судили, решил всех сделать философами, лишив излюбленного развлечения — гладиаторских боев. Уже одного этого факта достаточно, чтобы четко и верно охарактеризовать царящие в то время настроения среди римлян, думавших лишь о собственных удовольствиях и начисто лишенных чувств патриотизма.

Император же тем временем пытался с наименьшими издержками собрать средства для ведения войны, понимая грозившую империи опасность. И опять же, как смелый человек, не побоялся рисковать своей репутацией, потеряв расположение так называемых

народных масс, не видевших дальше своего носа. Он не поколебался и перед второй возможностью приобрести средства для ведения войны, не прибегая к бремени налогов, тяжких для населения империи. Этим вторым средством стали аукционы на богатые дворцы и содержащиеся в них ценности — дорогие ковры, обстановку, драгоценные обеденные приборы, но и редкие предметы искусства. Причем начал цезарь с себя.

Бои на среднем Дунае, на землях Чехии, Словакии, Венгрии продолжались до 174 года. К сожалению, нам неизвестны подробности этих сражений и их последствий, не сохранилось никаких записей той поры. Но во-первых, приблизительно в это время начал писать свои «Размышления» Марк Аврелий, а во-вторых, сохранилось изображение тех войн, благодаря барельефам, опоясывающим спиральной лентой колонну Марка Аврелия. До сих пор она возвышается на площади Рима, которая так и называется *Piazza Colonna*. Высота ее 40 метров вместе с цоколем, и вознесена она по тому же принципу, что и две предыдущие колонны — уже известная нам и высящаяся до сих пор колонна Траяна и не сохранившаяся колонна Антонина Пия (от нее остался лишь цоколь). На вершине колонны была установлена статуя императора, затем замененная статуей святого Павла. На ленте барельефов представлены эпизоды боев с маркоманами и квадами. Если идея колонны Марка Аврелия и заимствована от колонны Траяна, то по исполнению она во многом отличается от своей предшественницы. Барельефные изображения фигур здесь не столь совершенны, как на колонне Траяна, зато более драматичны, более выразительны.

Войны не знали жалости. Сжигались поселения, не щадили пленных. Один из эпизодов боев, запечатленный на барельефе, позднее был описан в литера-

турном произведении. Речь идет о так называемом чуде дождя. В знойный летний день квадам удалось окружить римский легион в таком месте, где совсем не было воды. Варвары даже не стали уничтожать римлян — сами погибли от жажды. Или сдадутся в плен. Но тут с ясного неба грянул гром, налетела туча, и полился невиданный ливень. Римляне были спасены. Язычники приписали живительную грозу колдовским действиям египетского жреца, а христиане — своим молитвам Иисусу Христу.

Уже сам факт появления такой легенды свидетельствует о том, как много было в то время сторонников новой религии даже в армии. Марку Аврелию наверняка приходилось много раз сталкиваться с христианами, и он мог ознакомиться с принципами новой религии. Каково было его отношение к ней? Поскольку его моральные принципы во многом совпадали с теми, которые проповедовали адепты христианства, мы были бы вправе ожидать если не одобрения учения Христа, то, по крайней мере, терпимости по отношению к его учению. На самом же деле — поразительно, но факт! — цезарь отнесся к христианскому учению отрицательно, даже враждебно, и отнюдь не запретил преследование христиан. Почему? Собственных высказываний Марка Аврелия по этому вопросу не сохранилось, поэтому нам остается лишь делать свои предположения, основываясь на его чертах характера и принципах поведения. Мы уже поняли, что для этого императора главной целью всей его деятельности, а также критериями оценок поведения людей было благо страны со всеми ее ценностями и традициями античного мира. Христианство же по самой своей сути было в этом греко-римском свете чем-то новым и уже поэтому вызывало подозрения и недоумение. Его сторонники создавали недозволенные организации, их обряды были, возможно, и безвредные, но совер-

шенно непонятные, к тому же они совершенно отменяли культурное наследие античного мира. Правда и то, что в годы правления Марка Аврелия, хотя не отмечалось усиления преследований христиан, однако и не пресекались нападения на них. Особенно кровавый характер антихристианские выступления приняли в Лугдуне (современный Лион), где погиб 90-летний епископ Потейнос, а вместе с ним и триста верующих. В самом Риме принял мученическую смерть святой Юстин, автор апологетических посланий.

Однако вернемся к событиям на Дунае. Новая кампания продолжалась до 175 года, велись неустанные бои. Покоренные племена вынуждены были отдать римлянам широкую полосу прибрежной территории по северной стороне реки и согласиться на присутствие римских легионов в глубине их земель. Один из римских гарнизонов был создан на территории Словакии, на реке Ваг, о чем свидетельствует вырезанная в скале надпись в Тренчине. Оттуда было уже совсем недалеко до южных границ Польши. Цезарь меж тем вынашивал гораздо более честолюбивые планы — он хотел создать новую римскую провинцию на левом берегу Дуная, как некогда Траян создал Дакию. И даже две провинции: Маркоманию и Сармацию, которые расположились бы на территориях Чехии и Словакии. Тогда границы Римской империи подошли бы вплотную к отрогам Карпат и Судетов. Осуществлению этих планов помешали неожиданные события на Востоке.

В апреле 175 года поставленный Вером наместником Сирии Авидий Кассий поднял бунт и провозгласил себя римским императором. Этот честолюбивый вояка уже давно вынашивал мысль о предательстве и решил, что сейчас самое подходящее для этого время. Видимо, император уже давно недомогал, а тут кто-то распустил слухи о его смерти. В случае смер-

ти цезаря обычно начиналась междоусобная борьба за власть, вот Кассий и решил обойти всех и первым объявить себя императором. Возможно, у него были основания рассчитывать на поддержку войск и влиятельных сановников, да и себя он считал самой подходящей кандидатурой на этот пост. На его сторону и в самом деле встали некоторые провинции Малой Азии, в том числе Египет и Сирия. В создавшейся ситуации у законного императора не было выбора. Он выступил с войском на Восток, чтобы подавить бунт в самом его начале, сенат же объявил Кассия врагом народа. Не избежать бы гражданской войны, но тут легионеры самого Авидия выступили против узурпатора, вытерпев всего три месяца его правления. И лишь только Марк Аврелий приблизился к войскам изменника, как его солдаты поспешили принести цезарю голову самозванца.

Как и следовало ожидать, цезарь милостиво обошелся и с семьей узурпатора, и с поддержавшими его легионерами. Он счел все случившееся трагической ошибкой и поставил точку. В народе ходили слухи о том, что настоящей виновницей бунта была императрица Фаустина. Когда Марк Аврелий заболел, она якобы отправила Авидию письмо, уговаривая его объявить себя императором, и обещала свою помощь в благодарность за заботу о ней и ее детях. Скорее всего, эту историю сочинили враги Фаустины. Зато точно известно, что императрица требовала от мужа жестоко расправиться со сторонниками самозванца.

Первый раз в жизни Марк Аврелий оказался тогда на Востоке своей империи и решил, раз уж он тут оказался, посетить Египет, известный своими памятниками старины. Оттуда он возвращался через Сирию и Малую Азию, и тут внезапно скончалась Фаустина. На месте ее смерти император основал город, названный ее именем — Фаустинополис. Император тяжело

переживал смерть супруги. Сенат, естественно, причислил ее к сонму богов и назначил жрецов ее культа.

В ноябре 176 года цезарь совершил триумфальный въезд в Вечный город, его приветствовали и чтили как победителя на Дунае. Вместе с ним триумф праздновал и его сын Коммод, по приказу отца разделяя все его почести и высокие звания, хотя юноше было всего 15 лет. Тогда же Марк Аврелий объявил сына своим соправителем.

В следующем году император и его сын Коммод опять повели войска к Дунаю, чтобы начать новый этап укрепления римских владений. Бои шли жестокие, римлянам требовалось лишь одно — безоговорочная капитуляция неприятеля. Добиться этого помешала смерть императора. Случилось это 17 марта 180 года. Он стал еще одной жертвой болезни, несколько лет назад привезенной армией из-за Евфрата и теперь вновь вспыхнувшей.

КОММОД

Lucius Aelius Aurelius Commodus

31 августа 161 г. — 31 декабря 192 г.

Правил с 17 марта 180 г. до 31 декабря 192

г., причем в период 180—190 гг. под именем

Imperator Caesar Aurelius Commodus

Antoninus Augustus,

а в период 191—192 гг. под именем

Imperator Caesar Lucius Aelius Aurelius

Commodus Augustus.

Был причислен к сонму богов

ОТЕЦ И СЫН

У Марка Аврелия и Фаустины было шестеро сыновей и, кажется, семь дочерей. Большинство детей умерло еще при жизни отца: все мальчики, кроме одного, оставшегося в живых, и четыре девочки. Единственным выжившим мальчиком оказался Луций Коммод, родившийся 31 августа 161 года, когда его отец уже несколько месяцев был императором. В тот день Фаустина родила двух мальчиков-близнецов, Луция Коммода и Аврелия Антонина. Современники, естественно, тут же вспомнили, что в этот день, полтора века назад, родился Калигула, один из самых гнусных извергов и психопатов на императорском троне. И сразу же поползли слухи, дескать, не к добру это. А в императорском дворце просто радовалась малышам, в их честь даже была отчеканена специальная монета, изображавшая Фаустину с двумя младенцами, а надпись гласила: «Счастье нашего века». Счастье длилось недолго, Аврелий Антонин умер на четвертом году жизни. Зато родился другой мальчик — Марк Анний.

В 166 году состоялся совместный триумф Марка Аврелия и его соправителя Вера после победы на Восточном фронте. Пятилетний Луций Коммод и его маленький брат принимали участие в триумфе, и оба получили титулы цезарей. Однако маленький Анний умер через три года, возможно, тоже от чумы, которая все эти годы не переставала свирепствовать по всей Римской империи и косила людей. Заболел и Коммод, но его вылечил знаменитый врач Гален, слава о котором дошла и до наших дней.

Гален, грек по происхождению, родился в 129 году в Малой Азии, в Пергамоне; учился он в Греции и в Египте, лечебную практику начал на родине, а потом, уже после 160 года, отправился в Рим. Тут он быстро приобрел широкую популярность, стал знаменитым и оставался в Риме до своей кончины в последние годы II века. Тот факт, что ему было доверено здоровье императорской семьи, говорит сам за себя.

Гален был не просто отличным лечащим врачом, он был великим ученым, много сделавшим для развития медицинской науки. Всесторонне образованный и талантливый ученый, он продолжал всю жизнь познавать всё новые тайны человеческого организма. Но интересы Галена не ограничивались лишь медициной, он был и мыслителем, и писателем. Из-под его пера вышли сотни разнообразных работ, из которых сохранившиеся составляют много толстых томов. Научное наследие Галена объемлет совокупность познаний древнего мира в области медицины от самых ее основ и философского обоснования до практических советов во всех ее областях, оно же стало руководством для его последователей на долгие века вплоть до XVIII столетия. Бесценны достижения Галена в области анатомии и патологии, а также диагностики, фармакологии и диететики. Можно с полным основа-

нием утверждать, что по масштабу сделанного Галеном он стал для медицины тем, кем был Аристотель в области философии.

Марк Аврелий очень заботился о своем единственном сыне и наследнике. Он выискивал для него самых лучших учителей, старался сделать из него всесторонне образованного человека, и в то же время оставался заботливым и нежным отцом. Желая подчеркнуть, что этому мальчику суждено стать императором, Марк Аврелий с детства осыпал его самыми почетными званиями и титулами. Коммоду не было еще и пятнадцати, когда он в 175 году стал членом коллегии жрецов, а 7 июля того же года надел мужскую тогу и был объявлен предводителем молодежи империи. Вместе с отцом он принял участие в походе против восставших легионов Авидия Кассия. За время этого похода цезарь с сыном побывали во многих городах Малой Азии, в Сирии и Египте, а осенью оба совершили триумфальный въезд в Рим. Весной 178 года по велению отца Коммод женился на Бруттии Криспине, девушке из высокого патрицианского рода.

Третьего сентября 178 года Луций Коммод вместе с отцом вновь покинул Рим для участия в новой кампании против дунайских племен, опять восставших против подчинения Риму. Нам ничего не известно о воинских подвигах императорского сына. Луций присутствовал при кончине императора в Виндобоне (современная Вена). Естественно, сразу же распространились слухи, что он способствовал смерти цезаря. Так, Кассий Дион заявил: «Мне доподлинно известно, что цезарь умер не своей смертью, ему помогли в этом лекари, желая подлизаться к Коммоду». Не стоит, наверное, опять повторять, что такого рода сплетни и вымыслы сопровождали кончину почти каждого монарха.

Итак, полновластным хозяином империи стал 19-летний юноша. Рим уже целых сто лет не знал случая, чтобы после смерти императора ему наследовал не приемный, а родной сын. Траян, Адриан, Антонин Пий, Марк Аврелий, Луций Вер — все они поочередно назначались правящими монархами своими преемниками, будучи не родными их сыновьями, а лишь усыновленными, а именно избирались из людей, наиболее достойных наследовать трон императора и его звание. И нельзя не признать — каждый раз выбор оказывался удачным, государство получало достойного государя. Приемные сыновья проявляли себя с самой лучшей стороны, продолжая в принципе политику избравшего их цезаря. И такая система безотказно действовала целое столетие. С традицией порвал Марк Аврелий, философ, стоик, так проникновенно писавший о необходимости общественные интересы всегда ставить на первое место. Разумеется, на возможные упреки он мог бы ответить, что поступил так по велению сердца и руководствуясь теми же принципами стоика, к тому же у его предшественников не было единоутробного наследника, а ему боги ниспослали такового. Зачем же было ему отказываться от дара богов? Правда, сын был еще слишком молод для правителя, но отец с малолетства готовил его к высокой должности, к тому же у мальчика были достойные и мудрые советники.

Многие историки склоняются к тому, что Коммод был полной противоположностью отца. Он не отличался не только разумом и толерантностью отца, его добротой и талантами правителя, напротив, он совсем не думал об интересах державы, заботясь лишь о собственных удовольствиях. Для отца главным в жизни было счастье и процветание Рима, для сына — стремление прославиться в качестве непобедимого бойца-гладиатора, жестоко круша и уничтожая все

вокруг. В детстве он как будто не был особенно злым и жестоким, но стал таким под влиянием некоторых своих ближних. Рассказывали, что уже в возрасте 12 лет Коммод повелел сжечь живьем в печке раба, приготовившего ему слишком горячую ванну. К счастью, один из учителей царевича не растерялся и спас бедолагу, бросив в печь вместо него баранью шкуру, дабы вонь убедила жестокого юнца, что его приказ выполнен. Нам неизвестно, знал ли Марк Антоний о таких выходках своего наследника, нашлись ли в его окружении смельчаки, не побоявшиеся раскрыть любящему отцу глаза на истинную натуру сыночка. История учит нас, что трагедией многих правителей является своего рода ослепление, желание видеть и слышать о своих любимцах лишь то, что они сами видят и слышат. А у негодяев всегда хватает ума и хитрости вести себя так, чтобы понравиться вышестоящему. Пример из польской истории: один магнат первой заповедью своей инструкции для служащих поставил условие: «Никогда не отягощать своего пана неприятным для шляхетского уха известием, дабы не огорчать его вельможности, ибо для доброго слуги наичценнейшим есть и всегда будет здоровье господина». Вот и получается, что на протяжении веков правители, большие и малые, предпочитают жить в благом раю самообмана, пребывая в сладком неведении, и не препятствуют распространению зла и беззакония.

Скорее всего, Марк Аврелий считал своего мальчика нормальным ребенком, потом юношей. Он любит петь и танцевать? Молодости позволено. Не очень стремится к наукам, предпочитая им выступления гладиаторов и циркачей? В его возрасте простительно. Правда, такие пристрастия не назовешь изысканными, скорее они присущи плебсу с его ограниченными инстинктами, но придет время, и они сменятся серьезными обязанностями. Судьба лишила Марка

Аврелия многих сыновей, ну как тут не гордиться и не радоваться, глядя на красивого, здорового мальчика. А Коммод, по описаниям современников, и в самом деле был красив: высокий, хорошо сложенный юноша с правильными чертами лица, блестящими глазами, золотистыми вьющимися волосами. Таким описали сына Марка Аврелия, когда тот в возрасте 19 лет унаследовал отцовскую власть.

Он был одним из самых молодых императоров в истории Древнего Рима. Моложе его оказался лишь один Нерон. Немного понадобилось времени, чтобы современники убедились — не только это обстоятельство делает их похожими.

ОТ ДУНАЯ ДО РИМА

К моменту смерти Марка Аврелия война с племенами за Дунаем еще не была закончена, хотя уже не вызвала сомнения победа римлян. Требовалось потратить еще года два-три на то, чтобы окончательно закрепить результаты этой победы, чтобы труды покойного императора и огромные жертвы римлян не пропали даром. Марк Аврелий именно для того и захватил сына с собой на войну, чтобы подготовить его к продолжению начатого дела, обучить воинскому искусству, ознакомить с особенностями войны в придунайском регионе и опытными полководцами. Умирая, цезарь надеялся передать дело управления державой в надежные руки. Как же он страшно ошибся! Буквально за несколько месяцев задунайским племенам были возвращены все территории по ту сторону реки, отвоеванные римлянами с таким трудом. Теперь граница была установлена по реке, как это было до войны.

Итак, первым решением молодого цезаря стало заключение мира с неприятелем. Тем самым Коммод

нарушил завешание отца, не принял во внимание протесты высших сановников Рима и крупных военачальников. В качестве причины такого решения привел угрозу заговоров и покушений в самой столице. На деле же все сводилось к желанию молодого цезаря как можно скорее покинуть эти дикие края и вернуться к утехам большого города. На военном совете в Виндобоне прозвучали знаменательные слова Клавдия Помпеяна, двукратного консула Римской империи, ближайшего соратника покойного императора и заслуженного полководца. К тому же Клавдий был шурином самого Коммода — его женой была Луцилла, старшая дочь Марка Аврелия, овдовевшая после смерти Луция Вера, — то есть можно сказать, что Клавдий был членом императорской семьи. Полагаясь на родственные связи с императором, свои заслуги перед Римом и большой авторитет в армии, Помпеян заявил: он понимает и разделяет чувства молодого цезаря, его стремление поскорее возвратиться в столицу, но нельзя забывать: Рим там, где находится цезарь, так что нечего бояться покушений в столице, а вот резкое прекращение войны перед самым ее победным окончанием наверняка пойдет на пользу неприятелю, варвары облаглют и воспрянут духом. В то время как первой заповедью нового государя империи является их окончательное покорение и перенос границ империи до самого Ледовитого океана!

До нового императора не доходили никакие доводы. Мирный договор с варварами был заключен с непристойной поспешностью. Внешне условия договора были вроде бы весьма строгими для маркоманов и квадов, а также для их союзников. Им запрещалось приближаться со своей стороны к Дунаю с оружием в руках, они были обязаны платить Риму дань зерном и поставлять вооруженные контингенты, не имели права вести войн с соседями без согласия Рима, а на

всех их военных советах непременно должны присутствовать римские офицеры. Но были ли гарантии, что все эти условия станут выполняться?

Вот так были безвозвратно потеряны земли со-временных Чехии и Словакии, которые Марк Аврелий планировал сделать двумя римскими провинциями. И произошло это по бездумному решению 19-летнего недоросля, мечтавшего лишь о театральных зрелищах, певичках, гладиаторах, девицах, танцах и вообще развлечениях. Как тут не вспомнить пресловутые споры о роли личности в истории? Одни выражают сомнения, что один человек может сыграть хоть какую-то роль в историческом процессе, другие склонны эту роль всячески преувеличивать. Так вот перед нами конкретный случай. Трудно не заметить, что судьбы Европы, а может, и всего мира сложились бы совсем по-иному, если бы Рим встал несокрушимым бастионом к северу от Дуная. Население тех земель благодаря Риму подверглось бы романизации по образу и подобию Франции, Италии, Испании, а высочайшая к тому времени средиземноморская культура распространилась бы еще дальше к северу, дойдя, возможно, и до племен по Висле и Одере. Наступившее затем великое переселение народов тоже происходило бы по-другому, и, скорее всего, его последствия не стали бы такими катастрофическими для Рима. Некоторые современные историки пытаются оправдать Коммода, уверяя, что затраты на завершение войны стали бы для Рима непомерной тяжестью, к тому же в стране еще свирепствовала эпидемия. Не следует, однако, забывать о том, что главные расходы на войну уже были произведены Римом, а что впустую — так по вине Коммода. Если же оценивать события исходя из государственных интересов Римской империи, следует вывод: в 180 году Коммод нанес своей родине непоправимый ущерб.

В самом же Риме при известии об окончании войны и возвращении императора с армией воцарилось всенародное веселье. Вряд ли стоит удивляться этому. Долголетняя война на Дунае ложилась тяжким бременем на плечи всех граждан империи, и многим из них было непонятно, с какой стати нужно терпеть бедствия из-за этих далеких, холодных, чужих земель. Редко кто понимал, к чему приведет отступление от планов Марка Аврелия. Римляне радовались, что в столицу возвращается цезарь. Причем какой! Молодой, красивый, который любит все то, что близко сердцу простого римлянина. И как он отличается от старика отца, сурового и сдержанного, который даже гладиаторов посылал воевать с варварами, вместо того чтобы заставить их умирать на потеху публике в боях на аренах римских амфитеатров!

Живший в те годы греческий историк Геродиан так описывает возвращение Коммода с войны:

Весь путь от Дуная до Рима Коммод проделал с чисто мальчишеской поспешностью. Города, через которые пришлось проходить, он пролетал молниеносно, хотя толпы народа приготовились его встречать и приветствовали с положенной императору преданностью. Когда он приблизился к Риму, сенат и все жители города вышли ему навстречу, торопясь первыми увидеть цезаря. В руках людей были лавровые ветви и расцветшие в ту пору цветы. И так толпами они устремлялись далеко за пределы города, в нетерпении поскорее узреть молодого, великолепного цезаря. Приветствовали его от чистого сердца, ведь он родился в их городе, вырос среди них и был третьим в роду правящей династии.

Вот так, среди ликующих толп, радостных возгласов, осыпaeмый цветами въезжал в Рим в 180 году молодой император. И кто мог тогда предполагать, что

приветствует народ достойного наследника не благородного Марка Аврелия, а самых изощренных вырожденцев в истории Римской империи — Калигулы, Нерона, Домициана?

ЛУЦИЛЛА, КРИСПИНА, МАРЦИЯ

Поначалу дела вроде бы шли неплохо. Император царствовал, государством управляли опытные советники и военачальники. Царствовал в данном случае значит — время от времени участвовал в необходимых церемониях, если они не очень мешали ему развлекаться и предаваться излюбленным занятиям. А занятия эти были самого низкого пошиба: оргии, азартные игры, уличные потасовки и бесчинства, состязания на колесницах и, разумеется, бои гладиаторов. Если выразиться на принятом сейчас языке, этого императора интересовали лишь секс и спорт, если к последнему можно причислить драки и присутствие на спортивных соревнованиях. Фаворит цезаря, прислужник Саотерос, стал пользоваться неограниченной властью. Чтобы никто не сомневался в том, как он дорог императору, во время триумфального въезда в Рим император велел своему любимцу сесть рядом с ним на раззолоченную колесницу, и на глазах всего народа император и его раб взахлеб целовались.

Политики, которые в то время стояли у кормила власти, ничуть не смущались таким положением, оно их даже устраивало. Недальновидные люди, видимо, считали, пусть уж лучше этот глупый юнец предается разврату и забавам и не вмешивается в государственные дела, иначе по молодости и глупости наломает дров. Он и без того уже немало их наломал, добровольно отказавшись от земель за Дунаем, отвоеванных у варваров его отцом. Таким образом, молодой це-

заль, не зная препятствий, предавался своим утехам, — а окружающие повторяли ту же ошибку, которую в свое время допустили воспитатели и опекуны молодого Нерона. Как здесь не повторить в который раз: если история и учит чему-нибудь, так только тому, что люди ничему не научатся.

Больше всего упреков в попустительстве и даже намеренном отстранении цезаря от государственных дел делалось в адрес Перенниса, префекта преторианцев. Это он фактически правил империей. Назначением на высокий пост он был обязан императору Марку Аврелию, а значит, выбор не был случайным. Покойный император ценил его и за человеческие качества, и за большой жизненный опыт, и за успехи в выполнении сложных поручений государя. Вот и теперь никто не мог его упрекнуть за злоупотребление властью, Переннис полностью оправдал доверие Марка Аврелия. Умный, рассудительный и неподкупный, он отлично справлялся с обязанностями правителя, хотя и нелегко было вести правильную государственную политику, во всем подчиняясь безответственному юнцу. Нашлись люди, упрекавшие его за излишнюю заботу о собственном кармане, но это, скорее всего, объяснялось обычной людской завистью. Серьезнее были претензии к Переннису насчет того, что именно его попустительство в отношении Коммода привело к дальнейшим тяжким последствиям. И пожалуй, его еще можно было бы упрекнуть в излишней амбиции, заставившей устранить Патерна, своего коллегу, второго префекта преторианцев, правившего наряду с ним. Патерн был снят с должности в 182 году, но непосредственно этому предшествовали не зависящие от правителя обстоятельства.

Речь идет о банальном соперничестве двух женщин — сестры цезаря Луциллы и его жены Криспины. Первая, жена Помпеяна, вдова бывшего цезаря Вера,

имела право носить звание Августы и пользовалась еще кое-какими привилегиями. Но такие же привилегии полагались и Криспине как супруге правящего императора. Поэтому то и дело возникали сложные ситуации, когда неизвестно было, которой из женщин полагалось занять, скажем, самое почетное место в театре или на каком-нибудь торжестве. Коммод своей властью часто разрешал спор в пользу жены, что очень обижало честолюбивую Луциллу, в конце концов она возненавидела брата и организовала против него заговор, пытаясь вовлечь как можно больше влиятельных лиц. В числе заговорщиков оказался и внук Марка Аврелия, Уммидий Квадрат, и его зять Квинтиан, оба сенаторы. Поскольку Квинтиан пользовался полным доверием цезаря как его ближайший приятель и участник оргий, именно ему поручили убить императора, пронзив его кинжалом, когда тот войдет в темный, узкий проход, ведущий к амфитеатру. Возможно, все бы свершилось, как было задумано, но молодой заговорщик, прежде чем нанести смертельный удар, позволил себе театральный жест — высоко подняв кинжал, он патетически воскликнул: «Вот тебе от сената!» Этих нескольких секунд хватило: вбежала стража и набросилась на Квинтиана. Коммод избежал смерти, а Луцилла не помнила себя от ярости.

Есть основания полагать, что эта женщина мечтала не только о гибели императора, но и об избавлении он нелюбимого мужа Помпеяна, которого наверняка сенат приговорил бы к смертной казни за то, что тот не уберег императора. И тогда Луцилла могла бы сочетаться браком с Квинтианом, который был не только ее зятем, но и любовником. Вот она и задумала одним ударом избавиться от мужа и стать женой Квинтиана, а цезарем можно было бы провозгласить Уммидия Квадрата, который по своему происхождению и социаль-

ному статусу вполне мог претендовать на наивысшую должность в империи. Тогда он наверняка адаптировал бы своего сообщника Квинтиана, назначив его наследником престола, Луцилла опять бы стала единственной императрицей, и таким образом удалось бы сохранить непрерывность династии. Заговорщики могли рассчитывать на поддержку сенаторов, ведь безобразным поведением Коммод восстановил против себя многих влиятельных сановников Рима. А Уммидий Квадрат, наоборот, пользовался уважением как серьезный политик и образованный человек.

Заговор был раскрыт, и с его участниками жестоко расправились. Луциллу отправили на остров Капри, где и казнили. Казнили также Уммидия Квадрата и многих других, причем некоторых лишь за то, что не донесли о заговоре властям. А вот старик Помпеян не пострадал, всем было понятно, что супруга метила именно в него. Он сам сложил с себя все полномочия и удалился в деревенское поместье, заявив, что уже стар и слаб глазами.

Судьба, однако, не пощадила и Криспину. За прелюбодеяния и склонность к заговорам ее тоже сослали на Капри, где она вскоре и скончалась. Точнее о причинах ее ссылки мы ничего не знаем, известно лишь, что в заговоре Луциллы она, конечно же, участия не принимала. Может быть, жена просто надоела императору?

Последствия этих интриг оказались губительными для страны. И без того неуравновешенная психика Коммода не вынесла тяжких испытаний. После того как он увидел занесенный над своей головой кинжал и услышал страшные слова «Вот тебе от сената», в его психике что-то окончательно сдвинулось. С этого момента он жил в постоянном страхе, решив, что все сенаторы — его смертельные враги и вечно плетут против него всяческие козни. Коммод стал предпринимать

меры, решив ударить первым. Один за другим последовали политические процессы, обвинения в государственной измене, конфискации имущества, ссылки, приговоры покончить самоубийством. И все это стало обыденным явлением, как во времена Нерона, Калигулы, Домициана. Первым помощником цезаря стал верный Переннис, который заодно расправлялся и со своими врагами, и в первую очередь с Паттерном, обвинив его в том, что он мешает раскрывать и обезвреживать врагов.

Со временем Переннис стал действовать смелее, не советуясь с императором. Тот совсем перестал заниматься государственными делами, почти не покидал своих дворцов и загородных резиденций, предаваясь самому извращенному разврату. Он так и не женился больше, но имел неисчислимых наложниц. Среди последних особым влиянием пользовалась вольноотпущенница Марция, доставшаяся цезарю от Уммидия Квадрата. Император так возлюбил ее, что своей властью присвоил ей все титулы, полагающиеся лишь законной супруге правящего монарха. Создалось мнение, что Марция сочувствовала христианам и заступалась за них перед цезарем: если даже это и было правдой, то происходило уже позже, ведь вначале всеми делами в империи ведал Переннис. До нас дошел даже протокол одного судебного процесса над христианской сектой, как тогда называли новую религию, причем судьей был префект.

Впрочем, его власть продержалась всего три года. Он сам стал причиной своего падения, приобретя уж слишком большую власть и утратив всякую осторожность. Это вызвало зависть и неприязнь других сановников и даже Коммода заставило взяться за ум. Коммода засыпали доносами о злоупотреблениях Перенниса, о том, что его сыновья получают все более высокие должности наместников и военачальников, того и гля-

ди сам Переннис провозгласит себя цезарем. Непосредственным поводом для снятия с должности Перенниса стала неудачная кадровая политика префекта в Британии, вызывавшая бунт тамошних легионов. Они отправили в Рим внушительную делегацию — полторы тысячи отборных воинов. Как только они явились в императорский дворец, трусливый цезарь тут же согласился на все их требования и выдал им на растерзание Перенниса со всем его семейством.

В гибели Перенниса сыграл свою зловещую роль другой подлец, некий Клеандр. В свое время его привезли из Малой Азии рабом и продали на невольничьем рынке в Риме. Крепкий, видный молодчик еще при жизни Марка Аврелия был взят в услужение во дворец, но решительно ничего не умел делать, зато понравился совсем еще мальчишке Коммоду, всегда питавшему склонность к мужчинам гладиаторского сложения. Клеандра выкупили из рабства, а в правление Коммода он стал фаворитом императора после гибели Саотероса. Клеандра никак не устраивал полновластный Переннис. После гибели последнего Клеандр быстро прибрал к рукам преторианцев, хотя и не был формально их префектом. Так недавний раб стал полноправным властителем империи, вторым после цезаря лицом в государстве. Теперь от него зависели судьбы сенаторов, консулов, целых провинций.

В стране воцарился полнейший хаос, всем заправляла наглая, нескрываемая коррупция. Продавалось абсолютно все: любые должности, места в сенате, судебные приговоры. И за все Клеандр требовал баснословные суммы. Один из вольноотпущенников пожелал стать сенатором, за что ему пришлось отдать все, что он имел. Над ним смеялись — дескать, голого выгнали в сенат. За один лишь год сменилось двадцать пять консулов, и каждому эта должность обошлась в кругленькую сумму. Одним из них был Септимий Се-

вер, будущий император. Все собранные богатства Клеандр делил на три части: одну себе, вторую Коммоду, третью на дворцовые потребности, и все равно денег не хватало, ведь в императорских дворцах орда прихлебателей веселилась и развлекалась без перерыва все дни и ночи. Это совершенно истощило казну, в стране не велось никаких работ, не хватало денег на армию, в Риме кончалось продовольствие. Не хватало золота для эмиссии золотых монет.

К счастью, в это время не велось никаких серьезных военных действий, вспыхивали лишь отдельные бунты — то на Дунае, то на Рейне, то в Британии. Там сумел навести порядок Гельвий Пертинакс. В Галлии и Испании вспыхнул голодный бунт. Недовольство низов использовал некий Матерн, бывший солдат римской армии. Из таких же дезертиров, как он сам, Матерн организовал отряд, к которому примкнули толпы бедноты. Сторонники Матерна громили тюрьмы, освобождали заключенных и с уже большими силами занимали города и местечки и даже вели успешные бои с регулярными силами римлян, причем предводитель восставших проявлял и отвагу, и знание воинского дела, и недюжинный талант командира. Возможно, именно он стал прообразом для столь популярных в последующие века легенд об отважных борцах за бедный люд, всех этих Робин Гудов, Яношиков¹ и прочих «благородных» разбойников. Когда же

Юрай Яношик (1688—1713)— легендарный словацкий разбойник; по словацким легендам, Юрай Яношик со своей бандой жил в лесах между Жилиной и Липтовским Микулашем и нападал там на проезжих. По польским сказаниям, грабил также и в Польше. В Словакии носит ореол святости, так как якобы раздавал награбленное у богатых бедным. Был обвинен и казнен за многочисленные разбои, а также за убийство священника, которое так и не признал даже после пыток.

римлянам пришло подкрепление и они разгромили его пеструю армию, Матерн решил совершить покушение на самого цезаря в Риме. Предполагалось сделать это в день празднования столь чтимой римлянами матери богов, а заговорщики должны были переодеться в преторианцев. План Матерна потерпел неудачу, а сам он погиб.

В стране, тем не менее, дела шли все хуже. Теперь голод охватил не только провинции, но и Италию. Император со своим сподвижником Клеандром снарядили большой флот для закупки зерна в Африке, но выполнению этого плана помешал один из политических врагов Клеандра. Своей властью он долго продержал закупленное зерно на складах, а сам распустил слухи, что Клеандр обманул народ и не купил зерно. В стране начались беспорядки, хорошо спланированные и организованные. В Риме вспыхнули потасовки в цирке на гонке колесниц, затем толпа вылилась на улицы столицы и принялась громить и крушить все, что попадалось под руку. Провокаторы организовали поход бушующего плебса по римским улицам в направлении к дороге, ведущей из Рима к пригородной резиденции императора. Клеандр выслал им навстречу придворную конную стражу императора. В жестокой схватке были потери с обеих сторон, люди в панике бросились обратно в город, но тут они получили неожиданную помощь — к недовольным примкнули когорты преторианцев, традиционно соперничающие с конницей. Развернувшись, толпа опять устремилась к императорской вилле вслед за удиравшей конницей.

Тем временем Коммод спокойно спал, не ведая о происходивших драматических событиях, ведь не нашлось смельчака, который бы не побоялся сообщить ему о том, что происходит. Буквально в последний момент в его опочивальню ворвалась Марция (по другим источникам — сестра цезаря Фадилла). Насмерть пе-

репуганный император отреагировал по-своему — велел немедленно убить своего драгоценного Клеандра и его малолетнего сына и бросить их тела в толпу, чтобы народ насытил свою ярость, растерзав их на части. Так оно и произошло. Народный гнев вполне удовлетворился трупом ненавистного временщика, правда, заодно было убито и несколько его сторонников.

На какое-то время все успокоилось, цезарь вернулся к своим обычным занятиям — развлекался и убивал (людей и животных). Но тут опять последовала вспышка так и не прекратившейся эпидемии чумы. Теперь она бушевала со страшной силой. В одном Риме каждый день умирали от чумы по две тысячи человек. Коммод в панике помчался в приморский город Лаурент, подальше от этой заразы, где все окрестности поросли лавровыми лесами, лавровые же листья, как считали римляне, очищают воздух от всякой инфекции. Однако те, кто не мог покинуть свои дома, пытались оградиться от болезни, затыкая благовониями носы и уши, а также прибегая к целебным травам.

Отгородившись от реальности в своем замкнутом мире придворных, император меж тем медленно, но верно сходил с ума, на глазах теряя рассудок. Окружающие уже привыкли к тому, что с каждым днем он придумывал себе новые звания и титулы. Как он только себя не величал! Цезарь был и Сарматским, и Германским, и Британским (предполагалось, что он покорил все эти народы), он же был и Коммодом Благочестивым, Счастливым, Непобедимым, Защитником Покоя и Мира, римским Гераклом. Последнее имя означало то, что цезарь является живым воплощением величайшего героя древности, как некогда был им Александр Македонский. И в полном соответствии с почетным званием стал появляться на публике и в соответствующей одежде — то есть в львиной шку-

ре с дубинкой в руке. Как по мановению волшебной палочки повсюду стали вырастать памятники с этими атрибутами. Куда бы ни направлялся цезарь, перед его носилками несли такие вот изображения, а толпы приспешников оглушали его восторженными, милыми его слуху возгласами. Поскольку мифический герой древности избавил человечество от множества врагов и опасностей, Коммод возомнил, что он тоже прославится такими подвигами, о чем без конца твердил, и требовал, чтобы годы его царствия назвали золотым веком. Желая понравиться римской черни, Коммод повелел снизить цену на хлеб, что сначала привело к его полному исчезновению, а потом страшно возросшей дороговизне.

И этого еще мало. Коммод вдруг возомнил себя основателем Рима, и на этом основании повелел переименовать Рим в *Colonia Commodiana*. Велел переименовать названия месяцев, так или иначе связанных с его особой. Так, июль он повелел отныне называть «аврелием», август — «коммодием», а октябрь — «геркулесом». Январь назвал «амазонием», видимо, в честь Марции, которой очень был к лицу наряд амазонки.

Все эти безумства чрезвычайно возмущали высшую римскую знать, народ же принимал их спокойно. Он продолжал восхищаться бесконечными зрелищами, которых всегда хватало, в отличие от хлеба. Во время театрализованных представлений уличная чернь часто видела своего императора в роли то гладиатора, то какого-нибудь героя, и с энтузиазмом рукоплескала ему. Часто цезарь выполнял и роль укротителя диких животных, а чтобы те ненароком не покалечили августейшую особу, в цирке возвели специальную галерею, ограждающую священную персону от диких бестий. Так что особой храбростью цезарь похвастать не мог, зато в цель иногда издали попадал. За львами, пантерами и другими хищниками он гонял

ся вокруг арены, осыпая сверху стрелами, антилоп же и другую рогатую дичь, кроме быков, он бесстрашно добивал сильными ударами, предварительно загнав до изнеможения, и, как свидетельствует Геродиан, всегда убивал животное сам, нанося ему смертельный удар, никогда не требовалось зверя добивать.

Так развлекался правитель римлян. И все же должен был прийти конец его безумствам, и он наступил тогда, когда приближенные цезаря стали опасаться и за свою жизнь. Теперь уже мало кто сомневался в безумии цезаря, а его разнузданные оргии и забавы становились смертельно опасными для всех их участников. Никто не чувствовал себя в безопасности. За давностью времен трудно точно восстановить все происшедшее в последние месяцы жизни Коммода. Вероятнее всего, опять было задумано покушение на жизнь императора, в котором главные роли играли префект преторианцев Эмилий Лет и прислужник цезаря Эклект. Марция наверняка была в курсе дела.

Покушение состоялось в последний день 192 года. Сначала решили воспользоваться ядом, который Марция собственноручно преподнесла Коммоду, приправив ядом мясной соус. Яд не подействовал, возможно, его действие ослабили большое количество выпитого цезарем вина и горячая ванна, тем более что часть съеденного вышла из организма цезаря вместе с рвотой. Тогда цезарь заподозрил неладное, или заговорщики решили, что Коммод догадался о попытке отравления, и решили довести до конца задуманное. Когда Коммод, ослабленный рвотой, лежа в спальне, понемногу приходил в себя, к нему ввели молодого атлета, и тот, схватив императора за шею, задушил его.

Так кончил жизнь сын Марка Аврелия, царь мира, оставленный и преданный всеми своими сподвижни-

ками, задыхающийся от смердящей блевотины и задушенный безмозглым громилой.

Со смертью Коммода прекратилась династия Антонинов и закончился благополучный период развития Римской империи, ее так называемый золотой век.

ПЕРТИНАКС

Publius Helvius Pertinax

1 августа 126 г. — 28 марта 193 г.

Правил с 1 января до 28 марта 193 г. под именем

Imperator Caesar Helvius Pertinax Augustus.

Был причислен к сонму богов

Итак, продолжалась праздничная новогодняя ночь. Весь Рим праздновал, шумел, веселился, люди высыпали на улицы, смеялись и пели. Залитый огнями президентский дворец тоже ходил ходуном, шум, крики, толпы людей. Все это благоприятствовало заговорщикам, и два раба спокойно вынесли из личных покоев императора его труп, завернутый в ковер, хотя у всех выходов и ворот дежурили придворные гвардейцы преторианцы. Да и они уже успели хлебнуть вина, некоторые даже заснули стоя, опираясь о копье, а если кто-то из стражей и увидел, что рабы выносят ковер, не удивился — значит, испачкали на пиру, надо принести свежий. В темном закоулке подале от дворца труп того, кто буквально только что был повелителем мира, швырнули на жалкую повозку и вывезли за ворота, как мертвое тело какого-нибудь нищего.

Главарь заговора, префект Лет и прислужник Элект, не теряя ни минуты, отправились той же ночью в дом Гельвия Пертинакса, столичного градоначальника. О смерти цезаря никто не знал, кроме кучки заговорщиков, все были уверены, что Коммод, которого они только что видели на праздничном пиру, по своему обыкновению объелся сверх меры и упился вдрызг и теперь спит мертвым сном. Будить его никому и в голову не пришло.

Столичный префект Гельвий Пертинакс был уже далеко не молодым человеком, к этому времени ему стукнуло уже 66 лет. Родился он в небольшом городке Лигурии, у подножия Апеннин, в очень скромной семье. Его отец, бывший раб, потом вольноотпущенник, занимался торговлей и сделал все, чтобы сын получил хорошее образование и стал учителем. Однако зарплата учителя была такой низкой, что семье не хватало на жизнь, и молодой человек решил стать военным. Еще в правление Антонина Пия он вступил в армию и очень скоро, возможно, с помощью кого-нибудь из влиятельных знакомых, стал центурионом, а затем командиром когорты одного из легионов в Сирии. Должность эта была очень скромной, о чем свидетельствует такое обстоятельство: поскольку молодой военный приехал в сирийскую Антиохию с почтовой повозкой, без разрешения и воинского предписания, наместник Сирии велел ему обратный путь проделать пешком.

Во времена цезаря Луция Вера Гельвий Пертинакс отличился в битвах с парфянами на Евфрате. Его перевели на службу в Британию уже в звании трибуна, высшего офицерского чина, а затем перебросили на Дунай, поручив командование эскадрой конницы. Военная карьера Пертинакса была весьма успешной, вот он уже возглавил военный флот римлян на Северном море. А затем при поддержке Клавдия Помпеяна, зятя императора Марка Аврелия, ему поручили командование всей конницей в войнах на Дунае. И тут молодой военачальник получил возможность полностью проявить свои способности, за что его произвели в члены сената, высшего органа империи, доверили командование легионом в Паннонии и сделали консулом на 175 год. Затем он побывал наместником Мезии — провинции по нижнему Дунаю, потом ему доверили Дакию — провинцию за Дунаем

и, наконец, вершина вершин — получил в наместничество Сирию.

В столицу Пертинакс вернулся уже при Коммоде и тогда смог впервые занять принадлежащее ему место в сенате. Тут он чем-то не угодил Переннису, все-сильному префекту преторианцев, и решил скрыться с политической арены, на целых три года оставаясь безвыездно в своем родовом имении в Лигурии. Правда, без дела не сидел, активно занялся сельским хозяйством и приращением родовых земель, потом, поручив эти операции доверенным лицам из своих рабов, сам с увлечением занялся строительством. И дождался своего часа. После падения Перенниса в 185 году его опять призвали на службу родине, на сей раз назначив наместником Британии. Там к тому времени создалась сложная ситуация, римские легионы бунтовали, вот и понадобился опытный и умный военачальник. Наведя порядок в Британии, Пертинакс поспешил к новому месту назначения — в Африку, где опять потребовались его услуги.

Не случайно тут приведен послужной список будущего императора, надо же наконец остановить ваше внимание на этом факте. Теперь вы имеете возможность убедиться, что в те времена человек из самых низов мог сделать карьеру и достичь высшей власти, не так уж сложно было преодолеть сословные барьеры, так что в этом отношении Древний Рим существенно отличался от Средневековья. На примере Пертинакса мы видим, что даже сын бывшего раба, купца или мелкого служащего в огромной империи мог достичь самых высоких государственных должностей, руководить провинциями и возглавлять легионы, если обладал соответствующими способностями, волей, силой характера и энергией. Наверняка не обошлось и без счастливого стечения обстоятельств, а также везения, удачи, которые пригодятся человеку всегда и везде, не

только в древнем мире. Пример Пертинакса — и не он один — свидетельствует также о том, что в те времена военная служба была хорошей жизненной школой и верной дорогой к вершинам власти. Армия с ее требовательностью, дисциплиной, умением принимать верные решения и проявлять мужество в их исполнении закаляла и воспитывала человека. Смотрите, ведь где только не побывал Пертинакс и с какими только не столкнулся проблемами — от Британии до Сирии, от Дакии до Африки. Его с подчиненными перебрасывали буквально за несколько дней из одного края огромной империи в другой. Трудно представить себе лучшую школу изучения государства, тайн административного управления, способов хозяйствования. Пертинакс получил важные уроки: ориентироваться в сложной и зачастую совершенно новой обстановке, учитывать все составляющие сложившейся ситуации, принимать оптимальное решение, при этом проявляя и дипломатические способности.

И вот на склоне лет, совершенно неожиданно, Пертинакс удостоивается наивысшего титула. То, что старик совсем не ожидал такого поворота событий, наглядно демонстрирует ужас, который он испытал, услышав об этом. Когда в позднюю пору новогодней ночи в ворота его дома забарабанили заговорщики, сторож, увидев в щель вооруженных преторианцев во главе с их префектом, опрометью бросился к хозяину и с трудом произнес лишь одно слово: «Пришли!» Все подумали об одном — в Риме Коммода появление солдат в это время могло означать лишь худшее для хозяина дома. Тем не менее старый солдат, сохраняя спокойствие, велел впустить гостей, а сам даже не встал с кровати. Когда неожиданные гости вошли в спальню, он жестом пригласил их сесть и произнес: «Я уже давно каждую ночь жду этого. И даже удивлялся, что Коммод так медлит, ведь из друзей его отца

один я остался в живых. Исполняйте, что вам велено, а я буду рад избавиться от постоянного страха и обманчивых надежд».

Лет долго и горячо доказывал старому солдату, что пришли они вовсе не для того, чтобы убить его по приказанию Коммода, а совсем наоборот — они предлагают ему императорскую корону. Из всех благородных патрициев Рима он, Пертинакс, самый достойный этой чести, самый опытный военный и управитель, а также всеми уважаемый за свои неисчислимые заслуги перед страной и Римом. Пертинакс долго не мог поверить такому. Сначала он предположил, что это префект так развлекается, потом решил, что Коммод отправил префекта специально для того, чтобы проверить лояльность самого Пертинакса. Напрасно префект уверял, что Коммод мертв и уже ничего плохого никогда и никому не сделает. Но и тут Пертинакс не сразу поверил. Он решил сначала послать доверенного слугу, чтобы тот собственными глазами увидел мертвое тело императора. Только после этого Пертинакс решил, наконец, принять предложение преторианцев, но сделал это с большой неохотой. Описанная сцена весьма красноречиво свидетельствует о царившей в Риме в то время обстановке ужаса и всеобщего недоверия.

Пертинакса в лектике доставили в казармы преторианцев, а заговорщики разослали по всему Риму гонцов с известием, что этой ночью цезарь скончался от апоплексического удара, и вот-вот будет провозглашен новый император. Продолжалась ночь, но никто не спал, празднуя Новый год, теперь же чернь возликовала и вовсе — еще бы, такое невиданное развлечение, такое роскошное зрелище и наверняка великолепным будет и дармовое угощение. И вот уже огромные толпы народа сбегаются к мощному четырехугольному зданию казарм. В своем коротком вы-

ступлении префект сообщил четко и ясно — цезарь объелся на пиру и скончался от переедания и внезапного приступа удушья. Затем он представил собравшимся Пертинакса как наиболее достойного кандидата на должность императора. Тот уже совсем оправился и тоже был краток. В ответной речи с достоинством заявил, что готов заняться делами государства при всеобщей поддержке народа, преторианцам же за их особые заслуги перед империей дарует по двенадцать тысяч сестерциев на голову.

Такая подачка не могла удовлетворить преторианцев, которые за годы беззакония стали главной силой империи и привыкли к вседозволенности. И теперь их вовсе не устраивала личность императора: человека уже немолодого, привыкшего к твердой дисциплине, которую он сам же устанавливал в приграничных армиях, к тому же хозяйственного и бережливого, а главное, честного. Но они сами загнали себя в угол, нельзя было медлить с назначением цезаря, ведь по всему Риму толпы уже провозглашали славу новому цезарю. Смирившись, императорские гвардейцы вынуждены были подчиниться неизбежному и выполнили все обязанности, предусмотренные данным случаем, а также единогласно принесли присягу в верности новому императору.

Еще не кончилась эта долгая новогодняя ночь, когда новый император с вершины императорского дворца в Риме в окружении преторианцев приветствовал несметные массы народа у подножия холма, восторженно отвечавшие ему, и немедленно отправился на заседание сената в храме Конкордия на римском Форуме. Сохранились фрагменты записи этого исторического совещания сената, в котором принимал участие также сенатор и историк Кассий Дион. Сенаторы тоже с готовностью восприняли нового цезаря, старались перещеголять друг друга в подобострастных ре-

чах, пытаюсь пробиться поближе к новому правителю, чтобы коснуться его тоги. В ответ Пертинакс заявил, что, хотя военные и провозгласили его цезарем, сам он не горит желанием принять сию ответственную должность, учитывая свой возраст, состояние здоровья и создавшееся в стране катастрофическое положение. Разумеется, сенаторы дружно запротестовали, уверяя: нет кандидатуры достойной более, чем он. Тогда Пертинакс взял за руку Мания Глабриона, очень влиятельного консула, ведущего свой род чуть ли не от легендарного Энея, и попытался силой поставить его на свое место. Глабрион заявил: если он и займет это место, то лишь для того, чтобы тут же уступить его достойнейшему, то есть самому Пертинаксу. После долгих препирательств и уговоров Пертинакс все же принял звание цезаря со всеми полагающимися к нему дополнительными торжественными титулами, а вместе с ними и весьма редкое — *Princeps Senatus*, глава сената.

Описанную сцену отказа от трона ни в коем случае нельзя считать каким-то принятым ритуалом, разыгранной напоказ комедией. Она была исполнена глубочайшего смысла, — надеюсь, читатель обратил на это внимание. Пертинакс отказывался от звания, только что полученного от преторианцев, императорских гвардейцев, и принял его лишь из рук сенаторов, высшего органа империи. То есть как и положено законом, а также древними традициями. Тем самым новый правитель подчеркнул, что именно этот орган является решающей инстанцией, а не разошедшиеся преторианцы. Цезарь поступил мудро и правильно, и сенаторы поняли его. Но не только они, гвардейцы тоже. Так что уже через три дня они вдруг объявили новым цезарем некоего сенатора, который так испугался предложенной ему чести, что чуть ли не голым выскочил из дома и помчался в императорский дворец

на Палатине, а потом незаметно уехал из столицы и исчез с арены политической жизни Рима. Это было первое предостережение.

Однако вернемся к событиям новогодней ночи. Заседание сената продолжалось до утра. И тут осмелевшие сенаторы дали выход своей ненависти к Коммоду, принимая одно за другим постановления, стараясь как можно больше унижить их гонителя. Первым делом Коммода объявили врагом отечества, посмертно лишили всех почетных званий. Аннулировали все изданные им законы и постановления. Приняли решение разрушить все памятники Коммоду. Многие решительно требовали выкопать уже зарытый труп Коммода, чтобы надругаться над ним, скандируя до хрипоты: «Труп убийцы тащить на крючке! Труп гладиатора тащить на крючке! Убийцу женщин и детей тащить на крючке! Его доносчиков — львам на растерзание!» Эти крики перемежались с верноподданическими восхвалениями Пертинакса: «Какое счастье, что ты наш цезарь! Юпитер да сохранит нам Пертинакса на долгие годы!»

Каплан Цингий Север сделал сообщение: «Коммода похоронили нелегально, я, как жрец, и от имени жреческой коллегии заявляю об этом». Он же внес предложение, чтобы на всех документах, частных и публичных, стереть имя Коммода, а введенные бывшим цезарем новые названия месяцев сменить на прежние.

Надо заметить, что так свободно сенаторы себя еще никогда не чувствовали. Да и не удивительно: старого деспота нет в живых, нового правителя пока никто не боялся, да и своей властью он обязан только им, так что можно себе позволить. Один из современников так прокомментировал постановления сената:

Они получили возможность прославиться своей отвагой, ведь им теперь ничто не грозило. Но этим людям мало было того, что они избавились от постоянного страха, им не терпелось еще и безнаказанно оскорблять мертвого.

Чтобы уже покончить с этой темой, замечу последнее: тот же самый сенат вскоре зачислит Коммода в сонм богов!

Закончив, наконец, историческое заседание, торжественная процессия направилась в храм Юпитера на Капитолии, чтобы принести благодарственные жертвы богам. То же происходило и в других столичных храмах. Так закончился первый день нового царствования.

Каким же императором оказался Гельвий Пертинакс, первый из римских цезарей, о котором без преувеличения можно сказать, что он вышел из народа? Всем, что он в жизни достиг, Пертинакс обязан лишь самому себе, не было у него знатных родственников, которые бы помогли сделать карьеру, средств семьи с трудом хватило на самое скромное образование. Современники с редким единодушием оценивают время его правления как на удивление удачное для Рима. Правителем Пертинакс оказался честным, заботливым и достаточно энергичным, чтобы исправить многое, чему Коммод нанес вред. К тому же этот император был человечным по натуре и внимательным к людям. Единственное, в чем его можно было бы упрекнуть, — несколько излишняя торопливость и стремление довести всякое дело до окончательного результата. Кассий Дион произнес знаменательные слова:

Хотя Пертинакс был человеком, несомненно, опытным и мудрым, казалось, он все-таки не понимал, что нельзя же исправлять и реформировать все сразу, да еще в та-

кой спешке. В конце концов, для политического обновления требуется и время, и понимание его народом.

Новый цезарь первым делом реабилитировал незаконно пострадавших от произвола Коммода. Зачастую это была уже посмертная реабилитация, но близкие пострадавших очень ценили возможность захоронить погибших родственников в родовых усыпальницах. Конфискованные императором состояния пострадавших были возвращены наследникам. Доносчиков наказали, большинство из них были приговорены к изгнанию.

В стране царили экономические трудности, эпидемии, войны, плюс ко всему не было хорошего хозяина — всё это привело империю на грань развала. Хуже всего обстояло дело с финансами. Казна оказалась пуста, а долги государства огромны. Особенно тревожила императора задолженность перед армией. Чтобы раздобыть денег на ближайшие нужды, император распорядился пустить с молотка огромные богатства Коммода: земельные угодья, дворцы, памятники, мебель, спортивные колесницы, коней и даже его рабов. Среди выставленных на продажу экипажей некоторые оказались истинными произведениями искусства; другие отличались новейшими достижениями техники; некоторые устройства позволяли менять конструкцию экипажа в зависимости от погоды и дорожных условий; другие оказались снабжены особыми счетчиками для подсчета проделанного пути. Распродажей имущества Коммода цезарь добивался двух целей: получал столь необходимые государству деньги и одновременно показывал, на что же тратились деньги налогоплательщиков. Правда, говорилось и о третьей цели, преследуемой Пертинаксом: ему хотелось узнать, у кого же хватит денег купить хоть часть выставленной на продажу роскоши.

Сам Пертинакс, став императором, вел очень скромный образ жизни. С самого начала он отделил свое личное имущество от полученного казенного, собственное поделил между сыном и дочерью. По отношению к родственникам он, в общем, проявлял сдержанность. Жене, например, отказал в присвоении ей звания Августы. Его правильно поняли, ведь цезарь уже давно прекратил с супругой все отношения из-за ее увлечения каким-то музыкантом, но наказывать их не стал. Что же касается сына, Пертинакс отверг решение сената о признании его цезарем, коротко заявив: «Будет им, если заслужит». Молодой человек жил отдельно от отца, усиленно учился и не принимал участия в придворных церемониях. Префектом Рима, то есть, по-современному, мэром, Пертинакс назначил своего тестя, Флавия Сульпициана, потому что ценил опытность и расторопность этого человека.

В связи с запустением пахотных земель и сокращением урожайности цезарь издал указ, согласно которому каждый желающий мог использовать необработываемые земли в Италии и в провинциях, причем освобождался на 10 лет от уплаты налогов. Кроме того, он отменил введенные Коммодом многочисленные подати и всевозможные дополнительные оплаты. Благодаря этим мерам государственная казна уже через три месяца смогла расплатиться со своими долгами, — так, во всяком случае, утверждают современники, хотя столь быстрое оздоровление экономики огромной империи вызывает сомнение.

К сожалению, правление Пертинакса было недолгим. Причиной стали, разумеется, преторианцы. Цезарю так и не удалось приобрести их симпатии, да и не доверяли они ему. Они считали, что император ждет лишь удобного момента, чтобы навязать им железную дисциплину. А он вел себя так, словно нароч-

но их провоцировал. Когда он однажды выдал ночной страже один и тот же пароль на ночь «Будем солдатами», придворная гвардия усмотрела в этом намек на скорые перемены. Вроде бы пустяк, но в напряженной обстановке учитывается каждая мелочь, каждое слово, каждый жест.

А потом произошло нечто более существенное. При негласном согласии Лета возник заговор преторианцев, задумавших дворцовый переворот и передачу власти Фалькону. Лет знал о заговоре и поддерживал его. Фалькон был всеми уважаемым и очень богатым сенатором, так что предполагалось, что он-то не поскупится щедро вознаградить своих сообщников. Заговор был раскрыт, дело передано в сенат, там осудили заговорщиков и уже собирались признать Фалькона врагом отечества, но тут поднялся Пертинакс и заявил: «Никогда не допущу, чтобы в мое правление сенатора приговорили к смерти, даже если он ее и заслуживает». Пришлось Фалькона оставить в покое, он добровольно удалился в свою деревню и доживал там век в покое и достатке.

Префект Лет все же воспользовался случаем и избавился от неугодных ему солдат, заявив, что делает это по распоряжению цезаря. Трудно понять его истинные намерения, но его действия — расследование, аресты, экзекуции — очень взбудоражили преторианцев. Двадцать восьмого марта в казармах придворной гвардии происходило что-то нехорошее. Цезарь отправил туда своего тестя и следом за ним префекта Флавия Сульпициана, чтобы те доложили ему об обстановке в казармах. Тут вдруг около двухсот вооруженных гвардейцев вырвались из казармы и устремились к Палатинскому холму. Цезарь еще мог попытаться спастись, велеть запереть ворота дворца, мог поднять конницу, наконец, еще было время сбежать. Он поступил иначе. Возможно, это был мужествен-

ный поступок, но Пертинакс слишком уж рисковал. Он встал и неторопливо пошел навстречу вооруженной толпе. Может быть, он надеялся, что бунтовщики опомнятся, увидев невозмутимого монарха. Возможно, так бы и произошло: в первую минуту беспорядочная толпа вроде бы растерялась и топталась на месте. Но нашелся негодяй, который бросился к безоружному старцу и вонзил в него кинжал. За ним кинулись другие. Вместе с императором погиб сопровождающий его слуга Эклект — единственный, кто пришел на помощь цезарю и оставался с ним до конца.

Отрезав голову императору, преторианцы насадили ее на копье и триумфально расхаживали с нею по улицам города. Но час отмщения был уже недалек.

ДИДИЙ ЮЛИАН

Marcus Didius Severus Iulianus

24 января 133 г. — 1 июля 193 г.

Правил под именем

Marcus Didius Severus Iulianus Augustus

с 28 марта по 1 июня 193 г.

Не был причислен к сонму богов

В конце II века н. э. в древнеримском мире все явственнее проступают черты серьезного экономического и социально-политического кризиса. Экономические трудности, разорение хозяйства, падение урожайности и уменьшение рабочей силы способствовали обострению социальных и классовых противоречий, ослаблению военной мощи империи и нарушению ее политической стабильности. Непосредственным проявлением социальных и экономических противоречий стала вспыхнувшая за императорский трон борьба, приведшая к гражданской войне 193—197 годов. Этому способствовало отсутствие четких принципов передачи верховной власти в случае скоропостижной смерти правящего цезаря, если он не успел назначить своего преемника.

Именно это случилось в день убийства Пертинакса. Когда взбунтовавшаяся группка гвардейцев добивала на Палатине императора, префект города и тесть императора Флавий Сульпициан оказался в казармах преторианцев. Он поспешил в казармы гвардейцев, чтобы образумить их, и по дороге не встретился с группой убийц, бегущих по другим улицам, а когда, уже в казармах, до него дошла весть о гибели цезаря, выбора, собственно, не оставалось никакого. Надо было срочно принимать решение, тем более что Флавий

Сульпициан был префектом Рима, то есть, говоря по-нашему, его градоначальником, в городе же явно поднималась паника. Состоятельные горожане спешили запереться в своих домах из опасения бесчинств пьяной солдатни, грабежей и убийств разнузданной черни, которая охотно присоединялась к преторианцам в чаянии наживы теперь, когда некому было навести порядок. Вернуть спокойствие городу и спасти многие жизни можно было, лишь избрав нового императора. Кто мог стать им? Наверняка один из сенаторов, а Сульпициан занимал сенаторскую должность. Веса добавляли и его родственные отношения со свергнутым и убитым цезарем, и поддержка преторианцев, убежденных тривиальными посулами. Они уже начали провозглашать его имя как императора, но в этот момент появился конкурент Сульпициана.

У ворот казарм вдруг появился Марк Дидий Юлиан. Человек, известный в Риме, бывший консул, бывший наместник нескольких провинций, знаменитый богач. Возможно, 60-летний Юлиан уже не раз размышлял о том, что неплохо бы сделаться императором, а тут представился случай. В своем доме Юлиан пировал в окружении семьи и друзей, когда прибежали рабы с вестью о смерти императора. Подвыпившая компания, а также жена с дочерью, изо всех сил стали подзуживать тоже не совсем трезвого сенатора воспользоваться случаем, убеждая, что сами боги так все устроили. Однако вероятнее всего, легенда о женском подстрекательстве сенатора к императорскому трону неправдива; по крайней мере, известно, что женщины семейства Юлиана очень неохотно переезжали потом в императорский дворец. Весьма возможно, всю историю выдумали недруги Юлиана — дескать, пьяный сенатор для забавы, послушавшись женщин, в окружении пьяной солдатни велел объявить себя императором. По другой версии, дело обстояло следу-

ющим образом: Юлиан действительно был дома, когда узнал об убийстве цезаря, и поспешил на свое рабочее место — в сенат. Здание, поскольку все происходило в ночное время, было заперто, но Юлиана встретили два офицера-преторианца, явившихся в сенат, чтобы узнать, кого сенаторы предлагают назначить императором. Первым им встретился Юлиан, которого они и сопроводили в казармы.

Следует признать, что Юлиан в общем был человек достойный и имел немало заслуг перед римлянами. Уроженец Медиолана (современный Милан), он не принадлежал к высшей знати, но в числе его предков было несколько известных имен, хотя бы Сальвий Юлиан, известный юрист при императоре Адриане. Состояли они и в каком-то родстве с матерью Марка Аврелия, поскольку Юлиан воспитывался в ее доме. Это знакомство очень помогло молодому человеку в его жизненной карьере, мать Марка Аврелия и сам цезарь назначали его на хорошие должности и даже сделали позже сенатором. Начинал же он с небольших должностей при наместниках в Африке и Греции. Затем возглавлял XXII легион на Рейне, добыв победу в сражении с германским народом хаттами. Впоследствии несколько лет неплохо управлял провинцией Бельгика, разгромив нападение местных племен. Именно за эти заслуги он получил в 175 году свое первое звание консула. Затем поочередно был наместником Далмации, где усмирил горцев, и Нижней Германии на Рейне. Наконец, его назначили на высокую должность префекта алиментарных фондов в Риме. Это уже случилось при Коммодe. Тогда Юлиану пришлось пережить нелегкие времена: какой-то солдат донес на него, якобы Юлиан замешан в политическом заговоре. Однако император, обычно подозрительный и скорый на расправу, пришел к выводу, что обвиняют невинного, и приказал казнить

доносчика. Возможно, желая прийти в себя, Юлиан после этого на какое-то время удалился к себе в Медиолан. Вскоре, однако, ему пришлось опять появиться на политической сцене, поскольку его назначили сначала наместником Понта и Битинии, в Малой Азии, а затем Африки.

Из этой краткой биографической справки относительно заслуг (римляне называли ее *cursus honorum*) Юлиана можно сделать вывод, что Юлиан считался щепетильным администратором и хорошим полководцем. Его биография во многом напоминала жизненный путь Пертинакса. Оба они выходцы из северных регионов полуострова, оба не принадлежали к потомкам аристократических римских родов, оба относятся к одному поколению. Политическую жизнь они начали при Антонине Пии, а при Марке Аврелии уже занимали высокие государственные посты. Оба хорошо справлялись со своими обязанностями, приобрели большой жизненный опыт и немалые достижения. Характеры их, тем не менее, были различны. Пертинакса можно причислить к людям, мягко выражаясь, экономным, он во всем следовал традиции и всегда оставался верным древнеримским идеалам. Юлиан отличался характером импульсивным, может быть, слишком энергичным, особенно когда речь шла об увеличении собственного капитала. Юлиан очень любил веселый образ жизни. Впрочем, по прошествии стольких веков трудно сделать какие-то объективные выводы об этих двух государственных деятелях. Кассий Дион, знавший Юлиана лично, не скрывает своей неприязни к нему.

А теперь вернемся, можно сказать, к апофеозу события, с которого следует начать очерк о Дидии Юлиане. Такого Древний Рим еще никогда не видел. Впервые речь шла о продаже власти. Продавалась империя!

Этот исторический спектакль разыгрался на полном серьезе, когда два претендента на императорский трон оказались одновременно в одном и том же месте — в казармах императорских гвардейцев, от чьего решения зависело, кому из них быть императором. Флавий Сульпициан находился внутри казарм, Дидий Юлиан — у их ворот. Если оба претендента — люди достойные, одинаково заслуженные, почти одного возраста, то чем могут руководствоваться преторианцы, избирая одного из них? Преторианцы поступили логично, с их точки зрения: империю отдадут тому, кто вознаградит их более крупной одноразовой дарственной суммой, *donativum*. И начался аукцион, которого история не знала до этих дней. Он развертывался в ошеломляющем темпе. Называлась сумма, далее, по законам торгов, вопрос: кто больше, — опять короткая пауза, и новая сумма. Технически дело обстояло так: Сульпициан в казарме называл свою цену, несколько посредников со всех ног мчались к Юлиану, сообщая ему названную цифру, тот выдвигал встречное предложение. Поначалу вроде бы преимущество было за Сульпицианом: он был префектом Рима, находился в окружении гвардейцев и непосредственно общался с ними, он назвал первую сумму, причем немалую — 20 000 сестерциев на голову. Недостатком Флавия, по мнению преторианцев, был тот факт, что он приходился зятем ими же убитому императору, а ну как примется мстить? Сторонники его соперника всячески экспонировали это обстоятельство. Но тут его соперника Юлиана с помощью веревок втащили на стену, окружающую казармы, и тот наконец смог сам выкрикнуть сумму — он не стал мелочиться и с ходу пообещал по 25 000 сестерциев каждому преторианцу. Это решило дело. Оглушительными криками приветствовали нового императора, принесли присягу в верном служении, а он в свою очередь пообещал

восстановить поверженные статуи Коммода и не преследовать своего соперника. И обещание сдержал.

Смеркалось, шел к концу знаменательный день 28 марта. Новый цезарь отправился из преторианских казарм на Форум и к зданию сената. Обставлено шествие было весьма торжественно: преторианцы, в походной форме при полном вооружении, шли плотными шеренгами, неся боевых орлов, словно отправлялись на войну, то и дело громогласно провозглашая здравицы в честь нового императора, не забывая добавлять к его именам и имя своего любимого Коммода. Все, вместе взятое, произвело впечатление на римлян и сенаторов.

Но предоставим слово Кассию Диону:

Мы, сенаторы, уже давно разошлись по домам и теперь каждый по отдельности узнавали о том, как разворачиваются события. Больше всех были напуганы те, кто в чем-то помог Пертинаксу или чем-то не угодил Юлиану. Я входил в их число, ведь Пертинакс ценил меня и даже назначил претором, а будучи защитником в целом ряде юридических процессов, я осуждал нечестные поступки Юлиана. И все же мы решили, что неразумно было бы оставаться дома, дабы не вызвать неудовольствия нового правителя. Поэтому, невзирая на позднее время, хотя мы уже поужинали и приняли вечернюю ванну, вышли из дома и, с трудом продираясь сквозь толпу всяческого сброда и военных, добрались до здания заседаний. Здесь мы выслушали речь Юлиана, в которой были и такие слова:

«Я ведь вижу — вам нужен правитель, а мне руководить вами пристало более, чем кому-либо другому. Мне ничего не стоит перечислить все свои достоинства, дающие на это право, но нет необходимости, вы и без того не понаслышке знаете о них. Вот почему я привел сюда не так уж много солдат, чтобы они подтвердили свое решение».

А пока он это говорил, всё новые когорты преторианцев окружали здание сената, да и в самом зале заседаний прибывало солдат.

Принято было нужное решение. Юлиан стал императором по воле армии, сената и народа. И только тогда новый цезарь отправился во дворец, который еще несколько часов назад принадлежал Пертинаксу. Кассий Дион утверждает, что новый властитель застал там уже приготовленный ему ужин. По мнению нового цезаря, этот ужин оказался слишком скромным и недостойным главы империи, поэтому Юлиан повелел немедленно раздобыть самые роскошные блюда и принялся пировать, после чего занялся игрой в кости и развлекался выступлением знаменитого танцовщика Пилада, хотя труп Пертинакса все еще находился во дворце.

Однако в нашем распоряжении имеется и другое свидетельство современника о том, как вел себя Юлиан в первые часы после своего воцарения, прямо противоположное первому. Вот фрагмент из книги «Писатели истории императоров»:

Те, кто ненавидел Юлиана, рассказывали, что он пренебрежительно высказался об ужине, приготовленном для Пертинакса, и велел организовать себе роскошный ужин с устрицами, дичью, дорогой рыбой. Это явная ложь, ведь Юлиан известен своей воздержанностью к пище. Случалось, что кто-нибудь присылал ему в подарок зайца или поросенка, так он велел разделить их на три части, чтобы еды хватило на три дня. А по большей части и вовсе обходился без мяса, сидел на одних овощах, чаще бобовых, даже если это и не диктовалось религиозными ограничениями. Да и вообще не устраивал никакого пира до тех пор, пока не похоронили Пертинакса. Только после этого он позволил себе немного

подкрепиться, но оставался грустным и удрученным по причине насильственной смерти своего предшественника. Первую ночь он совсем не сомкнул глаз, так его тревожили происшедшие события. На рассвете он принял сенаторов и эквитов, беседуя с каждым уважительно в соответствии с возрастом собеседника, называя их братом, сыном или отцом. А собравшиеся на площади горожане забрасывали его ругательствами, требуя отказать от полученной от солдат власти.

Кому же верить при таких противоречивых свидетельствах? В принципе, само поведение Юлиана в данных обстоятельствах не имеет особого значения, но оно могло бы многое сказать о характере нового цезаря. Но даже если он и был достойным человеком и не вел себя так разнузданно, как утверждают его недруги, и в их числе Кассий Дион, несомненно одно — с самого начала власть Юлиана была очень непрочной. К новому правителю враждебно относились сенат и римские граждане, а вскоре против него выступили также и легионы в провинциях.

И тут снова мы имеем редкую возможность услышать голос современника цезаря. Тот же Кассий Дион рассказывает, как на следующий день он вместе с несколькими патрициями отправился в сенат:

...старались не показывать внешне грусти или недовольства, в отличие от черни, которая не скупилась на выражения. Когда в сенат прибыл Юлиан, чтобы принести жертвы Юпитеру, толпа у входа, словно по данному кем-то знаку, принялась кричать: «Похититель власти! Отцеубийца!» Юлиан старался держаться спокойно и пообещал раздать деньги. Толпу возмутило это предложение, опять раздались крики: «Не подкупишь! Не возьмем твоих денег!» Тут Юлиан не выдержал и велел укротить крикунов из тех, что подобралась ближе.

Несколько трупов не обескуражили чернь — она еще больше разъярилась, только люди отбежали подальше и оттуда проклинали цезаря и продажных гвардейцев, жалели Пертинакса, призывая божественное возмездие на головы виновных. Беспорядки охватили весь город, везде происходили стычки с преторианцами, много людей погибло и получило раны. Огромное пространство Великого Цирка целиком заполнили вооруженные люди, они просидели там всю ночь и весь день без еды и питья, потом изнуренные усталостью и жаждой разошлись, но не успокоились, похоже, они ожидали поддержки в своем протесте.

Было ясно, что легионы и наместники не отнесутся безучастно к убийству цезаря. Легионерам приходилось в очень тяжелых условиях стеречь границы империи, расплачиваясь за это кровью. Почему же только одни преторианцы, живущие в комфортных условиях столицы, ни в чем не нуждаясь и ничем не рискуя, получают возможность выбирать удобного им цезаря, навязывая всей империи свой выбор? То, что произошло сто двадцать лет назад, после смерти Нерона, наглядно подтвердило, что именно легионы могут возвести на трон своих вождей. В 69 году рейнские легионы Вителлия разгромили преторианцев Отона. В свою очередь им нанесли поражение восточные легионы Веспасиана. Верили — история повторяется, вот и на сей раз особые надежды возлагали на Восток, а особенно на наместника Сирии, Гая Песценния Нигера. Он пользовался всеобщим уважением и как государственный деятель, и как прекрасный военачальник. Римляне демонстративно и неустанно скандировали его имя на улицах города, и эхо их возгласов донеслось до сирийской Антиохии, что произвело молниеносный эффект — Нигера тут же провозгласили императором.

Однако почти в то же самое время в военном лагере Карнунте на Дунае, немного восточнее Вены, солдаты провозгласили императором Луция Септимия Севера, наместника Верхней Паннонии. И наконец, о своих претензиях на трон заявил наместник Британии Децим Клодий Альбин. Уже в мае империя узнала — у нее четыре цезаря. Гражданская война стала неизбежной.

Ближе всех к Италии размещались придунайские гарнизоны, а Септимий Север, сказавший о себе, будто он мстит за Пертинакса, действовал энергичней других претендентов. Пока соперники вооружались, его когорты уже быстрым маршем двигались через Альпы. Юлиан не предпринял мер, чтобы помешать их продвижению, не перекрыл горные перевалы, не стянул вспомогательные силы к долине Пада. Тамашние городки сдавались без боя, им было все равно, кто станет цезарем. Как с грустью заметил один из древних писателей, жители Италии уже отвыкли носить оружие, мирно обрабатывая свои поля. При приближении войск Севера они толпами выходили на дорогу с лавровыми ветвями в руках и гостеприимно распахивали ворота города перед своими же, римскими солдатами. Военный флот в Равенне тоже перешел на сторону Севера.

Собрав сенат, Дидий Юлиан приказал ему назвать Севера врагом отечества. Солдатам армий Севера дали несколько дней, чтобы те добровольно сложили оружие, после истечения положенного срока и они будут считаться врагами родины. Все эти меры мало что дали. Правитель попытался прибегнуть и к недозволенным приемам: отправил офицера, приказав ему убить Севера. Император даже обратился за помощью к магам и волхвам, затем, чтобы добиться благосклонности преторианцев, велел казнить Лета и Марцию, виновных в убийстве Коммода. И наконец, решил за-

няться подготовкой Рима к обороне. Преторианцам было велено построить укрепления на предместьях города, были привезены боевые слоны, доставлены моряки с судов в Мизене. Даже сам императорский дворец попытались уподобить крепости. Ничего не удавалось. Преторианцы отвыкли вообще от всякой работы, слоны сбрасывали со спин военные башенки, матросы совсем не умели ходить строем, а попытка превратить дворец в крепость вызывала только смех. Кассий Дион вспоминает:

Наконец Юлиан призвал нас и потребовал, чтобы мы признали Севера его соправителем. А меж тем преторианцы из писем Севера узнали, что им ничего не грозит, если они выдадут убийц Пертинакса и не окажут сопротивления. Тогда они поймали виновных и сообщили об этом консулу Мессале. Он собрал нас в здании Атенеума и сообщил о решении преторианцев. И мы приняли постановление приговорить Юлиана к смертной казни, Севера признали цезарем и причислили Пертинакса к сонму богов. Юлиан был убит во дворце. Умирая, тот сказал: «И что такого страшного я сделал? Прожил 60 лет, 4 месяца и 4 дня, а царствовал 66 дней».

Это произошло, вероятно, 1 июня. О последних словах неудачливого цезаря мы узнали тоже благодаря Кассию Диону. Не случайно здесь приведено много цитат из записок этого человека, добросовестного свидетеля того времени. Они нагляднее, чем целые тома исследований, показывают, как низко пал римский сенат, не говоря уже о продажности придворных гвардейцев. Если же надо как-то охарактеризовать Дидия Юлиана, то, не пускаясь в глубокомысленные рассуждения, можно ограничиться несколькими словами: за всю историю человечества очень немногие добровольно купили собственную смерть за такие бешеные деньги.

СЕПТИМИЙ СЕВЕР

Lucius Septimius Severus

11 апреля 146 г. — 4 февраля 211 г.

Правил с апреля 193 г. до смерти под именем

Imperator Caesar Lucius Severus Pertinax Augustus.

Причислен к сонму богов

ОДИН МЕСЯЦ В СТОЛИЦЕ

Септимий Север, новый хозяин империи, не торопился вступать в столицу. На несколько дней он задержался у ворот Рима, хотя сенат уже наделил его всеми императорскими титулами, хотя бывший император Дидий Юлиан был убит, хотя преторианцы приняли сторону Севера. Вот именно они и были причиной промедления нового цезаря — тот просто не знал, как с ними поступить. Наконец он потребовал, чтобы они в парадных мундирах, но без оружия явились к нему для принесения торжественной присяги верности служения.

Все произошло так, как пожелал император. Преторианцы предстали перед ним стройными рядами под командованием своих офицеров в парадных мундирах, со щитами и значками, но без оружия. В руках они держали лавровые ветви. Им было велено сплотить ряды, якобы для того, чтобы лучше слышать речь цезаря, на самом же деле их тут же окружили плотные когорты придунайских легионеров. Цезарь еще не появился, а легионеры принялись теснить безоружных преторианцев, смыкая вокруг них кольцо и чуть ли не упираясь копьями в растерявшихся придворных гвардейцев. Когда преторианцы поняли, что они стали пленниками, появился император и обратился к ним с речью:

Вы убили Пертинакса, почтенного старца и достойного правителя, хотя вашей святой обязанностью было охранять его и оберегать от всех опасностей. Устроили постыдный торг, за деньги продавая величие власти римского цезаря. И в конце концов изменили даже своему избраннику. Тем самым вы тысячекратно заслужили смерть. Я оставлю вам жизнь, чтобы самому не стать в один ряд с вами, убийцами. Но такие, как вы, нарушившие присягу и обagrившие свои руки кровью цезаря, то есть убийцы и клятвопреступники, недостойны служить никакому государю. В своем великом милосердии я оставляю вам жизнь — и только ее. Вы больше не солдаты. Сложите вот здесь, у ног моего коня, свои мундиры и значки — и прочь из Рима. А если когда-нибудь кто-то из вас появится ближе ста миль от города, тот будет предан смерти. И в этом я клянусь.

У преторианцев отобрали все украшения, пояса, щиты, короткие парадные кортики. С площади опозоренные вояки уходили лишь в одних коротких туниках, не помня себя от ярости, но не решаясь даже словом возразить, счастливые уже оттого, что остались в живых. Тем временем в городе их казармы и склады с амуницией уже заняли люди Севера.

И только потом — а было это в первые дни июля — новый властитель въехал в Рим. До самых городских ворот ехал на коне, во всеоружии. Но тут остановился и военное убранство сменил на обычную одежду, то есть надел тогу и уже шел пешком. Тем самым Север наглядно показал, что он пришел не как завоеватель, а как законно избранный правитель. Однако сопровождавшие его пешие когорты и конные эскадроны ехали в полном боевом вооружении. Кассий Дион вспоминает:

Это было самое великолепное зрелище из всех, которые мне доводилось видеть! Город в праздничном уб-

ранстве, везде венки из цветов, ковры из цветов и люди в праздничных одеждах. Пылают огни, воздух пронизан благовониями. Радостные светлые одежды горожан и их приветственные возгласы создавали необыкновенную торжественность. Великолепно смотрелись солдаты в своих блистающих доспехах. И мы, сенаторы, тоже шли правильным строем, с трудом удерживая порядок, так как со всех сторон напирал народ, желая непременно увидеть цезаря и услышать его слова. Многие просили соседей приподнять их, и так они помогали друг другу.

Пора рассказать о человеке, которого так радостно встречали римляне, о его жизненном пути, приведшем на трон. Родился Септимий Север в 146 году, значит, ему уже было около пятидесяти, когда он стал цезарем. Рослый, статный, с густыми вьющимися волосами и энергичными чертами лица, с модной бородой, он выделялся в любом окружении. Выходец из африканского города Лептис Магна, он был довольно высокого происхождения — из сословия эквитов, второго по значимости в римской иерархии после сенаторов. На побережье Ливии до сих пор хорошо сохранились развалины крупного города Лептис Магна, дающие представление о впечатляющих роскошных постройках древности и богатстве его жителей. В роду Северов двое занимали в свое время должности консулов, но особыми заслугами этот род не прославился. Как все мальчики из аристократического рода, Септимий получил соответствующее воспитание и образование — риторика, греческий, латынь. Официальным началом его гражданской деятельности можно считать речь, которую он произнес в 18 лет в своем родном городе по какому-то торжественному случаю, эта речь произвела большое впечатление на слушателей. Историки отмечали,

что у него всегда чувствовался небольшой акцент в произношении, свидетельствующий о его неитальянском происхождении, возможно, некоторая гортанность? Не исключено и влияние семитских языков, широко распространенных в том регионе.

Для продолжения образования, вероятнее всего в области юриспруденции, Септимий Север переехал в Рим, где его опекуном стал родственник, сенатор и двукратный консул. Видимо, по его просьбе император Марк Аврелий разрешил молодому человеку носить тогу с широким поясом, что свидетельствовало о принадлежности к сенаторскому сословию и давало право претендовать на самые высокие должности в государстве. Обязательную воинскую службу Север, скорее всего, начал трибуном, то есть штабным офицером, затем шагнул еще на ступеньку вверх, став квестором — высшая должность в казначействе. В этой должности он хорошо зарекомендовал себя в южной Испании, но тут пришлось вернуться на родину, в Африку, чтобы по смерти отца заняться проблемами наследства. Затем его направили на службу в Сардинию, а потом опять он вернулся в Африку уже в качестве легата при наместнике.

Два года, 174-й и 175-й, он занимал должность народного трибуна в самом Риме, женился на Марциане. Жена рано умерла, родив ему двух дочерей, но Север сохранил о ней благодарную память на всю жизнь. Он занимал высокую должность в северной Испании, откуда его перебросили в Сирию руководить Четвертым скифским легионом. Тут его непосредственным начальником был Гельвий Пертинакс, ставший затем цезарем. И в Сирии же он познакомился с красивой и умной девушкой. Ее звали Юлия Домна, она была дочерью жреца бога Ваала в Эмесе.

С началом правления Коммода карьера Севера прервалась, похоже, у него не складывались отношения с

новой властью. Он отошел от дел, уединился в Афинах, занялся учением и стал путешествовать. Однако вскоре о нем вспомнили и назначили наместником в Лугдунской Галлии, со столицей в Лугдуне (современный Лион). Вероятно, именно там он первый раз встретился с Песценнием Нигером, оба участвовали в подавлении восстания Матерна. И тогда же он женился на Юлии Домне. Друзья помогли ему получить ее руку. Их первый сын, Септимий Бассиан, впоследствии император Каракалла, родился в Лугдуне. Вторым сыном был Публий Септимий Гета.

Заслуги в Галлии обеспечили Северу получение первой консульской должности, а со 190 года он стал наместником Верхней Паннонии на Дунае. Там размещались три римских легиона, главной их базой был лагерь в Карнунтуме, к востоку от современной Вены. За два года пребывания на этой должности Север приобрел уважение и большую популярность как среди населения провинции, так и в военной среде, поэтому, когда в апреле 193 года пришло известие об убийстве цезаря Пертинакса и позорном торжище, устроенном преторианцами за обладание властью в Римской империи, паннонские легионы объявили цезарем своего военачальника. Ему же они поручили отомстить за смерть Пертинакса, который в свое время тоже был наместником Паннонии и оставил по себе там добрую память.

Быстрый марш от Дуная до Рима занял месяц. По дороге армия, как правило, не встречала сопротивления, практически никто не поддержал Юлиана, так нагло купившего себе императорский титул. Правителем империи впервые стал не европеец, а выходец из Африки. Сенат встретил его покаянной речью у ворот Рима. Затем воины уже вместе с сенаторами пробились к Капитолию сквозь запруженные толпами улицы столицы. Принеся жертвы богам в храме Юпи-

тера, Север направился к императорскому дворцу на Палатине, в те самые покои, которые всего несколько дней назад занимал Юлиан, а тремя месяцами раньше — Пертинакс.

На следующий день цезарь выступил с программной речью в сенате, развернув перед законодателями красочную картину предстоящего царствования, как поступают практически все начинающие государи.

Я пришел, чтобы отомстить за убийство Пертинакса. При мне важнейшие государственные должности будут занимать только достойнейшие. Без решения судьи ни один сенатор не будет приговорен к смертной казни или конфискации имущества. Доносителей я не потерплю. В моих чаяниях — чтобы все граждане жили в достатке и спокойствии. Мой идеал — Марк Аврелий, а к своему имени я прибавлю еще имя Пертинакса, ибо буду стремиться продолжать именно его способ правления.

По предложению Севера разработали и приняли следующее постановление: поскольку цезарь поклялся ни одного сенатора не покарать смертью, то, если он эту клятву нарушит, да будет признан врагом народа и он, и тот, кто ему в этом поможет. По иронии судьбы получилось так, что вскоре одной из первых жертв новой власти стал сенатор, один из предложивших текст данного постановления.

Более прохладно было принято сенаторами постановление цезаря о порядке набора новых воинов в императорскую преторианскую гвардию. До сих пор в выборных когортах служили молодые люди лишь из Италии и наиболее романизованных провинций империи. Новый император решительно покончил с этим правилом. Отныне преторианская гвардия станет набираться из солдат приграничных легионов. Переход

лучших солдат в столицу был для отличившихся своего рода повышением по службе и наградой.

В ближайшие дни преторианцами стали самые верные сторонники Септимия Севера, и, естественно, большинство из них принадлежало к придунайским легионам, объявившим его цезарем. Для итальянской молодежи призывного возраста, и без того не очень стремившейся к военной службе, эта самая выгодная и самая до сих пор легкая дорога к карьере — в Риме, в столице, — оказалась практически недоступной, опытные боевые вояки из пограничных легионов на голову превосходили их и боевой выправкой, и боевым опытом. А ехать служить на границу изнеженным молодчикам из зажиточных семей совсем не хотелось. Да и какой от них был бы там толк? Годами служить в опасных регионах, рискуя головой и перенося трудности сурового климата, и только для того, чтобы, если повезет, вернуться в столицу и стать преторианцем?

Может быть, и это решение императора косвенно стало причиной процесса дегенерации в столице, в центре империи, там, где билось ее сердце. С другой стороны, в Риме вдруг оказалось множество пришедшего народа, обладавшего большими полномочиями и часто очень малой культурой. Отряды, вошедшие в Рим вместе с новым императором, доставляли горожанам множество неприятностей, ведь brave вояки зачастую были истинными варварами, впервые оказавшимися в богатейшем городе мира.

По традиции, новая власть начала с организации великолепных зрелищ и раздачи подарков горожанам и солдатам. Самым впечатляющим и великолепным зрелищем стало вторичное, символическое погребение императора Пертинакса. Как мы уже заметили, Север делал все, чтобы доказать, что он правитель, законно избранный, и мстит за убийство своего предшественника. Он присоединил к своим именам имя Перти-

накса и повелел называть его при всех торжественных случаях, в клятвах и молитвах. Золотую статую Пертинакса первой везли на роскошной колеснице в любой торжественной процессии. В театрах для Пертинакса ставился особый золотой трон. Вершиной же всех этих величайших знаков внимания по отношению к погибшему императору стали упомянутые повторные похороны. Подробное описание оставил Кассий Дион, и стоит ознакомиться с ним, самым подробным и образным из всех дошедших до нас из древности описаний данной церемонии.

На Форум Романум, главной площади Рима, у мраморной трибуны построили деревянный помост. Под крышей, опирающейся на колонны из золота и слоновой кости, установили катафалк в окружении роскошных пурпурных ковров, расшитых золотом. На катафалке возлежала восковая фигура Пертинакса в одеянии триумфатора. Фигура была удивительно похожа на умершего императора, и, чтобы еще больше усилить сходство с якобы заснувшим цезарем, стоявший рядом прекрасоликий паж медленно и величаво отгонял павлиньим опахалом якобы досаждавших спящему мух. Север, за ним сенаторы с женами приблизились к катафалку, к ним медленно присоединялись прочие должностные лица и простые горожане, все в траурных одеждах. Началась торжественная церемония прощания. Сначала прошествовали скорбящие, которые несли статуи знаменитых римлян минувших столетий; их сменил хор мальчиков, исполнивший погребальный гимн в честь Пертинакса. Затем несли бронзовые — символически изображавшие покоренные Римом народы — статуи, убранные в национальные одежды. Затем шествовали стройными рядами представители самых популярных профессий римлян — ликторы, писцы, торговцы и проч. Затем опять появились статуи, изображавшие рим-

лян, прославившихся либо наиболее достойным образом жизни, либо достопамятными деяниями. Затем проследовали отряды пехоты и конницы, воины были в полном вооружении. Затем вели отличных породистых рысаков в роскошном конском убранстве. Потом пронесли дары покойному от цезаря, сенаторов, их жен, эквитов, отдельно дары от городов и селений и цехов ремесленников. В заключение пронесли позолоченный алтарь из Индии, украшенный слоновой костью и драгоценными камнями.

Когда торжественное шествие закончилось, на трибуну поднялся цезарь и зачитал похвальное слово Пертинаксу, о чем тоже вспоминает Кассий Дион:

А мы постоянно прерывали его чтение окриками, то восхваляя покойного, то оплакивая его, а когда закончилась речь, мы еще неоднократно повторяли все эти восклицания. Когда же пришли забрать погребальные носилки с саркофагом, мы все, как один человек, издали жалобный стон и раздались рыдания. Носилки снесли с помоста самые высокие должностные чины, назначенные на этот год, а внизу к ним присоединились назначенные и на следующий год, а также эквиты. Мы шли первыми, бия себя в грудь и испуская жалобные стоны, а цезарь медленно плелся последним. Так пришли мы на Марсово Поле, где уже был приготовлен трехэтажный костер, украшенный золотом, слоновой костью, дорогими статуями, а на его вершине стояла позолоченная колесница, которой управлял сам Пертинакс. На костер положили погребальные носилки и забросали его подарками. Затем Север и родственники Пертинакса поцелуем простились с восковым изображением Пертинакса. Потом цезарь поднялся на трибуну, а мы, сенаторы, сели на деревянные скамьи, чтобы видеть дальнейшее с безопасного расстояния, но с

удобствами. Прочие чиновники стояли позади нас, а также солдаты — пешие и на конях. Но вот консулы зажгли костер, и в то же мгновение в небо взлетел орел. Вот так Пертинакс шагнул в бессмертие.

Весь июнь продолжались все эти торжества и шествия, игрища и собрания. Только один месяц. Септимий Север был человеком дела и отдавал себе отчет в том, каково положение государства и что предстоит сделать. Он понимал, что его собственное положение не так уж прочно, как можно было судить по великолепию торжественных церемоний. Он не забывал, что ему угрожали еще два претендента на престол, Клодий Альбин в Британии и Песценний Нигер в восточных провинциях. Первого из них, менее опасного, поскольку войска у него было меньше, Север еще по пути в Рим сумел обезвредить, он адоптировал его, то есть признал приемным сыном и соправителем и дал ему титул цезаря. Альбина это вполне устроило, тот пообещал лояльность, но предусмотрительный Север послал своего доверенного человека в западные провинции, чтобы тот проследил за бывшим претендентом.

Совсем по-другому обстояло дело с Нигером. В его распоряжении кроме сильной армии были и значительные ресурсы восточных провинций, да и сам он был человеком энергичным и сильным. Он пользовался популярностью у римлян, они именно его хотели видеть мстителем за гибель Пертинакса. Этого не удалось бы подкупить титулами и обещаниями. Хуже того, разошлись слухи, что его легионы уже двинулись в наступление.

Девятого июля 193 года Север был вынужден двинуться в поход, пробыв в столице не больше месяца. И это стало началом изнурительной гражданской войны, по своим масштабам самой крупной за прошедшие сто двадцать лет, со времен смерти Нерона.

ПЕСЦЕННИЙ НИГЕР

Gaius Pescennius Niger Iustus

До 140 г. — осень 194 г.

Правил под именем Imperator Caesar Gaius

Pescennius Niger Iustus Augustus

с апреля 193 г. до смерти.

Не был причислен к сонму богов

В данном случае мы впервые задаемся вопросом: вправе ли мы поместить этого цезаря в галерею римских цезарей? С одной стороны, факт остается фактом: свыше года Песценний Нигер управлял громадными восточными территориями империи, располагал большой воинской силой, был хозяином множества городов в нескольких провинциях, назначал наместников этих провинций и командующих отдельными армиями, чеканил свою монету. С другой стороны, по закону Нигер не имел права власти, ибо сенат его не назначал. Тем не менее именно признание сенатом давало ему законную силу цезаря, пусть даже перед этим легионы уже провозгласили его императором. Императорских полномочий он легально не получил. Нелишне еще раз напомнить: римского цезаря не короновали, то есть, назначая его главным властителем империи, не соблюдали никаких особых церемоний, не приносили особых жертв богам в многочисленных храмах. Самым главным и единственным законным актом провозглашения цезаря было соответствующее назначение сената, оно же даровало новому императору всевозможные титулы и наделяло особыми правами. В случае с Нигером такого акта не было, по очень простой причине: он не успел захватить Рим, местопребывание сената. Дунайские легионы Септимия Се-

вера опередили его, первыми прибыв в столицу. Что в таком случае оставалось делать сенату? Именно то, что он и сделал, — послушно утвердить все решения, принятые фактическим правителем — Септимием Севером. Если бы первым появился в Италии и прибыл в Рим Песценний Нигер, его, по всей вероятности, встретили бы с гораздо большим энтузиазмом, а сенат еще охотнее сделал бы его государем. Всем было известно, какой искренней популярностью пользовался Нигер и среди простого люда по всей империи, и среди жителей столицы. Именно его громогласно призывали толпы в кратковременное правление Дидия Юлиана, его имя каждый раз скандировалось в цирках и на улицах Рима. И именно известие о настроениях римлян стало главной причиной объявления Нигера цезарем в апреле 193 года при всеобщей радостной поддержке жителей Антиохии. Так что есть все основания поместить этого полудержавного властелина и выдающегося государственного деятеля в галерею римских цезарей. Песценний Нигер был настоящим правителем значительной части империи, а также имел многих явных и неявных приверженцев как в самой Италии, так и в сенате. Посвящая ему отдельную главу, тем самым мы даем читателю представление о реальном раскладе сил в то время и полнее воссоздаем картину разгоревшейся в империи гражданской войны между цезарем нелегальным, каким был Песценний Нигер, и официальным, Септимием Севером.

Гай Песценний Нигер родился между 135 и 140 годом в Италии, в местечке Аквин, к югу от Рима, в долине реки Лирис, недалеко от Монте-Кассино. Выходец из сословия эквитов, он прошел путь, типичный для представителей не очень состоятельных семей патрициев. Как положено, отбыл воинскую службу, служил в разных частях, быстро продвигаясь по служебной лестнице благодаря незаурядным способностям

и настойчивости. Около 180 года вошел в состав сената, вскоре получил должность консула — высшую в Римской империи. В 183 году стал наместником Даккии. В 188 году вместе с Септимием Севером участвовал в подавлении восстания Матерна в Галлии. Со 191 года стал наместником Сирии, одной из важнейших провинций Римской империи. Он проявил себя отличным воином и умным администратором. А уже не раз упоминавшийся нами Кассий Дион оценивает Нигера не очень высоко. По мнению историка, Нигер ничем особенным не отличался, не заслуживает щедрых слов похвалы, но и ничего плохого о нем не скажешь. Вот разве что как командир всегда требовал соблюдения чересчур строгой дисциплины. Впрочем, таким же требовательным он был и по отношению к себе, не давал себе никакой поблажки, разделяя с солдатами все тяготы военной службы. Импонировал он своим подопечным и внешностью: высокий, с сильным и звучным голосом, так что, когда он говорил что-то солдатам на открытом плацу при сильном ветре, его отлично слышали все на расстоянии тысячи шагов. Во времена, когда не было микрофонов и других устройств, усиливающих звук, это имело большое значение.

Греческий историк Геродиан, возможно даже, уроженец Сирии, утверждает, что

сирийцы испытывали симпатию к Нигеру, который милостиво ими правил и даже участвовал в их сирийских религиозных празднествах, а местные жители всегда устраивали их с особым тщанием. Особенно преуспевали в этом жители Антиохии, города огромного и богатого, так вот там чуть ли не весь год что-то обязательно празднуют или в самом городе, или на его окраинах. Нигер же предоставил им полную свободу в этом, да еще вдобавок устраивал сам для местного

населения веселые игрища, которые сирийцы очень любили, — неудивительно, что его весьма почитали.

Поэтому церемония объявления легионерами Нигера цезарем стала для антиохийцев радостным и торжественным событием. Наконец-то и Антиохия удо-стоилась чести дать цезаря Римской империи! Впрочем, история повторилась: более 120 лет назад именно легионеры именно восточных римских провинций провозгласили цезарем своего вождя Веспасиана. Вот и теперь жители города ожидали, что на их город, на всю провинцию польется щедрый дождь благоденствий благодарного императора, когда он станет хозяином империи. Геродиан продолжает:

Они набросили ему на плечи пурпурный плащ, со-брали, сколько могли, других знаков императорского достоинства, и при зажженных факелах торжественно проводили его в храм. А дом его так убрали, чтобы он стал похож на императорский дворец.

Мог ли кто-нибудь из этих искренне радующихся людей предположить, как дорого придется им заплатить за свою искреннюю радость, какие несчастья обрушатся на город и его жителей? Тогда никому такое даже и в голову не пришло, триумф нового цезаря им представлялся законным и обещающим людям безбедную жизнь. Люди верили в непобедимые легионы, стоящие на страже Евфрата, к тому же отовсюду, из многих городов и легионов приходили вести, что и другие восточные провинции поддерживают нового императора, Песценния Нигера. У него оказались внушительные силы: три сирийских легиона, два в Каппадокии, один в Аравии, один в Египте. Ему пообещали поддержку и даже поклялись в верности многие цари и вожди соседних народов, в том числе

Армении и Парфии. И как сообщает нам Геродиан, «упоенный такими надеждами, он успокоился и предался радостям и наслаждениям, все дни проводил в пирах с антиохийцами и в театрах, совсем не думал о походе на Рим, а туда следовало бы поспешить в первую очередь». Нигер потерял как минимум два месяца, которые ловко использовал Септимий Север для усиления своего влияния и на подготовку к войне с соперниками.

Вначале пришлось отражать нападение восточных войск под командой Эмилиана, энергичного наместника Азии, но те поставили довольно ограниченную задачу — захватить плацдармы по европейской стороне проливов, ведущих к Черному морю. Они осадили и захватили город Византий, или Византий, — впоследствии Константинополь, теперь Стамбул — и даже немного продвинулись на запад, но и только. Их остановил Септимий Север, организовавший контрнаступление, отозвав часть легионов с южного Дуная и поручив руководить ими опытным вождям. Пришлось Нигеру с Эмилианом отвести свои войска обратно на азиатский берег, восстановив границу Римской империи. Однако Византий остался в руках их сторонников. Те из нас, кто имел возможность побывать в Стамбуле, наверняка восхищались его мощными оборонительными стенами, сложенными из колоссальных каменных блоков правильной формы, так плотно прилегающих друг к другу, словно это не рукотворная стена, а настоящая скала. Она окружала город с древнейших времен, вот и войска Севера, осадившие город, приготoвились к многомесячной осаде.

Сам Север появился в зоне военных действий лишь осенью 193 года. Его вожди разгромили силы Эмилиана под городом Сизикос в грандиозной братоубийственной битве. Эмилиан пытался спастись бегс-

твом и по пути был убит. Но и смерть не спасла его от обвинений его союзников, что в поражении виноват именно он. Ему приписывали медлительность и нерешительность воинских операций, а некоторые прямо называли его изменником. Предполагалось, что столь нерешительные действия Эмилиана объяснялись его тревогой за сыновей, которых Север захватил сразу же по вступлении в Рим. Впрочем, так же поступал цезарь и по отношению к родственникам других своих врагов из восточных провинций, как военачальников, так и просто высоких государственных чинов, выступивших против него. Обычная в древности тактика — держать в качестве заложников близких родственников своих врагов, манипулируя ими по своему усмотрению. Впрочем, такой способ действия и нам знаком не понаслышке, достаточно вспомнить террористов и киднепперов.

Появление самого императора на Востоке империи кардинальным образом повлияло на сложившуюся там обстановку. Дело в том, что города восточных провинций империи, особенно расположенные по соседству, испокон веков соперничали друг с другом из-за земель, связанных с ними привилегий, прибыли от торговли. В мирные времена и под присмотром сильного римского покровителя эти противоречия сдерживались, не приобретая большого размаха, однако же римская гражданская война предоставила редкий повод для того, чтобы снискать признание одного из двух претендентов на звание римского императора, принимая сторону того или другого.

Вышло так, что, когда Никомедия открыла свои ворота войскам Севера, жители Нисы стали изо всех сил поддерживать Нигера. Осенью и в начале зимы 193 года эти два города стали основными базами для двух враждующих армий. Совершенно справедливо Геродиан с густою отметил:

Извечная болезнь греков... Всю свою историю одни из них восставали против других, страстно желая уничтожить соперника, возымевшего наглость возвыситься над ними; они вконец разоряли Грецию. В междоусобных войнах ослабели и разорились, стали легкой добычей македонцев, попали в рабство к римлянам. Эта болезнь зависти и ненависти вошла в плоть и кость городов, которые в наши времена были сильными и процветающими.

В январе 194 года произошла другая крупная битва у города Киос, длительная и кровопролитная. Долгое время не удавалось выявить победителя. Сначала побеждали, казалось, солдаты Севера под командованием генерала Кандида, одного из лучших полководцев Севера. Потом, когда его противников возглавил сам Нигер, сторонники Севера в смятении стали поддаваться. В критический момент Кандиду удалось воодушевить командиров легионов и опять повести солдат в наступление. Только наступившая темнота спасла легионы Нигера от полного разгрома. Остатки некогда могучей армии спешно отступили к Востоку. Нигер распорядился прислать помощь из городов Малой Азии, а имеющимися силами перерезал все горные тропы и перевалы горного массива Тавра, откуда пути вели в Киликию и Сирию.

Никто в лагере побежденных не думал сдаваться, хотя отовсюду приходили дурные вести. Самой плохой была весть о решении Египта признать Севера законным императором, и уже в феврале 194 года на служебных документах появилась его виза. Соперничество соседних городов, погубивших Грецию, проявилось и в других странах. Так же вели себя города в остальных провинциях Малой Азии, а также в Сирии, Финикии, Палестине. Поскольку жители сирийской столицы Антиохии сохраняли свою верность Ниге-

ру, их соседи из недалекой Лаодикии стали яростными сторонниками Севера. Точно такое же произошло и в Финикии (теперь это частично территория Ливана). Город Берит (современный Бейрут) твердо держался за Нигера, поэтому в Тире принялись разрушать его памятники. В Палестине начались стычки между евреями и самаритянами. Разъяренный Нигер направил в Лаодикию и Берит мавританских лучников, славившихся своей жестокостью. Им было официально разрешено убивать, грабить, уничтожать и разрушать, что они и выполнили — тщательно и с большой охотой.

Тем временем Септимий Север двигался по Малой Азии, и везде граждане его встречали, как и положено добрым верноподданным. Об этом, в частности, свидетельствуют и дошедшие до нас монеты, — города чеканили их в честь нового императора. Летом 194 года его войска подошли к подножию мощного горного хребта Тавр и в растерянности остановились. Горные проходы, и без того труднодоступные, оказались перекрыты отрядами неприятеля. Ну что можно сделать, если с одной стороны узкой горной тропы возвышается отвесная скала, с другой — зияет бездонная пропасть, а сама тропа перекрыта недавно построенной каменной стеной? Можно, конечно, попытаться пройти по этим тропам, что и попытались сделать наиболее отважные римские воины, но безуспешно. Они совсем пали духом, но тут сама природа пришла им на помощь. Однажды ночью разразилась неожиданная гроза. Она продолжалась много часов, гром грохотал не переставая, горы освещались беспрестанными молниями, разверзлись хляби небесные, и с вершин хребта по выдолбленным расщелинам хлынули мощные потоки воды. Они моментально размыли фундаменты защитных стен, и эти фортификации за какой-то час превратились в небольшие груды бесформенных развалин, смываемых в ущелья. Частично туда же смы-

ло и их защитников, и без того потерявших головы от гнева богов; уцелевшие расползлись по горам, как сумели.

Мужество Нигера не поколебал даже божий гнев, «нелегальный» цезарь еще верил, что сможет победить. Его поддержали верные жители Антиохии. Молодежь города, совсем еще юнцы, но отважные духом и верившие своему предводителю, образовали добровольные военные отряды, и хотя им трудно было справиться с опытными римскими legionерами, профессиональными воинами, поднаторевшими в боях, они отважно им противостояли. Решающая битва произошла в сентябре 194 года на равнине под местечком Исс, на том самом месте, где в 333 году до н. э. Александр Великий разгромил полчища персидского царя Дария. Исс не случайно оставил такой след в истории, этот важный стратегический пункт расположен на прибрежном шляхе вдоль границ Киликии и Сирии, причем местность здесь словно специально создана для театра военных действий: на заднем плане горы амфитеатром спускаются к просторной равнине, которая резко обрывается в море. Восточные легионы под личным командованием Нигера заняли тактически выгодную позицию на холме, возвышающемся посередине равнины. С правой стороны их защищал лес, слева — морской обрыв. Легионеры Севера под командованием Ануллина двинулись на холм в привычном строе *testudo* (черепаха), как они обычно нападали на осаждаемый город. Формой такое построение действительно напоминало панцирь черепахи. Солдаты первого ряда выставили щиты перед собой, солдаты крайние в следующих рядах — сбоку, остальные же подняли их горизонтально над головами. Завязалась ожесточенная битва, и, несмотря на весь боевой опыт прославленных дунайских легионов, казалось, победу одерживают воины Нигера. Уже близился вечер,

когда ситуация вдруг резко изменилась — по двум причинам. Опять разразилась внезапная гроза, сильный порывистый ветер и секущие струи ливня как бы поддерживали напор наступающих, дуя прямо в лицо воинам Нигера. И тут у них в тылу вдруг появилась конница Севера, которой удалось обойти лес. Солдаты Нигера заметались меж двух огней. Немногим удалось пробиться; большинство пало на поле боя, — по сохранившимся сведениям, около двадцати тысяч.

Нигер на своем отличном боевом коне в сопровождении небольшого отряда домчался до Антиохии. Тут уже царил паника. Крики, стоны, плач. Кто мог, спасся бегством. Нечего было и думать о защите города. Тогда неудачливый цезарь решил двинуться дальше, перейти Евфрат и искать пристанище у парфянского царя. По одним данным, Песценний Нигер не смог покинуть Антиохию и был убит на одной из вилл при выезде из города. По другим — его убили уже недалеко от пограничной реки. Торжествующие всадники принесли Северу отрубленную голову врага, а тот повелел отправить ее немедленно к все еще осаждаемому Византию и там демонстративно носить ее под стенами города, чтобы осажденные убедились — им уже не на что рассчитывать.

Многие из сторонников Нигера, в том числе и римские легионеры, сбежали в Парфию. Правда, Север объявил амнистию тем, кто поверил «самозванцу и тирану», да не все на нее понадеялись. Потом стало известно, что массовый наплыв в Парфию отлично выученных, дисциплинированных и отважных римских легионеров, профессионалов, овладевших всеми воинскими искусствами, весьма способствовал повышению обороноспособности Парфии.

До этого они умели пользоваться лишь луком, сидя на конях, не имея никакой защитной одежды; копьями

пользовались, но не очень охотно — не хватало храбрости драться пешими, легко одетыми, с одним только копьем и мечом. Чаще всего они применяли такой способ ведения боя: убегали от противника на конях не оборачиваясь, отстреливаясь из луков. И только римляне, поселившиеся в их стране, — а среди них многие были умелыми ремесленниками, — научили их не только пользоваться римским оружием, но и изготавливать его.

Если такое свидетельство современников и преувеличено, то не слишком. А вообще в истории известно много таких случаев, когда изгнанники или беглецы знакомили жителей новой (для беглецов) страны со многими полезными изобретениями своей родины. Вспомним хотя бы гугенотов, массово бежавших из Франции, или исход евреев из гитлеровской Германии.

Победитель наказывал и награждал как отдельных лиц, так и целые города. Правда, большинству сенаторов из тех, кто перешел на сторону Нигера, он даровал жизнь, но большинство из них лишилось состояния или было изгнано на безлюдные островки. Тот же, кто вносил какую-то сумму для Песценния Нигера, добровольно или по принуждению, обязан был внести в казну Севера сумму, вчетверо большую. Вдову Нигера и его взрослых сыновей сначала приговорили к изгнанию, но потом казнили. Очень пострадали крупные города, поддержавшие Нигера, зато выиграли те, кто вовремя перешли на сторону Севера. Антиохию лишили права называться городом и в качестве деревни присоединили к торжествующей Лаодикии. Еще хуже обошлись с Византием, который сдался только в 195 году. Его чиновников и виднейших граждан предали смерти, у города отобрали право на автономию и присоединили, назвав деревней, к соседнему Перинту. Разрушили и его великолепные крепостные стены.

«Я видел их в развалинах, — пишет Кассий Дион, — и это выглядело так, что их повалили какие-то варвары, а не римляне». Да и в самом деле, вряд ли разумно было разрушать стены такого стратегически важного города, — это могло нанести только вред империи. И в самом деле, прошло несколько лет, Византий обрел свои прежние права и приступил к восстановлению стен. Победил здравый смысл и интересы государства, одержав верх над политическими пристрастиями. Так часто происходило в истории человечества, — к сожалению, здравый смысл торжествовал с некоторым опозданием. Как всегда, история редко учит.

Весть о сдаче Византия застала Севера в Месопотамии. Дело в том, что цезарь в 195 году отправился в большой поход за Евфрат. На Востоке для Рима сложилось угрожающее положение. Парфянский царь не только поддерживал Нигера, но и воспользовался благоприятной ситуацией, беспрестанно опустошая союзную Риму Армению, Сирию, угрожая римскому господству на всей Малой Азии. Парфянская война продолжалась с перерывами четыре года (195—198 гг.). Септимий Север хотел наказать приграничные народы за их помощь Нигеру, а также укрепить и расширить римское влияние на землях парфян. Надо бы продемонстрировать этим варварам мощь Римской империи, чтобы помнили ее и впредь опасались гневить великую державу. Ему удалось не только отразить нападения парфян, но и захватить Месопотамию и обе парфянские столицы, Селевкию и Ктесифон. На захваченных землях была создана новая римская провинция — Месопотамия.

А начал он с изнурительной войны на землях Осроены в излучине Евфрата. Ее тоже сделали новой римской провинцией. Затем Север двинулся на восток и занял город Нисибис, который сделал своей главной военной базой. Оттуда он выслал три корпуса для

укрощения кочевников пустыни. Это были нелегкие походы и не всегда успешные. Но и сделанного хватило, чтобы Север получил право к своим прежним титулам добавить Арабский и Адиабенский (земли Адиабены он тоже присоединил к империи).

В это же время ему пришла в голову мысль соединить себя с предыдущей династией. Он сделал это своеобразно: официально велел именовать себя впредь братом Коммода, внуком Антонина Пия, правнуком Адриана, праправнуком Траяна. Какова цель такой самовольной адаптации? Скорее всего, надо было утвердиться в правомочности своей власти. А также сообщить всем гражданам огромной империи, что теперь, после устранения самозванца Нигера, законный император непосредственно связан с лучшими традициями прежних правителей империи.

КЛОДИЙ АЛЬБИН

Decimus Clodius Albinus

Ок. 140 г. — 19 февраля 197 г.

С весны 193 г. соправитель и приемный сын
Септимия Севера — *Clodius Septimius Albinus*
Caesar.

С января 196 г. именовался *Imperator Caesar*
Decimus Clodius Septimius Albinus Augustus.
К сонму богов не причислен

В отличие от Песценния Нигера, в данном случае нет никаких сомнений о законности внесения имени этого императора в галерею римских цезарей, хотя цезарем он числился лишь формально. Сам Септимий Север, законный император, еще весной 193 года перед сенатом присвоил Альбину титул цезаря, то есть сделал его как бы своим младшим коллегой, разделяющим с ним и звания, и фактическое правление империей. Более того, усыновил его, приняв в свою семью и дав ему свою фамилию. Думается, что Север поступил так не просто из чувства симпатии к человеку, которого почти не знал, а может быть, и вообще никогда не видел. Это была политическая игра на благо государства. В тот период Клодий Альбин держал в своих руках Британию, будучи ее наместником, и мог рассчитывать также на поддержку Галлии и даже Италии, вот цезарь и попытался нейтрализовать возможного соперника и гарантировать империи спокойствие, по крайней мере, на ее западных границах при таком сложном положении на Востоке, ведь сам он должен был как можно быстрее выступить с войском против Нигера.

Два императора, Север и Альбин, формально отец и сын, были почти ровесниками, во всяком случае,

относились к одному поколению 50-летних. Поскольку Клодий Альбин был выходцем из африканского города Хадрумента, что на землях нынешнего Туниса, то их обоих можно считать и земляками, ведь Север родился в городе Лептис Магна, на границе с Ливией. Происходил Клодий Альбин из старинного сенаторского рода, сделал карьеру, обычную для знатных людей, начиная с воинской службы. Служил в разных родах войск и в разных регионах, его быстро повышали в званиях; затем, перейдя на гражданскую службу, он стал и сенатором. В царствование Коммода хорошо проявил себя в Дакии, что дало ему звание консула. Затем прославился умелым покорением германских племен за Рейном и, видимо, в награду его назначили наместником Британии.

Когда ранней весной 193 года туда пришла весть, что в Риме убит император Гельвий Пертинакс, а императорское звание у преторианцев купил Юлиан, легионы на острове провозгласили императором своего наместника Клодия Альбина, как дунайские своего — Септимия Севера, а сирийские — Песценния Нигера. Однако Альбин, видимо, будучи по природе человеком не очень энергичным и без особых амбиций, отнюдь не настаивал на том, чтобы стать единственным цезарем или хотя бы первым из властителей империи, и охотно принял предложение Севера сотрудничать с ним и быть соправителем под именем цезаря. Не исключено, что он трезво взвесил свои силы и силы Севера, а уж до Рима никак не мог добраться раньше его. Гражданская война была неизбежна — это Альбин понимал; и чем она закончится — кто знает. Лучше уж удовлетвориться малым, сохранять спокойствие, зато в Британии он правит самостоятельно, а сюда вряд ли какие недруги доберутся. Это первый случай в подтвержденной документально истории Британии, когда ее отдаленность и островное географическое

положение гарантировали ей безопасность. Таким вот образом появился термин, в наше время известный юристам как *splendid isolation*¹

Во всех войнах, которые Север вел на Востоке в 193—195 годах, сначала против Нигера, а потом в Месопотамии, Клодий Альбин соблюдал лояльность по отношению к нему. Возможно, Альбин отдавал себе отчет в том, каким на самом деле жестоким и бескомпромиссным политиком был Септимий Север, но не поддерживал его врагов, как честный человек, не желая усиливать и без того братоубийственную бойню в Римской империи. Север же соблюдал видимость их дружеских отношений.

Одержав победу на Востоке, Север почувствовал себя сильным и отбросил притворство. Уже не было необходимости угождать перед Клодием Альбином, Север теперь был очень силен, а вот Клодий стал представлять для него потенциальную опасность — все-таки в его распоряжении находились три отличных британских легиона, а многие и в самом Риме, и в других провинциях симпатизировали ему. Некоторые даже поддерживали с ним постоянные связи, о чем, разумеется, императору было хорошо известно. Он же оставался для многих единственным достойным соперником Севера после гибели Нигера. Еще бы, ведь он выходец из рода сенаторов, официально цезарь, порядочный и неглупый человек, а Север очень многих настроил против себя за прошедшие года проявленной в гражданской войне невиданной жестокостью против сторонников Нигера.

Еще будучи в Месопотамии Север придумал, как проще всего избавиться от Альбина. Его должны были убить императорские гонцы, обычно доставлявшие в Британию императорскую почту. Сначала

¹ Splendid isolation (англ.) — превосходная изоляция.

пусть вручат Клодию традиционное послание Севера, а потом попросят о разговоре наедине, якобы для сообщения Клодию секретной информации от императора, и, когда останутся с ним наедине, просто заколют его кинжалами. На всякий случай, если что-то помешает зарезать цезаря, гонцам дали яд, чтобы при удобном случае они отравили Клодия, подсыпав яд в пищу или питье. Однако в Британии приближенные Клодия Альбина, прежде чем допустить посланцев императора в покои наместника, потребовали от них отдать оружие и тщательно обыскали. Обнаружив припрятанные кинжалы и яд, подвергли гонцов пыткам, и те во всем сознались. Вот так названный брат императора узнал о его истинном отношении к себе.

Теперь оба цезаря со всей очевидностью знали, что они стали заклятыми врагами. Пятнадцатого декабря в одном из военных лагерей Месопотамии Септимий Север созвал своих солдат на митинг. В страстной речи он поведал о злоумышленном заговоре на его жизнь со стороны Клодия Альбина, якобы недавно обнаруженном, о приготовлениях того к новому всплеску гражданской войны — в общем, о том, что сам собирался сделать. Затем красноречиво описал, как нетрудно будет им, лучшим легионам, разбить немногочисленные силы изменника, давно расслабившиеся в спокойном регионе, — войска, предводителем которых выступал тот, кого нельзя было назвать не только мужественным, но и вообще рассудительным, добавив: «Кто не слышал об этом слабаке, распутнике и обжоре, способном больше к танцам и хорам, нежели к стремлению сражаться? Так двинемся же не медля на него быстрым маршем, сомкнутыми рядами, и не сомневайтесь — нам помогут милостивые боги, как они всегда помогали до этого, боги, которых он оскорбил своим клятвопреступлением».

По данному цезарем знаку сотни солдатских глоток с готовностью дружно провозгласили подлого предателя врагом народа, тем самым поставив его вне закона, как это было принято в римском законодательстве. Воля солдат затем была официально закреплена соответствующим постановлением сената.

В ответ на это Клодий Альбин в январе 196 года провозгласил себя Августом, то есть явно, перед лицом всей империи, признал себя равным Северу по титулу и власти. Стала неизбежной новая братоубийственная война, и в столице, где уже давно подспудно ходили слухи о нарастающем между цезарями конфликте, воцарилось уныние.

Приведенные в речи Севера нелицеприятные высказывания о Клодии Альбине уже давно распространялись и раздувались по всей стране. Трудно сказать, что в них было правдой, а что ложью. Биография Севера в уже упоминавшемся сборнике «Писатели истории цезарей» одна из самых фальсифицированных, впрочем, сам сборник не пользуется уважением среди историков Античности. А уж биография Альбина не вызывает никакого доверия. В ней буквально дословно приводятся оскорбительные высказывания в адрес Альбина, которые допустил Север в своей речи перед солдатами, например, следующий вздор: «Этот обжора способен съесть за один раз 500 фиг, 100 персиков, 10 дынь, 20 фунтов винограда и заесть всё это 40 уст-рицами. Он известен как горький пьяница, издевающийся над женой, невыносимый по отношению к слугам и жестокий в обращении с солдатами, которых привык предавать смерти на кресте за малейшие проступки». Разумеется, это образчик враждебной пропаганды, что вели обе стороны, не слишком заботясь о правдоподобности фактов. До нашего времени дошли, ясное дело, те вымыслы, которые распространяла победившая сторона, в истории должно было остаться

лишь искаженное изображение Клодия Альбина. Обычное дело, победители всегда так поступают, вот почему нельзя принимать на веру все сохранившиеся высказывания современников той гражданской войны. В таких случаях историки должны руководствоваться твердо известными фактами; а уже одно то, что у Клодия Альбина, более слабого в милитаристском отношении, было множество тайных и явных сторонников, — говорит о многом. Также и доказанные в битвах мужество и умелые действия его солдат.

Вернемся к тому, что произошло в Британии в январе 196 года, момент важный и даже символический не только для истории Древнего Рима. И важность эта отражена тремя моментами. Во-первых, впервые на территории Британии произошел — и был задокументирован — политический акт, оказавший непосредственное влияние на события на континенте. Во-вторых, Альбин оказался первым человеком, получившим на этом острове императорский титул. И наконец, впервые отсюда произошло крупное организованное нападение на континент.

Поскольку уже не имело смысла больше медлить, Альбин перебросил три своих легиона на побережье Галлии, и тут ощутил реальную поддержку населения. Перед ним с радостью распахнули свои ворота крупнейший город Галлии — Лугдун (современный Лион) и намного меньше его *Lutecia Parisiorum*, — конечно, сегодняшний Париж. Главной квартирой войск Альбина стал Лугдун, здесь на монетном дворе чеканились его монеты. Поддержал Альбина и один из наместников Испании, а также один из легионов в далекой восточной провинции, в городе Бостра. Мощная рейнская армия сохранила верность Северу. Ее главные силы все же не ввязывались в междоусобную войну, исполняя свою главную задачу — беречь

границу империи от вторжения варваров, невзирая на появившиеся в тылу римские войска, ставшие теперь противниками. И все равно в обеих прирейнских провинциях, в Верхней и Нижней Германии, то и дело случались стычки между римскими легионами, занявшими противоположные позиции. Странная и ненормальная ситуация.

Не бездействовал и Север — энергии и решительности ему было не занимать. Еще зимой он во главе своих войск двинулся из Месопотамии через горы Малой Азии в Византий, оттуда опять по трудным горным дорогам через Балканы вышел к среднему течению Дуная. Геродиан пишет, что Север не давал своим солдатам как следует отдохнуть. Короткий привал — и снова в путь. Не пугали Севера ни холод в горах, ни начавшаяся жара. Особенно тяжелыми были горные переходы в зимнюю пору. Мужественного предводителя не останавливали ни метели, ни морозы, ни туманы, ни обледеневшие горы, ни бездонные ущелья. Он всегда шел во главе своих войск, часто с непокрытой головой, подавая пример мужества и честного отношения к воинскому долгу, за что всегда пользовался уважением и любовью солдат.

Шестого апреля 196 года в военном лагере в Виминациуме (немного восточнее современного Бел-града) император провел очень важное мероприятие: именовал цезарем своего десятилетнего сынишку Бассиана, получившего прозвище Каракаллы и под этим именем вошедшего в историю. Объявив Бассиана своим наследником, Север тем самым обеспечил преемственность правления своего рода.

С дунайских берегов цезарь поспешил в Рим, армии же приказал двигаться вверх по реке, предварительно выслав передовые отряды к Альпам, чтобы перехватили горные перевалы и тем самым не дали противнику пройти по ним.

Прибыв в столицу, император всячески демонстрировал свое доброе расположение по отношению к сенату и к отдельным сенаторам. Пробыв в столице всего несколько месяцев, цезарь поспешил вернуться к своей армии, которая к тому времени уже перешла Альпы, оказалась на территории современной Швейцарии и по долине в верховьях Родана устремилась к Лугдуну.

В окрестностях этого города 19 февраля 197 года разыгралось решающее сражение, самое крупное в истории римской гражданской войны. В братоубийственной схватке сошлось более 150 000 римлян, действиями обеих армий руководили лично императоры. С неслыханным ожесточением сражались войска, не уступающие друг другу ни в выучке, ни в мужестве, ни в воле к победе. И бились они не только за власть своего цезаря. Сказывался еще так называемый местный патриотизм. С одной стороны напирали римляне из Британии, Галлии, Испании, с другой — из придуманной Иллирии. Ни одна из сторон долго не могла взять верх. Когда на левом крыле войск Альбина его отряды дрогнули и отступили к своему лагерю, а солдаты Севера, ворвавшись за ними сквозь укрепления, уже принялись крушить лагерь, на правом крыле дела приняли совсем другой оборот. Там британские легионеры приготовили противнику засаду — выкопали глубокие ямы-колодцы, прикрыв их землей, дерном, травой, листьями. Заманив воинов Севера к западне, британские легионеры сделали вид, что испугались одного вида противника и пустились наутек. Ободренные этим бегством солдаты Севера бросились их догонять и угодили в ловушку. Первые ряды, слепо рвущиеся вперед, свалились в подготовленные ямы, те, кто спешил за ними, не сумели остановиться, подталкиваемые следующими позади. Копшашущую массу беспомощных людей противник осыпал градом стрел

и снарядов. Почувствовав неладное, на помощь своим поспешил Север с когортой преторианцев, и сам оказался в смертельно опасном положении. Под ним стрелой убили коня. Вскочив, цезарь сбросил с себя свой пурпурный плащ, чтобы по нему не быть узнанным. Официальная пропаганда позднее истолковала этот жест совсем по-другому — будто Север просто не хотел выделяться среди обычных солдат и, не привлекая к себе внимания, собирался незаметно сбежать.

Тут двинулись в наступление британские легионы, подбадривая себя триумфальной песней и предчувствуя победу, как неожиданно на поле боя появилась конница Севера под водительством Лета. В самый раз успели, и цезаря спасли, и переломили ход боя, ударив с фланга на солдат Альбина и заставив их отступить. И это решило исход боя. Отступление войск Альбина быстро превратилось в беспорядочное бегство растерявшихся солдат, в панике бросавших оружие и спешивших укрыться за стенами Лугдуна. Тысячи их полегли под ударами противника на поле битвы и по дороге к самому городу, куда противник ворвался на плечах побежденных. И тут уж солдаты Севера дали себе волю, тем более что Север заранее обещал своим легионам отдать город на растерзание. Потом веками писали о страшной участи несчастного города, дворцы, дома и даже виноградники которого были буквально стерты с лица земли, так что город никогда потом в древние времена не был восстановлен.

Погиб оставленный всеми Клодий Альбин. По одной версии, его убили, по другой — он сам лишил себя жизни. Точно известно, что Север не только видел его труп, но и глумился над ним, не пожалев проклятий и оскорблений. Потом велел отсечь голову, а тело отдать на съедение псам. Жена Альбина и его сыновья тоже были убиты, их трупы бросили в реку. Отрубленную голову Клодия Альбина отправили в

Рим, где ее насадили на кол и выставили на всеобщее обозрение. Одновременно было опубликовано письмо Севера народу империи. В нем чувствовалась скрытая угроза тем, кто осмелился взять сторону соперника императора.

Еще несколько месяцев цезарь провел в западных и северных провинциях, чтобы навести порядок и отомстить недругам. Британию, до сих пор бывшую единой провинцией, теперь разделили на две части, из-за чего вдвое уменьшалась и власть наместников. Точно так же Север поступил и с Сирией, которую после победы над Нигером велел разделить пополам. Во всех провинциях имущество сторонников Альбина было конфисковано в пользу государства. Смертные приговоры следовали один за другим. И не имело никакого значения, стал ли человек добровольным сторонником Клодия Альбина, или был принужден к этому силой.

В июне 197 года Септимий Север вернулся в столицу. Народ приветствовал его лавровыми ветками, сенат — восхвалениями. Ни то ни другое не тронуло сердце властителя. О своих истинных чувствах к подчиненным Север искренне уже высказался в речи, где выдвинул новую программу своего правления. В этой речи цезарь без смущения превозносил самых жестоких правителей Рима за все время его истории и насмешливо осуждал политических деятелей вроде Помпея или Юлия Цезаря, проявлявших гуманное отношение к противнику. Тем самым они, по словам Севера, сами себе подготовили смерть. Сенаторов же Север, не стесняясь в словах, обвинил в предательстве и неблагодарности. Он открыто оправдывал Коммода и признал неправильными решения, осуждавшие его. Пожалуй, нет необходимости говорить, что, жестокий и безумный, Коммод не только был официально реабилитирован сенатом, но и причислен к сонму бо-

гов, так что теперь ему стали строить храмы, и жрецы приносили ему жертвы. Нарцисса, в ту памятную новогоднюю ночь задушившего Коммода, теперь, по решению сената, швырнули в цирке на растерзание львам. А затем очередь дошла и до самих сенаторов. Причиной явились их письма, якобы обнаруженные в канцелярии Альбина, а также обычные доносы. Было казнено около пятидесяти сенаторов.

Так закончился период гражданских войн. В учебниках истории ему обычно посвящено всего несколько строк, и очень жаль. Для древнего мира это был ужасный шок, с далеко идущими последствиями. И по западным провинциям, и по восточным пронеслась буря междоусобных ожесточенных сражений, каких древний мир уже не видывал более двухсот лет, со времен Гая Юлия Цезаря, а потом Октавиана в 49—30 годы до н. э. Если вспомнить кратковременные бои времен Нерона, то они практически не выходили за пределы Италии.

Войны при Севере обошлись в десятки тысяч жертв. Три огромных прекрасных города превратились в руины. Расходы на войну совершенно подорвали экономику страны, вызвали снижение урожайности, рост дороговизны и падение реальной стоимости монеты. За этим обычно следует и падение общественных нравов в областях до этого мирных, процветающих, цивилизованных. Возможно, правы те ученые, которые разрушительный период гражданских войн напрямую связывают с последующим кризисом Римской империи и затем ее окончательным развалом. Они тем более правы, что Септимий Север отнюдь не собирался прерывать свою военную деятельность.

СЕПТИМИЙ СЕВЕР

(Продолжение)

СЕВЕР И ПЛАУТИАН

Ранним летом 197 года Север покинул Рим и со всей семьей — с женой Юлией Домной и обоими сыновьями: старшим, Каракаллой, и младшим, Гетой, — отправился на Восток. Туда еще раньше перебазировали часть армии, остальная сопровождала цезаря. Новая военная операция была вынужденной; особенно угрожающее положение сложилось на границе с Парфией. Парфянский царь Вологез IV воспользовался благоприятной ситуацией, поддерживая Песценния Нигера, и беспрепятственно опустошал союзную Риму Армению, а когда Север вынужден был воевать с верными Клодию Альбину войсками, Вологез обрушился на римские владения в Месопотамии и осадил там город Нисибис. Однако, как только стало известно, что туда движется сам цезарь во главе большой армии, парфяне тут же сняли осаду и отступили вглубь страны. Северу этого было мало, он решил перенести военные действия на неприятельскую территорию. Возможно, он мечтал о военных лаврах Траяна столетней давности.

Посадив часть легионов на корабли, цезарь отправил их вниз по Евфрату, а затем они свернули в большой канал, связывающий эту реку с Тигром. Остальные легионы двигались в том же направлении по суше. Парфяне приняли меры. Сначала они эвакуировали население города Вавилона на Евфрате, затем Селевкии на Тигре, а свою столицу, Ктесифон, готовили к обороне. Однако вскоре и этот город предоставили собственной судьбе. Римляне захватили упомянутые

города, зверски расправились с оставшимся населением и разрушили обе столицы Парфии — Селевкию и Ктесифон. Мужчин римляне, как правило, убивали, женщин же и детей гнали в рабство (около ста тысяч человек). В руки победителя попали огромные сокровища царя царей, Север присвоил себе звание *Parthicus Maximus* — Величайший Победитель Парфян, Каракаллу объявил Августом, то есть полноправным своим соправителем, а младшего, Гету, — цезарем.

Следующий, 198 год уже не был таким успешным. Нечего было и думать о преследовании царя парфян Вологеза, отпугивали бескрайние полупустыни его монархии. Но и оставаться в разрушенном Ктесифоне было невозможно. Особые сложности представляла доставка сюда продовольствия. Решено было оставить захваченные земли и направиться на север, к городу Хатра, который в свое время не удалось захватить даже Траяну. И на этот раз все попытки взять город штурмом оказались безуспешными. Римляне оставили упрямый город, решили обойти его и продолжить поход на север. Приближалась зима, люди устали, император счел целесообразным вернуться в римские пределы, к городу Низибису. По весне 199 года римские войска опять подошли к стенам Хатры, которая по-прежнему была полна решимости защищаться до последнего. Ее защитники прибегали ко всем существующим способам обороны. Римских солдат и их осадные машины осыпали градом снарядов из природного асфальта и нефти, которая в этих местах пробивалась из глубин земли на поверхность. (Так в те темные времена использовали «черное золото», которому лишь через семнадцать столетий человечество нашло совсем другое применение.) Было у защитников города и другое оружие, Например, они с высоты стен швыряли в гущу вражеских солдат горшки с ядовитыми скорпионами.

Римские войска были очень недовольны. Отлично вышколенные легионеры умели показать себя в открытом бою, им не было равных в мире, но они привыкли воевать в других условиях, в том числе и климатических. Сражающиеся в армии Севера солдаты из африканских и других провинций вовсе ни на что не годились, только и думая, куда бы сбежать. И когда во время одного из штурмов римским легионерам удалось сделать пролом в стене, их центурион крикнул императору: «Дай мне пятьсот добрых солдат, и я захвачу город!» Цезарь грустно ответил ему: «А скажешь, откуда я должен их взять?» Так, после двадцати дней осады римляне опять отступили от Хатры.

Несмотря на эту неудачу, вся военная кампания была, несомненно, успешной для римлян. Парфию разгромили, обе ее столицы захватили, из занятых земель северной и средней Месопотамии сделали новую провинцию, защиту которой поручили трем созданным легионам, назвав их парфянскими.

По окончании этой тяжелой кампании цезарь оставался на Востоке еще два года. Вместе с женой и обоими сыновьями он путешествовал по Сирии, Палестине и Египту, везде по дороге инспектируя города, знакомясь с обстановкой этих регионов, решал возникавшие там проблемы и выдавал указы и распоряжения. Наибольшую помощь получила, пожалуй, Сирия, о чем наглядно свидетельствовало последующее бурное развитие ее земель. Антиохии, сурово наказанной недавно за поддержку Нигера, были возвращены автономия и прежние права. Такую же политику цезарь проводил и в Палестине, сняв с иудейского населения наложенные на него тяжелые подати и прочие ограничения, опять же из-за помощи цезарю-сопернику. Одновременно с этим он ввел суровые кары за ведение религиозной пропаганды как для евреев, так и для христиан, то есть для римлян, переходящих в иудейскую или христиан-

скую веру. А вот правители Пальмиры, прекрасного города в оазисе сирийской полупустыни, за их заслуги получили римское гражданство, а также полное право носить родовое имя Септимиев.

Оказавшись в Египте, Север принес в Пелузий жертвенные дары теням великого вождя Помпея, которого убили именно в этом городе двести пятьдесят лет назад. Какой прекрасный жест по отношению к истории!

Въезжая в Александрию, Север увидел над воротами города надпись-приветствие Нигеру. Наверное, о ней просто забыли. А содержание надписи было такое: «Город Господина Нигера». Обомлевшие от страха отцы города уже прощались с жизнью, но положение спас один из остроумных александрийцев, крикнув Северу: «На редкость удачная надпись, ведь это ты и есть Господин Нигера!» Все облегченно рассмеялись, а город получил целый набор милостей от цезаря. Скажем, он разрешил городу отныне иметь местный совет, что почти было равно автономии, которой удостоивались лишь очень крупные и заслуженные города. Кроме того, император повелел построить в Александрии несколько крупных общественных зданий: термы, гимназию, храмы.

Римский цезарь отдал честь и праху захороненного в Александрии великого героя древности, Александра Македонского: повелел вскрыть саркофаг выдающегося полководца и поместить в него святые книги и реликвии.

Затем Север поплыл в верховья Нила, по дороге осматривая замечательные памятники старины: древнюю столицу Египта Мемфис, пирамиды и сфинкса рядом с ними, мощные храмы древних Фив и, разумеется, колоссальную статую Мемнона, с ее удивительным свойством петь таинственные песни на восходе и на закате солнца, что подтверждалось надписями

сотен греческих и римских туристов. Север повелел отреставрировать показавшийся ему ветхим памятник старины, что заставило Мемнона замолчать. Молчит он и по сей день...

Во время этого путешествия Септимий Север добрался до самых южных границ Египта, но дальше не пошел, опасаясь эпидемии, бушевавшей в этих районах. Император покинул Египет в конце 200 года, будучи очень доволен путешествием. Позже он часто с удовольствием вспоминал время, проведенное в Египте, где увидел множество самых знаменитых памятников старины и к тому же смог принести жертвы богу Сарапису¹ на его родине.

¹ Сарапис, или Серапис — эллинистический бог. Самая распространенная из версий происхождения этого культа гласит о том, что при Птолемеи I Сотере была предпринята попытка создать образ синкретического божества — Сераписа (дорическая форма — Сарапис). Некоторые ученые полагают, что это было сделано для того, чтобы объединить египетскую и греческую религиозную традицию. Более вероятно другое: в Египте в конце IV в. до н. э. появилось множество греков и македонцев, приехавших со всех концов известной эллинам ойкумены, и введение культа Сераписа могло стать способом их объединения. При этом божество должно было быть связано с богами египетского пантеона, т. к. в древности священную власть над определенной территорией мог иметь только тот бог, который имел местное происхождение. Именно поэтому корни культа Сераписа уходят в культ мемфисского Осириса-Аписа. Согласно другим версиям, культ этого божества был привезен Александром из Вавилонии. Это предположение связано с тем, что Серапис также упоминается в качестве не египетского, а вавилонского божества, например, в труде Арриана «Анабасис», по которому Серапис не только имел храм в Вавилоне, но и является единственным богом, упоминаемым в связи со смертью Александра Македонского в Вавилоне в 323 г. до н. э. Другие исследователи также связывают культ этого бога с именем Александра, но не отрицают, что божество имеет египетское происхождение.

Через Сирию, страны Малой Азии и Тракию Север вышел к Дунаю, где проинспектировал военные лагеря римлян. В столицу империи он въехал в апреле 202 года. Предполагалось, что после такого долгого отсутствия это будет, конечно же, триумфальный въезд победителя над Парфией. И народ и сенат уговаривали Севера порадовать столицу великолепным зрелищем триумфа, от которого Рим уже почти отвык. Но Север отказался, заявив, что не сможет так долго простоять на колеснице (как это требуется от триумфатора) по причине артрита. Вместо триумфального въезда цезарь организовал для народа великолепные зрелищные мероприятия, продолжавшиеся семь дней. Для организации таких роскошных торжеств были веские основания: успехи в войне на Востоке, десятилетняя годовщина царствования Севера, возвращение цезаря в столицу и свадьба его старшего сына, Каракаллы, с Плаутиллой, дочерью префекта преторианцев Плаутиана. Во время торжественных мероприятий горожанам и преторианцам раздавали зерно и золотые монеты, что обошлось казне в 200 миллионов сестерциев. Бесконечной чередой тянулись представления, игрища, показы диких животных, что особенно запомнилось народу. В одном из амфитеатров соорудили огромную клетку в форме корабля, из которой одновременно выпустили четыреста диких зверей — львов, пантер, медведей, туров.

В 203 и 204 годах Север вместе с Каракаллой ненадолго уезжал на родину в Африку, возможно, в связи с возникшими там народными волнениями. Эта провинция, так же как и Сирия, очень много получила хорошего во время правления Севера, о чем свидетельствуют, в частности, сохранившиеся до на-

ших дней развалины великолепных зданий и отличные дороги.

Однако и в истории Римской империи Север остался в памяти как выдающийся строитель. В Риме, на Форум Романум, недалеко от Капитолия, и сейчас возвышаются великолепные триумфальные ворота, возведенные в 203 году в честь цезаря и обоих его сыновей. На них перечислены все звания и почетные титулы Септимия Севера и Каракаллы. И еще до наших дней сохранилась на этих триумфальных воротах надпись о том, что сенат и римляне посвящают этот монумент самым лучшим и самым выдающимся цезарям, «благодаря деяниям которых возродилась страна и были расширены ее границы». На Палатине перестроили и увеличили императорский дворец, а с юга к нему пристроили монументальное здание Септизониа (по-другому Септизодиум). Оно как бы приветствует въезжающих в столицу с этой стороны. Развалины этого здания римские папы приказали разобрать в XVI веке для постройки христианского храма.

При Севере построены новые казармы для преторианцев, термы, акведуки. Было отреставрировано много замечательных построек, пришедших в негодность с течением времени, в том числе портик Октавии, театр Помпея, Пантеон, Храм Мира. В этот храм поместили огромный мраморный план Рима, длиной 18 метров, высотой 13 метров, общей площадью 240 квадратных метров. План был выполнен в масштабе 1: 240. Сохранилась всего десятая часть этого шедевра, да и то по частям. Этот план был так великолепно выполнен, что, хотя от него очень мало осталось, он все равно является для историков бесценным источником сведений о Риме времен императоров.

В 204 году столица могла наслаждаться видом торжеств *ludi saeculares*, секулярными играми¹, устраиваемыми раз в столетие, точнее каждые 110 лет. Первые из них происходили еще во времена Августа, следующие — если не считать игр при Клавдии (в честь 800-летия города) — при Домициане, так что теперь пришла их очередь. Следующие столетние игры приходились на 313 год, но когда этот год наступил, о них уже никто не помнил — или не хотел помнить. Так что Септимию Северу выпала печальная честь покончить с традицией, установленной еще творцом Римской

Ludi Saeculares, или *Tarentini* — у древних римлян празднество, учрежденное, по преданию, в 249 г. до н. э. по поводу случившихся в этом году небесных знамений. Квиндецемвиры (коллегия, в обязанности которой входило сохранение и толкование сивиллиных книг) объявили, что если римляне хотят успешно вести войну с Карфагеном (I Пуническая война), то они должны отпраздновать тарентинские игры на Марсовом поле в течение трех ночей и трех дней сряду в честь Плутона и Прозерпины и повторять эти игры через каждые сто лет. Вследствие этого консул П. Клавдий Пульхер отпраздновал игры с принесением в жертву животных и пением торжественного гимна. Относительно культового характера и значения игр существовало в древности и существует в настоящее время большое разнообразие мнений; много противоречивых толкований возбуждает само слово *saeculum*. Древние писатели сообщают противоречивые хронологические данные относительно празднования первых игр. Промежутки между действительно происходившими играми были разные и колебались между 63 и 129 годами. Секулярные игры были посвящены божествам Диту (Плутону) и Прозерпине и праздновались в Таренте (местность на Марсовом поле), то есть эти игры имели отношение к греческому культу, хотя при Августе и позднее жертвы приносились и другим богам: Аполлону, Диане, Юпитеру, Юноне. Южноиталийские и сицилийские города не раз служили для Рима посредниками при передаче греческих культов; немало влиял на разные стороны римской религии именно Тарент, особенно после покорения его римлянами (в 272 г.).

империи цезарем Августом. Глядя теперь на минувшее с вершины сегодняшнего времени, невольно думаешь — в этом есть что-то символическое.

О том, как праздновалась эта столетняя годовщина, отмечавшаяся от 26 мая до 1 июня, мы знаем частично благодаря протоколу, вырезанному на мраморной таблице, а частично благодаря описанию Геродиана:

Во времена Севера мы могли видеть также представления нескольких разных пьес одновременно во всех театрах, религиозные обряды и ночные торжества, устраиваемые по образцу мистерий... По Риму и всей Италии разъезжали герольды, призывающие всех увидеть зрелища, каких они никогда не видели и больше уже никогда не увидят. Тем самым они хотели подчеркнуть, что время между одним представлением и следующим превосходит продолжительностью жизнь человека.

В конце того же 204 года умер брат цезаря, Гета (так же звали младшего сына императора). Уже на смертном одре, как говорили, он поведал императору некоторые сведения о Плаутиане, префекте преторианцев и друге императора. Цезарь был потрясен, и принял меры, уничтожив человека, который до сих пор считался по значимости вторым человеком в империи и личным другом императора. Но об этом подробнее.

Плаутиан, земляк императора, префект преторианцев и градоначальник Рима, до 193 года был ближайшим соратником Севера, за что тот и поставил его во главе преторианцев. Плаутиан пользовался таким беспредельным доверием цезаря, что современники даже удивлялись — с чего бы это? Благодарность за услуги? Но вроде бы ни о каких особенных услугах не слышали. Может быть, какие-то общие любовные похождения во времена их совместной молодости?

Не такая уж это проверка на верность, да и годы прошли с тех пор. Так или иначе, Север неустанно осыпал своими милостями префекта преторианцев, то щедро награждая крупными суммами денег, то присваивая новые и новые почетные звания. В конце концов он так избаловал Плаутиана, что тот совсем перестал сдерживаться и, потеряв остатки совести, стал вести себя как полновластный властитель. По словам Кассия Диона, «он не знал удержу в своей жадности, получал все, чего бы ни пожелал. Не было ни города, ни деревни, которых он бы не ограбил, отовсюду ему слали больше даров, чем самому цезарю». На центральных площадях городов Плаутиану воздвигали памятники, пышностью превосходящие статуи императора, а возводили их и местные власти, и сенаторы, и частные лица. В храмах публично возносились молитвы богам за его здоровье. Желая дать дочери Плаутилле хорошее образование, он собрал со всего света самых лучших учителей и всех их тайно велел кастрировать, чтобы девушку окружали лишь евнухи. Эта деталь стала известна лишь после смерти временщика.

А сам Плаутиан проводил дни и ночи в своем кривиальском дворце в самых разнузданных оргиях. С императором настолько не считался, что даже позволял себе унижать его супругу, императрицу Юлию Домну. Опутывал ее грязными интригами и делал все, чтобы настроить Севера против жены, опасаясь ее влияния. Всемогущий префект даже подвергал пыткам приближенных дам императрицы и ее приятельниц из высших слоев общества, желая получить от них порочащие императрицу показания. Отлично отдавая себе отчет в намерениях Плаутиана и зная его силу, Юлия наконец решила вообще удалиться от всех государственных дел, вести уединенный образ жизни, занимаясь философией и общаясь только с интеллектуалами.

Среди последних выделялся грек Филострат, выдающийся эссеист, автор сохранившейся до наших дней биографии Аполлония из Тианы — знаменитого бродячего философа, мистика и чудотворца, жившего в I веке н. э., которого позже стали называть языческим Христом.

На вершине власти Плаутиан оказался в 202 году, когда выдал свою дочь замуж за Каракаллу, став таким образом членом императорской семьи. И опять бесценный свидетель событий того времени, Кассий Дион, сообщает нам подробности этого брачного союза: «Приданого, которое он дал за дочкой, с избытком хватило бы на пятьдесят принцесс. Мы собственными глазами видели его, когда все приданое принялись переносить через Форум в королевский дворец». Но именно этот брачный союз и явился причиной падения всесильного временщика. Произошло это, скорее всего, следующим образом.

Итак, перед смертью брат поведал Септимию Северу об истинном положении вещей и власти, которую приобрел в империи любимец цезаря. Цезарь благоразумно стал ограничивать привилегии Плаутиана. Его и самого покорило чрезмерное количество статуй Плаутиана, — часть из них цезарь велел переплавить, заявив, однако, что «лично ему я никогда ничего плохого не сделаю». Плаутиан считал, что настраивает императора против него сам Каракалла, у которого очень не складывалась семейная жизнь с молодой женой, дочерью всесильного временщика. Префект не считал нужным скрывать свое неприязненное отношение к соправителю и своему зятю, пока еще считая себя всесильным, но теперь откровенно враждебные действия заставили Каракаллу принять ответные меры. Он разработал план — не очень хитроумный, но оказавшийся весьма действенным. С помощью своего учителя Каракалла уговорил трех центурионов за-

явить, будто они получили от своего начальника Плаутиана тайный приказ убить императора и его сына Каракаллу. Они даже предъявили якобы написанный самим Плаутианом приказ о преступном убийстве. Неизвестно, как бы поступил император, увидев этот приказ, но помогло опять неожиданное обстоятельство, что-то вроде божественного провидения, столько раз помогавшего Северу в жизни. В данном случае для Каракаллы и центурионов оказался благоприятным сон, который приснился императору как раз в ночь накануне «раскрытия заговора Плаутиана»: ему приснилось, как Клодий Альбин, якобы живой, плетет против него козни.

И когда наутро императору донесли о кознях его ближайшего друга, он уже морально был готов поверить всему. Значит, видел вещий сон! Цезарь повелел немедленно вызвать к нему префекта. Стража у ворот императорского дворца пропустила лишь одного Плаутиана, задержав его спутников. Разумеется, у прозорливого и всегда бдительного сановника это вызвало подозрения, но делать было нечего. Когда он вошел в зал, где его ожидали Север и Каракалла, первый сразу взял быка за рога и спросил спокойно, без гнева: «Так тебе очень не терпелось нас убить? Почему?»

Даже Плаутиан, никогда не теряющий хладнокровия, не смог в ответ произнести ни слова. Мгновения замешательства хватило Каракалле, чтобы наброситься на префекта. Вырвав у него меч, Каракалла свалил его, ударив кулаком в лицо. Разъяренный наследник престола наверняка голыми руками задушил бы ненавистного врага, но цезарь велел добить префекта присутствующим в зале офицерам своей личной охраны. История сохранила и такую деталь драматической сцены: кто-то из дворцовой прислуги, видимо, очень ненавидевший префекта, выдрал у умирающего из бороды клочок волос и бросился с ним в палату, где

сидели и спокойно беседовали еще ни о чем не знавшие женщины, Юлия Домна и Плаутилла, свекровь и невестка. Взмахнув клоком волос, слуга торжественно воскликнул: «Вот он, ваш Плаутиан», — к ужасу одной и к нескрываемой радости другой.

Труп Плаутиана сначала вышвырнули в уличную канаву, однако затем Север распорядился похоронить бывшего друга.

На заседании сената цезарь не выдвинул прямого обвинения против убитого префекта, но долго занимался переливанием из пустого в порожнее, рассуждая над слабостью человеческой природы вообще, которая не всегда в состоянии пройти испытание властью. Это свойственно лишь сильным личностям. И обвинял себя, что не сумел разобраться в истинной сути покойного вельможи. Смертельно перепуганные, сторонники Плаутиана затаились, все ожидали череды смертных приговоров. Север, однако, в данном случае проявил потрясающую сдержанность, лишь одного из сенаторов приговорил к изгнанию, да и то на не очень длительный срок. Другой сенатор, не дожидаясь приговора, покончил жизнь самоубийством. Дочь и сын Плаутиана были сосланы на Липарские острова¹, где жили в нужде и унижении. Смерть их постигла несколько лет спустя, когда императором стал Каракалла, все еще пылавший ненавистью к бывшей жене. А что касается статуи Плаутиана, то их все снесли сразу же, а затем переплавили в металл.

Так неожиданно и жестоко оборвалась жизнь человека, о котором Кассий Дион говорил: «В мое время он был самым могущественным из людей, всех приводил в дрожь, и его боялись больше, чем самих цезарей».

¹ Липарские острова — группа островов в Тирренском море к северу от Сицилии.

СЕВЕР И ЕГО СЫНОВЬЯ

Смерть Плаутиана явилась потрясением для высших слоев древнеримского общества, но и для самого Севера ее последствия оказались ужасными. Взаимная ненависть Каракаллы и Геты, сыновей императора, тщательно ими скрываемая и сдерживаемая из-за боязни Плаутиана, общего врага, вспыхнула теперь как пламя, и ничто не могло ее сдержать. Оба брата, по словам историка Геродиана, при царящей в Риме распущенности вели самый предосудительный образ жизни, интересуясь лишь развлечениями, состязаниями на колесницах, оргиями с участием последних отбросов общества. И ссорились. Ссорились они постоянно, начиная с детского возраста, когда предмет ссоры была детская зависть к более удачливому сопернику в борьбе или на состязаниях, причем не было ничего, что могло их объединить. Наоборот, братья так отличались характерами и вкусами, что их разъединяло абсолютно все. Что нравилось одному — ненавидел другой, и напротив. Не повезло и с воспитателями, те лишь настраивали мальчиков друг против друга и во всем им потакали, так что наследники престола с младенческих лет ни в чем не знали отказа. Учиться они не любили, и их не заставляли, разрешая проводить все время в обществе уже упомянутого отребья, гладиаторов и спортивных возниц. Братья и сами норовили управлять колесницами, правда, еще не настоящих лошадей, а пони, и когда они мчались наперегонки, колесница, которой правил Гета, налетела на колесницу Каракаллы и сломала ему ногу. Это усилило ненависть между братьями и совсем разъярило Каракаллу, который из них двух был более агрессивным. Цезарь пытался образумить сыновей, растолковывая, что им следует помогать друг другу, — после его, нынешнего цезаря, смерти

в стране может вспыхнуть гражданская война, и лишь взаимодействие братьев может гарантировать им победу. Напрасны были мудрые поучения отца. Тогда император решил удалить молодых людей от столичных соблазнов и поселить их подальше от Рима, чтобы оздоровить нравственность братьев.

Итак, все августейшее семейство выехало за город и постаралось вести правильный образ жизни. Сам император начинал работать с государственными документами еще до рассвета. Затем совершал небольшую прогулку, на ходу обсуждая с политиками важные государственные дела. Затем, если это было не в праздничный день, император занимался рассмотрением подсудных дел. По мнению Кассия Диона, цезарь был замечательным судьей. Сторонам всегда давал достаточно времени для того, чтобы представить свои претензии, а затем позволял защитникам свободно высказывать свое мнение. Так проходило время до обеда. Затем цезарь совершал конную прогулку, занимался гимнастикой, принимал душ. Обедал или с сыновьями, или только с женой, причем обед обычно был весьма сытным. Послеобеденный освежающий сон — и император опять принимался за дела. Затем следовали прогулки по саду, во время которых велись или деловые разговоры, или философские диспуты, попеременно, по-латыни и на греческом языке. По возвращении на виллу монарх снова принимал ванну, а ужинал обычно в кругу близких друзей. Роскошные пиры задавал очень редко и только по необходимости.

Самым близким юридическим советником императора теперь стал Папиниан, и это имя знакомо в наши дни каждому образованному юристу. Столь же прославленными в области законности и юриспруденции были и более молодые коллеги Папиниа-

на — Паул и Ульпиан. Прогулки с юристами сделали важное дело. Общаясь со столь выдающимися деятелями в этой области, император кардинальным образом реформировал аппарат управления, добился новой интерпретации государственных постановлений, расширив и сделав их более гуманными и, напротив, сведя к минимуму их формальную сторону. При Севере были умножены штаты старых и введены новые ведомства, причем многие из них занимались опекой людей неимущих и слабых. Было ли это заслугой особого отношения самого цезаря? Мы не раз упоминали о суровом и даже жестоком характере государя, однако основывались при этом преимущественно на воспоминаниях очень влиятельных людей того времени. Необходимо напомнить, что часто портреты государственных деятелей составлялись под влиянием мнения высших слоев или даже сами пишущие были сенаторами, как известный нам Кассий Дион. Отсюда пристрастность их взглядов и суждений. Север, который часто доказывал свою заботу о низших слоях населения, и в самом деле бывал очень жесток по отношению к вельможам-патрициям, постоянно — и наверняка не без оснований — подозревая их в стремлении к власти и враждебном к себе отношении.

Север реформирует и сенат, понимая его отрицательную роль в подогревании любого бунта и, напротив, ожидая мало помощи в управлении страной. Он реорганизовал и провинциальную администрацию, расширив ее штаты и компетенцию, а для контроля над ее деятельностью в отдельных городах и регионах назначал особых императорских наблюдателей — кураторов.

Большую работу произвел император по реформированию армии. Это касалось, прежде всего, повышения престижа военной службы. Было увеличено жалованье простым солдатам — до 500 денариев, и

их командирам. Облегчили систему продвижения по службе, теперь до должности первого центуриона мог дослужиться простой легионер, а поскольку должность центуриона была приравнена Севером к всадническому сословию, перед военными открывалась дальнейшая карьера, бывший легионер мог стать командиром легиона и даже командующим армией.

Была реформирована и преторианская гвардия, но, конечно же, больше всего льгот и привилегий получили армейские солдаты и офицеры. Так, легионеры, пожалуй, больше всего ценили полученную ими теперь возможность вступить в легальный брак во время действительной службы, что до сих пор было запрещено. Это было очень важно и учитывая законодательный статус потомства. Военная реформа имела еще одно немаловажное новшество: теперь солдаты были теснее связаны с провинциями, в которых располагались их лагеря (базы), где были их дома, где вместе с ними жили и их семьи. До сих пор солдатам запрещалось располагаться лагерями в самой Италии, а теперь и здесь стали располагаться лагеря. По новому закону вступившие в законный брак легионеры покупали землю и заводили небольшое хозяйство, вместе с женами и детьми получали возможность жить в поселках (канабах¹), расположенных около военных лагерей, и должны были являться туда на сборы и для несения военной службы. Появление военных городков на Апеннинском полуострове было выгодно и для самих жителей полуострова, военные давали им защиту, поскольку здесь в последнее время стали учащаться грабежи и разбои, неизбежное следствие

Канаба — поселение гражданского населения в месте дислокации римского легиона, где, как правило, жили торговцы, ремесленники и др., по роду своей деятельности тесно связанные с римскими войсками.

гражданских войн и общего обнищания населения. В самой Италии целых два года бесчинствовал некий Булла, сколотивший отряд разбойников из шестисот солдат-дезертиров, и вел настоящую партизанскую войну под носом цезаря. Его действия отличались дерзостью и выдумкой. Так, однажды, он освободил своих захваченных сообщников, переодевшись в императорского посланца-офицера, явившегося якобы за пленниками, чтобы доставить их в Рим на гладиаторские сражения. План был детально продуман и блестяще осуществлен. У Буллы были свои сторонники и шпионы по всей округе, он пользовался симпатией населения, так как не причинял зла простым людям и, подобно уже упомянутому нами Матерну, мог бы считаться прообразом позднейших благородных разбойников, защищавших простой люд от обирал-богачей. Кончил Булла так же, как обычно кончает благородный разбойник в легендах, — погиб из-за коварной любовницы, выдавшей его врагам. Его поймали, доставили в Рим к Папиниану, и тот приказал швырнуть Буллу в амфитеатре в клетку к голодным львам.

В амфитеатрах лилась кровь и невинных людей, тех, которых стали называть мучениками христианства. Именно при Севере, начиная с 202 года, поднялась волна преследования христиан. В первые десятилетия своего правления император был в принципе толерантен к ним, точнее сказать, равнодушен. А возможно, он даже в чем-то им симпатизировал, что подтверждают отдельные незначительные факты. Однако его указ 202 года, запрещающий иудеям и христианам распространять свою религию, полностью изменил положение в стране. Верующих в Христа становилось все больше, и они не намеревались отказываться от своей религии. С этим не мирились жрецы храмов традиционных богов, конфликты и

стычки увеличивались. Правда, не все наместники в провинциях строго соблюдали императорский запрет, впрочем, как и многие другие его указы; так, поначалу стычки носили локальный характер. Наиболее строгое следование закону наблюдалось в Египте и в провинциях Северной Африки, где как раз больше всего появилось страстных последователей новой религии. В наше время именно в этих регионах появились наиболее фанатичные последователи ислама. Чем это объясняется? Неужели остается лишь признать воздействие некоего таинственного, как принято говорить, *genius loci*, духа этих мест, палимых солнцем?

В Александрии погиб мученической смертью Леонид. Осталась вдова и семеро сыновей, из которых старшему Оригену было всего 17 лет. Этот юноша вскоре прославился благодаря своей неслыханной учености и непоколебимой вере. Он был одним из самых просвещенных людей в истории человечества и наиболее благочестивых представителей христианства не только в древности, но никогда не удостоился причисления к лику святых, поскольку сам кастрировал себя, дабы избежать соблазна.

В Карфагене в числе многих, погибших мученической смертью, были две женщины, Перпетуя и Фелицита. Сохранившаяся документация их мученичества является одним из наиболее ценных памятников древнехристианской литературы.

Новая религия распространялась постепенно, но неуклонно, а выдающиеся религиозные писатели той поры не прерывали своей деятельности. К самым известным из них относится Тертуллиан из Карфагена, мастерски владеющий великолепной пламенной латынью, причем он был настолько одиозным и непреклонным в своих взглядах, что даже впал в ересь. Человеком совершенно другого плана был Клемент из Александрии. Этот грек обладал обширными познаниями и вла-

дел великолепным литературным языком, отличался широтой воззрений и определенной толерантностью. В своих трактатах он сделал попытку использовать достижения языческой философии в применении ее к христианской теологии. Не испытывая мученического призвания, он умудрился избежать преследований, поскольку в своей родной Александрии возглавлял знаменитую в то время катехитическую школу и вовремя сумел ее покинуть, удалившись в более спокойную провинцию. Освободившийся именно после него высокий пост занял совсем молодой Ориген.

Почему же Север изменил свое первоначальное терпимое отношение к христианству? Можно предположить — под влиянием своих прославленных советников, Папиниана и Ульпиана. Оба они были последовательными почитателями древних римских богов, оба придерживались древнеримских идеалов и считали совершенно необходимым для блага государства продолжать старинную традицию. В том числе и традиционно отрицательное отношение к христианству всех предыдущих цезарей. Ведь большинство из них, не исключая благородного Марка Аврелия, пытались всеми возможными способами сдерживать распространение новой религии, усматривая в ней нечто чуждое для Рима, трудно поддающееся контролю государства, а в социальном отношении и вовсе опасное, поскольку основными последователями христианства были представители низших слоев населения.

В почитании же традиционных богов Север всегда был примером для подданных. Он очень серьезно относился к своим обязанностям, являясь верховным жрецом, будучи императором. И в этой должности был первым лицом империи во всем, что касалось культов. Он положительно воспринимал некоторые верховные божества в ряде римских провинций, например в Африке, его родине, и в Сирии, откуда ро-

дом была его жена. С особенным почитанием Север относился к египетскому богу Сарапису. Кроме того, Север верил предсказателям и магам, вещим снам, доверял астрологии, впрочем, как и большинство людей того времени. Возможно, такое суеверие, вера в предчувствие и в приметы заставляли его долго откладывать давно назревший поход в Британию, на который он все же решился весной 208 года.

Из Британии приходили тревожные сообщения об опасных вылазках и грабительских нападениях варварских племен, населяющих современную Шотландию, тогда называвшуюся Каледонией. Видимо, не спасали и мощные укрепления вала Адриана. Медлить было невозможно, требовалось срочно послать в те земли мощную армию. Уже немолодому императору досаждали артритические боли, но он отважно двинулся в поход, хотя почти всю дорогу его несли в лектике. И все же цезарь был воодушевлен, полон сил и желания навести порядок в своих владениях. С цезарем отправились и его супруга, Юлия Домна, и оба их сына.

Что представляли собой предки теперешних шотландцев, против которых отправился воевать Септимий Север? Они относились, пожалуй, к самым диким и самым примитивным племенам из всех, с которыми римлянам приходилось сталкиваться. Свидетельства древних историков совпадают, подтверждая характеристику племен пиктов и скоттов. По словам Кассия Диона, каледонцы проживали в диких, безводных горах и на пустынных болотистых равнинах. У них не было не только городов, но даже деревень, они не умели обрабатывать землю и выращивать зерно, жили только охотой и скотоводством. Питались также плодами некоторых деревьев; рыбу не ели, хотя она и водилась в большом количестве в их реках и озерах.

Ходили полуодетыми и босиком. Их дома — шатры из шкур. Женщины у каледонцев общие, и все дети воспитываются сообща. Набеги совершались либо пешим способом, либо с повозками, в которые запряжены низкорослые хилые лошаденки. Бегали дикари очень быстро. Во время боя сбивались в кучу и дрались до последнего. Их оружием были щит и короткая пика, увенчанная железным шаром, которым производился шум, устрашающий неприятеля. Кроме того, дикари эти носили у пояса на ремне ножи. Их воины очень выносливы. Геродиан добавляет следующее:

Большая часть их тела ничем не укрыта, а болота для них не препятствия. Одежды у них, собственно говоря, нет вообще, они лишь оборачивают железом шею и бедра. И железо у них — свидетельство богатства, как у других варваров золото. Тело же они татуируют пестрыми рисунками и изображениями различных животных. Может, потому и не носят одежды, чтобы были видны эти изображения. В битвах проявляют не просто мужество, но даже кровожадность, защищаются лишь небольшим щитом, а копье и меч привязывают к голому телу. У них нет ни панцирей, ни шлемов — они, по их словам, мешали бы проходить по болотам, которые сильно зловонны и вечно туман напускают, отчего тот край всегда затянут мглой.

Борьба в таком краю и с таким противником вряд ли сулила успех, хотя цезарь готовился к походу целый год. Главный лагерь был разбит в городе Эбураке (современный Йорк). Там цезарь оставил супругу и сына Гету в качестве наместника Британии, а сам весной 209 года отправился вместе с Каракаллой на север, за вал Адриана. Путь проходил по землям негостеприимным, опасным и был очень тяжел. По дороге вырубали леса, засыпали болота, строили мосты. Про-

тивник никогда не проявлялся в открытом бою, зато аккуратно уничтожал небольшие отряды римских солдат, направленных в разведку или посланных раздобыть продовольствие, так что потери римлян были велики. И несмотря на все трудности солдаты Севера неуклонно продвигались вперед. Самого императора несли в закрытой лектике. Наконец армия достигла северных пределов Каледонии. Тут цезаря удивил тот факт, как медленно скрывается солнце за горизонтом и какие долгие летние дни.

По всей видимости, за время совместного пути у Севера были постоянные стычки с сыном, ведь у Каракаллы то и дело возникали какие-то невероятные планы. Поговаривали также, что стычки порой принимали характер открытой вражды, и однажды сын даже схватился за меч. (О том, что Каракалла давно мечтал убить отца, в Риме уже говорили открыто.) В это трудно поверить, и даже не из-за Каракаллы, который всегда отличался крайней вспыльчивостью. Удивляло по-прежнему ровное и спокойное отношение к нему отца. И доверие.

Осенью 209 года, уже вернувшись в Эбурак, Север и оба его сына получили звание *Britannicus Maximus*, Величайший Победитель Британии. К концу этого года молодой Гета получил титул Августа, так что формально в этот момент у империи оказалось целых три императора, имеющих равные полномочия и равные титулы. Фактически же управляла всем воля Септимия Севера.

Из-за усиливавшейся болезни он не смог лично возглавить поход 210 года. Тогда он отправил на север старшего сына, сам же с Гетой остался в Эбурাকে. Каракалла же занимался не столько продолжением войны с варварами, сколько привлечением на свою сторону офицеров и солдат, чтобы в случае смерти цезаря отступились от Геты и только его признали на-

стоящим властителем. И опять же поговаривали, что он предпринимал попытки подговорить врачей отца и его прислугу ускорить смерть цезаря.

Вся эта тяжелая обстановка — болезнь цезаря, интриги, общая подозрительность — сказывалась самым неблагоприятным образом на ходе военной кампании. Но цезарь и слышать не хотел о возвращении. Еще столько оставалось сделать! Подготавливался новый, третий поход, но 4 февраля 211 года император скончался в Эбураке. Ему было 65 лет, а царствовал он 17 лет. И хотя был серьезно болен, до конца сохранял и физические силы, и энергию, и отличные умственные способности.

Трудно охарактеризовать однозначно этого императора. По словам Кассия Диона, это был человек дела. «Немного слов — много помыслов», — так сформулировал свою мысль историк. Друзей он не забывал, врагов уничтожал. Для решения принятой задачи прилагал все силы, не обращая внимания на то, что о нем говорят. Деньги раздобывал всевозможными способами, но не ради самих денег. К смертной казни не приговорил никого. Тратил много казенных денег, но государственную казну оставил полной. Умирал как пристало мужчине — спокойно и осознавая, что приближается конец. Заранее велел заготовить порфиновую урну, куда следует вложить его прах после кремации. Затем эта урна должна быть доставлена в Рим и упокоена рядом с прахом Марка Аврелия. Так он пожелал.

За минуту до кончины он погладил урну рукой и произнес грустные, но гордые слова: «Ты вступишь в себя человека, для которого был мал целый мир». Своим сыновьям Север оставил политический завет — короткий, но красноречивый: «Живите в согласии, обогащайте солдат, а об остальных можете не думать».

ГЕТА

Lucius Septimius Geta

27 мая 189 г. — 26 февраля 212 г.

Правил с осени 209 года совместно с отцом Септимием Севером и братом Каракаллой, с 4 февраля 211 г. вместе с Каракаллой под именем Imperator Caesar Publius Septimius Geta Augustus.

Не был причислен к сонму богов

Погребальные церемонии Септимия Севера сначала происходили там, где он умер и где находилась его семья, то есть в Британии, в городе Эбураке. Труп императора в полном воинском убранстве возложили на погребальный костер, вокруг которого все солдаты, в том числе и Каракалла с Гетой, описывали круги, на бегу бросая в огонь свои воинские награды, как предписывал стародавний обычай. Зажгли костер сыновья. Прах умершего собрали в порфиновую урну и в торжественном шествии все двинулись в Рим. Наследники не пожелали задерживаться на острове, по их мнению, цель трехлетней кампании была достигнута. Северные народы познали на себе мощь Римской империи, с соседями заключили мир, а также укрепили и увеличили вал Адриана, защищающий римские провинции в Британии.

Когда умер отец, Гете не исполнилось еще и 22 лет. Каракалла был на три года старше брата. Оба брата почти с самого детства ненавидели друг друга, а теперь оказалось, что у них формально абсолютно одинаковые права на императорскую власть. Каракалла всегда проявлял больше активности, по отношению к брату часто был даже агрессивным, к тому же Север

чаще занимался им, как старшим, приучая и к военному делу, и к политической активности. Под влиянием матери и нажимом отца братья вынуждены были смирять свою неприязнь; над гробом отца они поклялись жить мирно. Однако уже по пути к Риму прежняя ненависть вспыхнула с новой силой. Они демонстративно отделились друг от друга, никто не видел их вместе. Останавливались они на разных постоях, никогда не садились за один стол, и каждый из них, не скрываясь, выражал опасение быть отравленным за столом брата. Некоторые историки утверждали, что Каракалла собирался убить брата еще в Британии или где-нибудь по пути, но не решился, убедившись, какой популярностью пользуется Гета у легионеров.

У въезда в Рим народ и сенат встретили молодых цезарей с положенной торжественностью. Римляне в траурных одеждах, с лавровыми ветвями, сенаторы в своих речах с одинаковым почтением высказывались и о скончавшемся великом вожде, и о достойных его молодых преемниках. Братья в пурпурных плащах прошли во главе траурного шествия по улицам Рима, урну с прахом Севера несли оба консула, чей консулат пришелся на этот скорбный год. Как и пожелал Септимий Север, урну с его прахом поместили в мавзолее Адриана (современный замок Ангела), рядом с урной Марка Аврелия.

Оказавшись в императорском дворце на Палатине, братья своим поведением еще раз подтвердили недоверие друг к другу. Каждый расположился в особой части дворца, попытавшись превратить ее чуть ли не в крепость. Все входы во дворец приказано было запереть, оставив лишь один главный. Повсюду стояли отряды до зубов вооруженных самых преданных легионеров, преторианцев и гладиаторов. Встречались оба цезаря лишь на очень важных мероприятиях.

Одним из таковых была церемония провозглашения богом их скончавшегося отца. Таково было решение сената, и сделано это было в соответствии со старинной традицией. Восковую статую покойного, отличавшуюся большим сходством с цезарем, положили на погребальные носилки из слоновой кости и на высоком помосте выставили на народное обозрение перед входом в императорский дворец. Дорожка через всю площадь к подиуму была устлана дорогими коврами, ткаными золотом. По левую сторону от саркофага долгие часы ежедневно просиживали сенаторы в траурных одеждах, по правую — почтенные матроны в белых одеяниях и без каких-либо украшений. Так продолжалось семь дней, и каждый день к восковой статуе подходили врачи, внимательно осматривали ее и скорбно объявляли, что состояние здоровья императора снова ухудшилось. Наконец на седьмой день возвестили о кончине властителя. Тогда молодые люди из самых знаменитых родов и представители эквитов на руках подняли носилки и понесли их по святому пути из Палатина на Форум Романум. Там умершего отпевал хор мальчиков и девочек из семей римской знати. Затем процессия отправилась за пределы города, на Марсово поле, где уже высилась внушительная деревянная постройка из пяти шестигранников, поставленных один на другом. Наружные стены этого строения украшали статуи из мрамора и слоновой кости, живописные изображения и драгоценные ковры, а внутренность была набита хворостом.

Носилки подняли на второй ярус и со всех сторон окружили грудами всевозможных благовоний. Их было очень много, ведь каждая провинция, каждый крупный город считали своей святой обязанностью внести свой вклад в столь угодное богам дело и почтить великого вождя. Вокруг же самой постройки со-

брались все самые известные в стране люди, пешком или верхом, и каждый на свой лад прощался с умершим. Затем площадь очистилась, и по ней промчались колесницы, причем все возницы были в пурпурных плащах, а на лице каждого надета маска, изображающая одного из великих римлян времен республики или империи. Это означало, что теперь с умершим прощается всё славное прошлое Рима. Наконец оба цезаря одновременно поднесли свои факелы к деревянной постройке, и тут же на самом верху открыли клетку, из которой взлетел вверх орел, символизирующий душу цезаря, божественно преобразившуюся и устремившуюся к небесам.

Итак, обожествленный цезарь, обратившись орлом, вознесся на Олимп, а его сыновья на грешной земле, отбросив все условности, вели уже неприкрытую борьбу. Конфликт разрастался и постепенно охватил всю столицу, точнее, высшие слои знати, ибо никто не мог остаться в стороне, хотя бы всей душой желал этого. Каждый сенатор, каждый высший чиновник, каждый эквит должен был определиться, на чьей он стороне. Цезари завалили работой своих сторонников, желая точно знать, за кого стоит тот или иной римлянин и нельзя ли его купить или угрозой добиться желаемого. Большинство, и это необходимо отметить, симпатизировало меньшему брату. Считалось, что Гета сохранит хотя бы видимость порядочности, он более восприимчив и человечен, а в его окружении много умных и образованных людей. Каракалла же отталкивал людей своей несдержанностью, вспыльчивостью, нежеланием выслушать и понять, а также необузданностью алчной до развлечений натуры. Его интерес составляло, правда, и военное дело.

Впрочем, недоразумения и даже вражда братьев наверняка возникли бы и при всей схожести их характеров, если бы так было. Может, они бы тогда

не так ненавидели друг друга, но относились хотя бы терпимо. Все дело, разумеется, в том, что оба они обладали абсолютно равной властью, не ограниченной ни территориально, ни областью компетенции. Идея совместного правления на одинаковых условиях по самой своей сути не была жизнеспособна, ибо противоречила человеческой природе. Именно поэтому и пришли к единственно правильному выходу из создавшейся ситуации: раз нет никаких шансов совместно управлять всей империей, следует поделить страну на сферы влияния. Кто явился автором этой концепции, трудно сказать. Предполагали, что Юлия Домна, но вряд ли она первой высказала такую мысль, возможно, идея давно носилась в воздухе. Однако совещание по данному вопросу собралось у вдовствующей императрицы. В ее покои явились оба сына со своими советниками. Представленный на рассмотрение проект был прост. Все европейские и некоторые африканские провинции отдавались Каракалле, азиатские же, вместе с Египтом и Ливией, — Гете. Если верить Геродиану — а из древних историков только он написал об этом, — проект был отвергнут именно из-за Юлии Домны. Его уже почти приняли, уже стали разрабатывать детали и решать отдельные вопросы, когда Юлия Домна вдруг произнесла: «Ну, хорошо, как вы поделите мать? Вам придется сначала меня убить, чтобы затем разрезать на куски, которые каждый из вас похоронит на своей территории». Она расплакалась и горячо обняла обоих сыновей. Видимо, таким образом мать сделала еще одну попытку их примирить. На этом совещание и закончилось, братья ни с чем разошлись по своим укрепленным крыльям императорского дворца. Потом они уже никогда к этому вопросу не возвращались.

Юлия Домна действительно всегда пыталась помирить сыновей. Однако кто знает, какие, в самом

деле, были истинные причины ее высказывания, когда она так горячо выступила против проекта раздела империи. Не исключено ведь, что она в глубине души вынашивала другие планы. Возможно, в период вечной вражды между братьями и их неспособности прийти ни к какому решению она желала быть единственным человеком, к которому обратятся как к последней инстанции? Тогда ее слово оказалось бы решающим и именно она, как наивысший авторитет для обоих цезарей, стала бы истинной властительницей империи.

И все же если мы посмотрим на этот исторический момент с перспективы последующих событий, то ясно увидим, что раздел империи был единственным шансом спасти государство, — с разделом появлялась возможность избежать постоянных распрей, гражданской войны и даже братоубийственного преступления. Если бы уже тогда, в 211 году, было создано две империи, то это лишь ускорило бы то, что стало свершившимся фактом по прошествии почти двух веков, когда в 395 году Феодосий Великий разделил государство между двумя сыновьями.

Соперничество между братьями продолжалось. Если возникала необходимость назначить наместника или другого чиновника высокого ранга, каждый из цезарей старался протащить своего протеже. На судебных процессах не могло быть и речи о беспристрастном мнении судьи. И всё время предпринимались попытки тайно — или самими братьями, или их сторонниками — убить соперника. Известна попытка Каракаллы отравить брата во время декабрьских праздников Сатурналий, когда весь город предавался беззаботному веселью.

В начале 212 года Каракалла обратился к матери с просьбой стать посредником в их переговорах с братом, ибо он, по его словам, решил наконец покончить

с враждой между ними, договориться мирно о разрешении существующих конфликтов и заключить прочный мир. Он так упорно убеждал мать в искренности своих намерений, что та поверила сыну и согласилась присутствовать при решающих переговорах, заявив, что всегда ее самым горячим желанием было помирить своих сыновей. Гета тоже охотно пошел на примирение с братом. Решающая встреча должна была состояться под вечер 26 февраля в покоях Юлии Домны. Оба брата должны были явиться без охраны, мать гарантировала безопасность сыновей. Но лишь только Гета вошел в зал, как на него набросилось несколько центурионов. Не имея возможности убежать, Гета бросился к матери и крепко прижался к ней, воскликнув: «Мама, мама, меня убивают, защити, ведь ты же меня родила!» Но в этот момент офицеры уже всадили в него мечи, и кровь из ран сына смешалась с кровью матери, которую тоже ранили в руку, залив ее платье, когда она пыталась прикрыть собой сына.

Все произошло на глазах Каракаллы. Как только Гета выскользнул из объятий ослабевшей матери и свалился на пол, Каракалла выскочил из зала с громким криком — дескать, тут приготовили для него ловушку и попытались его убить! Тоже упав на пол, он приказал придворной страже быстро отнести его в казармы преторианцев, и по дороге не переставая кричал, что во дворце его ждет смерть, спасение он найдет лишь среди солдат. Уже смеркалось, когда прохожие увидели на улицах это зрелище и услышали крик цезаря, — в городе начался переполох, улицы быстро заполнялись народом. Прибыв в казармы, Каракалла сначала велел отнести себя в небольшой храм, располагавшийся при казармах, где обычно хранились боевые регалии преторианцев. Там он простерся перед алтарем, принес богам благодарствен-

ные дары за чудесное спасение и обещал принести еще более дорогие жертвы. В это время придворные гвардейцы обычно совершают омовение перед сном, но как только они узнали о случившемся, все сразу же собрались на плацу.

Первые слова, которые они услышали там от Каракаллы, были обнадеживающие: «Радуйтесь, товарищи по оружию, наконец я смогу отблагодарить вас достойно за верную службу». И тут же уточнил, какие именно они получают от него дары, насколько он повысит их жалованье. Суммы назывались внушительные. Потом Каракалла принялся путано и нечленораздельно рассказывать о том, что произошло во дворце. Естественно, драма разыгралась из-за этого проклятого врага, как он называл брата. Он собирался убить его, Каракаллу, и подстроил засаду. После этого всё более воодушевляющийся Каракалла дал понять, что злодей брат погиб в им же организованной драке, так что теперь единственным законным правителем оказался он, Каракалла. И закончил такими словами: «Я один из вас, жить буду лишь ради вас, а если мне не суждено будет жить с вами, то я желал бы с вами умереть».

Как только цезарь объявил, что деньги преторианцам будут выданы немедленно, те с искренним воодушевлением провозгласили Каракаллу единоличным властителем империи. Тем не менее ситуация оставалась неясной, так что Каракалла предпочел провести эту ночь в окружении преторианцев. Дело в том, что у него были все основания опасаться легионеров, стоящих лагерем недалеко от Рима, у местечка Альба (вблизи современной летней папской резиденции — Кастель Гандольфо), которые были сторонниками Геты. И в самом деле, узнав об убийстве Геты, они заперли ворота лагеря и заявили, что давали присягу обоим братьям и намерены сохранять ей верность.

Пришлось вести переговоры, постепенно солдаты позволили себя уговорить — когда им пообещали тоже повышение жалования и всяческие награды. Да и кому теперь они бы соблюдали верность, раз Геты уже не было в живых?

На следующий день осмелевший Каракалла покинул гостеприимные казармы и отправился на заседание сената. Отправился, разумеется, не один, а в сопровождении личной охраны в полном вооружении, да и сам предусмотрительно поддел под тогу панцирь. Вот так, подстраховавшись, новый цезарь предстал перед своими законниками, трясущимися от страха. Что же он им сказал? По свидетельству одного из писателей, речь цезаря была сумбурной. Он повторил то же, что врал преторианцам, представляя жертву преступления, Гету, как задумавшего расправиться с ним, Каракаллой, себя же самого — как чудом спасенного. Твердил, что его постигло внезапное и предательское нападение, когда он пошел проведать мать. И благодарил богов, что беда обрушилась на одного только Гету, который заслужил наказание в соответствии с разумным порядком природы. А теперь он и сенаторам велит тоже благодарить милостивых богов. Говорил все это диким голосом и нечленораздельно. Каракалла заметил, что говорит хрипло из-за боли в горле, и потому не может вести долгие речи. Когда же встал с трона и даже подошел к двери, обернулся к сенаторам, словно вспомнив нечто важное, и добавил: «Ах, чуть не забыл, надо же вам сказать еще об одном, чтобы весь мир радовался. Знайте же, я постановил принять решение, чтобы на родину вернулись все изгнанники, независимо от того, когда и по какой причине они были изгнаны».

Цезарь и в самом деле вскоре освободил от преступников острова, служащие римлянам тюрьмами, причем отпускал всех осужденных без разбору, не-

зависимо от преступлений, которые они совершили. Впрочем, еще до этой великой амнистии он позаботился о том, чтобы предать смерти своих личных врагов, среди них свою бывшую жену Плаутиллу и ее брата, детей префекта Плаутиана.

Сенаторы с трепетом внимали новому властителю, представляя, что теперь начнется в стране. Кровавая расправа не только со сторонниками Геты, но даже и просто с нейтральными людьми началась в тот же день. Были уничтожены не только близкие и друзья убитого брата императора, но и вся его прислуга, без различия пола и возраста, даже дети. Их обезображенные тела целыми возами отправляли за город и там сжигали или просто разбрасывали. Естественно, лишили жизни и тех актеров, музыкантов и циркачей, которых любил Гета. Сообщалось, что погибло более 20 000 человек. Кажется невероятным, но называет это число важный свидетель, достойный доверия, — сенатор и историк Кассий Дион.

Он же сообщает и имена наиболее известных из тех людей, с кем расправился Каракалла. В их числе Корнифиция, последняя из живых еще в то время дочерей цезаря Марка Аврелия, всеми уважаемая старушка; она провинилась тем, что посетила Юлию Домну и вместе с ней оплакивала смерть ее младшего сына. Впрочем, матери Геты жестокий император запретил проявлять скорбь и повелел веселиться, словно ничего и не произошло. Сыну Пертинакса приказали покончить с собой, такой же приказ получил и племянник Коммода. Их смерть была вызвана политическими причинами — будучи людьми влиятельными, они имели какие-то права на престол.

Двукратный консул и бывший префект Рима, Фабий Цилон, почтенный сенатор, друг императорской семьи, которого сам Каракалла называл отцом, не угодил тем, что долго и искренне уговаривал его помириться

с братом. А теперь в дом всеми уважаемого сенатора вторглись солдаты, крушили и грабили, присваивали самое ценное, а самого хозяина выволокли из ванны в одной короткой тунике и легких сандалиях. Сенатора протащили по улицам города через Форум на Палатин, чтобы там совершить экзекуцию, всю дорогу издеваясь над старцем и унижая его. Впрочем, тут они перестарались. На улицах было уже много народа, в том числе и солдат из когорт, не любивших преторианцев, старого же Цилона знали все. Поднялся страшный крик, люди возмущались, и Каракалла, из боязни вызвать всенародное возмущение, вынужден был остановить своих головорезов. Поскольку возмутительная сцена происходила как раз у Палатинского дворца, Каракалла увидел происходившее и тут же придумал, как поступить. Он широким жестом снял с себя плащ и заботливо, по-сыновьи, закутал в него старика и обрушился на преторианцев, которые якобы самостоятельно позволили себе так обращаться с его опекуном. Более того, все эти преторианцы во главе со своим офицером были приговорены к смертной казни; настоящая же их вина была в том, что они не сразу убили Цилона. Сенатор смог вернуться в свой разрушенный дом — практически из гроба.

А вот с префектом преторианцев, знаменитым юристом Папинианом, такого чуда не произошло. Он тоже всегда старался примирить братьев, что теперь для Каракаллы, ставшего единственным и полномочным императором, считалось преступлением и предательством. Но Папиниан совершил и другое преступление. Когда цезарь попросил его произнести речь перед сенатом и римлянами, в которой бы тот со свойственным ему блеском и талантом оправдал с юридической точки зрения преступление Каракаллы, юрист смело ответил: «Убийство легко совершить, но не так легко его оправдать».

Папиниану на Палатине отрубили голову. Цезарь сурово отругал солдата, совершившего эту экзекуцию. Отругал за то, что вместо топора надо было употребить меч. Только это и нашлось у него для человека, прославившего свое время. Однако дело Папиниана не погибло от орудия палача — произведения римского юриста пережили века и продолжают жить в законодательствах многих стран мира. Так же, как и живет пример бесстрашия и честности ученого, не покривившего душой даже под угрозой лишиться жизни. Как тут не вспомнить о его коллегах по ремеслу, легко подчинявшихся нажиму сверху, хотя грозила им единственная утрата — кресло.

КАРАКАЛЛА

Septimius Bassianus

4 апреля 186 г. — 8 апреля 217 г.

Со 196 г. Marcus Aurelius Antoninus Caesar.

Со 198 г. Imperator Caesar Marcus Aurelius Antoninus Augustus.

Правил с 211 г. совместно

с отцом Севером и братом Гетой,

*с февраля 211 г. до февраля 212 г. с Гетой,
потом самостоятельно до самой смерти.*

Был причислен к сонму богов

На земле современной Болгарии, у местечка на Дунае, которое в древности называлось *Novae*, уже давно проводит археологические работы польская экспедиция Варшавского университета. В этом месте некогда находилась база I Итальянского легиона Римской империи, и раскопки принесли много ценных открытий разного плана, весьма обогатив наши познания о жизни пограничных земель в этих местах. В 1977 году в развалинах храма (такие небольшие храмы при римских военных базах назывались «часовни знамен») была обнаружена небольшая мраморная голова высотой около 12 сантиметров. Она представляет молодого мужчину, с довольно правильными, но не очень приятными чертами лица. Прямой нос, довольно широкий, четкие брови, подвижные, уложенные волосы. Бакенбарды соединяются с короткой бородкой, небольшие усики. Черты настолько характерные, что их идентификация не вызывала ни малейшего сомнения, очень уж известно это лицо по множеству дошедших до наших дней статуй и монет. Перед нами было изображение Каракаллы, с 212 года единственного правителя Римской империи.

Римские скульптурные портреты, как правило, очень реалистичны, в большинстве своем точно передают сходство с персонажем изображения. Найденная голова очень хорошей работы, наверняка была выполнена в Риме. На всех известных изображениях император Каракалла выглядит суровым и даже жестоким человеком, а может быть, таким он и был на самом деле. В данном случае в скульптурном портрете, хотя и небольшом по размеру, отчетливо просматривались обе эти тенденции — и врожденные твердость и решительность, и желание выглядеть бравым воякой и настоящим мужчиной. Люди с врожденными комплексами властвования всегда склонны принимать позу, точнее, держаться соответствующим образом, если их не удерживает от этого культура, трезвая самооценка и чувство юмора. Именно таким человеком, судя по отзывам современников, и был Каракалла — никакого намека на самоиронию, самокритику. Сохранились упоминания о том, что цезарь начал лысеть уже в двадцать с небольшим, значит, эти завитые и тщательно уложенные волосы на мраморной голове и на всех остальных его изображениях не что иное, как парик.

Всю свою жизнь Каракалла стремился демонстрировать (казаться, а не быть) силу духа и тела, решительность, стойкость, особенно во время военных походов. Он часто разделял все трудности похода с простыми солдатами. Первым начинал копать рвы и строить укрепления, наводить мосты через реки, прокладывать дороги — короче, брался за все, для чего требовалась физическая сила и большое терпение. Пищу ел простую и из простой посуды, чаще всего деревянной. Иногда на глазах у всех приготавливал себе лепешки, как это делали солдаты в походе: молот зерно, месил тесто, выпекал их на костре. Тут как раз

время заметить, что в армии Древнего Рима практически не существовало специальных продовольственных подразделений, солдат должен был сам себя обслуживать, сам заботился о своем пропитании.

Каракалла никогда не носил дорогих украшений, обходился самыми простыми. Во время переходов маршировал плечом к плечу с легионерами, редко присаживался на повозку или садился на коня. Сам носил свое оружие. Охотно брался нести и очень тяжелые, как бы сейчас сказали, полковые знамена, то есть полотнища на длинных и тяжелых шестах с множеством золотых украшений. Даже очень сильные солдаты старались уклониться от этой чести. Цезарь же делал это, главным образом из-за того, что желал получить популярность в солдатских массах, показать, что он — новый Александр Великий. И в самом деле, братаясь с солдатами, разделяя с ними трудности военных походов, он приобретал симпатии солдат и их привязанность. Забывал лишь о том, что одно дело — быть бравым воякой, и совсем другое — хорошим полководцем.

Каракалла обладал замечательной физической силой и ловкостью, регулярно закалялся и заниматься физическими упражнениями его с раннего детства заставлял отец. Он же уделял большое внимание умению ездить верхом и плавать в море, даже в шторм. Как это было принято в патрицианских семьях, Каракалла проявлял себя и на охоте, правда, не очень подвергаясь опасности — предпочитал расправляться с уже пойманными зверями на аренах цирков. Тут он бесстрашно рубил направо и налево, разя пойманных хищников, однажды за один раз положил сотню связанных диких кабанов. Популярность огромная, а расходов никаких, ведь зверя императору из подхалимажа поставляли все, кто нуждался в его благосклонности. Впрочем, сын императора с детства лю-

бил такие кровавые развлечения, особенно когда ему самому гарантировалась безопасность. Очень любил, например, бои гладиаторов, в которых побежденного неминуемо ждала смерть. Однажды Каракалла заставил одного гладиатора провести подряд три боя без перерыва, и когда тот в третьем бою наконец был сражен, император устроил герою великолепные похороны. Сам Каракалла нередко принимал участие в гонках колесниц в качестве возницы от команды Голубых. Как обычный спортсмен, Каракалла, надев форму возницы, традиционным движением кнута обращался к почтенной публике, прося ее не скупиться на подаяния для бедного спортсмена. И в то же время, властью цезаря, назначал хозяином игрищ кого-нибудь из богатых болельщиков, заставляя его оплачивать все расходы по состязаниям.

Септимий Север заботился о воспитании сыновей и дал им очень хорошее по тому времени образование, обучая разным специальностям и знакомя с лучшими произведениями философии и литературы. То же продолжалось и в период, когда Каракалла был соправителем отца. Однако, как только отец умер и Каракалла стал полновластным правителем, он тут же забросил все ненавистные ему уроки и очень часто высказывался с какой-то особенной злобой и презрением о людях ученых. Так проявилась его истинная натура, к тому же это помогало ему завоевать популярность среди простых, необразованных людей, известных своим вошедшим в историю требованием «хлеба и зрелищ». Больше им ничего не требовалось. И все же учение в молодые годы не прошло бесследно, даже враги признавали Каракалла человеком неглупым, довольно образованным, разбирающимся в сложных вопросах и умеющим складно говорить.

Весьма характерны личные пристрастия Каракаллы, о чем не мешало бы упомянуть. Из знаменитых

деятелей прошлого он очень ценил Суллу как талантливого вождя и твердого политика, который расправлялся со своими врагами легально, убивая их на основании так называемых проскрипций. Очень ценил Каракалла и императора Тиберия — в основном за то, что тот никому не верил. Из иностранцев он очень уважал Ганнибала, гениального стратега, умелого военачальника и очень жестокого человека. Однако больше всех преклонялся перед гением Александра Македонского. И даже в одном из своих посланий сенату заявил, что в его лице Александр Великий возродился в настоящее время. Как известно, Александр Македонский умер молодым, и вот теперь, в другой жизни, он, став Каракаллой, свершит то, чего тот не успел сделать за свою недолгую жизнь. В качестве доказательства цезарь сделал приписку к своему посланию сенату: царь Македонии тоже был небольшого роста!

Каракалла старался во всем подражать своему кумиру. В скульптурных изображениях Македонского цезарь часто рядом с его головой велел изваять и свою. По примеру Александра Македонского он тоже создал фалангу из македонцев прославленных родов. И вообще, всех македонцев, как своих «родственников», окружал особой заботой. Узнав, что один из его офицеров, Антигон, — уроженец Македонии и его отца зовут Филиппом, как и отца великого Александра, цезарь немедленно дал ему высшее военное звание и даже провел в сенат. Каракалла преследовал философов школы Аристотеля. Ведь известно, что хоть Аристотель и был учителем Александра Македонского, но впоследствии они не очень ладили, и сохранилась легенда, будто Аристотель причастен к смерти своего великого ученика. В наказание Каракалла даже повелел сжечь все сохранившиеся книги Аристотеля и возненавидел всех последователей этого знаменитого древнегреческого философа.

Все это выглядит несерьезно и вызывает лишь смех. Но и в более поздние, просвещенные времена такое не раз повторялось и тоже ничего, кроме презрительного смеха, не могло вызвать.

Каракалла стал носить одежду македонцев, самой характерной деталью которой была фетровая шляпа «кауза». И еще цезарь любил одежду галлов и тоже часто показывался в таком одеянии. Для этой одежды характерен широкий плащ до полу с капюшоном. Такой плащ сразу же стал модным; стараясь подражать цезарю, его стали носить во всех провинциях империи, а потом он стал одеянием монахов и в таком виде дошел до наших дней. Кстати, свое прозвище император получил благодаря такому плащу — галлы называли его каракаллоу. Прозвище никогда не употреблялось официально, официальным именем императора было Антонин.

То, о чем вы только что прочли, — о жестокости Каракаллы, вообще об особенностях его характера, его пристрастиях и забавах, его выдумке о реинкарнации — живом воплощении величайшего героя древности, одежде и прочих причудах — все это интересовало лишь жителей столицы. Провинциям же было совершенно все равно, сколько сенаторов наказано, сколько зверей погибло в цирке, в каких одеяниях красуется цезарь. Для населения страны важны были прежде всего вопросы экономики, то есть размеры податей, оплата за труд, возможность иметь работу.

Кассий Дион жалуется, что император мало заботится о стране, осыпает дарами только солдат, добавляя при этом, что здесь Каракалла не скупится и всегда находит этим непомерным расходам предлог. Передав дела управления государством матери, сам Каракалла, мечтая о славе Александра Македонского, ведет одну войну за другой — и на Дунайской границе,

и с Парфией, и с Ассирией, а средства на них находит, обирая всех остальных граждан.

Он вновь повысил жалование воинам, доведя его до 750 денариев в год, а гвардейцам — до 2500 денариев. Провозглашая очередную победу, он требует ото всех городов империи приносить ему победные презенты и золотые венки. Такие венки, называемые *aurum coronarium*, и раньше часто дарили другим цезарям якобы в знак верноподданнической любви, в действительности же это была просто неформальная подать. И все же Каракалла намного превосходил всех прежних императоров в использовании этого источника доходов. Дело в том, что он требовал особые венки, более тяжелые, чтобы в них было больше золота, а иногда даже в венки вплетали просто золотые монеты.

Император пользовался любым случаем, чтобы требовать денежные подарки от городских управ, сенаторов и просто зажиточных людей. Вводил новые налоги, увеличивал старые. Так, например, вместо налога в 5 % за наследование, за освобождение рабов, за дарственные он ввел налог в 10 % и отменил ранее существующие льготы для наследников.

Именно нехватка денег явилась причиной важной государственной реформы. Каракалла дал права римского гражданства всему населению империи, исключив лишь детей. Вроде бы он тем самым благородно поднял всех граждан империи до уровня только жителей Италии, в действительности лишь увеличил для себя число доходов. Этот юридический акт 212 года, который называют *Конституцией Антонина*, имеет очень большое историческое значение. На папирусе, найденном в Египте в 1902 году, сохранился текст этой конституции в греческом переводе, к сожалению, сильно разрушенный временем. Из этого текста следует, что не все жители империи стали римскими

гражданами, не удостоились этой чести *dediticii*. Трудно сказать, что означает это определение, большинство историков полагает, что речь идет о сельских жителях.

Чтобы понять значение конституции, нужно знать, что римская империя с юридической точки зрения была чем-то вроде конфедерации сотен или даже тысяч городских общин, обладавших очень большой внутренней автономией, которые руководствовались собственными принципами в области гражданского и имущественного права, тесно увязанными с давними традициями, и тем самым не подчинялись юрисдикции Рима. В результате возникали иногда парадоксальные ситуации. Римский гражданин должен был платить налог при получении наследства, тот же, кто не был гражданином, не платил налога, или платил его в размере, предусмотренном данным городом. Вот и получается, что Каракалла, — возможно, по наущению мудрых советников, — нашел прекрасную возможность законно увеличить государственные доходы. А одновременно эта же конституция автоматически укрепляла единство государства. Давно произошла политическая романизация отдельных стран и территорий, то есть их подчинение Римской империи политически, постепенно происходила и языковая романизация — латынь становилась главным языком, преимущественно на крупных территориях. А теперь вот произошло и правовое единение империи.

Однако еще больший доход правительство получило благодаря монетарной реформе, задуманной еще Септимием Севером. Идея была простая: вместо прежней монеты динара стали чеканить другую, номинальная стоимость которой приравнивалась к двум динарам. То есть выпускали монеты с меньшим содержанием золота или серебра при сохранении старого номинала. В самой империи эта система действовала

нормально, но варвары и другие торговые партнеры римлян неохотно принимали новые монеты.

Разумеется, было бы преувеличением утверждать, что все доходы страны поглощала армия. Вспомним хотя бы об играх и зрелищах, правда, император стремился расходы по их устройству возложить на богатых римлян. Каракалла занимался все же не только войском, но и строительством, причем делал это с огромным размахом и в невероятном темпе. Уже в 212 году он начал в Риме, у подножия Авентинского холма, возводить огромные термы, размером и пышностью отделки превосходящие все прежние сооружения этого типа. О роскоши внутреннего убранства лучше всего свидетельствует факт, что начиная с XVI века в их руинах одно за другим обнаруживаются уникальные произведения древнего искусства, как, скажем, гигантская мраморная группа «Фарнезийский бык», представляющая сцену, когда братья-близнецы Амфион и Зет, сыновья Антиопы и Зевса, привязывают к рогам быка злую Дирку, супругу царя Фив, Лика. Братья овладели Фивами, свергли Лика, а Дирку казнили. В настоящее время скульптура находится в национальном музее Неаполя. Главное здание терм было готово уже в 217 году. Кроме обычных в нашем понимании бань, помещений для мытья и бассейнов, в термах имелись просторные помещения для игр, театральных представлений, просто встреч и бесед, а также две большие библиотеки. Сохранившиеся внушительные руины терм Каракаллы и теперь поражают и восхищают туристов.

Термы еще только начали строить, а цезарь, опять передав бразды правления матери, в конце 212 года повел войска к Рейну, в Галлию. Алеманны слишком уж часто стали тревожить римские лагеря в тех местах. Впервые на исторической сцене появляются эти

племена, точнее, конгломерат нескольких германских племен. Это название до наших дней сохранилось во французском названии Германии, *Allemagne*. Каракалла громил алеманнов на Майне и в горах Таунуса, приводил в порядок римские крепости и укреплял фортификационные сооружения. Для укрепления здоровья он посетил местечко, которое сейчас называется Баден-Баден и, как и встарь, славится своими целебными водами. Затем цезарь воевал в верховьях Дуная, в Реции. Поскольку в Римской империи уже давно возникла проблема с набором солдат в армию, именно здесь цезарь издал знаменитый эдикт с целью привлечения военных кадров. Теперь солдаты получили право приобретать в собственность землю (и здесь, и в других частях империи), но при условии, что сын купившего землю солдата по достижении восемнадцати лет тоже станет солдатом Рима.

В столицу цезарь вернулся в 213 году со званием *Germanicus Maximus*. Кажется, той же зимой разыгралась трагедия четырех весталок, обвиненных в связях с мужчинами. Одна из них покончила с собой, трех остальных по приказу цезаря живьем закопали в землю. Напомним, император был и верховным жрецом империи. В народе ходили слухи, что он же и лишил одну из несчастных девственности.

Весной 214 года Каракалла отправился в следующий поход. Сначала побывал на нижнем Дунае, возможно, в уже известном нам местечке *Novae*, затем отправился в Тракию. Именно там со всей маниакальностью проявился его культ Александра Македонского. Тогда и были созданы фаланги македонцев, о чем упоминалось выше. Каракалла сам себе присвоил титул Великий, а в Филиппополисе (современный Пловдив) устроил игрища в честь Александра Македонского.

Во время переправы на азиатский берег через Гелеспонт императору пришлось натерпеться страху.

Сломалась мачта корабля, на котором он плыл, пришлось спасаться на лодке. Посетив Трою, он воздал почести ее героям и даже устроил пышные похороны одному из своих приближенных, ну совсем как Ахилл Патроклу. Естественно, опять поползли слухи, что этому приближенному он помог умереть, чтобы получить возможность устроить ему эти исторические похороны — очень уж хотелось повторить сцену из «Илиады». В Пергамоне он ночевал в храме бога врачевания Асклепия, который имел обыкновение лечить своих больных именно ночью. Сам цезарь вроде бы на здоровье не жаловался, главным предметом его забот были лишь периоды импотенции, опять же, как утверждали злые языки.

Зиму император провел в Никомедии, там же подвизался в роли гладиатора и возницы колесниц во время игрищ. Находил время и для муштровки македонской фаланги, с нею он собирался отправляться в поход против армян и парфян. Наступила весна. Долгим кружным путем по разным городам добрался Каракалла до сирийской Антиохии. Этому городу он даровал права колонии и начал там обширные строительные работы.

Осенью 215 года Каракалла вступил в египетскую Александрию, местное население с радостью встречало цезаря, так полюбившего основателя их города. От него можно было ожидать особых милостей. К тому же было известно, что Каракалла почитает египетских богов, среди которых особенно чтит Изиду и Сараписа, а их почитателям предоставлял особые льготы. И даже на самом Квиринале¹ возвел храм Сараписа. Так что в Александрии он тоже принес дары этим египетским божествам. А для гробницы Александра Македонского в жертву принес свой драгоценный

Квиринал — самый высокий из семи холмов Рима.

пурпуровый плащ и многие другие драгоценности. Затем повелел юношам Александрии собраться на лугах за городскими стенами, чтобы самых видных выбрать для своей фаланги. В назначенный день собрались тысячи юношей. И тут их окружило римское войско, набросилось на безоружных молодых людей. Разъяренная солдатня получила приказ убивать мальчиков с особой жестокостью. Когда они все были убиты, солдаты ворвались в город, продолжая разить мечами направо и налево, убивая всех, кто попадется под руку. Император со стен храма Сараписа самолично подстрекал солдат не останавливаться и отдал на разграбление ряд районов города. Что же стало причиной такой ярости? Цезаря давно раздражали насмешки над ним александрийцев, он и решил разделаться с жителями города, истребив цвет его молодежи. Возможно, причины для императорского гнева были и более основательными: несколько месяцев назад в городе вспыхнул мятеж против римлян, жертвой которого явился римский наместник Египта.

Зимовал цезарь в Антиохии, где находилась и его мать, Юлия Домна. Весной 216 года император двинул войска в Месопотамию против парфян, которые давно уже отбились от рук и чувствовали себя свободными от Рима. Официальной причиной объявления войны парфянам Каракалла якобы выдвинул то, что парфянский царь отказал ему в руке своей дочери. Римские легионы разоряли страну, но парфяне уклонялись от решающей битвы. Зиму он провел в Эдессе, городе в излучине Евфрата. Восьмого апреля 217 года в окружении придворной стражи он выехал в город Каре, желая посетить храм бога Луны. По пути в храм цезарь спешил, чтобы справить нужду, и именно в этот момент его настигла смерть. Удар кинжалом нанес Марциалис, солдат из стражи, но тут остальные охранники набросились на самого убийцу, не

оставив на нем живого места. Неизвестным осталось одно — в какой именно момент был убит император. Одни утверждают — когда стоял спиной к охране, занятый своим делом, другие — уже в тот момент, когда собирался вновь сесть на коня. Конечно же, это не имеет значения. Важно другое — он погиб смертью, недостойной императора, но вполне подходящей для Каракаллы.

МАКРИН

Marcus Opellius Macrinus

164 г. — 8 июня 218 г.

Правил с 11 апреля 217 г. до 8 июня 218 г.

под именем *Imperator Caesar Marcus*

Opellius Macrinus Augustus.

Не был причислен к сонму богов

Первым, кто подбежал к лежавшему на песке окровавленному императору, был префект преторианцев Марк Опеллий Макрин. Он же первым испустил отчаянный крик, увидев, что рана, нанесенная императору, смертельна. Убийца, солдат Марциалис, попытался сбежать, но в погоню за ним бросились всадники из придворной стражи Каракаллы. Они были набраны из племен скифов и германцев, которым, как чужакам, цезарь больше всего доверял. От мощного удара копьем Марциалис скончался на месте. В тот момент никто не раздумывал, были ли у убийцы сообщники. Никто не попытался расследовать инцидент на месте, понять обстоятельства убийства. Все решили, что убийца действовал в одиночку, из личной мести. Впрочем, многие помнили, что у Марциалиса были личные причины ненавидеть императора, ведь тот лишь пару дней назад отказался повысить солдата до звания центуриона и пользовался каждым удобным случаем, чтобы высмеять его, и даже, по слухам, недавно приказал казнить его брата.

Итак, пока все выглядело таким образом, что убийство, совершенное у всех на глазах, не вызывало никаких сомнений: личность убийцы очевидна, и он тут же казнен. Теперь ближайшее окружение убитого императора — преторианцы и легионы в Эдессе,

где находилась главная квартира римской армии, — должно решить самую насущную проблему: к кому перейдет власть? Каракалла умер бездетным, никого из рода Северов он не назначил своим наследником, у империи не оказалось государя, а ведь шла война с парфянами, и их царь Артабан готовился к большому наступлению. Не могло быть и речи о том, чтобы назначение императора отложить до возвращения в Рим и передать эту проблему сенату. Переписка с Римом заняла бы несколько месяцев — Сирия далека от столицы, послания туда и обратно отняли бы драгоценное время, да и легионеры не привыкли, чтобы им навязывали правителя из Рима. Выбор уже несколько лет зависел от армии. Эта практика была привычной: императора объявляют легионеры, а сенат утверждает их выбор задним числом.

С 8 апреля, со дня убийства цезаря, в эдесском лагере все бурлило: солдаты «митинговали», руководство проводило время в бесчисленных заседаниях и на нескончаемых совещаниях, устанавливалась связь с ближайшими гарнизонами, и все хваталось за головы. Каракаллу очень не любили, более того, все слои населения ненавидели эту кровожадную бестию, братоубийцу и тирана. Симпатии же военных Каракалле, как мы знаем, удалось завоевать, многие легионы были искренне преданы покойному цезарю. Он, как равный, разделял с ними все трудности тяжелых переходов, не скупился на подарки, поощрения, льготы и постоянное повышение жалованья. Так как выбор нового цезаря нужно было делать незамедлительно, то, по сути, выбирать можно было лишь из двух кандидатов, двух военачальников, — Адвента и Макрина. Были они главными военачальниками Каракаллы, оба опытные полководцы и добрые вояки, оба были посвящены во все военные планы императора, а главное, оба находились на месте. Преторианцы ломали голо-

вы — кого же из них выбрать. И тогда первый заявил с солдатской прямоотой: «Всем известно, что власть должна достаться мне, я ведь старше и опытнее Макрина, и именно по причине возраста я и уступаю ему место». Вовремя сказанные мудрые слова завоевали Адвенту симпатии солдат, не все способны объективно оценить собственные возможности. Адвент в принципе не получил никакого образования, с юриспруденцией вообще не был знаком, а о столь важных для правителя знаниях, как администрирование и финансовые вопросы, не имел никакого понятия. Даже не обладал всегда ценимым римлянами умением хорошо и складно говорить. Изложение самых простых мыслей давалось ему с трудом. Высокое звание префекта он получил за долгую, честную службу, постепенно повышаясь в званиях. Это был профессиональный солдат, и таким он пожелал и остаться.

Таким образом, оставался лишь один кандидат — Марк Опеллий Макрин. Для виду он отказывался, но солдаты громко и дружно прокричали его имя, и 11 апреля 217 года Макрин был объявлен цезарем. Тогда ему было немного за пятьдесят. Выходец из плебеев, он родился в Мавританской Цезарии (современный Шаршал, на территории Алжира). По этой причине некоторые современники называли его мавром, хотя он и был чистокровным римским гражданином. Получив юридическое образование, он служил в самом Риме; уже во время первого судебного заседания, будучи адвокатом, обратил на себя внимание Плаутиана, префекта в правление Септимия Севера, всеславного префекта преторианцев, и тот сделал его управляющим своими частными имениями.

Падение Плаутиана затронуло и некоторых его помощников, но Макрину повезло. Счастливый случай помог ему найти могущественного опекуна в лице Фабия Цилона, и Макрин получил очень важную

должность руководителя почтового ведомства в стратегическом пункте — на Фламинийской дороге. Затем сам император Каракалла назначил его прокуратором своих собственных имений, а после казни префекта преторианцев Папиниана в 212 году Макрин занял его место.

До сих пор карьера Макрина была сугубо гражданской, к воинским формированиям он не имел никакого отношения, разве что прошел в молодости обязательную службу призывника. Обращает на себя внимание факт, что на столь важные должности префектов преторианцев Каракалла назначил столь разных людей — Адвента и Макрина, — с разным образованием и жизненным опытом. Профессиональный военный и опытный юрист, командир и администратор. Возможно, они хорошо дополняли друг друга и могли принимать правильные решения именно благодаря разным взглядам на одну и ту же проблему.

Макрин — первый в истории Рима цезарь, который никогда не был сенатором. Многие сочли это неслыханным нарушением традиции и принятых законодательных норм. Но что было делать сенату? Вести о кончине Каракаллы и объявлении императором Макрина до Рима дошли почти одновременно. Ничего другого не оставалось, как только согласиться с волею армии.

Каким ударом по общественному мнению стало бы известие, что Макрин принимал участие в заговоре против цезаря! Пока об этом не знали, но если бы знали, императором Макрина не назначили бы — те же солдаты, что объявили его цезарем, сами бы и зарубили предателя мечами. Все обнаружилось позднее, хотя и до сих пор не известны все подробности заговора. Ну и конечно, нельзя исключать также того, что история с изменой Макрина была вымышлена его политическими противниками. Тогда у них была бы

веская причина вызвать в войсках бунт против избрания Макрина. И тем не менее большинство дошедших до нас письменных показаний свидетельствует о том, что Макрин и в самом деле подготавливал покушение на императора, был инициатором государственного заговора. В его руки случайно попало письмо императору столичного мэра, предостерегавшее Каракаллу о готовящемся Макрином государственном перевороте и необходимости срочно принять меры. Зная жестокость и вспыльчивость цезаря и его подозрительность, Макрин счел это письмо (или донос?) достаточным основанием для немедленных действий. Нельзя терять ни минуты! Макрин скрыл письмо цезарю и договорился о дальнейших действиях с двумя трибунами преторианцев, а Марциалис и без того уже был преисполнен ненависти к цезарю. Вероятнее всего, Макрин заверил Марциалиса, что его защитят и он, и эти два трибуна, так что тому ничего не сделают. Случилось не так, как было задумано, — убийца был убит тут же, к большому облегчению остальных заговорщиков.

В письме к сенату Макрин сообщал, что армия провозгласила его императором, клялся, что при его правлении в стране будут царить порядок и спокойствие, не прольется ни капли крови римского гражданина, что он ничего не предпримет без согласия сената, а также его боевых друзей, командиров и советников. Править должен не цезарь, а действительно лучшие люди империи. В этом послании Макрин по-зволил себе даже иронически отозваться о своих предшественниках — цезарях из аристократических родов, которые не относились к простому люду с должным уважением.

И все же в этом письме, переполненном высокими словами и благородными обещаниями, автор счел нужным подписаться всеми титулами, без которых цезарь не

был бы цезарем, хотя формально сенат еще не присвоил ему этих титулов. Разумеется, они поспешили это сделать и присвоили множество еще и других почетных званий. Макрин принял их все, за исключением «почетного возницы колесниц», которым верноподанные сенаторы собирались почтить начало его правления по прибытии в Рим.

Девятнадцатилетний сын Макрина, Диадумениан, находящийся вместе с отцом в армии на Востоке, был также объявлен солдатами цезарем, что, разумеется, подтвердил сенат, добавив юноше звание патриция и предводителя молодежи. Таким образом, Макрин закладывал основы собственной династии уже в первые дни своего царствования, назначив наследника. Он же дал сыну фамилию Антонин, которую официально носил Каракалла, а также другие великие цезари II века — Антонин Пий и Марк Аврелий. Тем самым Макрин подчеркивал преемственность с великими римскими традициями и одновременно привлекал на свою сторону солдат, столь привязанных к своему благодетелю Каракалле.

По этой же причине Макрин в своем письме сенаторам не стал открыто осуждать своего предшественника, но и не намекал о своем желании причислить того к сонму богов, поскольку тем самым мог бы вызвать недовольство и сенаторов, и жителей Рима.

Весьма любопытно проходило заседание сената, на котором зачитывалось это послание нового императора. Многие из сенаторов наперебой критиковали Каракаллу и его правление. Они называли десятки его невинных жертв, подчеркивали жестокость предыдущего цезаря, требовали отмены игрищ в день его рождения, а также свержения и переплавки золотых и серебряных памятников Каракалле. И все же ни один из сенаторов не осмелился объявить Каракаллу врагом народа, что повлекло бы за собой предусмотренные

законом последствия — речь о вычеркивании имени этого цезаря из официальных документов. Сенаторы имели все основания опасаться реакции на такой законодательный акт подразделений преторианцев, в том числе тех, что размещались в столице. Некоторые из сенаторов осмеливались взамен этого особо почтить убийцу Каракаллы Марциалиса, подчеркнув его заслуги. Вот такая складывалась интересная ситуация. И новый император, и сенаторы, ненавидевшие Каракаллу, в своих выступлениях проявляли известную сдержанность, доходя как бы до невидимой границы и не решаясь ее преступить, словно их удерживала какая-то невидимая сила. Сила, конечно же, была самая что ни на есть конкретная — мечи обожавших Каракаллу. Каракалла уже давно был мертв, а оказывалось — продолжал оставаться среди живущих. Прах Каракаллы наконец привезли в Рим (кремацию произвели в Сирии). Урну с прахом некогда всесильного императора тайно, под покровом ночной темноты, провезли в мавзолей Адриана и поместили рядом с урнами Септимия Севера и других цезарей.

Вскоре скончалась и мать Каракаллы, Юлия Домна, успев, однако, причинить до своей смерти немало неприятностей Макрину. Известие о гибели сына застало ее в Антиохии. В первую минуту горя и отчаяния она чуть не покончила с собой, но смогла лишь легко ранить себя в грудь. Рана оказалась неопасной. Тогда императрица объявила голодовку. Она искренне оплакивала сына, хотя при жизни он причинял ей много горя. И опять же злые языки такое отчаяние матери приписывали горю не от потери сына, а от утраты своего влияния, что неизбежно последовало с его смертью. Теперь Юлия Домна больше не имела власти императрицы, что было невыносимо для женщины с такими, как у нее, амбициями. Будучи в течение многих лет женой и матерью императоров, она

вдруг становилась никем. Не для нее тихая, спокойная жизнь богатой женщины без той власти, которой она обладала, без дворцов и драгоценностей, без придворной стражи и всяческих придворных церемониалов. Впрочем, Макрин не изменил ничего в статусе Юлии Домны, чего так боялась эта гордая женщина. Он оставил ей титул императрицы, и так она всеми и воспринималась. По-прежнему она проживала в роскошном дворце, охрана ее состояла из преторианцев. Она же ничего этого не оценила, напротив, возненавидела Макрина и принялась плести интриги против него. Предполагалось всякое, но факты до нас дошли следующие. Юлия Домна не ответила на соблезнование в письме Макрина, подбивала солдат своей стражи устроить на него покушение, желая — как считают некоторые авторы — единолично править, хотя в Риме никогда до этого не было так, чтобы женщина правила явно и вся власть была сосредоточена в ее руках.

Макрин отреагировал на происки заносчивой женщины решительно, но сдержанно: повелел ей покинуть дворец в Антиохии и выбрать себе для жительства другое место, которое ей по вкусу, но теперь она станет обычной благородной гражданкой безо всяких императорских почестей. Домна тяжело переживала это и очень скоро умерла. Некоторые утверждали — от голода, другие — от рака груди. Говорили, она давно страдала от этой болезни, возможно, упомянутая неопасная рана приблизила конец. Так закончилась жизнь умной и талантливой женщины, дочери жреца из маленького сирийского городка, волею судьбы вознесенной на самые вершины власти, богатства и почитания, но лишь для того, чтобы испытать несчастья и безграничную боль. Ей пришлось вытерпеть множество унижений, когда при дворе ее мужа императора Септимия Севера самым главным человеком сделался префект Плаутиан. Многие годы пребывая

рядом со стареющим и ослабевающим от болезней мужем, она вынуждена была наблюдать возрастающую ненависть друг к другу двух ее сыновей. Эта ненависть привела в конце концов к тому, что Гета был убит офицерами Каракаллы буквально в ее объятиях, а ей самой запрещено было даже предаться горю. Затем ей суждено было стать свидетельницей кровавого правления сына. Правда, в тот период она стала главным лицом в государстве, чье слово было решающим, поскольку Каракаллу интересовали лишь войны и развлечения, а также обозная жизнь легионов. Но со смертью сына рухнул весь мир матери-императрицы. У Юлии Домны больше не осталось никого на свете.

Первые действия Макрина в роли государя были разумными и справедливыми. Он амнистировал лиц, осужденных за оскорбление императорского величества, и запретил вести впредь такие процессы. Восстановил прежний размер удвоенного Каракаллой налога за выкуп из рабства, за наследство и некоторые другие. Зато кадровая политика нового цезаря подвергалась критике. Утверждали, что он ставит на ответственные должности недостойных и нерасторопных людей, например, сенаторов возмутило то, что Адвент был направлен в столицу сразу на сенаторскую должность и назначен префектом Рима, хотя не прошел всех положенных до этого ступеней служебной лестницы и ни разу не был консулом. Макрину, однако, надо было вознаградить человека, так благородно отказавшегося от власти, что дало возможность Макрину без помех стать цезарем. Наверняка и другие высокие назначения имели столь же веские основания.

Сам Макрин не мог приехать в Рим, ему приходилось стеречь восточную границу империи, которой угрожало вторжение парфянских племен. В 217 году большая парфянская армия вторглась в Месопотамию,

Макрин был разбит и вследствие этого пришел к нелегкому решению заключить с противником мир на очень невыгодных для Рима условиях. Весной того же года Макрин вынужден был уступить парфянам спорные территории, выдать им пленных и выплатить парфянскому царю огромную контрибуцию в 50 миллионов сестерциев. И все же на новых выпущенных монетах Макрин повелел вычеканить *Victoria Parthica*, Парфянская Победа. В войне с армянами цезарь тоже не добился успехов.

Теперь цезарь выбрал для проживания Антиохию, большой, прекрасный город, вел жизнь неторопливую, не очень обременяя себя государственными делами. Недоброжелатели язвили, что большая часть времени императора уходит на выращивание модной бородки, на неторопливые прогулки с друзьями и непринужденные разговоры с ними. В этом видели желание Макрина походить на знаменитого Марка Аврелия. Старшее поколение еще помнило этого выдающегося государя, но эти люди лишь посмеивались над попытками теперешнего бесталанного правителя подражать великому цезарю. Макрин и в самом деле охотнее посидел бы в цирке, на любом представлении для простого люда, или полюбовался бы зрелищем, устроенным на потребу черни. Но положение обязывает — приходилось заниматься делами, не приносящими удовольствия. Главное же, не было необходимости по уши сидеть в государственных заботах — этим занимались специально подобранные люди, а времена наступили спокойные, стране не угрожали вторжения врагов. Кроме того, Макрин любил долго одеваться, выбирая красивую одежду, и этому занятию посвящал немало времени.

Но все бы ничего — эти привычки из обычных человеческих слабостей, — если бы не одно обстоятельство. Такой образ жизни правителя очень

раздражал солдат, идеалом которых был Каракалла — энергичный, вечно в заботах о своих солдатах, вечно окруженный военными. Возмущались и легионеры на отдаленных воинских базах, постепенно приходивших в упадок без постоянных дотаций, без привычных стычек с неприятелем, без ободряющих речей императора. В эти далекие края легионы были посланы еще Каракаллой, готовилась война с парфянами. Война, тем не менее, не принесла римлянам ни победы, ни ожидаемой славы и трофеев. И теперь солдаты чувствовали себя обманутыми, им бы хотелось вернуться в родные края, а Макрин зачем-то продолжал держать на восточных границах большие скопления войск, должно быть, надеясь, что ситуация как-то сама собой разрядится.

По этой причине он и в столицу не спешил возвращаться, хотя там все очень его ждали. Время шло, больше тянуть было невозможно, и Макрин сделал неудачный ход. Он объявил, что вновь поступающие на воинскую службу солдаты будут получать такое жалованье, которое им положил еще Септимий Север. Каракалла же неоднократно повышал жалованье легионерам. И хотя такое постановление ни в чем не ущемляло прав уже служащих военных и не ухудшало их положения, они встревожились, усмотрев в этом нехорошие перспективы на будущее.

Возможно, Макрин понимал вызванное его распоряжениями недовольство армии, но меры принял весьма своеобразные: потребовал от сената причислить Каракаллу к сонму богов. Покойного императора признали богом, построили ему храм, стали совершать жертвоприношения. Если Макрин и в самом деле сыграл решающую роль в ликвидации своего предшественника на троне, то это была какая-то насмешка судьбы: убийца обожествил свою жертву!

В мае 218 года по стране с грохотом прокатилась весть: в священном городе Эмесе появился легальный наследник Каракаллы, его сын. Не прошло и месяца, как Макрина с его защитниками разгромили. Всеми оставленный, он вынужден был бежать, переодевшись простым солдатом. Хотел добраться до Рима кружным путем, через страны Малой Азии, но был схвачен в Халцедоне и отправлен обратно в Антиохию — на простой телеге, как обычный преступник. По дороге он узнал, что убит его сын, Диадумениан, которого он всего месяц назад сделал Августом, своим соправителем. Юноша попытался сбежать в Парфию, но был пойман и убит. Узнав об этом, Макрин попытался свести счеты с жизнью, бросившись с телеги, проезжавшей по узкой горной тропе, в пропасть. Упал неудачно, отделался лишь переломом ключицы. Вскоре его убил какой-то центурион, и тело цезаря лежало непогребенным несколько дней у самой дороги, чтобы этим зрелищем мог насладиться его преемник, четырнадцатилетний мальчик, якобы сын Каракаллы, вошедший в историю под именем Гелиогабала.

ГЕЛИОГАБАЛ

Varius Avitus

204 г. — 11 марта 222 г.

Правил под именем Imperator Caesar

Marcus Aurelius Antoninus Augustus

с 16 мая 218 г. до 11 марта 222 г.

Не был причислен к сонму богов

ИЗ ЭМЕСЫ В РИМ

Эмеса (современный Хомс), сирийский городок на реке Оронте, в древности была крупным религиозным центром. Сюда приезжали поклониться семитскому богу солнца *Elah Gabal*, Властелину Горы. Греки переделали древнее семитское имя на свой лад, назвав его Гелиогабалом (*греч.* helios, как известно, означает «солнце»). Проживающий там в описываемое время историк Геродиан так описывал храм верховного божества в этом городке:

Огромный храм весь сверкает золотом, серебром и драгоценными камнями. Поклоняются божеству не только местные жители, но и все соседние сатрапы и вожди варваров. Ежегодно они присылают в храм богатейшие дары. Никакой статуи в храме нет, как это принято у греков и римлян, вообще нет никакого изображения бога, сделанного человеком. Почитают там огромный камень, внизу круглый, сужающийся кверху и заканчивающийся острием. Камень весь черный. О нем говорят, что упал с неба. Выпуклости и углубления на поверхности черного камня тоже сделаны не людьми, они-то и свидетельствуют о том, что он изображает Солнце.

Должность главного жреца храма, как это обычно бывало, вероятно, и здесь сохранялась в ведении одной семьи, переходя от поколения к поколению. Во времена Коммода им был Юлий Бассиан, сириец по происхождению, но гражданин Рима, о чем свидетельствует его фамилия. У него были две дочери, Юлия Домна и Юлия Меза. С первой из них познакомился Септимий Север, когда командовал легионом в Сирии, а женился на ней через несколько лет, став наместником Галлии Лугдунской. Когда же Септимий Север стал императором, его жена, естественно, оказалась первой дамой империи, причем в данном случае отнюдь не номинально, а по сути. Женщина умная, образованная, энергичная и честолюбивая, она оказывала огромное влияние на развитие государственных дел как при жизни мужа, так и после его смерти, когда правителем стал Каракалла.

Карьера Домны оказала влияние и на судьбу ее сестры, Юлии Мезы. Та тоже переселилась в Рим, постоянно пребывала в императорском дворце и скопила огромные богатства. Она вышла замуж за Юлиа Авита, который тоже был родом из Сирии. Он быстро делал карьеру, поднимался вверх по ступенькам государственной лестницы и достиг наивысшей — был избран консулом. Умер он около 218 года на Кипре, оставив жене двух дочерей, Созмию и Мамею. Обе они тоже вышли замуж за сирийцев. Муж Созмии, эквит Варий Марцелл, потом стал сенатором и наместником Нумидии. У них с Созмией было несколько детей, в том числе и сын Авит, унаследовавший имя деда. Муж Мамеи выше звания эквита не поднялся. Его сын, Алексинан, по прадеду с материнской стороны унаследовал его прозвище — Бассиан.

Когда в 217 году был убит Каракалла, а вскоре за тем скончалась его мать Юлия Домна, император Макрин повелел Юлии Мезе переселиться со своими

дочерьми и внуками в Эмесе. Теперь ей было предписано жить в родном городе как частному лицу, в небольшом доме, но при ней оставались все ее богатства и свобода действий. Цезарю показалось более благоразумным держать эту честолюбивую и влиятельную даму с ее несметными богатствами подальше от столицы империи, подальше от большой политики. Возможно, до императора доходили слухи о склонностях этой особы к интригам и проискам. Разумного и предусмотрительного распоряжения Макрина оказалось, однако, недостаточно, недооценил он пробивной силы Мезы и верности солдат Каракалле.

В Эмесе мальчики, по семейной традиции, отправляли должности жрецов в храме Эль Габала, хотя старшему из них, Авиту, было всего 14 лет, младшему же, Алексиану, всего 10. Авит вскоре стал выполнять обязанности верховного жреца. Геродиан описывает этого мальчика в роскошном пурпурном, расшитом золотом одеянии жреца с широкими рукавами, свисавшими до ног, так что можно было увидеть под этими другие, тоже золотые и пурпурные, одежды. На голове ребенка сверкал и переливался венец из драгоценных камней. Историк, полный восторга, пишет:

В расцвете юности это был прекраснейший из всех юношей на свете. По природной красоте, юношескому очарованию и великолепной одежде его можно было сравнить разве что с Дионисом, как представляют этого бога прекрасные изображения.

Красочные восточные богослужения привлекали толпы зрителей, а молоденький верховный жрец, как требовала традиция, проводил их, танцуя во-круг алтаря при звуках флейт и дудочек, потрясая бубном. На богослужениях много было и римских солдат, еще присланных сюда Каракаллой, — они стояли

лагерями в окрестностях. И вдруг среди легионеров разнеслась весть, что этот прелестный мальчик вовсе не сын Вария Марцелла, его настоящим отцом был сам император Каракалла! Когда несколько лет назад все семейство проживало в императорском дворце в Риме, Каракалла слишком часто — так рассказывали — посещал покои своей тетки Юлии Мезы, и очень увлекся ее дочерью Созмией. Выходит, мальчик, названный Авитом, сын не Марцелла, а цезаря, так что имеет право носить его имя и унаследовать его трон! Эти слухи подогревались и другими: якобы Меза и Созмия очень богаты, в их распоряжении настоящие сокровища, и они охотно бы вознаградили тех, кто помог бы мальчику получить отцовское наследство: трон и порфиру. Большую роль в распространении таких слухов сыграли один из высших офицеров, Валерий Комазон Евтихиан, и воспитатель мальчика, Ганнис.

Юлия Меза развила бурную деятельность и, поддерживая слухи, от имени претендента на престол принялась раздавать солдатам и офицерам сирийских легионов богатые подарки, чем склонила их на сторону своего внука.

В ночь с 15 на 16 мая 218 года Авита тайно перевезли в один из римских лагерей, по одним источникам, бабка и мать даже не знали об этом, по другим — их привезли вместе с ним. Дальнейшее развитие событий, пожалуй, подтверждает второй вариант. Наутро мальчика представили солдатам, заявив, что он — родной сын Каракаллы и, будучи таковым, законно занимает место отца и традиционно получает его имя — Марк Аврелий Антонин. На мальчика набросили длинный пурпурный плащ, надеваемый цезарями в торжественных случаях. А лагерь принялись укреплять, опасаясь нападения верных Макрину войск. Так шагнул в историю мальчонка, которого современники чаще

всего называли Лже-Антонином, либо Ассирийцем, либо Сарданапалом, но к нему навсегда приклеилось имя его бога — Гелиогабал.

Ближе всего от места событий оказался префект Ульпий Юлиан, и он без колебаний поспешил выступить против взбунтовавшихся когорт, чтобы в зародыше подавить бунт. Юлиану было достаточно войск, чтобы захватить лагерь, возможно, Гелиогабал погиб бы в неразберихе ночного боя, и история никогда бы не узнала о таком цезаре. Точно известно одно: Юлиан не напал на лагерь ночью, стал дожидаться утра, вероятно, предполагая, что восставшие солдаты опомнятся и сдадутся без боя. В своих солдатах он был уверен, большинство из них были мавританцами, и они остались верными Макрину, тоже уроженцу тех мест.

Тем временем за ночь ситуация кардинально изменилась. Тайные посланцы из лагеря обещали большие деньги каждому, перешедшему на их сторону, а солдату, убившему верного Макрину офицера, обещали передать должность и имущество убитого офицера. И вот, когда утром на стенах окруженного лагеря появился так называемый цезарь Антонин, и всё заглушили громогласные крики: «Вот он, сын Каракаллы, нашего возлюбленного цезаря!», среди осаждавших возникло сначала замешательство, а потом поднялась суматоха и завязалась драка. Офицеры, пытавшиеся образумить своих солдат, были убиты их же мечами. Самому префекту удалось скрыться, но вскоре его обнаружили и тоже прикончили.

Узнав о случившемся, Макрин из Антиохии двинулся в Апамею, что лежит на полпути между Сирией и Эмесой. Там находился один из его легионов. Именно здесь цезарь объявил своего сына Диадумениана Августом, то есть соправителем, хотя мальчику пошел всего десятый год. Сделал он это еще и для того, чтобы по данному случаю щедро одарить солдат

и тем самым удержать их при себе. Каждому легионеру предполагалось выдать по 20 000 сестерциев, причем из этой суммы 4000 немедленно. Кроме того, цезарь пообещал возвратить армии привилегии, которые он же недавно отменил из соображений экономии. Для жителей города устроил богатый пир. И все это якобы в честь события огромной важности — назначения своего сына соправителем. О бунте в Эмесе официально не упоминалось. А в разгар пиршества перед цезарем появился запыхавшийся солдат с большим узлом, запечатанным печатью префекта Ульпия Юлиана. Солдат заявил, что спешит из Эмеса и везет от префекта в подарок цезарю голову самозваного сына Каракаллы. Когда же развязали окровавленную ткань, все увидели голову самого Ульпия Юлиана. Доставивший ее солдат незаметно скрылся.

Макрин распорядился немедленно возвращаться в Антиохию, а апамейский легион вскоре присоединился к армии Гелиогабала. Оба цезаря занялись лихорадочной агитационной деятельностью, рассылая бесчисленные письма, воззвания, обещания, курьеры с ними мчались во все стороны, во все города. Ко всем наместникам провинций и во все военные лагеря. Особое внимание обоими цезарями, правящим и самозванцем, уделялось восточным регионам, ибо там решалась судьба государства. Послания обоих цезарей были, в сущности, одинаковы, оба подчеркивали законность своей власти и клеймили противника позорными кличками врага народа и самозванца. Гелиогабал обвинял Макрина в убийстве его «отца» Каракаллы, а Макрин высмеивал смехо-творные претензии жреца второстепенного бога и узурпатора власти.

Высшие чины империи оказались в очень сложной ситуации и не знали, как поступить. Даже если и склонялись на сторону одного из претендентов,

открыто высказываться не решались, не те наступили времени — каждое неосторожное слово было чревато смертью. И нейтральным нельзя было оставаться. Нейтральность тоже наказывалась.

В письме Макрина на имя префекта Рима, зачитанном в сенате, император очень трезво, по-деловому, представил положение, в котором оказалась страна по причине неправильной политики Севера и Каракаллы, приведшей к потере боеспособности некогда самой грозной армии мира. Политика Каракаллы — постоянный подкуп легионов — привела к тому, что в его правление расходы на солдатское жалованье увеличились на 280 миллионов сестерциев, казна пуста, а ничего не платить солдатам — смерти подобно. К тому же есть еще одна причина бунта, и она, по мнению Макрина, заключается в том, что вступающие в армию новобранцы требуют себе такое же жалованье, какое положено лишь заслуженным ветеранам, профессионалам. В письме Макрина были и такие слова, исполненные трагизма: «Я жалею, что у меня есть сын... Утешает же меня то, что я пережил братоубийство, грозившее миру катастрофой. И еще. Знаю, что многие готовы отдать собственную жизнь лишь за то, чтобы увидеть убитого цезаря, но все же не думаю, чтобы кто-то желал моей смерти». В этом месте один из сенаторов, отличающийся особой дуростью, вскричал: «Да мы все мечтаем об этом!» И еще раз долго смеялись почтенные сенаторы, когда им прочитали те слова из письма Макрина, в которых он высмеивает молодой возраст мальчишки-самозванца, провозгласившего себя императором, словно позабыв, что совсем недавно провозгласил цезарем и своего сына такого же возраста.

Как и требовалось, сенат с готовностью утвердил все постановления, которые пожелал внести цезарь. Торжественно объявили войну узурпатору Гелиогабалу

и его двоюродному брату Алексиану. Сенат обещал также амнистию всем воинским подразделениям, переметнувшимся к самозванцу. А когда в Риме принимали такие строгие указы, в далекой Сирии проблемы уже разрешились.

Восьмого июня недалеко от Антиохии разыгралась битва между войсками Макрина и Гелиогабала. Когортами самозванца командовал воспитатель последнего, Ганнис, вероятно, не получивший никакого военного образования, но с делом своим справлялся неплохо. В первой фазе боя среди войск Макрина отличились отряды преторианцев, которые начали теснить противника. Увидев это, к отступающим солдатам тут же примчались Меза с Соземией и, плача, принялись уговаривать солдат держаться, обещая их вознаградить. И тут появился сам Гелиогабал. Он несся на коне в развевающемся плаще, подняв над головой меч, словно и в самом деле намеревался вступить в бой. Во всяком случае, его отступающая армия остановилась, подумала, развернулась и снова кинулась в бой. Проиграл битву, скорее всего, сам Макрин. Наверное, струсил, получив известие о том, что какие-то из верных ему частей перешли на сторону противника. Опасаясь засады, он покинул войска и сбежал в Антиохию. А тем временем оставшиеся без предводителя войска сражались еще несколько часов, пока не обнаружили, что цезаря среди них нет. Только тогда сначала легионеры, а потом и преторианцы согласились перейти на сторону Гелиогабала и теперь служить уже ему.

Макрин примчался в Антиохию, крича, что победил противника, но поражение поспешало за ним след в след. И скоро все узнали правду. В городе начались волнения, сторонники Макрина сражались со сторонниками Гелиогабала.

Ночью Макрин сбрил волосы и бороду, переделся в грубый плащ и сопровождаемый лишь несколькими верными офицерами отправился в Рим под видом тайного посланца. Он очень торопился в Рим, без отдыха промчался через страны Малой Азии и был уже недалеко от цели. По словам Кассия Диона, доберись он туда, непременно бы спасся. Ведь и сенат, и римляне люто ненавидели Каракаллу, а значит, и его самозваного сына. К сожалению, спастись Макрину не удалось. Его случайно задержали в Халцедоне и отправили назад в Антиохию под стражей, как обычного преступника. Несчастный попытался покончить с собой — ему не дали, и один из центурионов сам убил его. Был убит в Парфии и малолетний сын Макрина, Диадумениан. Всё это происходило в июне 218 года, самое позднее — в начале июля.

После смерти Макрина, а фактически уже с 8 июня Гелиогабал стал единственным правителем Римской империи, и самым молодым из всех ее цезарей, который самостоятельно царствовал в столь юном возрасте, — ему было 14 лет. Разумеется, и раньше в истории Рима были случаи, когда отцы-императоры именовали мальчиков-сыновей цезарями еще при своей жизни: Марк Аврелий — Коммода, Север — Каракаллу, Макрин — Диадумениана. Но в этих случаях такое именование, так сказать, временно фиктивно — назначение цезаря своим соправителем сына производилось для того, чтобы не была утрачена преемственность власти в случае смерти действующего императора. У Гелиогабала же не было никого, кто бы стоял над ним или рядом, так что он представлял собой действительно явление уникальное.

Однако и это была лишь видимость — политикой занимались взрослые люди из ближайшего окружения императора, в данном случае — его мать, Созмия, бабушка Меза, а также Евтихиан и Ганнис. Тем временем

зadatки мальчика-цезаря с каждым днем давали о себе знать. Это были дурные задатки, совсем не безобидные. Психически неуравновешенный мальчик проявлял ненормальные склонности к ничем не сдерживаемым изощренным желаниям, порой даже преступлениям. Будучи фанатичным поклонником и жрецом почитаемого им бога, мальчик ни о чем не думал, кроме жертвоприношений и развлечений. Это сопровождалось изуверскими обрядами и невероятным расточительством, в том числе шокирующими даже древних римлян небывалыми эротическими оргиями. До сих пор римляне лишь понаслышке знали о таких обрядах, считая их присущими некоторым религиозным культам Востока. Цезарь официально повелел считать главным божеством империи Солнце, чего до сих пор Рим не знал.

Но это произошло немного позже, пока же, на следующий день после победы над войсками Макрина, Гелиогабал во главе своих сторонников вступил в Антиохию. Каждому из воинов он пообещал по 2000 сестерциев. И всю сумму выплатил! Правда, деньги повелел позаимствовать у жителей города. Из сирийской столицы цезарь отправил послание римскому сенату, полное издевок по адресу Макрина и обвинений его в убийстве Каракаллы. Кроме того, в послании Гелиогабал не скупился на обычные в таких случаях обещания, торжественно заверяя, что всегда и во всем будет следовать примеру знаменитых императоров Августа и Марка Аврелия. В послании он повелел даровать ему, новому цезарю, все принятые титулы и звания. Он назвал себя внуком Севера, Пием, то есть Набожным, Феликсом, то есть Счастливым, а также Августом, проконсулом, народным трибуном и т. д.

Он мог спокойно рассчитывать на сенат — тот, как всегда, подобострастно пошел на все условия, признал все титулы нынешнего императора, Макрина же и его

сына, еще не зная об их смерти, заклеил как врагов народа, то есть людей, которые уже не охраняются государственным правосудием. Сенаторы поступили с точностью до наоборот по сравнению со своим же недавним письмом Макрину. По стране принялись явно славить недавно проклинаемого Каракаллу, в храмах просили богов послать удачу его божественному сыну и сделать юношу похожим на достойного отца. И видно, боги послушались.

Проведя в Антиохии несколько месяцев, молодой император пропутешествовал со своим двором через Малую Азию, провел осень в Битинии, а на зиму остановился в Никомедии. Занимался лишь религиозными обрядами, истово служа своему богу, всегда в золототканых пурпурных одеяниях с золотой тиарой на голове, сверкающей драгоценными камнями. Вообще Гелиогабал признавал лишь дорогие китайские ткани, презирал и римскую и греческую одежду. В Рим послал свой огромный портрет, на котором был представлен во время жертвоприношения. Портрет по его повелению поместили в посольском зале римского сената высоко над скульптурой богини Победы, перед которой по традиции сенаторы перед важными заседаниями оставляли жертвы — фимиам и вино. Большое значение имел этот факт возвышения сирийского божка над символом римских побед и свершений.

Рим хорошо понимал, что его ждет. Всем было известно о смертных приговорах римским патрициям во время пребывания Гелиогабала в Сирии. Они заплатились за то, что действовали заодно с Макрином. Однако в число жертв попал и Ганнис, воспитатель цезаря, столь много сделавший для него! Гелиогабал даже собирался сделать его мужем своей матери, Соэмии, и наследником престола. Пострадал же Ганнис за то, что осмелился сделать мальчишке замечание

и призвать его несколько сдержать свое высокомерие. Цезарь убил его собственными руками в Никомедии.

До Рима доходили вести: то и дело в разных уголках огромной империи люди разного звания объявляли себя цезарями, побуждаемые наглядным примером, как легко каждый может этого добиться. Чаше всего такие попытки давили в зародыше, но они яснее ясного давали понять, что ждет империю в ближайшие годы.

Весной 219 года цезарь неспешно отправился в Рим. Дорога вела через Тракию, наддунайские провинции и Альпы. В свою столицу император и верховный жрец Солнца вошел поздним летом, чтобы уже никогда не покидать город.

«БЕЗУМСТВУЮТ БОГИ И ЛЮДИ»

«Древнему миру приходит конец — всё в нем портится, гниет и безумствует». Эти слова из драмы «Иридион» поэта Красинского¹, действие которой происходит во времена Гелиогабала, более чем правдивы. Суровый приговор эпохе основывался на античных источниках и оценках историков последующих времен. Притворная набожность напоказ, самые дикие эротические оргии, невероятная жестокость

Сигизмунд, или Зигмунд Красинский (польск. произношение — Зыгмунт Красиньский) — граф, польский поэт и драматург, причисляется к величайшим польским поэтам эпохи Романтизма наряду с Адамом Мицкевичем и Юлиушем Словацким. Впрочем, в некоторых источниках отмечается, что значение Красинского и его произведений в литературе не столь выражено, как у двух других романтиков. «Иридион» — самое цельное в художественном отношении произведение Красинского — написано под влиянием «Конрада Валленрода» А. Мицкевича.

и какое-то безумие пополам с шутовством, насквозь пронизывающее все стороны государственной жизни — вот суть дошедших до нас определений времен царствования Гелиогабала. Возможно, кое-что в этом и преувеличено, например, нельзя доверять изложению биографий цезарей в книге «Писатели истории цезарей», о чем я уже неоднократно предупреждал. Но нет оснований сомневаться в том, что Гелиогабал относится к наихудшим, по-настоящему безумным властителям во всей истории Древнего Рима. Не удивляет, что поэт выбрал именно его правление для создания фона в произведении о крахе древнего мира. Правда, если говорить о научно-историческом подходе, до политического краха Древнего Рима было еще далеко. Царствование Гелиогабала приходится точно на половину пятивековой истории империи. Именно в его времена насчитывается два с половиной столетия от момента, когда Август стал государем империи, и суждено было пройти еще столько же времени до того дня, когда последний цезарь Западной империи сойдет с политической сцены. К тому же, если говорить о вопросах религии и культуры, важнейшим переменам, означающим конец Античности, еще только предстояло свершиться. И все же, невзирая на эти оговорки, следует признать, что поэтическое видение конца древнего мира в «Иридионе» основывалось на исторических фактах, а приведенные выше слова поэта как нельзя более точно и ярко выражают самую суть времени Гелиогабала — символа краха и гибели ценностей Античности.

Что же происходило в самом Риме? Столица уже год ждала нового цезаря, пятнадцатилетний император въехал в Рим летом 219 года. При торжественном въезде главным была колесница с изображением бога, а сам император перед ней вертелся колесом. Для своего божества, черного камня, он повелел немедленно

построить два храма. Один возводили на Палатине, рядом с императорским дворцом, второй — в садах на Эсквилинском холме, оба огромные и великолепные. Палатинский храм должен был стать главным центром нового, солярного религиозного культа. Туда перенесли главнейшие ценности Рима, символы его славы и могущества: святой огонь Весты, палладий, маленькую таинственную статуэтку якобы из Трои, щит бога Марса и черный камень богини Кибелы, доставленный в Рим еще в бытность Рима республикой. Каждое утро юный цезарь являлся к алтарям этого холма и приносил на них ежедневные кровавые жертвы своему богу, в основном быков и многих сотен овец, сжигал целые костры из драгоценных благовоний, выливал на алтари лучшее вино. Затем вокруг своего бога он исполнял ритуальный танец в сопровождении девушек из Сирии, потряхивающих бубнами и медными тарелками — кимвалами. При этом восточном обряде обязаны были присутствовать сенаторы и другие высшие лица империи с важнейшими военачальниками, причем их заставляли прислуживать при богослужениях. Они были обряжены в соответствующие одеяния — пурпурные мантии, подвязанные золотыми поясами, с широкими рукавами до полу и в мягкой обуви, как это принято у сирийских жрецов и восточных пророков. Эти солидные и всеми уважаемые люди вынуждены были носить на головах золотые сосуды с внутренностями жертвенных животных и воскурять фимиам перед алтарями. Теперь служить при богослужениях в главном храме бога Солнца стало честью даже для сенаторов, хотя на Востоке обязанности служек в храмах обычно выполняли рабы.

В Риме и раньше чтились религиозные культы и греческие, и восточные, так что римляне привыкли к разным богам и цезарю простили бы его увлечение черным камнем, но отплясывание императора могу-

щественной империи вокруг алтаря в окружении извивающихся девиц не могло не шокировать римлян. Больше же всего вызывало негодование римских граждан стремление нового цезаря сделать свой черный камень главнее Юпитера Капитолийского. А Гелиогабал, судя по всему, именно к этому стремился. Он намеревался утвердить поклонение Солнцу новой и доминирующей религией великой империи, как культ, объединяющий все ее народы и поглотивший все другие существующие в стране культы. В описываемую эпоху уже явственно проявилась тенденция к объединению многочисленных религиозных культов, верований и богов в некую единую высшую веру, — эта традиция, называемая синкретизмом, при других обстоятельствах могла бы представить Гелиогабала как ее основоположника и предвестника. Но для этого нужен был совсем другой человек. Гелиогабал, со своими детскими замыслами и инфантильными поступками, был просто смешон.

Он вообразил себе, что у его бога должна быть жена. Афина, римлянами называемая Минервой, для этого не годилась: высокомерная девственница, к тому же при полном вооружении. Стали думать, и поиски привели к богине, почитаемой в Африке, особенно в Карфагене. По-латыни ее имя звучит как *Caelestis*, по-гречески — Урания, то есть Небесная. Она таила в себе образ древнейшего семитского божества Тенит, или Тенит, то есть Луна, по-гречески Селена. Это была подходящая супруга для Солнца. Статую Урании по приказу цезаря немедленно привезли из Карфагена в Рим и устроили торжественную церемонию бракосочетания. Всем гражданам Римской империи приказано было радоваться и веселиться по этому поводу. Кроме того, цезарь потребовал от своих подданных прислать достойные дары возлюбленной супруге его бога.

И вот теперь каждый год в середине лета по Риму двигалась торжественная процессия из Палатина к храму на Эсквилинском холме. Раз в год бог Солнца покидал свой храм. Камень ехал на позолоченной колеснице, украшенной драгоценными камнями, запряженной в шесть белоснежных коней в позолоченной упряжи. Вожжи привязали к камню, чтобы создать впечатление, будто бог сам управляет лошадьми. Управлял же ими Гелиогабал, держа первую пару под уздцы и обратясь лицом к божеству, не сводил с него глаз. Значит, он шел задом, а чтобы император не упал, дорогу посыпали золотистым песком, по обе ее стороны сплошной стеной стояли солдаты со щитами. Вокруг толпился народ, бросая под копыта коней цветы и венки. Перед священной колесницей везли статуи и изображения всех других богов, несли свадебные дары, символы императорской власти. Строем шли солдаты, особыми группами — сенаторы и эквиты. Когда бог оказался в храме, цезарь поднялся на высокую башню, построенную рядом с храмом, и оттуда бросил в толпу разные подарки, точнее, таблички с символическими изображениями подарков, которые потом можно было получить. Кому повезло, получал золотую и серебряную посуду, дорогие одежды и различных домашних животных, кроме свиней. Гелиогабал брезговал этими животными, их мяса, как и евреи, никогда не ел. Нам известно также, что он велел сделать себе обрезание, добавим, однако, что в те времена этот обычай был принят не только у иудеев, но и у многих других народов на Ближнем Востоке.

Как к иудаизму, так и к христианству цезарь относился благосклонно. По слухам, даже собирался допустить их культы в свой Палатинский храм. В его царствование на христиан не было гонений, это известно доподлинно. Во времена Гелиогабала римским епископом был Каликст, который до посвящения в сан

епископа заведовал христианским кладбищем на *via Appia*. Вот почему эти катакомбы, до сих пор очень популярные среди туристов, носят его имя. Это место захоронения христиан пользовалось особым почетом во все века, поскольку там хоронили римских епископов III века. Там же захоронен и сам Каликст. И все же христианская общественность той поры, хотя ей и не угрожала опасность, переживала большие потрясения, ее раздирали персональные и доктринальные проблемы. Главным противником Каликста был Ипполит, выдающийся теолог, позднее канонизированный. Свои труды Ипполит писал на греческом языке. Создалось мнение, что формально он был вторым епископом Рима, то есть антипапой, первым в истории. Однако полной убежденности в этом нет.

Как уже говорилось, религиозные убеждения и причуды Гелиогабала особого вреда государству не приносили и особой опасности не представляли, скорее были инфантильными и самодурными реформами свихнувшегося подростка, допущенного до неограниченной власти. Хуже обстояло дело с расточительством, которым они сопровождались. Роскошь, окружавшая цезаря, уже не смешила, а возмущала. Ел он только на серебряных и золотых блюдах, причем лишь самую изысканную пищу — верблюжьи пятки или петушиные гребни, вырванные у живых птиц соловьиные и павлиньи языки, дорогую рыбу. Пир готовился ежедневно, и каждый день все выдерживалось в одном цвете. Купался цезарь в прудах, наполненных или дорогим вином, или розовым маслом, или шафраном. Залы его дворца были буквально набиты цветущими розами, лилиями, фиалками, нарциссами.

Однако самое большое возмущение в обществе вызывала безумная сексуальная извращенность малолетнего цезаря, переходящая все границы. Даже

Рим, казалось бы, привыкший ко всему, был изумлен. В стране только и говорили об извращенных и изуверских оргиях, которых Рим прежде не знал. И везде главную роль играл цезарь, выступая то мужчиной, то женщиной — смотря по настроению. Его женам не было числа, причем одной из них стала весталка, чем цезарь явно и демонстративно нарушил самые священные древние традиции Рима. «Какие будут дети у верховного жреца и главной весталки!» — в упоении восклицал этот безумец.

Переодевшись женщиной, цезарь стал являться в публичные дома, хвастаясь количеством обслуженных им клиентов. Повелел по всей стране подбирать для него самых сильных и рослых мужчин. А потом нашел себе мужа. Им стал некий раб по имени Иерокл, подвизавшийся в Риме как возница колесниц в цирке. Случилось так, что во время одного выступления он упал с колесницы прямо перед императорской ложей, с его головы свалился шлем, и рассыпавшиеся золотистые кудри окружили прекрасное лицо юноши. Очарованный Гелиогабал немедленно велел перенести его во дворец, а когда возница пришел в себя и выдержал ночное испытание, остался во дворце навсегда и был объявлен мужем Гелиогабала. Влияние Иерокла было огромным, утверждали, что фактически это он правил страной. Ему позволено было даже бить свою «жену», если заставлял ее в объятиях других мужчин, а уж Гелиогабал постарался, чтобы не было недостатка в таких «изменах». Оба цезаря часто сидели с «фонарями» под глазами, как это случалось с неверными женами. Гелиогабал даже намеревался объявить своего «мужа» фактическим правителем Римской империи, что привело к острому конфликту с бабкой, Юлией Мезой, и, без сомнения, вызвало недовольство армии.

Между прочим, одной из безумных идей Гелиогабала было создание в Квиринале женского сена-

та. Председательствовала на нем мать императора, Соз-мия Меца, и на нем обсуждались проблемы и привилегии замужних женщин высшего римского общества. Мать императора по своим идиотским замыслам недалеко ушла от сына, чего не скажешь о его бабке Юлии Мезе, женщине умной, волевой и здравомыслящей. В созыве женского сената было что-то символическое, сама идея его создания во многом объяснялась реальной ситуацией в стране, которой в это время правили именно эти две женщины, мать и бабушка цезаря. Уже в первый свой приезд в Рим вместе с молодым императором они обе явились в сенат и шокировали достойных государственных мужей тем, что заняли места консулов, — такого Рим не видел со времен своего создания. Однако такой расклад сил вполне отвечал реальному положению в стране. Самые важные проблемы всегда решала Юлия Меца, разумно подходившая к решению государственных проблем. Говорили, правда, что ей оказывал посильную помощь некий Эвтихиан, занимавший в римской иерархии очень высокую должность. И ведь что удивляет: в ее правление и при дворе, и вообще в государстве все было в порядке, администрация действовала исправно. Правда, случилось так, что в тот период стране не угрожали никакие катаклизмы, даже воинских набегов не было, а серьезные внутренние реформы не проводились, законодательство не совершенствовалось. Всё шло как бы по инерции.

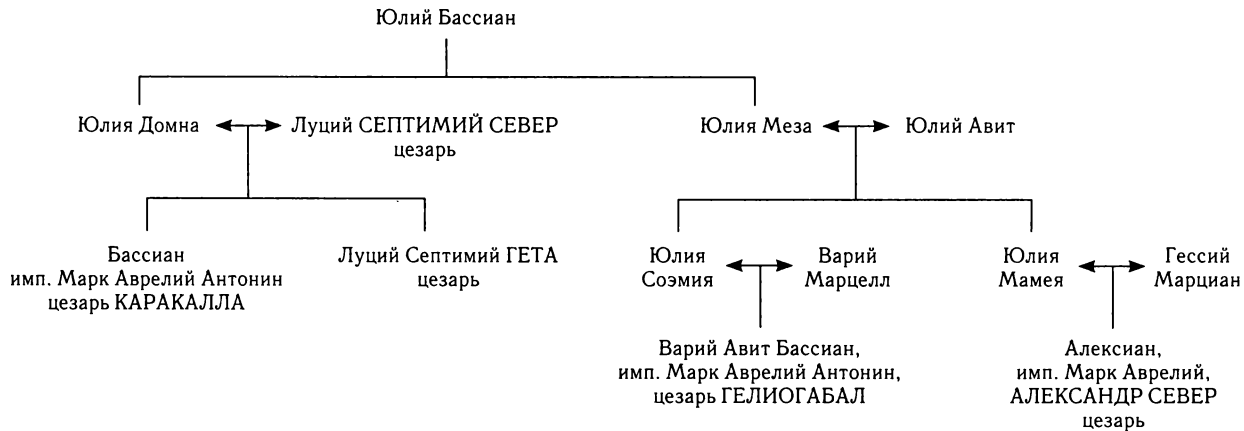
Меца отдавала себе отчет в том, что ее внуку грозит самое страшное, что может случиться с правителем: насмешки и презрение. Осознавая, чем может закончиться дело, она сама возглавила заговор против него, перенеся свои надежды на младшего внука, сына Мамеи. По ее наущению Гелиогабал адоптировал двоюродного братишку и именовал его цезарём.

Это произошло 10 июля 221 года, когда Гелиогабалу было 18 лет, а Алексиану — 12! На заседании сената цезарь, сидя между бабушкой и матерью, сделал официальное заявление и, опять же, как-то по-детски поздравил себя с тем, что у него в столь молодом возрасте уже имеется такой большой сын. Он отметил, что по-ступает так по наущению бога Гелиогабала и нарекает названного сына Александром, не пояснив, по каким причинам меняет имя. Так повелел бог.

При всей своей инфантильности цезарь все же что-то понимал, отдавал себе отчет в том, что «сын» становится для него соперником и в любой момент может его сместить с трона. Гелиогабал пытался известить младшего брата разными способами, но наследника бдительно охраняли бабка Меца, мать Маменя и преторианцы.

Александр, ласковый и послушный мальчик, пользовался всеобщей симпатией и был целиком в руках солдат, которые уже чересчур натерпелись чудачеств извращенного цезаря. Правда, Гелиогабал попытался отнять у брата им же данный титул цезаря, но ему не позволили. Наконец в марте 222 года пришли к соглашению и решили всё завершить миром. Оба цезаря в одной лектике вместе с Созмией направились в казармы преторианцев. Александра там встретили радостно, Гелиогабала проигнорировали. Совершенно не отдавая себе отчета в происходящем, Гелиогабал повелел арестовать тех солдат, которые слишком уж радовались появлению Александра. Началась потасовка, перепуганный император спрятался в ящике, который собиралась вынести тайком горсточка преданных ему людей. В последний момент ящик открыли. Гелиогабал был убит вместе со своей матерью. Погиб и Иерокл, а также несколько придворных. Трупы цезаря и его матери весь день таскали по городу, а потом бросили в канал, соединенный с Тибром.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕПТИМИЯ СЕВЕРА И СИРИЙСКАЯ ДИНАСТИЯ

АЛЕКСАНДР СЕВЕР

Marcus Gessius Bassianus Alexianus

1 декабря 208 г. — 21 марта 235 г.

С 10 июля 221 г. *Marcus Aurelius*

Alexander Caesar.

Правил с 11 марта 222 г. до 21 марта

235 г. как *Imperator Caesar Marcus Aurelius*

Severus Alexander Augustus.

Был причислен к сонму богов

ЦЕЗАРЬ И ЕГО МАТЬ

После смерти Гелиогабала не было никаких сомнений насчет того, кто станет государем, раз младший брат покойного уже именовался цезарем и пользовался поддержкой преторианцев и своей бабки Юлии Мезы. И вот опять в порфиру был облечен мальчик, на этот раз 13-летний. А править опять стали женщины, то есть мать цезаря, Юлия Мамея, и его всесильная бабка, Юлия Меза. Собравшийся в храме Согласия сенат за один раз признал за юным императором все принятые титулы, звания и должности. Сверх того, дал ему прозвище Великий и фамилию Антонин, но от принятия этой чести мальчику удалось ловко отстраниться. Разумеется, сделал он это по совету своих ближних друзей. А потом началось! Несколько часов подряд ему пришлось сидеть и выслушивать громкие верноподданнические скандирования седовласых вельмож типа: «В тебе наше спасение, в тебе наша жизнь!», «Всё в твоих силах!», «Мы всё готовы сделать для тебя!», «Ты истинный Август, да хранят тебя боги!», «Нам тебя даровали боги, они же тебя и сохранят для нас!», «Великий Александр, да охранят

тебя бессмертные боги!», «Бессмертные боги, пошлите Александру долгую жизнь!»

И так продолжалось несколько часов. Знаменательно, что молодой цезарь принял фамилию Север. Видимо, таким образом хотели подчеркнуть его связь с основателем династии Северов.

Обе женщины, пережив настоящую трагедию, имя которой Гелиогабал, с Александром обращались строго, да и сам он был рассудительным, разумным и послушным ребенком. Этот мальчик имел характер спокойный, благожелательный, в нем не бушевали страсти или безумства старшего брата. Александру наняли лучших учителей и воспитателей и не позволяли никаких экстравагантностей ни в обучении, ни в воспитании. К сожалению, излишняя женская опека привела к тому, что Александр на всю жизнь остался милым, симпатичным юношей, так и не став настоящим мужчиной.

Первые годы цезарь был занят тем, что учился и выполнял представительские обязанности главы государства, а для руководства империей был создан специальный орган из шестнадцати советников — умных, опытных, энергичных сенаторов. Наряду с ним существовал императорский совет, *consilium principis*, насчитывающий 50 сенаторов и 20 эквитов, юристов, законодателей, знатоков управления и военного дела. Среди них выделялся человек, имя которого так долго будет достоянием европейской культуры, пока она будет сохраняться. Речь идет о Домиции Ульпиане, одном из лучших знатоков юриспруденции в истории Рима. Выходец из финикийского Тира, он во времена Севера работал в столице рядом со знаменитым юристом и префектом преторианцев Папинианом в качестве его помощника. Гелиогабал его уволил с должности и собирался изгнать из страны, но Юлия Мамея успела пристроить его на другое место, поручившись за него, — лучшее свидетельство ума

и предусмотрительности этой женщины. А теперь Ульпиан стал руководителем императорского секретариата, затем префектом по снабжению, а уже в 222 году, то есть всего через несколько месяцев, был назначен префектом преторианцев, то есть одним из самых влиятельных людей в империи.

Итак, на руководящие должности были избраны представители сенатской аристократии, они назначались консулами, наместниками, префектами. Цезарь всецело подчинился им, и в первую очередь своей бабушке Юлии Мезе, а после ее смерти — матери, Мамее. Под влиянием сената была проведена реорганизация ремесленных коллегий, взятых под строгий надзор. Резко сократились раздачи на зрелища и подарки воинам. Это вызвало недовольство среди низших слоев населения и солдат.

В 223 году в столице произошли беспорядки и даже стычки на улицах между горожанами и преторианцами. Поводом послужили какие-то мелочи, но стычки продолжались три дня и привели к значительным жертвам. Закончились столкновения лишь тогда, когда, окруженные городской чернью, преторианцы пригрозили поджечь город. Сам факт такого противостояния наглядно свидетельствовал о взрывоопасной социальной и политической ситуации, явившейся, в частности, последствием безумного правления Гелиогабала. Но не только. Смена власти и разумная государственная политика не могли сразу оздоровить состояние страны. Чудес не бывает, на изменение положения нужно время, а не считаться с недовольными настроениями в государстве и продолжать, пусть и разумную, линию политики, отмахиваясь от реальности, значит столкнуться с новыми взрывами недовольства.

Так и случилось. Хрупкий мир вскоре был нарушен, преторианцы вовсе не собирались сдаваться

и вскоре доказали это. Ночью они напали на дом Ульпиана, возможно, из-за того, что тот приговорил к смерти двух своих предшественников на этом посту, ставленников Гелиогабала. Префекту удалось бежать на Палатин и скрыться во дворце императора и его матери, но преследователей отнюдь не смутило это обстоятельство. Не смущаясь присутствия императора, они разыскали префекта и зарубили его мечами. Не сохранилось описания этой страшной ночи, но можно представить, каким потрясением для юноши был вид разъяренных солдат и окровавленный труп уважаемого им человека. Александр не мог знать, что через несколько лет такая же судьба постигнет его самого. Предполагали, что виновником беспорядков и расправы с Ульпианом был некий Эпагатос, влиятельный политик времен Каракаллы. Арестовать и наказать его в Риме было невозможно, пришлось прибегнуть к хитрости. Эпагатоса отправили наместником в Египет, но уже по дороге с ним незаметно расправились на Кипре. Вот типичный пример интриг и тайной, прямо-таки на византийский манер, кадровой политики.

Возможно, что и смерть римского епископа Каликста как-то связана с напряженной ситуацией в столице. Традиционно считается, что он умер мученической смертью, но ведь при Александре христиан не преследовали. Возможно, он случайно погиб во время уличных беспорядков от руки каких-то язычников — в яростных и безрассудных уличных бунтах поневоле разгорались также и религиозные страсти. Но это лишь предположение. Преемником Каликста стал Урбан, первый человек с таким именем в списке пап, но о нем нам практически нечего сказать.

Так в чем же заключается неумирающая слава Ульпиана, бессмертие его заслуг? Он был одним из самых известных знатоков, интерпретаторов и исследователей

римского права. Написал более 280 книг, в которых обработал, разъяснил и расширил понятия в самых разных областях юриспруденции, и сделал это очень простым, доступным языком, избегая неясностей и двойного толкования. Его дефиниции краткие, четкие, понятные. О том, какую огромную ценность представляла проделанная им работа, свидетельствует хотя бы такой факт: когда три столетия спустя комиссия юристов по приказу императора Юстиниана работала над сборником важнейших постановлений, толкований и разъяснений (так называемая Дигеста), третья часть всего материала была заимствована из книг Ульпиана. Таким образом, хотя оригинальные труды Ульпиана погибли во тьме веков, он с помощью Дигесты долгие столетия (и в наше время) разрабатывает и оттачивает принципы юридического мышления и терминологии во всех странах европейского культурного сообщества. И даже в тех, которые не желают признать, что пользуются его наследием.

Одно из определений, которое мы обнаруживаем в трудах Ульпиана, имеет поистине историческое значение. Это первое свидетельство новой государственной формации в римской империи, и в то же время суть понятия абсолютизма уже в новейшие времена. Этот же Ульпиан заявил: *princeps legibus solutus* — на цезаря закон не распространяется. Или «Главе государства закон не писан».

Сходная судьба сложилась и у другого знаменитого юриста того времени, Юлия Паула. Он тоже был выдающимся юристом, своей работоспособностью не уступал Ульпиану, был столь же влиятелен, как и тот. И даже первые шаги в новой для себя области делал с помощью того же Папиниана, в качестве его ассессора. Был изгнан при Гелиогабале и стал членом императорского совета при Александре Севере. Возможно, именно он стал префектом преторианцев после гибели

ли Ульпиана. Им написаны сотни трудов в области юриспруденции, а труды его тоже усиленно использовались в Дигесте.

Два этих человека убедительно доказывают, что новое правление старалось использовать самых образованных людей, за что честь и хвала обеим императрицам. Мы имеем право так их называть, ведь и мать и дочь носили титул Августы, данный им Александром и сенатом. Юлия Меза, дожив до глубокой старости, скончалась, по-видимому, в 226 году и получила почетное посмертное звание *sanctissima*. После ее смерти ее дочь, Юлия Мамаея, крепче ухватилась за штурвал власти. Женщина умная, энергичная, честолюбивая, она к тому же отличалась большим корыстолюбием. Об отношении ее к сыну мы знаем в основном благодаря дошедшим до нас записям Геродиана.

Она всячески стремилась сохранить свое влияние на сына. Мальчик рос, а мать боялась, что с ним повторится история его старшего брата, хотя Александр не проявлял ни излишнего религиозного рвения, ни склонности к распутству. Мать приняла свои меры и удвоила стражу вокруг сына, чтобы не допустить к императору людей с плохой репутацией. Боялась притворных друзей и подхалимов. Мать советовала сыну большую часть времени заниматься важными государственными делами и лично участвовать в судебных разбирательствах, тогда на глупые выходки просто не останется времени. Впрочем, Александр и не проявлял никаких дурных намерений, он по природе был спокойным и благожелательным человеком и очень серьезно относился к своим обязанностям. Повзрослев, он остался ответственным государем, отдавая все силы на благо отчизны. Никогда не испытывал склонности к кровопролитию и никого зря не наказывал. Александру в его матери очень не нравилась

склонность к стяжательству, а когда сын ей выговаривал, она оправдывалась тем, что для него же старается, пусть, дескать, у него не будет недостатка в средствах, если придется подкупить солдат. На самом же деле императрица алчно собирала свой личный капитал. Порой ставила сына-императора в неловкое положение, незаконно захватывая чье-либо имение. Впрочем, прибегала и к другим способам обогащения, злоупотребляя своей властью.

Как это часто бывает в жизни, мать сама выбрала сыну жену. На монетах — а они относятся к числу очень редких — эта женщина записана как Саллюстрия Барбия Орбиана. Разумеется, родовитая аристократка из древнего и богатого рода. Но как только Мамея почувствовала, что другая женщина начала занимать в сердце сына ее место, тут же люто невзлюбила невестку. Более всего она боялась потерять прежнее влияние на сына. Александр искренне привязался к жене, возможно, даже и полюбил ее, но против матери был бессилён. Отстоять дочь попытался отец, человек влиятельный и до конца преданный императору, но и он не мог противостоять Мамее. Он попытался найти спасение в рядах преторианцев, однако и тут Мамея со своими интригами одержала верх, и его приговорили к смерти. Возможно, его обвинили в антигосударственном заговоре, а для этого могли оказаться основания, тем более что в разных провинциях империи то и дело происходили беспорядки и делались попытки назначить нового цезаря. Орбиану приговорили к изгнанию в Африку. Геродиан уверяет, что это произошло вопреки желанию Александра, но он подчинился давлению матери и делал все, что та велела. Также он пишет:

Собственно, это единственное, в чем можно было бы обвинить императора, — будучи слишком мягким и

проявляя по отношению к матери уважение в гораздо большей степени, чем следовало бы, он уступал ей и тогда, когда придерживался противоположного мнения.

Эти слова историка, пожалуй, очень точно определяют отношения между императором и его матерью. Мнение историка подтверждается и другими дошедшими до нас историческими источниками. Так, в книге «Писатели истории цезарей» мы встречаем такое высказывание:

Обретя высшую власть, Александр ничего не предпринимал без одобрения матери. Казалось, она правит вместе с ним, а женщиной она была достойной уважения, хотя и слишком алчной в рассуждении золота и серебра.

Для создания полного портрета Юлии Мезы следует добавить, что она считалась очень набожной женщиной. Это признавали даже христиане, хотя Мамея была и навсегда осталась язычницей. Так, известный историк церкви Эвзевий, живший спустя век после нее, писал следующее:

Мать цезаря по имени Мамея была очень религиозной. Когда слава Оригена разошлась по всему западному миру и его имя дошло до слуха Мамеи, она горячо пожелала и за великую для себя честь сочла лично ознакомиться с этим ученым мужем, дабы убедиться в его великом знании божественного. Пребывая в Антиохии, она послала воинов из своей личной охраны за ним и велела привести его во дворец. Какое-то время Ориген оставался во дворце, разъясняя императрице различные аспекты Божественного провидения и славы Господней, а потом возвратился к своим обычным занятиям.

Выше упоминалось об Оригене, выдающемся христианском ученом той эпохи и одном из самых почитаемых в истории христианства вообще. Символична его встреча с римской императрицей, первый достоверный факт общения столь высокой особы в Римской империи и столь выдающегося представителя христианской интеллектуальной элиты. Сам Александр тоже интересовался новой религией, считая ее достойной уважения. По слухам, он даже предполагал построить храм Христа и официально признать его богом — но наравне с другими признанными в государстве божествами. Это означало бы изменение отношения к новой религии — оно стало бы не просто толерантным, но, если такое действительно имело место, речь шла о признании права существования верования, еще совсем недавно подвергавшегося преследованиям. Как бы в таком случае сложилась дальнейшая история христианства? И принесло бы это новой религии пользу или вред? На этот вопрос не так просто ответить, как могло бы показаться.

В своей домашней часовне ежедневно цезарь каждое утро совершал религиозное поклонение перед изображениями самых чтимых им личностей, по его мнению, наиболее благородных и заслуженных. Это были Аполлоний из Тианы, Христос, Авраам, Орфей. Типичный пример синкретизма, то есть тенденции объединения разных верований и культов, очень распространившегося к закату древнего мира. Поклонившись своим божествам, император отправлялся на пешую или конную прогулку, занимался рыбной ловлей. Вернувшись, садился за бумаги и целиком посвящал себя государственным заботам. Знающие люди говорили, что цезарь проводил не очень много времени за государственными делами — имелись специалисты, доверенные лица, которые и занимались вплотную проблемами страны, цезарь лишь или подтверждал, или отвергал их ре-

шение. Затем император занимался чтением, причем предпочитал греческую литературу, этот язык был ему ближе. Охотно читал и перечитывал «Государство» Платона. Из латинских писателей выше всех ценил Цицерона, особенно его книги «Об обязанностях» и «О государстве». Очень любил поэзию Вергилия и Горация. Соответственно своему имени интересовался доскональным изучением истории жизни и завоеваний своего великого тезки Александра Македонского. Перед ним он не испытывал беспредельного восхищения, наоборот, кое в чем осмеливался и критиковать великого человека, например, за злоупотребление спиртным и жестокое отношение к прежним друзьям. И все же в своей домашней часовне Александр Север установил и его статую. После чтения цезарь занимался спортивными упражнениями: бегом, игрой в мяч, борьбой с друзьями. Затем следовало часовое купанье в бассейне. Только после этого император первый раз принимал пищу: молоко, хлеб, яйца, вино с медом.

После полудня ему читали полученную почту, и он подписывал уже составленные ответы. Остаток дня проводил в беседе с друзьями, слушал выступления ораторов и поэтов, посещал городские театры. Иногда устраивал скромные пиры. Предпочитал зайчатину, по праздничным дням — гусиное и фазанье мясо... Вино пил с удовольствием, но всегда в меру. Если случалось есть одному, очень любил читать за едой. Любимыми развлечениями было сочинение стихов и гадание по внутренностям животных, по полету птиц и по астрологическим данным, что в древности считалось большим искусством. Часто занимался решением геометрических задач, рисованием, что у него очень неплохо получалось, и очень любил музыку. С удовольствием слушал, но и сам играл на флейте, цитре, трубе, органе; но все эти музыкальные склонности тщательно скрывал ото всех.

В общем, это была приятная жизнь хорошо образованного джентльмена, в приятности и достатке, а государственные дела шли своим путем. Ими занималась целая армия сенаторов, юристов, советников, наместников, ну и, разумеется, мать-императрица. Биограф Александра в книге «Писатели истории цезарей» дает явно приукрашенный портрет этого императора, демонстрируя одни лишь достоинства. Скорее всего, Александр Север был обычным культурным, в меру наделенным талантами человеком, с приятным характером и мог бы дожить до весьма почтенного возраста, ведя неторопливый, размеренный образ жизни, если бы не опасная профессия. Мы уже знаем, какие опасности угрожали римским императорам и их государству.

Положение Александра Севера и его помощников стало крайне затруднительным, когда на границах Римской империи вспыхнули войны.

АРДАШИР

«Положение становится угрожающим и вызывает серьезные опасения не только в самом Риме, но и во всех его территориях».

Фразеология чуть ли не сегодняшнего дня, а ведь это слова уже известного нам Кассия Диона, отражающие настроения в столице по мере поступления все новых вестей с Востока. В Иране произошел государственный переворот. Рухнула парфийская монархия аршакидов, охватывающая Иран и значительную часть Месопотамии. Целые века римляне то воевали с этими беспокойными соседями, то заключали с ними мирные договоры. Последний сильный удар аршакидам нанес император Септимий Север. Этим моментом слабости Парфии воспользовался Ардашир из рода Сасанидов, властитель коренной Персии.

Он поднял бунт, к нему присоединилась значительная часть соседних племен. Последний царь правившей до этого династии Артабанос V пал на поле боя в 224 году, и тогда Ардашир возложил на себя корону в Ктезифонте. За несколько последующих лет парфяны вытеснили отовсюду, но сыновья Артабаноса смогли удержать за собой Армению.

Вот таким образом в иранском мире свершился полный переворот: смена правящей династии, правящей клики, организационной структуры и характера государства. Соседом Рима на Востоке стала молодая и очень агрессивная империя Сасанидов, проще называемая персидской, ибо сознательно и целеустремленно стремилась и по имени и по традициям воссоздать свою преемственность с древними персами, теми, что веками правили всем Ближним Востоком, постоянно нападали на Грецию, а в период своего наибольшего расцвета и могущества владели землями от нижнего Дуная до Инда. Только Александр Македонский сумел их покорить.

Считая себя законным наследником персидских властителей, Ардашир потребовал безоговорочного и незамедлительного возврата ему тех стран на Востоке, которые некогда подчинялись Древней Персии, и в первую очередь Сирии и Малой Азии. Получается, что римляне, на протяжении нескольких поколений отчаянно и жестоко сражаясь с парфянами, пролагали дорогу гораздо более опасному врагу. Кстати, нередкий в истории парадокс. Никто не в состоянии предвидеть последствий, казалось бы, самых продуманных и правильных решений, никто не в состоянии предусмотреть дальнейшее развитие ситуации. История еще никого ничему не научила, даже осторожности в принятии важных шагов. И в учебниках истории довольно описаний фактов и слишком мало раздумий и размышлений над ними.

Итак, чувствуя себя достаточно сильным, Ардашир направил в Рим посольство, требуя от Александра Севера возвращения всех земель, некогда входивших в состав державы Ахеменидов. Александр Север и его советники ответили отказом, что вызвало войну 231—232 годов. Опасность для Рима заключалась не только в том, что появился новый враг, агрессивный и беспощадный. Сильная в военном отношении Римская империя могла так же разгромить орды Ардашира, как еще недавно расправлялась с сильными армиями парфян, а затем даже захватывала их земли. Но теперь сама римская армия была уже не той, что прежде. Уже не стало цементирующей ее сильной дисциплины. Легионеры стали считать себя хозяевами мира, непобедимыми и никому не подчиняющимися. Они почувствовали свою силу, назначая и свергая цезарей, убивая слишком строгих командиров, требуя от них за свою верность все большее жалование и постоянные дары. Они готовы были на любой бунт, любой мятеж, но только не на войну с внешним врагом.

Последствия от действий разбушевавшихся солдат испытал на себе сам Кассий Дион. Преторианцы пожаловались на него императору, что он слишком строг с ними. Император не изменил своей дружбе с Кассием, не поддался на интриги. Напротив, он назначил Кассия на самую высокую в стране должность консула (на 229 год). Однако уже и цезарь понимал, насколько непрочна его власть над военными. Памятуя о трагической участи Ульпиана, предшественника Кассия на должности префекта преторианцев, он посоветовал своему другу удалиться из Рима. «И я уехал из Рима вместе с цезарем, — пишет Кассий Дион, — поехал по Кампании, пробыл там несколько дней, потом вернулся, делая вид, что совершенно спокоен. И лишь спустя несколько дней попросил разрешить мне покинуть монарший двор, жалуясь на боль

в ногах. И так я смог вернуться домой и прожить там остаток дней моих. А когда я был уже в Битинии, кто-то из богов повелел мне во сне кончить книгу словами из «Илиады» Гомера:

Гектора ж Зевс промыслитель от стрел удалил, и от праха,
Вне пораженья поставил, и крови, и бурной тревоги¹

Этими словами заканчивается очень важный исторический труд Кассия Диона, источник весьма ценных сведений, особенно о тех римских императорах, во времена которых он жил и с которыми лично общался, или еще жива была память о них. В своих работах мне не раз приходилось обращаться к его помощи, и ее отсутствие станет ощутимой утратой. На протяжении полутора столетий до появления Аммиана Марцеллина не было историка, подобного Кассию Диону, который бы так достоверно, так широко и на таком хорошем литературном языке сообщал нам сведения о своем времени. Придется обращаться к тому, что нам сохранила история: произведения не столь ценные и масштабные, как записи Геродиана, или и вовсе недостоверные, если не сказать — лживые, как уже упоминаемая неоднократно книга «Писатели истории цезарей».

Итак, меняется источник информации об эпохе, но меняется также и сама эпоха: заканчивается государственная форма Римской империи, называемая принципатом, нарождается новая система правления — доминат. И мир другой, и другие люди, которые нам о нем поведают.

Кассий Дион вовремя покинул бранный мир, ведь последние годы правления Александра Севера и в самом деле были — повторим слова великого

Пер. с др.-греч. Н. Гнедича.

поэта — исполнены и бурной тревоги, и поражений, и крови. Император всячески пытался избежать войн, это не удивляет, к тому же Александр Север был из тех римских цезарей, которые практически никогда не принимали участия в войне, не имели никакого опыта ведения войны, а состояние римской армии в тот момент и дух ее солдат наполнял ужасом и страхом любого мыслящего человека. На глазах Александра был убит Гелиогабал, потом префект Ульпиан, затем смерть нависла над Кассием Дионом, если вспомнить только этих. Мог бы он положиться на своих преторианцев, если бы оказался в их руках? По-видимому, цезарь не раз думал об этом, и не напрасно — через несколько лет его опасения оправдались.

События на Востоке и ультиматум Ардашира обрушились на императора как гром среди ясного неба, тем более что, по словам Геродиана, Александр с детства жил в неге и спокойствии, никогда не покидая столицы с ее удобствами. Теперь от него требовали возвращения завоеванных ранее территорий и грозили войной в случае отказа. Император, посоветовавшись с друзьями и советниками, отправил Ардаширу послание, в котором попытался образумить персидского царя, призывая его оставаться в пределах границ своего государства, а не начинать войну, чреватую для него лишь неприятными последствиями. Советовал отказаться от нереальных надежд и жить в мире с Римом, ведь война с Римской империей совсем не похожа на битвы персов с другими народами. Цезарь напомнил о победах, одержанных на Востоке Августом, Траяном, Луцием Вером, Септимием Севером.

Как обычно бывает в таких случаях, мирные инициативы и увещевания не нашли отклика у агрессора, были встречены презрением и сочтены лишь признаком слабости писавшего. Ардашир продолжал нападать на римские поселения, разорял и грабил их,

убивал людей и уводил их в рабство. Его войска бесчинствовали в северной Месопотамии и Каппадокии, осадили римскую крепость Нисибис. Пришлось Александру Северу, хотя и с большим нежеланием, начать военные действия против агрессора и даже самому возглавить армию, чтобы вдохновить воинов. Ни он сам, ни окружающие не переоценивали его военных талантов, просто присутствие императора должно было чисто психологически подбодрить своих и обескуражить врагов. Надо признать, что к военному походу на Восток готовились очень основательно. В Италии и изю всех провинций призывали в армию молодых людей, здоровых и сильных, умеющих владеть оружием.

Перед отправлением в поход император на Марсовом поле в Риме произнес речь, обращаясь к солдатам как к «товарищам по оружию». Проникновенными словами прощался с сенаторами, поручая им заботу о народе и государстве. И двинулся в путь, под стоны и причитания римлян, да у него и самого были слезы на глазах. Пока был виден Рим, он то и дело оборачивался, чтобы еще раз взглянуть на любимый город, в котором прожил всю жизнь.

Армия переправилась через Адриатическое море, и теперь продвигалась по балканским провинциям, забирая по пути часть римских легионов из придунайских военных лагерей. Затем маршировали по странам Малой Азии, стремясь поскорее добраться до Сирии. Своей главной квартирой цезарь решил сделать Антиохию. Александра в пути сопровождала мать.

Против Ардашира была двинута большая армия, что давало шансы на победу, но Александр по-прежнему не терял надежд договориться с противником и опять направил к нему послов. Они вернулись ни с чем, им даже не сочли нужным дать ответ. Неожиданно в Антиохию прибыли посланцы персидского царя. Четыреста дородных, высоких мужчин в роскошных

одеждах, отлично вооруженных и на прекрасных чистокровных лошадях в дорогом конском убранстве. Они гордо и кратко заявили, что привезли повеление своего господина всем прибывшим римлянам немедленно покинуть персидские земли, то есть Сирию и Малую Азию. Эта выходка персидского царя была сделана с целью навести страх на римского императора — как видно, персы не были высокого мнения о его боевом духе и хотели наглядно показать римлянам, с кем им придется сражаться. Александр не дрогнул. Сохраняя спокойствие, сдержанно повелел так называемых посланцев связать, отобрать у них оружие, коней и дорогую одежду и отправить во Фригию, где такие здоровые мужики очень пригодятся землю пахать.

Неприятность подстерегала цезаря с другой стороны. Концентрация столь большого количества солдат вызвала бунт среди них, разумеется, поднимался вопрос и о покушении на цезаря, и о замене его другим, более подходящим для солдат человеком. И все это происходило в такой ответственный момент, когда решалась судьба государства! Зачинщиками переворота были отряды, прибывшие из Египта. С бунтом справились, зачинщиков поймали и казнили, но это происходило буквально накануне перегруппировки сил.

В 232 году римские войска, разделенные на три корпуса, вступили в пределы Персии. Северный корпус преодолел горы Армении и нанес удар по Мидии. Южный корпус шел там, где Тигр сливался с Евфратом, среди безграничных болот единым устьем вливаясь в море. Средний корпус устремился на густо населенные и хорошо обрабатываемые земли Месопотамии. Видимо, все три корпуса должны были встретиться где-то в районе Ктезифонта. Первый корпус свою задачу выполнил и успешно опустошал страну медов.

И второй тоже поначалу целеустремленно двигался вперед, не встречая сопротивления. Третий же почти ничего не совершил. Виноват ли в этом сам его предводитель, Александр, или его мать, опасавшаяся за жизнь сына? В любом случае, промедление среднего корпуса оказалось роковым для всей кампании. Ардашир обрушился на него всеми силами, окружил и засыпал градом стрел. И хотя легионеры сражались мужественно и даже переходили в контратаки, большинство этих славных воинов погибло. Известие о поражении потрясло цезаря. Он и без того еле держался, был серьезно болен — причиной послужили тяжелый климат и плохая вода. От этого страдала, впрочем, и вся римская армия, причем особенно тяжело местный климат переносили солдаты из северных военных городков по Дунаю. Цезарь приказал отступить, такой же приказ получил и северный корпус. Однако когда он опять оказался в горах Армении, наступила осень. Горные холода со снегом стали причиной гибели большей части римской армии.

В Антиохии император быстро пришел в себя, нормальный климат и хорошая вода помогли выздороветь, да и войска его приободрились. Правда, снова принялись бунтовать и даже позволили себе критиковать неумелое руководство ими цезаря, но, получив хорошее жалованье, усмирились. Император собрался было уже подготавливать следующий поход против персов, но тут пришла весть, что Ардашир распустил свои войска. Персы так обессилели в боях, что их царь несколько лет не вспоминал о войне.

Александр вернулся в Рим в 233 году. Разумеется, получил от сената право на триумф, почетные наименования Персидского и Парфянского. Совершив торжественный триумфальный въезд в город, государь устроил народу столь любимые им игрища и зрелища. Народу щедро раздавали продовольствие,

а цезарь создал фонд имени своей матери, оказывающий помощь бедным юношам и девушкам Италии. Все притворялись, что верят в великолепную победу римских войск над персами, — власти и народ обманывали друг друга.

МОГУНТИАК

Но трудно было притворяться и делать вид, что не слышны плохие вести с германской границы, с Рейна и верхнего Дуная, где германские племена, а особенно алеманны, переходили римскую границу и грозили вторжением в Италию. Об этом сообщали еще тогда, когда цезарь находился в Антиохии, но он медлил. Была собрана большая армия, однако Мамея и другие советники стремились избежать войны и пытались уладить дело миром. К германцам отправили послов с обещанием выплатить огромные суммы, если те восстановят с Римом мир. И все же в конце 234 года император вместе с матерью покинул Рим, отправляясь в Галлию. Цезарь возглавил отличное войско — мавританских копейщиков, лучников с Евфрата и даже парфян, беглецов или наемников. Считалось, что именно такие подразделения окажутся самыми боеспособными в стычках с германскими варварами и обескуражат их совсем другим видом оружия.

Как и на Востоке, Александр не торопился начинать боевые действия. Чтобы поугатать противника, он возвел на Рейне недалеко от Могунтиака (современный Майнц) понтонный мост, но одновременно через послов вел переговоры, надеясь просто купить мир у германцев. Эти варвары всегда славились своей особой любовью к золоту. Вот цезарь и выжидал результатов переговоров, проводя время главным образом в конных состязаниях.

Солдаты прознали о намерении императора купить мир у германцев, и это вызвало новое возмущение легионеров, и без того недовольных императором. Купить мир за золото? Ведь это же недостойно не только императора, но и просто мужчины и военачальника. У многих из них еще свежа была в памяти подобная ситуация на Востоке и позорное поражение. Среди недовольных нашлись желающие организовать заговор против цезаря и его матери. На этот раз мятеж увенчался успехом.

Организаторами заговора были молодые солдаты из придунайских провинций, которыми руководил префект рекрутов Максимин. Простой пастух, выходец из Тракии, в армии он прошел по всем ступенькам лестницы военной карьеры начиная с самой низшей. Физически сильный, очень мужественный, выносливый, смелый и талантливый командир, он пользовался среди солдат огромной популярностью. Солдаты обожали его в той же степени, в которой презирали и ненавидели цезаря, не такого высокого, не такого воинственного и слишком уж послушного своей мамочке. «Вождь трусливый и гнусный» — отзывались о нем. Да и не ожидали от Александра никакой для себя личной пользы, а вот новый властитель просто обязан будет их щедро вознаградить за то, что они сделают его императором, и тогда перед римскими легионами откроются новые перспективы.

Мартовским днем 235 года на утреннем построении заговорщики неожиданно набросили на плечи Максимиана императорский пурпурный плащ и громгласно прокричали, что он цезарь. Тот якобы отказался, но, когда бунтовщики занесли над ним обнаженные мечи, сразу же согласился принять высокое звание, пообещал воинам щедрые дары и, не теряя времени, повел мятежников к главной квартире Александра, до которой был день хорошего солдатского

марша. Гонцы успели сообщить цезарю о мятеже, застав его на месте, в Бретценхайме, возле Майнца. Император был потрясен, выскочил из своего шатра, буквально дрожа от страха и проклиная Максимиана за черную неблагодарность, солдатам же тут же наобещал горы золотые, а также всевозможные привилегии и другие монаршие милости. Солдаты из придворной стражи заверили императора в своей верности ему, и еще одну ночь Александр мог провести относительно спокойно, хотя вряд ли заснул. Наутро первое, что они увидели, — это тучи пыли на дальней дороге, затем до лагеря донеслись разноголосые вопли во славу Максимиана.

Александр приказал своим отрядам разгромить бунтовщиков, но те как-то не спешили вступить с ними в бой. Наоборот, из их рядов слышались выкрики выдать на расправу советников-предателей. Некоторые не стеснялись во всеуслышание кричать, что виновата в бунте мать императора, из-за своей алчности и скупости. Тем временем прибывшие уже подошли вплотную к сторонникам императора и обращались непосредственно к ним: «Оставьте этого молокососа и скупую бабу!» И тут большинство сторонников Александра переметнулось на сторону мятежников.

Перепуганный цезарь скрылся в шатре, обнял трепещущую мать. Что они успели сказать друг другу в эти последние мгновенья? В шатер ворвался присланный Максимином трибун вместе с центурионами, чтобы выполнить приказ. Император, его мать и советники были растерзаны.

Так погиб последний представитель так называемой сирийской династии. В тот мартовский день в лагере под Могунтиаком Римская империя вступила в новый период своей истории, но никто из современников еще не отдавал себе в этом отчета. Смерть Александра Севера, при всем ее трагизме, современ-

никам казалась чем-то нормальным. Ведь именно так, от меча своих же легионеров, ушли в мир иной предшественники Александра Севера: Гелиогабал, Макрин, Каракалла, Гета. И все же на сей раз произошло событие исторического значения, с пока непредсказуемыми последствиями. Меч, убивший Александра Севера, разрубил еще что-то, невидимое, символическое и чрезвычайно важное — нить идеально налаженной преемственности власти. Нить, все значение которой осознавал Септимий Север, адаптировавший себя и своих сыновей к роду Антонинов. А теперь цезарем мог стать любой.

Итак, с гибелью Александра Севера пресеклась династия Северов. В III веке Римская империя, и государство, и все общество вступили в период кризиса — политического, социального и экономического, приведшего к глубочайшим изменениям в структуре древнего мира, во всей его системе.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Кравчук (р. 1922 г.) — крупнейший в Польше ученый-историк, знаток Античности, профессор, автор значительных работ в этой области и в то же время известный писатель-популяризатор. Во второй половине 1980-х годов был министром культуры и искусства Польши, в начале 1990-х — дважды избирался депутатом польского парламента.

Его перу принадлежит более трех десятков книг, посвященных ключевым событиям и наиболее ярким фигурам истории Древней Греции, Рима и Византии, в том числе: «Гай Юлий Цезарь» (1962), «Цезарь Август» (1964), «Нерон» (1965), «Ирод, царь Иудеи» (1965), «Перикл и Аспазия» (1967), «Семеро против Фив» (1968), «Клеопатра» (1969), «Бог Пан и его философ» — труд о Платоне (1970), «Константин Великий» (1970), «Тит и Береника» (1972), «Могилы Херонеи» (1972), «Юлиан Отступник» (1974), «Последняя Олимпиада» (1976), «Античность далекая и близкая» (1980), «Галерея римских императоров» в двух книгах (1986), «Галерея византийских императоров» (1987), «Галерея римских императриц» (1988), «Хроника Древнего Рима» (1993), «Рим, Церковь, императоры» (2000).

Рассчитанные на широкого читателя, эти книги пользуются в стране чрезвычайной популярностью и постоянно переиздаются. Фундаментальное знание предмета, глубочайшая эрудиция в сочетании с ярким писательским талантом делают книги Александра Кравчука заметным явлением в польской литературе. Книги А. Кравчука переводились и переводятся на многие языки мира. В России некоторые издавались в конце 1980-х — начале 1990-х, однако «Галерея римских императоров» представляется русскоязычному читателю впервые. В нашем издательстве готовится к изданию второй том — «Галерея римских императоров. Доминат».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Цезарь	6
Август	22
Тиберий	48
Калигула	59
Клавдий	72
Нерон	93
Гальба	125
Отон	136
Авл Вителлий	148
Веспасиан	159
Тит	179
Домициан	200
Нерва	223
Траян	234
Адриан	256
Антонин Пий	282
Луций Вер	294
Марк Аврелий	305
Коммод	327
Пертинакс	348
Дидий Юлиан	361
Септимий Север	372
Песценний Нигер	382
Клодий Альбин	395
Септимий Север (продолжение)	406
Гета	430
Каракалла	442
Макрин	455
Гелиогабал	467
Александр Север	488
<i>Информация об авторе</i>	510

Научно-популярное издание

АЛЕКСАНДР КРАВЧУК

ГАЛЕРЕЯ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ. ПРИНЦИПАТ

Редактор *М. Шарлай*

Художественный редактор *С. Сакнынь*

Технический редактор *Н. Обчинникова*

Корректор *М. Евчик*

Компьютерная верстка *С. Наймушиной, Е. Джелиловой*

Подписано в печать 17.12.2009. Формат 84×108¹/32.

Усл. печ. л. 26,88. Тираж 3000 экз.

Заказ № 203

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.2009 г.

ООО «Агентство прав «У-Фактория»

620014, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 36, литер Б

Тел./факс: 8 (343) 371-32-29

E-mail: ufactoria@gmail.com

ООО «Издательство Астрель»

129085, г. Москва, проезд Ольминского, За

www.ast.ru

Издание осуществлено

при техническом содействии ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «ИПП «Правда Севера».

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52

www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

■ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ■

*250 лет римской истории в лицах: от
Октавиана Августа до Александра Севера.*

*Книга крупнейшего польского ученого, знатока
античности и писателя Александра Кравчука
представляет собой серию очерков-портретов
римских принцев, как хорошо известных,
так и тех, о ком можно найти лишь краткое
упоминание.*

*Глубочайшее знание исторического материала
на страницах этой книги удачно сочетается
с увлекательной формой изложения,
рассчитанной на широкий круг читателей.*

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-271-26532-7

9 785271 265327